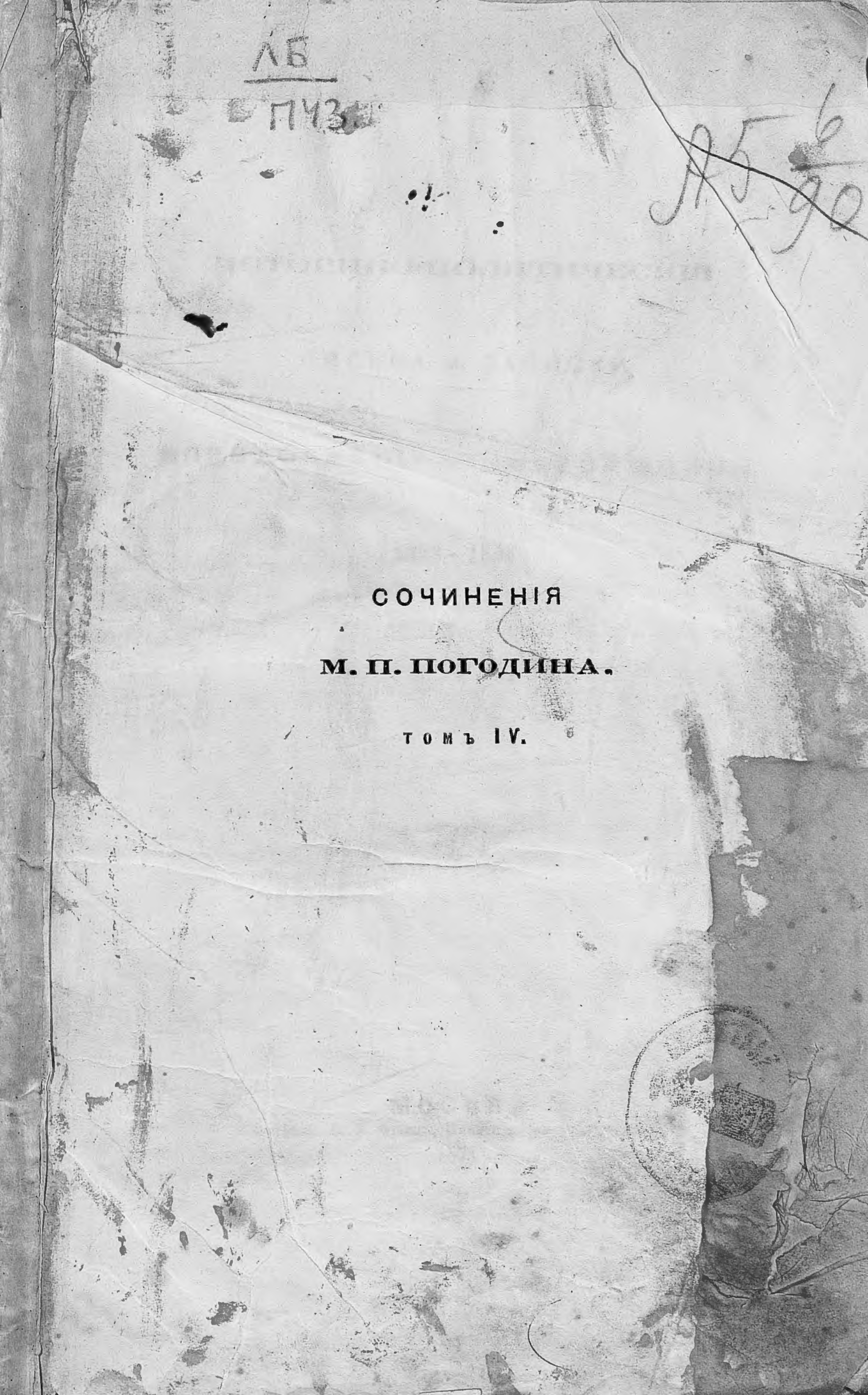

ЛБ
П43
Погодин
Сочинения
т. 4
М, 1874

СОЧИНЕНІЯ

М. П. ПОГОДИНА.

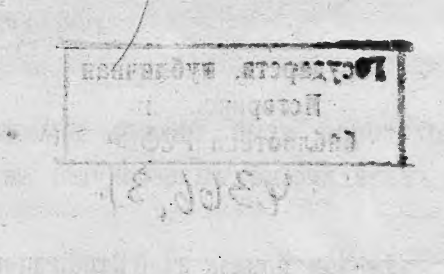
ТОМЪ IV.

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКІЯ

ПИСЬМА и ЗАПИСКИ

ВПРОДОЛЖЕНІИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ.

1853—1856.

МОСКВА
Типографія В. М. Фришъ, Никитская ул., д. Воейковой.
1874.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ
№ 4366
18/V 1921.
БИБЛИОТЕКА

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издавая историко-политическія записки, писанныя мною во время Крымской грозы, я долженъ въ поясненіе представить нѣсколько оговорокъ, очень существенныхъ.

Прежде всего сообщу предисловіе, приготовленное къ ихъ изданію въ 1857 году, которое по обстоятельствамъ тогда не состоялось.

„Предлагаемыя записки писаны были впродолженіе послѣдней войны и разошлись въ безчисленныхъ экземплярахъ по всей Россіи, особенно первыя....

Я издаю ихъ теперь почти безъ всякой перемѣны: писанныя подъ вліяніемъ минуты, когда сердце волновалось попеременно то надеждой, то негодованіемъ, то стыдомъ, гнѣвомъ, радостью, досадою, пусть онѣ останутся памятникомъ протекшаго бурнаго времени, и засвидѣтельствуютъ тѣ чувства, коихъ преисполнены были многіе Русскіе люди.

Охотно сознаюсь, что иное сказано въ нихъ грубо, и даже дерзко, и не можетъ, не должно быть, дозволено въ обыкновенное, спокойное время, но когда опасность висѣла надъ головою, и всякаго брало за живое, тогда недосугъ было думать о благоприличіи выраженій, мудрено было сохранять безпристрастіе, разсуждать покойно. Честь времени, когда все, тогда сказанное, можетъ заднимъ числомъ огласиться безъ измѣненій!

Что касается до вѣрности взглядовъ, до дѣльности мнѣній, частный человѣкъ, смотря на вещи снизу, не зная въ подробности всѣхъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ и современныхъ

легко могъ ошибаться, точно какъ легко могъ и увлекаться, слѣдуя движеніямъ своего сердца, подчиняясь своему образу мыслей. Время показало, что было въ моихъ словахъ правильнаго, и что опровергнось событіями.

Къ собранію писемъ 1854—1856 года я присоединилъ, вмѣсто вступленія, три письма, гораздо прежде и совершенно по другимъ случаямъ писанныя, въ доказательство, какъ стары мои убѣжденія, и какъ рано началъ я выражать ихъ.

Есть въ письмахъ нѣкоторыя сужденія рѣзкія о политикѣ разныхъ Европейскихъ государствъ и ихъ отношеніяхъ къ намъ, но онѣ не значатъ ничего въ сравненіи съ ругательствами Россіи, коихъ полна была Европейская литература во время оно. Если не только враги, но даже союзники и друзья, разсуждали о Россіи безъ всякихъ околичностей въ газетахъ, книгахъ, на сценѣ и въ народныхъ собраніяхъ, публичныхъ и частныхъ, рѣшали по своему судьбу ея, произносили ей рѣшительные приговоры, назначали ей новыя границы, то, кажется, позволительно было и Рускому гражданину смотрѣть, какъ на себя, такъ и на нихъ, съ своей точки зрѣнія и предлагать откровенно свое мнѣніе.

Во всякомъ случаѣ эти частныя мнѣнія не могутъ быть поставлены на счетъ правительства, которое имѣетъ свои виды, намѣренія, обязанности и цѣли, и идетъ своею дорогою у насъ, какъ и вездѣ.

Не скрою, что съ молодыхъ лѣтъ я былъ долго отчаяннымъ панславистомъ, и въ началѣ войны видѣлъ исполненіе всѣхъ своихъ задушевныхъ мечтаній, — теперь, простуженный или охладѣлый, наученный опытомъ, я желаю только, чтобъ Славяне пользовались гражданскими и человѣческими правами, подъ всѣми правленіями, куда помѣстила ихъ судьба, наравнѣ съ прочими Европейскими народами, а послѣ,—послѣ, что Богъ дастъ, то и будетъ"....

Августа 14,
1857 г.

Къ этому предисловію, считаю нужнымъ прибавить теперь слѣдующее:

Впродолженіи двадцати истекшихъ лѣтъ послѣ Крымской войны значительная часть записокъ была напечатана въ разныхъ нашихъ журналахъ, газетахъ и сборникахъ: въ Москвитянинѣ, Русскомъ, Днѣ, Русской бесѣдѣ, Русской Старинѣ, и проч., а именно:

Письмо (1838 г.) къ Государю Цесаревичу, по достиженіи имъ совершеннолѣтія, (нынѣ царствующему Государю Императору), о Русской Исторіи—въ Русскомъ, 1867, № 17 и 18.

Два письма къ Министру народнаго просвѣщенія, Графу С. С. Уварову, о состояніи Славянъ въ Европѣ, по возвращеніи изъ путешествія, въ 1839 и 1842 годахъ, въ Русской Бесѣдѣ, 1861 года.

Письмо къ Графинѣ Блудовой, въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1855 г.— о начавшейся войнѣ,

Взглядъ на Русскую политику въ нынѣшнемъ столѣтіи,

Взглядъ на отношенія враждебныхъ Россіи государствъ,— въ Русской старинѣ 1874 г., Май и Іюнь.

О Польшѣ и посланіе къ Полякамъ, въ сборникѣ: Польскій вопросъ, 1867 г.

Настоящая война въ отношеніи къ Русской Исторіи,—въ Москвитянинѣ 1856 г.

Настоящая война съ точки зрѣнія Европейской Исторіи,—въ Русской бесѣдѣ, гдѣ напечатано было и полное обозрѣніе всѣхъ записокъ,

Австрія, въ томъ же, въ 1859 г.

Царское время,—въ Русскомъ, 1868 г. листъ 12.

Полное собраніе писемъ напечатано было кѣмъ-то въ Лейпцигѣ, въ 1860 году.

Большая часть переведена на Нѣмецкій языкъ и напечатана въ Вѣнѣ, въ пятидесятыхъ годахъ.

Въ прошедшемъ году, напечатано было въ Русской Старинѣ, (Ноябрь), даже опроверженіе мнѣній автора объ иностранной политикѣ, приписываемое съ достовѣрностію покойному Государственному Канцлеру Графу Нессельроду.

Вознамѣрившись отдать отчетъ соотечественникамъ въ прожитой жизни изданіемъ полнаго собранія своихъ сочиненій, я немогъ, да и не имѣлъ права, исключить изъ него историко-политическихъ записокъ, занимавшихъ меня почти исключительно впродолженіи двухъ тревожныхъ лѣтъ.

Изданіе ихъ именно теперь можетъ, кажется, считаться даже благовременнымъ по преимуществу, чтобъ сравнить настоящее положеніе съ прошедшимъ, и благословить свое время, принести дань сердечной благодарности Тому, Кому Россія обязана такимъ счастливымъ преображеніемъ.

Начнемъ съ внѣшнихъ отношеній. Вся Европа была противъ насъ, и главныя Государства питали, казалось, непримиримую къ намъ ненависть, напрягая всѣ свои силы, стараясь всѣми средствами, унизить, поразить Россію, отбросить ее на двѣсти лѣтъ въ Азію. Нынѣ вся Европа за насъ, всѣ Государства имѣютъ въ насъ нужду, ищутъ нашей дружбы, и нѣтъ ни одного Государя, который пользовался бы такимъ уваженіемъ, довѣріемъ, такою любовію, какъ Царь-Освободитель, Императоръ Александръ II. Всякое его слово, всякой его взглядъ, всякое движеніе, возбуждаютъ вниманіе всей Европы. Такъ перемѣнились обстоятельства въ нашу пользу.

Касательно внутреннихъ отношеній одно освобожденіе двадцати пяти милліоновъ крѣпостныхъ крестьянъ, и обезпеченіе ихъ судьбы земельнымъ надѣломъ, исполненное въ совершенномъ мирѣ и тишинѣ, безъ малѣйшаго потрясенія, представляетъ такое событіе, которому нѣтъ подобнаго въ Исторіи, не только нашей, но и всемірной. Присоедините гласное судопроизводство, земское и городское самоуправленіе, обнародованіе государственныхъ доходовъ и расходовъ, разрѣшеніе разсуждать о политическихъ вопросахъ, попеченія о народномъ образованіи, опоясаніе Россіи желѣзными путинами, длиною въ двѣнадцать тысячъ верстъ, возвышеніе кредита, и учрежденіе многочисленное городскихъ бан-

ковъ, къ которымъ присоединяются уже по мѣстамъ и сельскіе! Всѣ почти pia desideria, выраженныя въ запискахъ, совершились въ очію, и уже отъ исполнителей зависитъ дальнѣйшее ихъ развитіе и совершенствованіе. А усмиреніе окончательное Кавказа, пріобрѣтеніе Амура, покореніе Туркестана, умиротвореніе Польши, достославное возвращеніе Чернаго Моря!

Не правда ли, что мы вознаграждены отъ Русскаго Бога сторицею за вынесенныя страданія?

Онѣ были тяжки: что чувствовали тогда всѣ Русскіе люди, начиная отъ Государя до послѣдняго изъ его подданныхъ, теперь и вообразить трудно. Дорогъ небыло, и вездѣ, гдѣ ни являлись враги, мы съ милліономъ войска, содержавшагося сорокъ лѣтъ, были всегда въ меньшинствѣ, не говоря о тѣхъ страшныхъ новѣйшихъ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ науки и искусства, которымъ могли мы противопоставить почти одну только грудь. Враги угрожали не только Крыму и Петербургу, но и Кавказу, Камчаткѣ, даже Соловецкому острову.

Въ такомъ положеніи, и въ виду тѣхъ страшныхъ опасностей, которыя грозили намъ еще въ будущемъ, —я обращаюсь къ предлагаемымъ запискамъ,—естественно было видѣть все съ мрачной стороны, толковать все въ худую сторону, трепетать всѣмъ сердцемъ за отечество,—у страха глаза велики,—и приписывать отчаянное положеніе заведенному порядку дѣлъ. Это—произведенія времени, обстоятельствъ, общаго встревоженнаго мнѣнія въ данную минуту, которыя не могутъ быть разсматриваемы и судимы обыкновеннымъ масштабомъ.

И вотъ,—если когда, то именно теперь, можно съ убѣжденіемъ повторить слова Карамзина изъ его предисловія къ Исторіи Государства Россійскаго:

„Исторія миритъ (гражданина) съ несовершенствомъ видимаго порядка вещей, какъ съ обыкновеннымъ явленіемъ во всѣхъ вѣкахъ; утѣшаетъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, свидѣтельствуя,

что и прежде бывали подобныя, бывали еще ужаснѣйшія, и государство не разрушалось; она питаетъ нравственное чувство, и праведнымъ судомъ своимъ располагаетъ душу къ справедливости, которая утверждаетъ наше благо и согласіе общества".

Записки содѣйствовали тогда возбужденію народнаго духа, что я смѣло могу сказать, получивъ со всѣхъ сторонъ, изъ самыхъ отдаленныхъ захолустьевъ, горячія благодарственныя письма, — а теперь пусть онѣ сдѣлаются историческимъ матеріаломъ, покажутъ примѣръ, какія въ извѣстное время могутъ образоваться понятія, на что могутъ возлагаться надежды, чѣмъ возбуждаться опасенія, и вмѣстѣ пусть послужатъ разительнымъ доказательствомъ, — я поднимаю самъ на себя руку, — какъ обманчивы бываютъ человѣческія сужденія, самыя искреннія, добросовѣстныя и благонамѣренныя, и какъ вѣрно древнее изреченіе: человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Homo proponit et Deus disponit.

Я счелъ обязанностію присоединить спокойныя, благородныя замѣчанія Графа Нессельрода на мои горячія обвиненія, выраженныя въ первыхъ трехъ письмахъ. Нельзя не согласиться со многими изъ нихъ, — судить о другихъ предоставляется читателямъ по прочтеніи остальныхъ моихъ записокъ, коими пополняются и объясняются первыя.

Винюсь въ мечтаніяхъ, ошибкахъ, преувеличеніяхъ, рѣзкостяхъ, дерзостяхъ, несправедливыхъ обвиненіяхъ, пристрастныхъ сужденіяхъ, во всякихъ недоразумѣніяхъ, и вообще въ ревности, можетъ быть, не по разуму, но honny soit qui mal y pense!

1874. *М. Погодинъ.*
Мая 18.

ВМѢСТО ВСТУПЛЕНІЯ.

Письмо къ Государю Цесаревичу, Великому Князю, Александру Николаевичу,

(нынѣ царствующему Государю Императору)

въ 1838 году.

Государь!

Вашему Императорскому Высочеству угодно было, по прочтеніи моей записки о Москвѣ, чтобъ я представилъ Вамъ свое мнѣніе о важнѣйшихъ эпохахъ въ Русской Исторіи.

Слишкомъ лестно для меня это желаніе, но я чувствую невольную робость, приступая къ его исполненію. Говорить о прошедшемъ тому, у кого въ сердцѣ хранится будущее!..

О, еслибъ я, озаренный какимъ нибудь внезапнымъ свѣтомъ, могъ прозрѣть теперь всю таинственную связь событій, рѣшавшихъ судьбу отечества, выразумѣть ясно ихъ причины, ближнія и дальнія, оцѣнить вѣрно всѣ послѣдствія! О, еслибъ я могъ раскрыть теперь предъ Вашими глазами весь путь, пройденный Россіею, представить всѣ степени ея восхожденія, и устремить взоръ Вашъ прямо на цѣль, ей предназначенную!...

Волновать Ваше сердце, воспламенять въ немъ любовь къ отечеству, мнѣ не нужно: мы знаемъ, Кто возжигаетъ священный огонь; мы знаемъ, какъ онъ уже пылаетъ.

Россія! что это за чудное явленіе на позорищѣ міра! Россія— пространство въ 10 тысячь верстъ длиною, по прямой линіи отъ средней почти рѣки Европейской, чрезъ всю Азію и Восточный Океанъ, до дальнихъ странъ Американскихъ! Пространство въ 5 тысячь верстъ шириной, отъ Персіи, одного изъ южныхъ государствъ Азіатскихъ, до края обитаемой земли,— до сѣвернаго полюса. Какое гусударство равняется съ нею? съ ея половиною? Сколько государствъ равняются ея двадцатымъ, пятидесятымъ долямъ.

Россія — поселеніе изъ 60 милліоновъ человѣкъ, коихъ счесть было возможно, кромѣ тѣхъ, коимъ еще счету нѣтъ, населеніе, которое ежегодно увеличивается милліономъ и вскорѣ дойдетъ до ста. Гдѣ такая многочисленность? О Китаѣ говорить нечего, ибо его жители, безъ сообщенія, составляютъ мертвый капиталъ Исторіи, и, слѣдовательно, не идутъ къ нашимъ соображеніямъ.

А если мы прибавимъ къ этому количеству еще 30 милліоновъ своихъ братьевъ, родныхъ и двоюродныхъ, Славянъ, разсыпанныхъ по всей Европѣ, отъ Константинополя до Венеціи, и отъ Мореи до Балтійскаго и Нѣмецкаго морей, Славянъ, въ которыхъ течетъ одна кровь съ нашею, которые говорятъ однимъ языкомъ и, слѣдовательно, по закону природы, намъ сочувствуютъ, которые, не смотря на географическое и политическое разлученіе, составляютъ одно нравственное цѣлое съ нами, по происхожденію и языку! Вычтемъ это количество изъ сосѣдней Австріи и Турціи, а потомъ изъ всей Европы, и приложимъ къ нашему. Что останется у нихъ, и сколько выйдетъ насъ? Мысль останавливается, духъ захватываетъ!—Девятая часть всей обитаемой земли, и чуть-ли не девятая часть всего народонаселенія. Полъ-экватора, четверть меридіана!

Но пространство, многолюдство, не составляютъ еще единственнаго условія могущества.—Правда...

Россія—государство, которое заключаетъ въ себѣ всѣ почвы, всѣ климаты, отъ самаго жаркаго до самаго холоднаго, отъ знойныхъ окрестностей Эривани до ледовитой Лапландіи; которое обилуетъ всѣми произведеніями, нужными для продовольствія, удобства, наслажденія жизнію, сообразно съ нынѣшнею степенью ея развитія,—цѣлый міръ какой-то самодовольный, независимый, абсолютный. Многія изъ сихъ произведеній таковы, что порознь составляютъ источники благосостоянія въ продолженіе вѣковъ для цѣлыхъ большихъ государствъ, а она имѣетъ ихъ въ совокупности. — Золота и серебра, кои почти перевелись въ Европѣ, мы имѣемъ горы, и въ запасъ еще цѣлые хребты непочатые. Желѣза и мѣди— пусть назначатъ какое угодно количество, и на слѣдующій годъ оно будетъ доставлено исправно на Нижегородскую ярмарку. Хлѣба—мы накормимъ всю Европу въ голодный годъ. Лѣса —мы ее обстроимъ, если бы она, оборони Боже, выгорѣла. Льна, пеньки, кожи,—мы ее одѣнемъ и обуемъ. Сахаръ только что начинаетъ, почти со вчерашняго дня, обработываться, и скоро, говорятъ, мы не станемъ его выписывать. Для вина длинные берега Чернаго и Каспійскаго морей, Крымъ, Кавказъ, Бессарабія, ожидаютъ дѣлателей, и владѣльцы Бургундскіе, Шампанскіе, стараются закупать себѣ участки въ этихъ краяхъ. Шерсть мы отпускаемъ даже теперь, и Новороссійскій край, древнее раздолье кочевыхъ племенъ, представляетъ столько тучныхъ пастбищъ, что стада несмѣтныя могутъ тамъ разводиться, и мы не позавидуемъ никакимъ мериносамъ Испаніи и Англіи. Для шелководства есть цѣлыя страны. Говорить ли о рогатомъ скотѣ, рыбѣ, соли, пушныхъ звѣряхъ? Въ чемъ есть нужда намъ, и чего мы не можемъ получать дома? чѣмъ не можемъ снабжать другихъ? И все это мы видимъ, такъ сказать, наружѣ, на поверхности, близко, подъ глазами, подъ руками, а если еще спустить глубже, осмотрѣть далѣе! Не проходятъ ли безпрестанно слухи, что тамъ

открылись слои каменнаго угля, на нѣсколько сотъ верстъ длиною, тамъ оказался мраморъ, тамъ пріискались алмазы и другіе драгоцѣнные камни!

Это произведенія естественныя, сырыя, но гдѣ есть больше удобствъ для заведенія фабрикъ при такой дешевизнѣ работы, при такихъ умѣренныхъ нуждахъ и требованіяхъ работниковъ? Давно ли на фабрики обращено вниманіе, и на какую высоту онѣ уже поднялись! Что мы увидѣли на послѣднихъ выставкахъ народной промышленности? Что говорить объ успѣхахъ Филатуръ, суконныхъ, бумажныхъ фабрикъ, москотильныхъ заводовъ?

А торговля можетъ ли гдѣ либо процвѣтать болѣе, при такомъ обширномъ внутреннемъ кругообращеніи, смежности съ морями, потребности чужихъ краевъ, и близости къ богатымъ странамъ Азіатскимъ: Персіи, Индіи, Китаю? Страшно ли Россіи соперничество Англіи со всѣми ея пароходами, хоть по Евфрату и Нилу, и желѣзными дорогами чрезъ Суецы и Панамы?

Конечно—многаго нѣтъ въ дѣйствительности изъ того, что я сказалъ здѣсь, но я говорю о возможности, еще болѣе—о легкости и удобствѣ. И въ самомъ дѣлѣ, что изъ сказаннаго не можетъ начаться завтра, если оно будетъ нужно, и если на то послѣдуетъ Высшая воля?

Да. Физическія силы достигли въ возможности до высочайшей степени, на какой онѣ не стояли и не стоятъ нигдѣ въ Европѣ, и передъ ними простирается еще необозримое поприще для развитія. Однѣ сіи исполинскія силы знаменуютъ уже много, когда мы вспомнимъ, что производили онѣ въ мірѣ древнемъ и новомъ.

Но онѣ не значатъ еще ничего въ сравненіи съ нравственными силами, съ благопріятными обстоятельствами, въ коихъ Россія находится въ отношеніи къ остальному міру.

Изъ нравственныхъ силъ укажемъ прежде всего на свойства Русскаго народа, его толкъ и его удаль, которымъ нѣтъ имени во всѣхъ языкахъ Европейскихъ, его понятливость, живость, терпѣніе, покорность, дѣятельность въ нужныхъ случаяхъ, какое то счастливое сочетаніе свойствъ человѣка сѣвернаго и южнаго. Образованіе и просвѣщеніе принадлежатъ почти кастамъ въ Европѣ, хотя открытымъ для всѣхъ, но все—кастамъ, и низшія сословія съ немногими исключеніями, отдѣляются какимъ то тупоуміемъ, замѣтнымъ путешественнику съ перваго взгляда. А на что не способенъ Русскій человѣкъ? Представлю нѣсколько примѣровъ, обращу вниманіе на случаи, кои повторяются ежедневно предъ нашими глазами. Взглянемъ на сиволапаго мужика, котораго вводятъ въ Рекрутское Присутствіе,—онъ только что взятъ отъ сохи, онъ смотритъ на все изъ подлобья, не можетъ ступить шагу не задѣвши, это увалень, настоящій медвѣдь, національный звѣрь нашъ. И ему уже за 30, иногда подъ 40 лѣтъ. Время ли кажется перерaживаться! Но ему забрѣютъ лобъ, и черезъ годъ его уже узнать нельзя: онъ маршируетъ въ первомъ гвардейскомъ взводѣ, и выкидываетъ ружьемъ не хуже инаго тамбуръ-мажора, проворенъ, легокъ, ловокъ и даже изященъ на своемъ мѣстѣ. Этого мало — ему дадутъ иногда въ руки волторну, фаготъ или флейту, и онъ, полковой музыкантъ, начнетъ вскорѣ играть на нихъ такъ, что его заслушается проѣзжая Каталани или Зонтагъ. Поставятъ этого солдата подъ ядра, онъ станетъ и не шелохнется, пошлютъ на смерть— пойдетъ и не задумается; вытерпитъ все, что угодно: въ знойную пору надѣнетъ овчинный тулупъ, а въ трескучій морозъ пойдетъ босикомъ, сухаремъ пробавится недѣлю, а форсированными своими маршами не уступитъ доброй лошади, — и Карлъ XII, Фридрихъ Великій, Наполеонъ, судьи непристрастные, отдаютъ ему преимущество предъ всѣми солдатами въ мірѣ, уступаютъ пальму побѣды. Русскій крестьянинъ дѣлаетъ

себѣ все самъ, своими руками; топоръ и долото замѣняютъ ему всѣ машины; а нынѣ многія фабричныя произведенія изготовляются въ деревенскихъ избахъ. Посмотрите, какіе узоры выводятъ отъ руки сборные ребятишки въ школѣ Рисованія и мѣщанскомъ отдѣленіи Архитектурнаго училища! Какъ отвѣчаютъ о Физикѣ и Химіи крестьяне, ученики удѣльныхъ и земледѣльческихъ школъ! Какіе успѣхи оказываетъ всякой сбродъ въ Московскомъ художественномъ классѣ! А сколько бываетъ изобрѣтеній удивительныхъ, кои остаются безъ слѣдствій, за недостаткомъ путей сообщенія и гласности: одинъ простолюдинъ замѣняетъ силу гидравлическаго пресса какимъ то простымъ деревяннымъ снарядомъ, другой сообщаетъ льну мягкость шелка, третій чертитъ планы въ состязаніи съ великими Архитекторами. Глубокое познаніе книгъ Священнаго Писанія, философскія размышленія, по отношеніямъ Богословія къ Философіи, принадлежатъ къ нерѣдкимъ явленіямъ въ простомъ народѣ. Молодое поколѣніе Русскихъ ученыхъ, отправленныхъ заниматься въ чужіе краи, при началѣ нынѣшняго царствованія, заслужило одобреніе первокласныхъ Европейскихъ профессоровъ, которые, удивляясь ихъ быстрымъ, блестящимъ успѣхамъ, предлагаютъ имъ почетное мѣсто въ рядахъ своихъ. Все это доказательства народныхъ способностей!

Вотъ сколько силъ нравственныхъ, въ дополненіе къ физическимъ.

Впрочемъ случается иногда, что собраніе силъ не можетъ быть приведено въ дѣйствіе, и потому теряетъ много изъ своего значенія, подобно капиталу, который тогда только производитъ, когда употребляется, а въ противномъ случа мертвъ. Со всѣмъ не то въ Россіи. Всѣ ея силы, физическія и нравственныя, составляютъ одну огромную махину, расположенную самымъ простымъ, удобнымъ образомъ, управляемую рукою одного человѣка, рукою Русскаго царя, который во всякое мгновеніе, единымъ движеніемъ может давать ей ходъ,

сообщать какое угодно ему направленіе, и производить какую угодно быстроту. Замѣтимъ наконецъ, что эта махина приводится въ движеніе не по одному механическому устройству. Нѣтъ, она вся одушевлена, одушевлена единымъ чувствомъ, и это чувство, завѣтное наслѣдство предковъ, есть покорность, безпредѣльная довѣренность и преданность царю, который для нея есть богъ земный.

Спрашиваю, можетъ ли кто состязаться съ нами, и кого не принудимъ мы къ послушанію? Въ нашихъ ли рукахъ политическая судьба Европы, и слѣдственно судьба міра, если только мы захотимъ рѣшить ее?

Въ истинѣ словъ моихъ можно удостовѣриться еще болѣе, представивши себѣ состояніе прочихъ Европейскихъ государствъ. (О другихъ частяхъ свѣта говорить нечего, потому что онѣ подчинены Европѣ, такъ или иначе, посредственно или непосредственно, и могутъ играть роль только второстепенную).

Въ противоположность Русской силѣ, цѣлости, единодушію, тамъ распря, дробность, слабость, коими еще болѣе, какъ тѣнью свѣтъ, возвышаются наши средства.

Перечтемъ всѣ Европейскія государства.

Испанія и Португалія десять лѣтъ съ ряду предъ нашими глазами раздираются междоусобіями, и не видать конца борьбѣ партій, кои имѣютъ силы, кажется ровныя, а желанія противоположныя, слѣдовательно никакъ не могутъ сойтиться, а развѣ разойдутся, раздѣлятся политически, и тѣмъ начнутъ, можетъ быть новый періодъ Исторіи. Эти государства понижаются 300 лѣтъ,—есть ли вѣроятности въ такомъ положеніи дѣлъ, чтобъ онѣ возстали, вопреки непреложному закону Исторіи, который всякому государству указываетъ его зенитъ и надиръ, предѣлъ возвышенія и пониженія.

Австрійская имперія не можетъ сдѣлать ни одного шагу впередъ, и только удивительнымъ усиліямъ своей политики

обязана тѣмъ, что держится на своемъ мѣстѣ, въ своихъ противоестественныхъ предѣлахъ. Всякую минуту она должна трепетать за свое существованіе, не только что думать о какомъ нибудь положительномъ дѣйствіи. Изъ какихъ разнородныхъ частей она составлена—Славяне, Нѣмцы, Венгерцы, Итальянцы, въ равной почти мѣрѣ, подъ преимуществомъ Славянъ,—и всѣ они взаимно ненавидятъ другъ друга, и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ минуты разлученія.

Германія....—политическая роль ея, кажется, кончена въ разрушеніи Римской Имперіи и основаніи новыхъ западныхъ государствъ.

Турція давно уже не имѣетъ никакого значенія, и въ наше время два раза спасла ее отъ угрожавшей гибели Россія которой двое сутокъ только нужно, во всякое время, по замѣчанію Маршала Мармона, чтобы флотъ ея явился подъ стѣнами Константинополя, — впрочемъ, по давно знакомому пути. Большая часть ея обитателей въ Болгаріи, Сербіи, Македоніи, самой Румиліи, не говоря уже о Молдавіи и Валахіи, суть чистые Славяне, не только единоплеменники, но и единовѣрцы, которые, во всякую войну, передаются на нашу сторону, и ничего не желаютъ столько, вмѣстѣ съ Греками, какъ называться поданными Бѣлаго Царя.

Пруссія — государство благоустроенное, снискавшее себѣ самобытность, но оно состоитъ изъ двухъ половинъ, и Рейнская половина есть почти отдѣльное государство.

Въ восточной же половинѣ, четверть чистыхъ Славянъ въ Познани и отчасти Силезіи, и большая половина Славянъ онѣмеченныхъ въ Помераніи, восточной и западной Пруссіи, Силезіи и самой Бранденбургіи. Что же остается? Положимъ даже 5 милліоновъ, количество незначительное, способное только для войны оборонительной, даже подъ управленіемъ Фридриха Великаго. Точно тоже должно сказать о Швеціи, Даніи и Голландіи.

Остаются два государства въ Европѣ самобытныя, государства, которыя могутъ быть почтены симъ титломъ: Франція и Англія. Я не знаю, будетъ-ли историческою дерзостію, парадоксомъ, сказать, что сіи государства сильнѣе своимъ прошедшимъ, чѣмъ настоящимъ, сильнѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ, что личное право, учрежденіе, имѣющее безспорно много хорошихъ сторонъ съ историческимъ началомъ и корнемъ на западѣ, возрасло у нихъ на счетъ общественнаго могущества, и механизмъ государственный осложненъ, затрудненъ до крайности, такъ что всякое рѣшеніе, переходя множество степеней, и лицъ и корпорацій, лишается естественно своей силы и свѣжести, и теряетъ благопріятное время.

Взглянемъ на покореніе Алжира Франціей. Сколько безконечныхъ толковъ и споровъ въ продолженіи 10-ти лѣтъ! Съ какимъ напряженіемъ взята была Константина послѣ многихъ неудачныхъ опытовъ! Какъ слабы всѣ мѣры и какъ неопредѣленъ образъ дѣйствія. И эти пренія съ Швейцаріей и Мексикой! Сколько нотъ и отвѣтовъ? Какія хлопоты! Неужели онѣ могутъ служить признаками могущества? Читая состязанія въ Палатѣ депутатовъ, видишь, что всѣ отличные умы, всѣ государственные мужи, какъ будто подкупленные, только что мѣшаютъ другъ другу. Вотъ какое устройство получила государственная машина,—впрочемъ по естественному ходу дѣлъ.

Возмущеніе Канады представляетъ подобное явленіе въ Англіи, и путешествіе Лорда Дургама, его рѣчи и мѣры, и разборы ихъ, наскучили самымъ ревностнымъ читателямъ газетъ. Крайности въ богатствѣ и нищетѣ, зависимость отъ торговли, ненависть Ирландіи,—непредолимыя преграды на ея пути.

Однимъ словомъ, я не знаю какія великія предпріятія могутъ возникнуть даже въ этихъ двухъ первыхъ государствахъ Европы, и не должны ли онѣ признаться, что Наполеонъ и Ватерло были высшими точками ихъ могущества, nec plus ultra!

Сравнимъ теперь силы Европы съ силами Россіи, о коихъ говорено было прежде, и спросимъ, что есть невозможнаго для Русскаго государя.

Одно слово,—цѣлая Имперія не существуетъ; одно слово—стерта съ лица земли другая; слово—и вмѣсто ихъ возникаетъ третья отъ Восточнаго Океана до моря Адріатическаго. Сто лишнихъ тысячь войска—и Кавказъ очищенъ, и дикіе сыны его тянутъ лямку въ Русскихъ конныхъ полкахъ вмѣстѣ съ Калмыками и Башкирцами, а новое поколѣніе воспитывается въ кадетскихъ корпусахъ, въ другихъ нравахъ, съ другимъ образомъ мыслей. Сто тысячь войска—и проложены военныя дороги до пограничныхъ городовъ Индіи, Бухары, Персіи.

Даже прошедшее можетъ онъ кажется изворотить по своему произволу: мы не участвовали въ крестовыхъ походахъ,—но не можетъ ли онъ освободить Іерусалимъ одною нотою къ Дивану, одною статьею въ договорѣ. Мы не открывали Америки, (хоть открыли треть Азіи), но наше золото, коего добытокъ съ каждымъ годомъ увеличивается, не дополняетъ ли открытіе Колумбово, и не обѣщаетъ ли противоядія яду?

Пусть выдумаютъ Русскому Государю какую угодно задачу, хотя подобную тѣмъ, кои предлагаются въ волшебныхъ сказкахъ! Мнѣ кажется—нельзя изобрѣсти никакой, которая была бы для него, съ Русскимъ народомъ, трудна, или скажу хоть менѣе, невозможна, если бы только на рѣшеніе ея состоялась его высшая воля.

Извѣстно, что нынѣшній Государь нашъ, августѣйшій вашъ родитель, не думаетъ ни объ какихъ завоеваніяхъ, ни объ какихъ пріобрѣтеніяхъ, но я не могу, не смѣю не сдѣлать замѣчанія историческаго, что Русскій Государь, теперь, безъ плановъ, безъ желаній, безъ пріуготовленій, безъ замысловъ, спокойный, въ своемъ Царскосельскомъ кабинетѣ, ближе Карла V и Наполеона къ ихъ мечтѣ объ универсальной мо-

нархіи, мечтѣ, которую они, на верху своей славы, возымѣли послѣ тридцатилѣтнихъ трудовъ, подвиговъ и успѣховъ.

И сама Европа это предчувствуетъ, хотя и стыдится въ томъ сознаться себѣ: это неусыпное вниманіе, съ коимъ слѣдится всякій шагъ нашъ, это безпрерывное опасеніе при малѣйшемъ движеніи, этотъ глухой шопотъ ревности, зависти и злобы, который слышится во всѣхъ иностранныхъ газетахъ и журналахъ, не служатъ-ли самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ Русскаго могущества! Да, — будущая судьба міра зависитъ отъ Россіи, говоря, разумѣется, по человѣчески, предполагая изволеніе Божіе! Какая блистательная слава!

Но, Государь, есть еще иная слава, — слава чистая, прекрасная, высокая, святая, слава добра, слава любви, знанія права, счастія. Что въ силѣ? Россія не удивитъ уже дѣйствіями силы, какъ милліонщикъ не удивляетъ тысячами. Она стоитъ безмолвная, спокойная, и ея уже трепещутъ, строятъ ей ковы, суетятся около нея. Она можетъ все, — чего же болѣе?

Другая слава лестнѣе, вожделеннѣе, и ею мы можемъ озариться также.

Кто взглянетъ безпристрастно на Европейскія государства, тотъ, при всемъ уваженіи къ ихъ знаменитымъ учрежденіямъ, при всей благодарности къ ихъ заслугамъ для человѣчества, при всемъ благоговѣніи къ ихъ Исторіи, согласится, что онѣ отжили свой вѣкъ, или по крайней мѣрѣ истратили свои лучшія силы, то есть, что онѣ не произведутъ уже ничего выше представленнаго ими въ чемъ то ни было: въ религіи, въ законѣ, въ наукѣ, въ искусствѣ. А развѣ все сдѣлано ими? Не утверждаетъ-ли напротивъ наука, что развитіе каждаго государства, по всѣмъ отраслямъ человѣческой жизни, было частно, односторонне, не полно, что въ Германіи преобладала и преобладаетъ вездѣ идея, въ религіозныхъ явленіяхъ точно такъ, какъ и въ политическихъ и во всѣхъ прочихъ; въ Италіи

чувство; во Франціи—общественность; въ Англіи—личность. Гдѣ же полное развитіе?

Далѣе,—если сравнить цѣлый міръ древній и новый между собою, то мы увидимъ, что каждый изъ нихъ имѣетъ свои блистательныя качества, но въ прочихъ уступаетъ другому. Однакожъ должно быть ихъ сочетаніе!

Взглянемъ еще съ другой, высшей нравственной стороны. Кто осмѣлится сказать, чтобъ цѣль человѣческая была достигнута, или, по крайней мѣрѣ, имѣлась въ виду какимъ нибудь изъ государствъ Европейскихъ? Въ одномъ мы видимъ болѣе свѣденій, а въ другомъ болѣе произведеній, удобствъ, въ третьемъ удовольствій, но гдѣ добро святое?

Развратъ во Франціи, лѣность въ Италіи, жестокость въ Испаніи, эгоизмъ въ Англіи, явленія общія, принадлежащія къ отличительнымъ признакамъ, неужели совмѣстны съ понятіями о счастіи гражданскомъ, не только человѣческомъ, объ идеалѣ общества, о градѣ Божіемъ? Златой телецъ—деньги, которому покланяется вся Европа безъ исключенія, неужели есть высшій градусъ новаго Европейскаго просвѣщенія, Христіанскаго просвѣщенія?

Повторяю, гдѣ же добро святое?

Коляръ, знаменитый поэтъ Славянскій нашего времени, въ одномъ своемъ лирическомъ разсужденіи, предрѣкаетъ Славянамъ славную долю, особенно въ отношеніи къ изящнымъ искусствамъ. Не можетъ быть, говоритъ онъ, чтобы такой великій народъ, въ такомъ количествѣ на такомъ пространствѣ, съ такими способностями и свойствами, съ такимъ языкомъ, не долженъ былъ сдѣлать ничего на пользу общую. Провидѣніе себѣ не противорѣчитъ. Все великое у Него для великихъ цѣлей.

Мнѣ кажется,—можно распространить его предрѣченіе и сказать, что вообще будущее принадлежитъ Славянамъ.

Есть въ Исторіи череда для народовъ, кои, одинъ за другимъ, выходятъ стоять какъ будто на часы и служить свою службу человѣчеству; до сихъ поръ однихъ Славянъ свѣтъ не видалъ еще на этой славной чредѣ; слѣдовательно они должны выступить теперь на поприще, начать высшую работу для человѣчества, и проявить благороднѣйшія его силы.

Но какое же племя между Славянами занимаетъ теперь первое мѣсто? Какое племя, по своему составу, языку, совокупности свойствъ, можетъ назваться представителемъ всего Славянскаго міра? Какое болѣе имѣетъ залоговъ въ своемъ настоящемъ положеніи и прошедшей Исторіи для будущаго величія? Какое ближе всѣхъ къ этой высокой цѣли? Какое имѣетъ болѣе видимой возможности достигнуть ея? Какое...

Сердце трепещетъ отъ радости . . . о, Россія, о мое отечество! Не тебѣ-ли? . . О, если бы тебѣ! Тебѣ, тебѣ суждено довершить, увѣнчать развитіе человѣчества, представить всѣ фазы его жизни, блиставшіе доселѣ порознь, въ славной совокупности, сочетать образованіе древнее съ новымъ, согласовать умъ съ сердцемъ, водворить всюду миръ и правду, доказать на дѣлѣ, что цѣль человѣческая не въ одной наукѣ, не въ одной свободѣ, не въ одной силѣ или искусствѣ, образованіи, промышленности, богатствѣ; что есть нѣчто выше и учености, и промышленности, и образованія, и свободы, и богатства,— просвѣщеніе, просвѣщеніе въ духѣ Христіанской религіи, просвѣщеніе словомъ Господнимъ;—что оно, и только оно, скажемъ вслѣдъ за двумя нашими великими проповѣдниками, можетъ даровать людямъ счастіе, счастіе земное и небесное.

Когда я видѣлъ Васъ при выходѣ изъ Успенскаго собора, съ любовію и кротостію во взорахъ, съ смиреніемъ и благородствомъ во всѣхъ движеніяхъ, когда я слышалъ вокругъ себя всемогущій восторгъ Русскаго народа, я мечталъ о золотомъ

вѣкѣ, объ единомъ стадѣ и единомъ пастырѣ, и сладкія слезы текли изъ глазъ моихъ. . .

Но я говорю о будущемъ. Простите меня, Государь! Отъ избытка сердца глаголютъ уста, сказалъ вдохновенный Пророкъ.

Начавъ писать къ Вамъ, я не могъ удержаться, чтобы прежде всего не высказать того, что я чувствовалъ въ ту священную минуту.

Пусть это письмо мое будетъ вступленіемъ къ разсужденіямъ о Русской Исторіи! Пусть оно служитъ, по крайней мѣрѣ, доказательствомъ, что Исторія Россіи, государства, которое занимаетъ теперь въ политическомъ смыслѣ первое мѣсто, и, по всѣмъ соображеніямъ науки, должно занимать такое же и въ человѣческомъ смыслѣ, есть самый важный, самый великій предметъ изученія и размышленія въ наше время, потому что великому Настоящему, величайшему Будущему, непремѣнно должно быть основаніе въ Прошедшемъ,—въ Исторіи.

Имѣю счастіе наименоваться и пр.

(Это письмо не дошло въ свое время до Великаго Князя. Написанное слишкомъ 35 лѣтъ назадъ оно требуетъ нынѣ многихъ камментарій, поясненій, и даже оправданій, которыя и будутъ представлены въ своемъ мѣстѣ.)

Письмо къ Министру народнаго просвѣщенія, по возвращеніи изъ путешествія по Европѣ въ 1839 году.

...Число всѣхъ Славянъ въ Европѣ простирается слишкомъ до 80 милліоновъ, кромѣ тѣхъ, которые потеряли свою національность, принявъ языкъ, вѣру, обычаи народовъ, поселившихся между ними. Слѣдовательно они составляютъ треть всего народонаселенія Европейскаго. Изъ сихъ 80 милліоновъ большая половина живетъ въ Россіи: Русское племя самое многочисленное изъ всѣхъ Славянскихъ.

Въ Австрійскихъ владѣніяхъ живетъ Славянъ около 20 милліоновъ, почти вдвое больше, чѣмъ Нѣмцевъ, Венгерцевъ, Италіянцевъ вмѣстѣ. Какова же ихъ пропорція къ каждому изъ сихъ племенъ порознь? Ихъ слишкомъ втрое, чѣмъ Австрійцевъ, и почти въ пятеро, чѣмъ Венгерцевъ.

Пропорція по государствамъ, странамъ, еще разительнѣе: Богемія и Моравія совершенно Славянскія страны, кромѣ Нѣмецкихъ колоній по границамъ и городовъ, особенно Праги, гдѣ много Нѣмцевъ, подобно какъ Поляковъ въ городахъ нашей Волыни, Подоліи, Бѣлоруссіи.

Кроація, Славонія, Далмація, заключаютъ въ себѣ иноплеменниковъ еще менѣе.

Галиція не только Славянская страна, но чисто Русская, кромѣ западной части,—продолженіе нашей Малороссіи съ ея языкомъ, вѣрою, обычаями. Поляки живутъ по городамъ.

Въ Венгріи, которая дѣлаетъ столько шуму, и причиняетъ столько тайнаго безпокойства Австріи, чистыхъ Венгерцевъ менѣе 4 милліоновъ, а Славянъ 5.

Въ Турціи, которую Европейскіе политики такъ еще важно называютъ Оттоманскою Портою, какъ будто бы жили въ 15 вѣкѣ, и имѣли предъ глазами Мухамеда II, Турокъ только милліонъ, а главную часть остальнаго народонаселенія составляютъ Славяне.

Въ Пруссіи Славяне всѣ уже онѣмечены, — въ Помераніи, Силезіи, Бранденбургѣ, и проч., держатся только Поляки въ Великомъ герцогствѣ Познанскомъ, и отчасти въ Силезіи.

Обращаюсь къ Австрійскимъ Славянамъ.

Австрійское Правительство живо чувствуетъ опасность, которая угрожаетъ ему со стороны Славянъ, и употребляетъ всѣ мѣры, чтобъ отвратить ее, но, кажется, что сіи мѣры лаская оное надеждою на успѣхъ въ настоящее время, только что скопляютъ грозу, которая должна рано или поздно разразиться надъ нимъ.

Австрійцы поставили себѣ непремѣнною цѣлію — вырвать языкъ изъ устъ Славянъ, затмить имъ ихъ Исторію и превратить ихъ въ Нѣмцевъ, т. е. пересоздать по своему Божіе твореніе. Можно себѣ вообразить, сколько насильственныхъ, жестокихъ мѣръ и средствъ предполагаетъ достиженіе такой противоестественной цѣли. Всякое стремленіе къ національности останавливается и уничтожается, если можно, въ самомъ зародышѣ. Все что напоминаетъ Славянамъ объ ихъ происхожденіи, объ ихъ числѣ, языкѣ, братствѣ между собою, родствѣ съ племенами, живущими въ другихъ государствахъ, дѣлается тотчасъ предметомъ притѣсненій и гоненій, постоянныхъ и систематическихъ, посредствомъ секретныхъ инструкцій мѣстнымъ и частнымъ начальникамъ, — между тѣмъ какъ публично, въ законахъ, газетахъ и журналахъ, провозглашаются правила совершенно противоположныя. Славянскій языкъ

изгнанъ изъ университетовъ, находящихся въ Славянскихъ странахъ, и всѣ науки преподаются по Нѣмецки. Для туземныхъ нарѣчій оставлено по одной только каѳедрѣ, которая умышленно предоставляется всегда людямъ неспособнымъ, не могущимъ произвести никакого расположенія къ своему предмету. Въ гимназіяхъ нѣтъ малѣйшаго напоминанія объ отечественномъ языкѣ. Даже простолюдины въ низшихъ училищахъ осуждены слушать наставленія на чуждомъ и непонятномъ для нихъ языкѣ Нѣмецкомъ, которому послѣ многихъ трудовъ уже кое-какъ они выучиваются, ибо нельзя сдѣлаться даже капраломъ, не разумѣя по Нѣмецки. Въ странахъ, гдѣ народонаселеніе смѣшано, Австрійцы слѣдуютъ правилу divide et impera: въ Венгріи, на примѣръ, они долго покровительствовали языку Венгерскому, въ ущербъ Славянскому, и ставили всегда Венгерцевъ противъ Славянъ; въ Славоніи и Далмаціи отдается преимущество Италіянскому. Нечего говорить уже о судопроизводствѣ, которое отправляется вездѣ на Нѣмецкомъ языкѣ. По всѣмъ странамъ разсыпаны Австрійскіе чиновники, и Славянину слишкомъ трудно получить какое нибудь мѣсто, не представивъ доказательствъ, самыхъ убѣдительныхъ о своемъ національномъ отступничествѣ. Въ церкви вмѣстѣ съ Нѣмецкимъ языкомъ господствуетъ Латинскій, и семинаристы въ школахъ не слыщатъ ни одного слова о томъ народѣ, пасти который предназначены. Получивъ такое воспитаніе, совершенно чуждые своей паствѣ, они подвергаются впослѣдствіи ея презрѣнію,— кромѣ немногихъ исключеній, особенно въ Кроаціи и Славоніи.

Протестанты и Сербы Греческаго исповѣданія по законамъ должны пользоваться одинакими правами съ католиками, но въ самомъ дѣлѣ только что терпятся. Состояніе ихъ годъ отъ году становится хуже и церкви падаютъ. Покушенія обращать отъ православія къ уніи и отъ уніи къ католицизму возобновляются безпрестанно, иногда даже съ кровопролитіемъ, ибо

народъ въ Галиціи, Венгріи и проч. уніи терпѣть не можетъ. Праздные престолы православныхъ Епископовъ не замѣщаются иногда по пяти и по десяти лѣтъ. Сербамъ строжайше запрещено привозить Богослужебныя книги изъ Россіи, потому что въ нихъ поминается имя Русскаго Императора, а не Австрійскаго. Привилегированная типографія въ Офенѣ не имѣетъ средствъ предпринять вдругъ многія и большія изданія, такъ что до сихъ поръ не напечатано ею 20-й части книгъ, нужныхъ Сербамъ для Православнаго Богослуженія. Напрестольное Евангеліе стоитъ въ Австріи около 300 р., октоихъ 60, двѣнадцать миней 750, а собраніе полное церковныхъ книгъ около 2000 р., и многія церкви остаются безъ книгъ.

Всѣ сіи мѣры и дѣйствія, хотя и облеченныя искусственнымъ, хитро сплетеннымъ покровомъ, слишкомъ явны для того народа, къ коему относятся, и возбуждаютъ ненависть противъ Австрійскаго правительства, ненависть, въ коей Славяне, т. е. Чехи, Моравы, Славаки, Кроаты, Далматы, Славенцы, Поляки, Русины, не уступаютъ самимъ Италіянцамъ. И можетъ-ли быть иначе? Если изъ 20 милліоновъ нельзя насчитать десятка лицъ, которыя были бы сколько нибудь одолжены Правительствомъ; — если безпрестанно встрѣчаются случаи, при коихъ обнаруживается отвращеніе его отъ цѣлыхъ племенъ, безпрестанно оказываются дѣйствія, коими онѣ бываютъ поражены надолго;—если нельзя указать ни на какое Славянское предпріятіе, которое удостоилось бы какого нибудь вниманія, одобренія; — если будущее грозитъ перемѣною еще къ худшему, то какія же другія чувствованія могутъ питать несчастные страдальцы, кромѣ ненависти и злобы на своихъ мучителей? Эта злоба увеличивается тѣмъ болѣе, что Славяне сознаютъ свое превосходство надъ Австрійцами и количествомъ и качествомъ: количествомъ, ибо Славянъ приходится пятеро, какъ я сказалъ, на одного Австрійца, качествомъ, ибо тупѣе Австрійца нѣтъ человѣка въ Европѣ. Каково же чувствовать этимъ пятерымъ, когда одинъ

ломаетъ ихъ по своему, и заставляетъ говорить, думать, поступать, даже молиться, чувствовать на свой ладъ? Всѣ ученые и литераторы, кромѣ немногихъ подкупленныхъ, заклятые враги Австрійцамъ, которые однакожъ тщательно скрываютъ свои чувствованія, впредь до благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ. Народъ раздѣляетъ ихъ чувствованія, хотя и безсознательно, по одному наслѣдственному инстинкту, страдая въ бѣдности, между тѣмъ какъ плоды трудовъ его расточаются иноплеменниками. Одно только дворянство, особенно въ Богеміи, держится Австрійцевъ, переродясь совершенно въ Нѣмецкое, забывая и презирая свой языкъ, принимая Нѣмецкія имена; Славянское же дворянство въ Венгріи еще хуже и присоединилось вполнѣ къ Венгерцамъ, чтобъ воспользоваться ихъ правами.

Вотъ общія замѣчанія о мѣрахъ Правительства и ихъ слѣдствіяхъ. Къ нимъ присоединить должно мѣры Римской Куріи, которая съ своими Іезуитами и Маріанами дѣйствуетъ постоянно противъ Славянъ и ихъ національности, имѣя особенно въ виду Россію. Въ Славянскихъ странахъ всѣ увѣрены, что Іезуитскіе агенты содѣйствовали преимущественно, если не возмущенію, то по крайней мѣрѣ продолжительному волненію Польши, что они и теперь возбуждаютъ ненависть противъ Россіи между Поляками въ Галиціи, въ Позенѣ, у эмигрантовъ, сѣютъ раздоръ среди Славянъ, распространяютъ унію между Сербами, все подъ покровительствомъ Австрійскаго Правительства.

Должно удивляться, какъ при такихъ разнообразныхъ сатанинскихъ усиліяхъ всѣ Славяне не подверглись до сихъ поръ Нѣмецкому вліянію, не упали духомъ, не потеряли своей національности, подобно крайнимъ своимъ братьямъ, въ Каринтіи, Стейермаркѣ, Крайнѣ, между Австрійцами, въ Помераніи и Силезіи, между Пруссаками.

Славяне видятъ здѣсь особенную Божію помощь и вмѣстѣ залогъ великаго своего предназначенія. Это чувство никогда не волновало ихъ такъ сильно, какъ нынѣ. Нынѣшнему дви-

женію въ умахъ ничего подобнаго не представляетъ Славянская Исторія. Началъ оное своими сочиненіями Добровскій, хотя и былъ душею болѣе Нѣмецъ, и занимался Славянской Исторіей и языкомъ, какъ предметомъ мертвымъ. Преемники его, дѣйствующіе въ наше время, хотя и въ строгихъ предѣлахъ Австрійской цензуры,—Коляръ и Шафарикъ: Коляръ, какъ поэтъ, Шафарикъ, какъ историкъ и филологъ. Молодое поколѣніе во всѣхъ Славянскихъ странахъ боготворитъ сихъ двухъ писателей, и вліяніе ихъ безконечное. Всѣ Славянскіе языки и литературы какъ будто ожили, проснулись отъ долговременнаго тяжелаго сна прикосновеніемъ ихъ волшебнаго жезла. Не говорю уже о Богемцахъ и Иллирійцахъ, которыхъ литература процвѣтала въ древности, самые Русины, которые до сихъ поръ какъ будто не существовали, которыхъ имени не было слышно, особенно у насъ,—Русины, угнетенные болѣе всѣхъ, потому что ближе къ намъ, подъ тройнымъ игомъ Австрійцевъ, Поляковъ, католицизма, провозглашаютъ теперь свое имя, занимаются своей Исторіей, т. е. Русской Исторіей, записываютъ свои преданія, печатаютъ памятники, собираютъ пѣсни, изслѣдуютъ нарѣчіе, словомъ—начинаютъ свою собственную, особенную литературу. Нельзя безъ умиленія смотрѣть на Пражскихъ ученыхъ, которые, подобно древнимъ Христіанамъ, сохранявшимъ святое преданіе въ катакомбахъ, стараются поддержать, воспитать національное чувство въ своемъ народѣ, и приносятъ для того всѣ возможныя жертвы, подвергаются всякимъ лишеніямъ, не щадятъ никакихъ трудовъ, не останавливаются никакими препятствіями. Сербы и Словаки, въ Илиріи и Венгріи, пылаютъ тѣмъ же огнемъ. Вездѣ заводятся у нихъ частныя общества для чтенія, учреждаются Славянскія библіотеки, начинаются газеты, открываются публичные безденежные курсы. Во всѣхъ главныхъ Славянскихъ городахъ есть корифеи. Кто внимательно изучалъ Исторію, тотъ знаетъ безъ сомнѣнія, что такое движеніе бываетъ только предъ

великими явленіями въ Исторіи гражданскихъ обществъ, и Славянамъ, кажется, настаетъ эпоха возрожденія, а Австрійская Имперія, еще болѣе Турецкой, должна трепетать за свое существованіе.

Положенія Австріи въ Европѣ не знаютъ, потому что не знаютъ Славянскихъ нарѣчій, и слѣдовательно не могутъ взвѣшивать, понимать настоящаго движенія. Европейскіе политики думаютъ только объ Италіи и Венгерцахъ, которые впрочемъ также извѣстны по однимъ сеймамъ. Самая Богемія считается, даже въ Русскихъ учебныхъ книгахъ, Нѣмецкимъ владѣніемъ Австрійскаго Императора! Двадцать милліоновъ враждебнаго племени внутри государства ускользаетъ отъ ихъ вниманія. Да, Австрія похожа на гробъ повапленный, на старое дерево, гніющее внутри, хотя и одѣтое снаружи листьями, такое дерево, которое одинъ порывъ вѣтра можетъ исторгнуть съ корнемъ вонъ. Меттернихъ понимаетъ это состояніе, и главная задача Австрійской политики состоитъ въ томъ, чтобъ сохранить in statu quo Европы, ибо одной войны можетъ быть достаточно, гдѣ бы то ни было, чтобъ Австрія разорвалась на составныя свои части. И въ самомъ дѣлѣ, при такой пламенной ненависти двадцати пяти милліоновъ противъ пяти, можетъ-ли это искусственное, мозаическое цѣлое удержаться долго? О Меттернихѣ между Славянами господствуетъ такое мнѣніе: онъ знаменитый политикъ, отрицательный, который дѣйствуетъ посредствомъ тьмы, а не свѣта, слѣдовательно, не прочно не надолго, что его политики достаточно на время мирное, но что первая война обнаружитъ ея существенные недостатки.

Въ такомъ критическомъ положеніи Австрія, говорятъ, боится болѣе всего Россіи, которой, безъ ея вѣдома, симпатизируютъ всѣ Славяне, вплоть до Адріатическаго моря. Славяне смотрятъ на Россію, какъ волхвы смотрѣли на звѣзду съ востока. Туда летятъ ихъ сердца. Туда устремлены ихъ мысли и желанія. Тамъ витаютъ ихъ надежды. Отъ нея чаютъ они себѣ спасенія »

подобно Евреямъ отъ Мессіи, и ждутъ съ нетерпѣніемъ, когда ударитъ желанный часъ. Всякій успѣхъ Россіи они считаютъ своимъ собственнымъ, будто шагомъ приближенія къ цѣли. Во всякомъ внутреннемъ Русскомъ происшествіи принимаютъ живѣйшее участіе. Смотря на Россію, Славяне ободряются, чувствуютъ въ себѣ новыя силы, сносятъ терпѣливѣе несчастную свою участь. Святая Русь, Матица, Москва— любимыя ихъ выраженія. Русскому нельзя слушать безъ сладостнаго трепета все то, что, и какъ говорятъ они о Россіи. Славяне еще не забыты Богомъ, утѣшаютъ они себя, пусть всѣ ихъ государства пали, и Богемія, и Моравія, и Померанія, и Славонія, и Кроація, и Далмація, и Сербія, и Болгарія, Польша,—за то Россія возстала, за то Россія первое государство въ мірѣ, за то въ Россіи Славяне блаженствуютъ. Она избавитъ насъ отъ нашихъ враговъ, чтобъ и мы явились наконецъ въ мірѣ и исполнили свое предназначеніе. Всѣ образованные люди негодуютъ на Поляковъ, которые не понимаютъ, говорятъ они, счастія и славы быть въ соединеніи съ Россіею. Вмѣсто того, чтобъ дружно идти впередъ, дѣйствовать соединенными силами и показывать Европѣ, что могутъ Славяне, они послушались наслѣдственныхъ, закоренѣлыхъ враговъ Славянскихъ, и может быть, насъ самихъ отдалили надолго отъ нашей цѣли.

Славяне увѣрены, что Русское правительство втайнѣ имъ благопріятствуетъ, и что только политическія обстоятельства мѣшали ему до сихъ поръ обнаружить яснѣе свои мысли. Они думаютъ, что и Австрійское правительство это знаетъ, называя Славянскій духъ Русскимъ духомъ, и потому старается заранѣе всѣми силами, всѣми іезуитскими средствами, посѣявать раздоръ, отвращать Славянъ отъ Россіи, и Россію отъ Славянъ, первыхъ, возбуждая фанатическое расположеніе въ защиту Римской церкви, которую Россія будто бы притѣсняетъ, выставляя дѣйствія Россіи въ Польшѣ съ дурной стороны, представляя, разумѣется подъ рукою, невыгоды Русскаго правленія,

и тому под. Австрійцы не пропускаютъ случая самаго мелкаго, чтобъ не подѣйствовать ко вреду Россіи. Челаковскій, молодой поэтъ Чешскій, выразился какъ-то неприлично, можетъ быть даже дерзко, въ своей газетѣ въ Прагѣ о рѣчи къ Полякамъ Государя Императора. Нашъ посланникъ обратилъ на выходку вниманіе правительства: Челаковскаго тотчасъ лишили журнала, преградили ему вступленіе въ университетъ и повергли въ нищету, распуская слухъ, что все это дѣлается по требованіямъ Русскаго правительства: „вотъ де каковы Русскіе, надѣйтесь на нихъ!“ А Челаковскій любимый поэтъ Чеховъ, и судьба его возбуждаетъ, разумѣется, общее состраданіе. Въ мимоходной выходкѣ онъ раскаялся, говорятъ, въ тотъ же день, когда друзья его представили ему всю его опрометчивость.

Россію же отъ Славянъ отвращаютъ Австрійцы, называя Русскому правительству національное расположеніе революціоннымъ.

Славяне вообще думаютъ, что Австрійцы, съ цѣлію отвлекать вниманіе Россіи отъ нихъ, обращаютъ оное на другіе предметы, выдумываютъ разныя опасности, побуждаютъ принимать какія-то стѣснительныя мѣры, и стараются затмить настоящее положеніе дѣлъ.

Я представляю здѣсь Вашему Высокопревосходительству то, что я слышалъ, нисколько не ручаясь за истину послѣднихъ предположеній: можетъ быть утѣсненнымъ Славянамъ кажется многое въ воображеніи, чего нѣтъ въ самомъ дѣлѣ. Какъ бы то ни было, — у Славянъ господствуетъ общее мнѣніе, что Австрійская Имперія должна скоро уничтожиться, и что они отдѣлятся отъ нея при первомъ благопріятномъ случаѣ. Какимъ образомъ? 1-е. Можетъ быть сами собою, — случай, по собственному ихъ мнѣнію менѣе вѣроятный. Если же бы началось что нибудь подобное, то Австрійское Правительство обратится за помощію прежде всего къ Россіи, и постарается, во чтобы

то ни стало, обмануть ее, и побудить къ какимъ нибудь антиславянскимъ мѣрамъ, дабы положить навсегда непреодолимую преграду между ею и Славянами. (Такъ далеко простираются предположенія!)

2-е. Подъ покровительствомъ Пруссіи; если Кронпринцъ захочетъ воспользоваться движеніемъ Славянъ и изъ Познани, Силезіи, привлечетъ Богемію, Польшу, Галицію, къ которой де можетъ пристать и самая Малороссія (??). Пруссію считаютъ Славяне второю непріятельницею Россіи, особенно на будущее время, послѣ нынѣшняго Короля.

3-е. Возможность, самая вожделѣнная для народа, самая пріятная, самая легкая для исполненія, какъ думаютъ Славяне, подъ покровительствомъ Россіи, которой почти принадлежитъ уже по праву Галиція, какъ населенная чистыми Русскими, исповѣдниками Греческими, которые привержены къ православію еще болѣе настоящихъ, теперь уже прошедшихъ, Русскихъ уніатовъ; за ними послѣдуютъ Русины въ сѣверовосточной Венгріи, потомъ Словаки, Сербы Австрійскіе, Чехи и т. д. Тогда, говорятъ Славяне, образуется Славянское федеративное государство, — Россія во главѣ, — отъ Восточнаго Океана до Адріатическаго моря, государство, которому Исторія не представляетъ подобнаго, и которое будетъ повелѣвать всѣмъ остальнымъ міромъ.

Наконецъ 4-е. Сама Австрія можетъ сохраниться, если перемѣнитъ свой образъ дѣйствія, и рѣшится сдѣлаться государствомъ Славянскимъ, какъ объ томъ думалъ уже Іосифъ II; по крайней мѣрѣ, если она возвратитъ Славянамъ ихъ права, будетъ смотрѣть на нихъ, какъ на своихъ дѣтей, окажетъ покровительство ихъ языку и образованію народному, допуститъ до участія въ управленіи. Кззалось, что было бы всего удобнѣе, спокойнѣе, справедливѣе для обѣихъ сторонъ, особенно для Австріи, но на такую перемѣну Славяне никакъ не надѣются, ибо между Австрійскимъ слухомъ и Славянскимъ

звукомъ есть какая то безвоздушная пропасть, чрезъ которую Правительство не можетъ слышать и понять самаго простаго, яснаго и громкаго слова.

Вотъ политическія мнѣнія, кои обращаются въ Австрійскихъ владѣніяхъ. Передаю ихъ вѣрно Вашему Высокопревосходительству, не принимая на себя смѣлости судить объ нихъ со стороны политической или государственной, и разбирать, что есть въ нихъ мечтательнаго и что дѣйствительнаго, что можетъ быть обращено въ пользу Россіи теперь, или для нашего потомства, и что должно оставить безъ вниманія. Ваше Высокопревосходительство разсудите о томъ всего вѣрнѣе и успѣшнѣе.

Я, какъ историкъ, сдѣлаю только мимоходомъ одно замѣчаніе: бываютъ счастливыя минуты для государствъ, когда всѣ обстоятельства стекаются въ ихъ пользу, и когда имъ стоитъ только пожелать, чтобъ распространить свою власть какъ угодно. Такая минута была у Польши при Сигизмундѣ III, которому доставалась вся восточная Европа вмѣстѣ съ Россіею. Послѣ Польши чередъ доходилъ до Швеціи, начиная отъ Густава Адольфа до Карла XII, которому оставался, казалось, одинъ шагъ до исполненія мысли Карла Густава о сѣверной монархіи, но онъ встрѣтился на этомъ шагу съ Петромъ Великимъ! Не такая-ли минута представляется теперь Императору Николаю, которому обѣ Имперіи, Турецкая и Австрійская, какъ будто наперерывъ просятся въ руку?

Впрочемъ я смотрѣлъ на Славянъ и ихъ отношеніе къ Русскимъ только со стороны ученой и литературной, и слѣдствія моихъ наблюденій, моихъ размышленій, также осмѣливаюсь здѣсь представить Вашему Высокопревосходительству.

Изъ всѣхъ Славянскихъ племенъ Богъ благословилъ Русское, — всѣ прочія порабощены, угнетены, насчастливы. Слѣдовательно, священная обязанность, христіанскій долгъ повелѣваетъ Русскимъ пособить своимъ злополучнымъ единоплеменникамъ, пособить, сколько позволяютъ то политическія отношенія,

пособить для религіи, для науки, для просвѣщенія, съ мирной цѣлію. Такъ младшій разбогатѣвшій братъ обязанъ помогать старшимъ разоренным братьямъ, быть покровителемъ и главою цѣлаго семейства, какъ бы по опредѣленію Божію.

Обозримъ въ этомъ отношеніи всѣ главныя Славянскія племена. Первое мѣсто между тѣми, которые имѣютъ нужду въ помощи, и которымъ всего легче подать ее, которые, прибавлю, имѣютъ на то даже священное право, суть Турецкіе Болгаре, давшіе намъ, во время оно, грамоту, Богослужебныя книги и первое образованіе,—благодѣянія великія, достойныя вѣчной благодарности! Не говорю уже о томъ, что Болгаре, единоплеменники и единовѣрцы наши, во всѣхъ войнахъ съ Турціей, держали нашу сторону, и за то подвергались особеннымъ притѣсненіямъ Турокъ.

Болгаре стонутъ подъ игомъ Турецкимъ и Греческимъ, погруженные въ невѣжество, во многихъ мѣстахъ почти одичалые, варвары. Горькая участь народа, нѣкогда сильнаго, образованнаго! Для нихъ необходимо учредить училища въ Одессѣ, Кишеневѣ, и, можетъ быть, другихъ пограничныхъ городахъ, гдѣ бываетъ ихъ много по торговымъ надобностямъ. Предметы преподаванія: Законъ Божій, языки: Болгарскій, церковный, Сербскій, Русскій, и общія понятія о нѣкоторыхъ наукахъ, на прим. Исторіи, Географіи, и проч., какъ то предполагается въ нашихъ реальныхъ уѣздныхъ училищахъ, примѣняясь къ потребностямъ края. Нѣсколько человѣкъ въ сихъ училищахъ должно содержать на казенномъ иждивеніи. Возвращаясь въ отечество, они разнесутъ полученное образованіе, вмѣстѣ съ Русскимъ духомъ.

Для Болгаръ необходимо исходатайствовать нѣкоторыя гражданскія преимущества, наприм. свободное отправленіе вѣры, о чемъ можно собрать свѣдѣнія обстоятельнѣе и вѣрнѣе отъ самихъ Болгаръ Одесскихъ.

Будьте ихъ заступникомъ и ходатаемъ предъ престоломъ Государя Императора! Отъ Вашего Высокопревосходительства зависитъ нравственное возрожденіе цѣлаго племени древнихъ просвѣтителей Руси. Типографія Болгарская въ Одессѣ, два, три училища, и бросится сѣмя для новой жизни.

Нѣсколько Болгаръ можетъ быть воспитано также въ нашихъ Университетахъ и Духовныхъ Академіяхъ.

Инспекторовъ для Болгарскихъ училищъ можно найти между образованными Австрійскими Сербами.

Скажу здѣсь кстати нѣсколько словъ и о *Сербахъ*, также единоплеменныхъ и единовѣрныхъ намъ, и Болгарамъ. Сербовъ должно принимать вмѣстѣ съ Болгарами въ вышепредположенныя училища, кои послужатъ вмѣстѣ образцами и для ихъ собственныхъ въ Сербіи, потомъ воспитывать нѣкоторыхъ также въ нашихъ Университетахъ и Духовныхъ Академіяхъ. Необходимо содѣйствовать распространенію Русскаго языка въ Сербіи, и всѣми силами препятствовать тамъ чуждому вліянію, т. е. Австрійскому, подарить Правительству избранную библіотеку Русскую, надѣлить Русскими церковными книгами, и пускать оныя по самой дешевой цѣнѣ, въ нарочно основанной гдѣ нибудь между ними Русской книжной лавкѣ, въ Бухарестѣ или Кишеневѣ, такъ чтобъ Сербы могли передавать, перепродавать сіи книги прочимъ своимъ собратіямъ, составляющимъ важную часть народонаселенія въ Венгріи, и распространеннымъ по всѣмъ Австрійскимъ владѣніямъ до Адріатическаго моря.

Второе, или лучше, другое первое право на Русскую помощь принадлежитъ *Русинамъ*. Другое первое, говорю я, ибо эти Русины, жители Галиціи и сѣверовосточной Венгріи, нашего древняго, знаменитѣйшаго Галицкаго княженія, суть чистые Русскіе, такіе же Русскіе, какихъ мы видимъ въ Полтавѣ или Черниговѣ, наши родные братья, которые носятъ наше имя, говорятъ нашимъ языкомъ, исповѣдуютъ нашу вѣру, имѣютъ

одну исторію съ нами, чистые Русскіе, которые стонутъ подлѣ насъ подъ тройнымъ, четвернымъ игомъ Нѣмцевъ, Поляковъ, жидовъ, католицизма, и горько жалуются на наше невниманіе.

Въ ожиданіи благопріятныхъ случаевъ необходимо поддерживать ихъ возникающую литературу, частнымъ образомъ, чрезъ вторыя, третьи руки: доставлять пособіе авторамъ, печатать книги, назначать преміи на заданныя темы объ Исторіи, языкѣ, посылать въ библіотеки Русскія книги, содѣйствовать сочиненію лексикона, грамматики, собранію преданій, пѣсенъ.

О средствахъ, какъ подавать сію помощь, — я представлю обстоятельное предположеніе, если то будетъ угодно Вашему Высокопревосходительству.

Поляки. Поляки самое эксцентрическое племя, и не оскорбляя ихъ самолюбія, еще болѣе лаская оное, можно ужиться съ ними отлично. Къ самымъ дѣйствительнымъ мѣрамъ примирить ихъ съ нами, ибо они все еще ненавидятъ насъ, есть покровительство ихъ языку, литературѣ, Исторіи, (я говорю о Царствѣ Польскомъ), и на оборотъ ничто столько не питаетъ злобы, какъ мѣры противоположныя. Языку Польскому въ учебныхъ заведеніяхъ Царства надо учить наравнѣ съ Русскимъ. Если мы будемъ учить ему недостаточно, то Поляки будутъ доучиваться ему дома, гораздо съ большимъ рвеніемъ и успѣхомъ, какъ то бываетъ со всякимъ запрещеннымъ предметомъ, и мы не только не достигнемъ своей цѣли, но еще болѣе отдалимся отъ нея, и сверхъ того будемъ вооружать тайныхъ враговъ. Скажу вообще: мысль уничтожить какой нибудь языкъ есть мысль физически невозможная: языка у народа уничтожить также нельзя, какъ лишить его одного изъ пяти чувствъ, данныхъ Богомъ: языкъ есть такой же природный, неотъемлемый органъ, какъ и прочіе, только драгоцѣннѣйшій для человѣка, потому что тѣсно связанъ съ его разумною душею. Тѣмъ болѣе должно сказать это объ языкѣ развитомъ, историческомъ, литературномъ. Австрійцы подаютъ въ этомъ

случаѣ убѣдительный примѣръ: чего достигли они, уничтожая систематически въ теченіе вѣковъ Славянскія нарѣчія? Увеличили ихъ силу, содѣйствовали ихъ развитію, приготовили своими плотинами такіе водопады, которые готовятся теперь поглотить ихъ самихъ. Нѣкоторыя Славянскія племена забыли свой языкъ, это правда, но гдѣ это случилось? По краямъ, гдѣ чуждое племя подавляло ихъ своимъ количествомъ, гдѣ языкъ былъ еще въ младенчествѣ. Съ другой стороны, Русскій языкъ, по моему мнѣнію, такъ могуществен, и заключаетъ въ себѣ столько свойствъ, принадлежащихъ всѣмъ Славянскимъ нарѣчіямъ порознь, что можетъ почитаться ихъ естественнымъ представителемъ, и самъ по себѣ, безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ, рано или поздно, сдѣлается общимъ литературнымъ Славянскимъ языкомъ, какъ у нѣкоторыхъ племенъ было прежде нарѣчіе Болгарское, а въ западной Европѣ Латинское. Всѣ нарѣчія должны прежде принесть ему дань своими словами, оборотами, формами, и слѣдовательно не надо сушить Оку или Каму, не надо и для того, чтобъ полнѣе стала Волга. Но нужно водворить какъ то уже и сдѣлано, ученіе Русскаго языка — это другое дѣло: всякій Полякъ долженъ знать по Русски. Весьма важно было бы сочиненіе сравнительной грамматики Польской и Русской. Въ этомъ же случаѣ сравнительный Словарь Польскій и Русскій, надъ которымъ трудится знаменитый Линде, есть не только великое дѣло литературное, но и политическое. Россійская Академія, сколько смѣю судить, поступила не основательно, отказавшись, по причинамъ школьнымъ, отъ этого Словаря. Если Вашему Высокопревосходительству угодно будетъ сдѣлать ей предложеніе, чтобъ она поручила мнѣ издать для образца четыре буквы, отданныя мнѣ Г-мъ Линде, то я съ удовольствіемъ принялъ бы на себя сей трудъ. Г-ну же Линде необходимо дать средства оканчивать свое исполинское предпріятіе, для котораго матеріалы у него большею частію собраны. Средства эти состоятъ въ

денежномъ ежегодномъ пособіи на наемъ помощниковъ, которые приводили бы въ алфавитный порядокъ его выписки, дѣлали по его отмѣткамъ новыя, словомъ, исправляли черновую, механическую работу, которая отягощаетъ 80 лѣтняго старца, и лишаетъ его времени драгоцѣннаго, нужнаго на совершеніе огромнаго зданія. Линде должно спѣшить воспользоваться, ибо ему остается жить не болѣе двухъ, трехъ лѣтъ. Второе пособіе состоитъ въ посылкѣ ему Русскихъ книгъ, коихъ въ Варшавѣ великій недостатокъ, ибо почти всѣ Русскія книги вывезены съ прочими изъ Университетской библіотеки.

Полезно было бы послать нѣсколько студентовъ Русскихъ учиться Славянской филологіи подъ руководствомъ знаменитаго патріарха.

Я говорилъ объ языкѣ. Теперь обращаюсь къ Исторіи. Польской Исторіи не преподаютъ въ училищахъ особо, а вмѣстѣ съ Всеобщею. Напрасно! Польская Исторія, безпристрастная, правдивая, подробная, есть самая вѣрная союзница Россіи, которая можетъ принести намъ пользы болѣе нѣсколькихъ крѣпостей. Ничто не можетъ примирить такъ новое поколѣніе Поляковъ, (о старыхъ говорить нечего: вспомнимъ, что и Моисей привелъ къ Землѣ Обѣтованной только тѣхъ Евреевъ, которые родились уже на дорогѣ), ничто, говорю, не можетъ такъ примирить новое поколѣніе Поляковъ съ настоящимъ порядкомъ вещей, убѣдить въ необходимости соединенія Польши съ Россіей, какъ основательное изученіе Польской Исторіи. Другое дѣло—Исторія Польская злоупотребленная, Исторія, направленная умышленно къ беззаконной цѣли. О! такую Исторію должно преслѣдовать, какъ злостный обманъ, какъ оскорбленіе науки, какъ святотатство. По симъ причинамъ необходимо написать вновь Польскую Исторію для училищъ, какъ то Вы изволили сдѣлать съ Русскою, т. е. задавъ тему Польскимъ ученымъ, съ значительнымъ вознагражденіемъ. Должно избѣгать только, чтобъ не впасть въ другую крайность

т. е. чтобъ не слишкомъ густо покрыть ее Русскимъ цвѣтомъ. Такая крайность можетъ повредить въ глазахъ Европы, особенно, когда есть нынѣ столько злонамѣренныхъ людей, которые готовы растолковать все въ худую сторону.

Польша пала не отъ политики сосѣдей, а первоначально отъ своего безначалія, отъ формъ правленія. Зданіе должно было рухнуть, ибо подпоры были негодныя,—вотъ содержаніе Польской Исторіи до кончины послѣдняго Короля, вотъ что должно показать Полякамъ ясно и основательно.

Нужно-ли было заботиться сосѣдямъ, чтобъ зданіе не задавило, не повредило ихъ своимъ паденіемъ? Разумѣется нужно, и преимущественно Россіи, по причинамъ географическимъ, историческимъ, политическимъ, — вотъ содержаніе Исторіи послѣдующей.

На которую сторону должно было упасть зданіе? На ту, къ которой оно склонялось прежде?

Не лучше-ли бы было упасть ему на другую? Хуже, еслибъ даже было и можно. Хуже къ Австрійцамъ, Прусакамъ, какъ соглашаются сами Поляки, и какъ говоритъ ихъ пословица: доколѣ свіатъ стоитъ свіатомъ, не можетъ Полякъ быть Нѣмцу братомъ.

При паденіи зданія можно-ли распорядиться такъ, чтобъ камни, падая, улеглись на землѣ въ порядкѣ, не ушибя того и другаго, иногда праваго наравнѣ съ виноватымъ? Нельзя, точно какъ нельзя не произойти притомъ и обидамъ, распрямъ, мщеніямъ,—вотъ окончаніе отдѣльной Польской Исторіи.

Прибавимъ только, что Россіи изъ упавшаго зданія достались только свои собственные древніе матеріалы.

Должно-ли и можетъ-ли упавшее зданіе выстроено быть по прежнему плану? Никакъ не должно, ибо недостатки прежняго плана доказаны всего разительнѣе паденіемъ зданія, — вотъ апологія новому правленію. Сравненіе состоянія Польши, дворянъ, купцевъ и преимуществено крестьянъ, при послѣднемъ

Королѣ, подъ Саксонскимъ управленіемъ, при Императорѣ Александрѣ, нынѣ, доставитъ результаты могущественные въ пользу Россіи.

И такъ, введеніе Польской Исторіи необходимо во всѣхъ отношеніяхъ, сначала по Бандтке, даже можно для эффекта по прежнему Лелевелю, если меня не обманываетъ память,— впредь до сочиненія новаго руководства. Къ сомнительнымъ мѣстамъ можно присоединить примѣчанія. Главное дѣло — строгій надзоръ за учителями, которые должны неукоснительно слѣдовать данному направленію, и не смѣть произнести ни однаго двусмысленнаго слова.

Вмѣстѣ съ Польскою и Русскою Исторіей должно преподавать Исторію прочихъ Славянскихъ государствъ и показывать, какъ искони раздоръ и несогласіе губили и подвергали ихъ жестокому игу иноплеменниковъ, подъ которымъ нигдѣ и никогда Славяне не были счастливы.

Введеніе Исторіи избавитъ насъ отъ упрековъ, которые безпрестанно слышатся по этому поводу между иностранцами.

О литературѣ. Теперь въ Польшѣ ея почти не существуетъ: она вся между эмигрантами и въ Познани. Третій предметъ обвиненія для Русскаго правительства. Необходимо должно оказать покровительство оставшимся литераторамъ въ Варшавѣ тѣмъ болѣе, что предметы ихъ занятій слишкомъ невинны, и не могутъ причинить вреда ни въ какомъ отношеніи. Я говорю о Линде, о Словарѣ котораго упомянуто выше, о Кухарскомъ, который путешествовалъ нѣсколько лѣтъ на иждивеніи правительства по Славянскимъ странамъ и собралъ вѣроятно много матеріаловъ, о Крыжановскомъ, который занимается изслѣдованіями о жизни и системѣ Коперника, и приготовилъ большее сочиненіе объ этомъ астрономѣ, о Мацѣевскомъ, который, кажется, совершенно приверженъ Россіи, судя по его сочиненіямъ и разговорамъ. Всѣ ихъ труды должны быть изданы съ вознагражденіемъ авторовъ.

Наконецъ осуждаютъ Русское Правительство, даже самые Славяне, приверженные къ намъ, за то, что въ Польшѣ нѣтъ Университета. Какъ, говорятъ они, пять милліоновъ лишать средствъ для высшаго образованія, которое составляетъ общую цѣль человѣчества! Не смѣю сказать ни слова объ этомъ обвиненіи, ибо основаніе Университета въ Польшѣ соединено съ политическими обстоятельствами, и этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ основательно не ученымъ, который стоитъ внизу, и видитъ его съ одной стороны, но мужемъ государственнымъ, который смотритъ на него сверху и видитъ со всѣхъ сторонъ, въ соединеніи съ прочими вопросами государственными. Я скажу здѣсь только: почему для прекращенія кликовъ, можетъ быть, и неосновательныхъ, пока не назвать Университетомъ тѣхъ двухълѣтнихъ дополнительныхъ курсовъ, которые вводятся, какъ я слышалъ, при Варшавскихъ гимназіяхъ? Языки древніе, нарѣчія Славянскія съ ихъ литературами, науки естественныя, медицинскія, Русское право, Римское право,—такіе предметы могутъ быть преподаваемы безопасно кѣмъ бы то ни было. Другіе предметы могутъ быть оставлены, сколько угодно лѣтъ,—за неимѣніемъ преподавателей.

Курсы могутъ быть ограничены двумя, или тремя, или четырьмя, годами, пріемы и выпуски строги или снисходительны, смотря по особеннымъ видамъ Правительства.

Можетъ быть опасно соединеніе многихъ молодыхъ людей вмѣстѣ, — пусть факультеты и даже лекціи раздѣлятся по разнымъ домамъ.

Почитаю долгомъ упомянуть еще о томъ, что Поляки вообще ропщутъ за взятіе Университетской библіотеки. Мятежники не читали оттуда старыхъ книгъ, говорятъ они. Взять библіотеки частныя, начальниковъ бунта, на пр. Чарторижскаго,—о, это дѣйствіе имѣетъ законную форму, и противъ него никто не осмѣливается произнести ни слова...

Я передаю вѣрно Вашему Высокопревосходительству какъ это обвиненіе, такъ и прочія, сколько мнѣ случилось то слышать въ Польшѣ и другихъ Европейскихъ странахъ. Многія изъ нихъ совершенно неосновательны и происходятъ отъ невѣжества, отъ незнанія обстоятельствъ. Россія всегда хочетъ только быть справедливою, и нисколько не заботится о томъ, чтобъ вмѣстѣ и казаться справедливою, считаетъ для себя какъ будто низкимъ не только объясненіе, но даже описаніе своего образа дѣйствій. Такая благородная гордость не выгодна въ отношеніи къ составленію общаго мнѣнія.

Покровительство языку, литературѣ, Исторіи и вообще просвѣщенію въ Польшѣ, покровительство впрочемъ въ предѣлахъ благоразумія и осторожности, безъ ущерба Русскому началу, можетъ имѣть благодѣтельное вліяніе и на прочія Славянскія племена, которыя смотрятъ на Польшу, какъ на *образецъ Русскаго управленія*. Оно весьма важно для будущихъ возможныхъ отношеній Россіи къ Славянскому міру. Нѣмцы, указывая Славянамъ на Польшу при нѣкоторыхъ случаяхъ, разумѣется, въ свое невѣрное стекло, говорятъ имъ: лучше-ли Полякамъ у Русскихъ, чѣмъ вамъ у насъ? Впрочемъ Славяне обвиняютъ вообще Поляковъ въ легкомысліи, накликавшемъ и накликающемъ на себя бѣды, многія Русскія мѣры приписываютъ коварнымъ совѣтамъ Австрійцевъ, а болѣе всего считаютъ оныя временнымъ послѣдствіемъ безпрестанно открываемыхъ Польскихъ заговоровъ, и увѣрены, что, при исправленіи Поляковъ, Русское управленіе приметъ другой характеръ.

Вотъ мой отчетъ о Польшѣ. Мнѣ кажется, я опоздалъ съ нимъ. Вы сами были въ Варшавѣ послѣ меня и безъ всякаго сомнѣнія увидѣли все яснѣе, дальше, вѣрнѣе. Я почелъ бы себѣ великою честію, еслибы въ какихъ нибудь мысляхъ мнѣ удалось сойтись съ В. П.

Не могу не сказать еще двухъ словъ о Краковѣ, куда къ Ректору Университета, Г. Матакевичу, Вы изволили давать мнѣ рекомендательное письмо. Жители находятся въ самомъ стѣсненномъ положеніи, и невинные терпятъ наравнѣ съ виноватыми, подавшими поводъ къ разнымъ тяжелымъ для города мѣрамъ. Ничего не желаютъ они столько, какъ имѣть одного государя, вмѣсто трехъ покровителей. Котораго?—Разумѣется они не смѣютъ выговорить. Ректоръ показалъ мнѣ Университетъ, библіотеку и всѣ заведенія, и обѣщалъ, на мой вопросъ, написать мнѣ частное письмо о состояніи Университета, нуждахъ и желаніяхъ, дабы я могъ при случаѣ представить оное Вашему Высокопревосходительству, но до сихъ поръ не исполнилъ своего обѣщанія. Библіотекарю, Г. Мучковскому, котораго сочиненія Вамъ доставлены, можно поручить изданіе какихъ нибудь драгоцѣнныхъ рукописей Краковской библіотеки. Краковскіе журналы падаютъ.

Чехи—это самое образованное Славянское племя, вмѣстѣ съ Моравами и Словаками. Они указываютъ съ гордостію на многихъ своихъ знаменитыхъ ученыхъ и литераторовъ, достойныхъ наслѣдниковъ древняго образованія, хранителей Славянской національности, распространителей Славянскаго духа. Прага есть главное ихъ мѣстопребываніе. Многіе изъ нихъ, или лучше сказать, всѣ почти имѣютъ нужду въ Русской помощи для успѣшнѣйшаго занятія своими Всеславянскими трудами. Таковъ Шафарикъ, создатель древней Славянской Исторіи, общей Исторіи Славянскихъ литературъ, собравшій драгоцѣнные матеріалы для многихъ не менѣе важныхъ сочиненій, издающій теперь карту поселеній Славянскихъ въ Европѣ, въ древности и нынѣ; Аммерлингъ, неутомимый Славянофилъ, который учитъ, издаетъ, пишетъ, собираетъ, заводитъ, словомъ сказать, дѣйствуетъ изъ всѣхъ силъ и всѣми средствами

для распространенія Славянскаго образованія между Славянами, преимущетсвенно по части естественныхъ наукъ; Челаковскій, отличный стихотворецъ, жестоко наказанный за дерзкую выходку, который занимается теперь этимологическимъ Словаремъ. Ганка, объяснитель древнихъ памятниковъ, Прешль, славный естествоиспытатель, и Палацкій, исторіографъ, не имѣютъ нужды въ помощи. Юнгманъ, лексикографъ, хотя не бѣденъ, но и не слишкомъ богатъ, и на старости своихъ лѣтъ имѣлъ бы право на лучшее успокоеніе за исполинскіе труды свои.

Въ Прагѣ при національномъ музеѣ есть такъ называемая matica ceska, комитетъ, учрежденный для усовершенствованія Чешскаго языка, который владѣетъ небольшимъ капиталомъ, (около 50 т. р.), на проценты съ коего издаетъ журналъ (casopis), вспомоществуетъ отличнымъ авторамъ при изданіи ихъ трудовъ и печатаетъ нѣкоторыя полезныя сочиненія сообразно съ своей цѣлію. Капиталъ этотъ полезно увеличить, дабы комитетъ могъ 1) задавать ежегодно по двѣ историческія и филологическія темы для обработыванія съ преміями, 2) раздавать свои изданія по публичнымъ школамъ въ Богеміи, Моравіи, Силезіи, и проч.; 3) для улучшенія частныхъ журналовъ, изъ коихъ примѣчательные: Чешская пчела и цвѣты. Полезно бы объявить, полагаютъ Чешскіе ученые, по двѣ преміи за лучшія сочиненія въ стихахъ и прозѣ, чѣмъ возбудилась бы въ молодомъ поколѣніи еще большая ревность къ изученію отечественныхъ предметовъ.

У *Словаковъ* энтузіазмъ Славянскій восшелъ до высочайшей степени. Дикая грубость и жестокость ихъ непосредственныхъ угнетателей, Венгерцевъ, вмѣстѣ съ стихотвореніями ихъ барда Коляра, возбудили новое поколѣніе до невѣроятности. Славянскій Институтъ въ Пресбургѣ, гдѣ въ чистомъ Славянскомъ духѣ воспитывается до 70 человѣкъ юношества, и обучается преимущественно Славянскимъ нарѣчіямъ и Исторіи, достоинъ

вниманія всѣхъ друзей добра, не только Славянъ, и имѣетъ полное право на пособіе, въ коемъ терпитъ крайнюю нужду, не имѣя возможности платить даже учителю. Этотъ Институтъ сдѣлалъ въ прошломъ году воззваніе ко всѣмъ Славянскимъ собратіямъ, впрочемъ съ дозволенія Австрійскаго правительства, о доставленіи ему пособія деньгами и книгами. Слѣдовательно, оно можетъ быть доставлено въ Петербургъ публично, отъ имени какихъ нибудь Русскихъ ученыхъ или меценатовъ.

Прочія пособія должны быть доставляемы Шафарику какъ самому основательному, скромному, умѣренному во всѣхъ отношеніяхъ мужу, который уже дастъ имъ самъ дальнѣйшее движеніе. Сообщеніе съ нимъ можетъ производиться чрезъ меня, чрезъ Протоіерея Меглицкаго, чрезъ Вѣнское посольство, на имя нашихъ путешествующихъ магистровъ.

У Австрійскихъ Сербовъ центральный пунктъ Пестъ, въ которомъ восточные Славяне сходятся съ западными, по торговымъ и другимъ дѣламъ. Нужно денежное пособіе для тамошней Славянской школы, которое доставить очень удобно изъ Вѣны. Тамошній протестантскій проповѣдникъ Коляръ, первый двигатель Славянскій, приверженный къ Россіи, имѣетъ полное право на содѣйствіе его ученымъ трудамъ.

Сербы Греческаго исповѣданія имѣютъ также Пестъ своимъ центромъ въ литературномъ отношеніи, въ религіозномъ — Карловицъ. Такъ называемая Матица Сербская, основанная частными людьми, преимущественно купцами, завѣдываетъ, такъ сказать, ходомъ Сербской Кирилловской литературы, издаетъ газету, печатаетъ Сербскія книги, заводитъ теперь обще-Славянскую библіотеку книгъ на всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, воспитываетъ на своемъ иждивеніи нѣсколько молодыхъ людей, посвящающихъ себя Сербской литературѣ. Это заведеніе должно быть поддержано. Нужно посылать туда, и въ Карловицъ,

избранныя Русскія сочиненія по части исторіи, филологіи и особенно Богословія, чтобъ предохранять Сербовъ отъ Уніи и Іезуитскаго вліянія.

Католическіе Иллирійцы имѣютъ главное мѣстопребываніе въ Аграмѣ, гдѣ теперь одушевленіе является также, какъ и въ Презбургѣ, въ высочайшей степени, и оттуда электрически сообщается во всѣ стороны, особенно на Славяно-Кроатскую военную границу, которая можетъ во всякую минуту выставить отъ 80 до 100 тысячъ войска. Душею этого движенія есть Гай, который въ короткое время произвелъ, говорятъ, чудеса своею типографіей. Я слышалъ, что онъ ѣздилъ въ Берлинъ къ Государю Императору и обращался за помощію также къ Россійской Академіи. Ему нужно непремѣнно назначить ежегодное пособіе.

Изъ прочихъ Славянскихъ ученыхъ, какъ о Копытарѣ, библіотекарѣ Вѣнской библіотеки, не могу сказать ничего рѣшительнаго. Общее мнѣніе*) между Славянами есть то, что онъ тайный агентъ Австрійскаго Правительства, гонитель Славянскаго начала и врагъ Русскимъ. Не знаю, сколько здѣсь есть правды. Собственная библіотека Копытара единственная въ Европѣ по богатству Славянскихъ рѣдкихъ книгъ и рукописей. Пріобрѣсти ее, (онъ спрашиваетъ за нее 4 т. червонцевъ, но отдастъ вѣроятно за менѣе), для Московскаго Университета, было бы великимъ для насъ обогащеніемъ. Вукъ получаетъ пенсію отъ Государя Императора въ тысячу рублей, которую, въ уваженіе его трудовъ и чрезвычайной бѣдности, благодѣтельно было бы удвоить.

Вотъ краткое обозрѣніе нуждъ, претерпѣваемыхъ Славянскими тружениками. 25 т. рублей ежегоднаго пособія удовлетворили бы оныя съ избыткомъ, 10 т. отчасти. Пособіе

*) Совершенно несправедливое, какъ оказалось.

должно быть подаваемо, разумѣется, самымъ тайнымъ образомъ. Я собралъ обстоятельныя и вѣрныя свѣдѣнія, какимъ образомъ, по какимъ путямъ, чрезъ какія лица исполнить это, такъ чтобъ не произошло ни малѣйшей огласки въ публикѣ, даже Русской, и не навлеклось ни малѣйшаго подозрѣнія со стороны Австрійскаго Правительства. Отъ Вашего Высокопревосходительства зависитъ исходатайствовать какую нибудь сумму отъ щедрости Государя Императора, отца общаго Славянъ, и подать тѣмъ новую жизнь ученому и литературному Славянскому міру, бросить сѣмена, кои, можетъ быть, дадутъ со временемъ плоды великіе, историческіе, вселенскіе. Вы сдѣлали и дѣлаете многое предъ Высочайшимъ престоломъ для просвѣщенія въ Россіи; распространите кругъ благотворительныхъ дѣйствій Вашихъ на всѣхъ Славянъ, и имя Ваше благодарнымъ потомствомъ будетъ поминаемо на ряду съ именами первыхъ благодѣтелей Славянскаго рода.

Перехожу теперь къ общимъ дѣйствіямъ, кои могутъ принести равную пользу Россіи, ея языку, литературѣ и Исторіи, равную съ прочими племенами Славянскими.

1) Сочиненіе сравнительной грамматики всѣхъ Славянскихъ нарѣчій, которою облегчится безмѣрно ихъ изученіе, покажется всего яснѣе ихъ сродство, и объяснятся многія свойства, принадлежащія тому или другому нарѣчію порознь, и остающіяся безъ нея непонятными загадками. Пусть Россійская Академія объявитъ премію въ 500—1000 черв. за сочиненіе лучшей. (Всѣмъ нарѣчіямъ можно выучиться въ годъ).

2) Для сравнительной Грамматики нужна частная; должно назначить меньшія преміи за сочиненіе Грамматикъ для тѣхъ нарѣчій, кои не имѣютъ еще оныхъ, какъ то: нашего Малороссійскаго, Галицкаго, и еще, кажется, одного или двухъ.

3) Нуженъ общій Словарь всѣхъ Славянскихъ нарѣчій, для котораго заключается уже много драгоцѣнныхъ матеріаловъ

въ словарѣ Польскомъ Линде, и Чешскомъ Юнгмана, также въ рукописномъ Словарѣ Русскомъ, и Польскомъ Линде.

4) Нѣкоторыя нарѣчія не имѣютъ еще Словарей; должно задать оныя съ преміями, и также наше Малороссійское, Галицкое, Болгарское, наши областныя, церковныя.

5) Планъ для грамматики можно поручить Шафарику, для Словаря Юнгману, Линде и Востокову.

Общій Словарь — работа на 20 или 30 лѣтъ для одного человѣка. По моему мнѣнію, можно раздѣлить его на части, по буквамъ, и за всякую букву, по данному плану, назначить соразмѣрную награду. Нужды нѣтъ, что Словарь выйдетъ такимъ образомъ неполный, несоразмѣрный и несовершенный,— пусть онъ послужитъ корректурою для слѣдующаго, къ которому приступить уже будетъ гораздо легче одному призванному на то ученому.

6) Нужны собранія пѣсенъ, пословицъ у всѣхъ племенъ.

7) Славянская Христоматія, одна Русскими буквами, другая Латинскими.

Всѣ сіи литературныя предпріятія, необходимыя для успѣховъ Русской литературы въ наше время, принадлежатъ по праву, и, прибавлю, по обязанности, Россійской Академіи, слишкомъ богатой средствами для ихъ совершенія.

Слѣдующія задачи могутъ предлагать, раздѣля между собою, Общества исторіи и древностей въ Москвѣ и Одессѣ и Археографическая Коммисія.

8) Исторія Славянскихъ Государствъ.

9) Географическія и статистическія описанія.

10) Собранія слѣдовъ миѳологическихъ преданій, повѣрій, обычаевъ, образовъ и т. под.

11) Собраніе актовъ, граматъ и прочихъ историческихъ памятниковъ.

12) Біографіи великихъ людей Славянскихъ, — Славянскій пантеонъ.

Означенныя общества могутъ объявить умѣренныя преміи отъ 500 до 1000 р. за сочиненія по предметамъ, относящимся къ симъ темамъ.

Наконецъ нуженъ Всеславянскій журналъ, гдѣ 1, въ скорыхъ и вѣрныхъ извѣстіяхъ и описаніяхъ изображалась бы ученая и литературная дѣятельность всѣхъ Славянскихъ племенъ, 2) помѣщались бы статьи на всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, съ краткими поясненіями для уразумѣнія общаго. Умѣренная плата съ листа рублей по 50.

Въ такомъ журналѣ обозначилось бы осязательнымъ, такъ сказать, образомъ близкое родство всѣхъ племенъ, и племена начали бы сближаться и знакомиться между собою всего удобнѣе.

Славяне думаютъ, что такой журналъ лучше всего издавать въ Москвѣ,—мнѣ кажется, сообразнѣе съ цѣлію—въ Варшавѣ, дабы сей журналъ приносилъ и частную пользу, дѣйствуя въ особенности на Поляковъ.

Чтобъ облегчить для Славянскихъ племенъ пріобрѣтеніе Русскихъ книгъ, должно учредить, разумѣется, въ виду частнаго предпріятія, Русскую книжную лавку въ Лейпцигѣ, откуда легко получить ихъ чрезъ Нѣмецкихъ книгопродавцевъ, разсѣянныхъ по всѣмъ Славянскимъ городамъ. Книги должно продавать, какъ можно дешевле. Книги на другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ могутъ также присылаться туда, какъ въ центральное депо. Я веду уже два года переписку объ этомъ предметѣ съ книгопродавцемъ Фоссомъ.

Снабдить избранными Русскими книгами, особенно по части филологіи и исторіи, главныя Нѣмецкія библіотеки въ Австріи,—въ Вѣнѣ, Прагѣ, Пестѣ, Пресбургѣ, Аграмѣ, Брюннѣ,

Львовѣ. Для благовидности можно послать сіи книги въ тоже время и въ Берлинъ, Боннъ, Геттингенъ, Мюнхенъ.

Пригласить нѣсколько ученыхъ и педагоговъ изъ Славянскихъ странъ, которые съ большою пользою могутъ занять у насъ мѣста надзирателей, инспекторовъ, директоровъ, учителей Нѣмецкаго и Латинскаго языковъ и проч. Въ этомъ отношеніи я могу назвать преимущественно двухъ: Профессора Физіологіи въ Бреславскомъ Университетѣ Пуркиню, знаменитаго естествоиспытателя, который съ великимъ успѣхомъ могъ бы взять на себя управленіе особаго учрежденія для Естественной Исторіи при томъ Университетѣ, гдѣ, по начертаніямъ Вашего Высокопревосходительства, сія наука должна быть преимущественно воздѣлываема. *) Второй ученый есть Докторъ Амерлингъ, который обладаетъ многообразными свѣдѣніями, дѣлалъ многіе педагогическіе опыты, составилъ особую методу, которая заслужила полное одобреніе знатоковъ, и могъ бы учредить дѣтскіе пріюты въ Москвѣ или Петербургѣ по образцу Пражскаго заведенія въ этомъ родѣ, извѣстнаго во всей Европѣ, и имѣть въ своемъ распоряженіи какую нибудь реальную Гимназію.

Я знаю также еще нѣсколько образованныхъ молодыхъ людей, которые готовы переселиться въ Россію. Оставаясь въ сношеніяхъ съ прежнимъ отечествомъ, они могли бы содѣйствовать много взаимному знакомству.

Въ заключеніе не излишнимъ считаю сообщить здѣсь В. П. и другія отрывочныя свѣдѣнія, кои случилось мнѣ собрать въ продолженіи моего путешествія въ дилижансахъ, на пароходахъ, въ гостинницахъ и на улицахъ, и замѣчанія, кои удалось сдѣлать.

---

*) Имѣлось въ виду автора поручить ему Ярославской Демидовскій Лицей, согласно съ любимыми предметами занятій.

Императоръ Николай имѣетъ нынѣ гораздо болѣе почитателей по всѣмъ странамъ Европейскимъ, и самые непріязненные ему люди, напр. во Франціи, говорятъ съ почтеніемъ объ его характерѣ, твердой политикѣ, и отдаютъ преимущество предъ всѣми Европейскими Государями.

Россія рѣшительно не имѣетъ доброжелателей между Европейскими Государствами. Славяне говорятъ, что больше всѣхъ не любитъ ее Австрія, потомъ Пруссія, на западѣ думаютъ, что Англичане. Столько случалось мнѣ слышать о козняхъ Англичанъ, съ такихъ неожиданныхъ сторонъ, что первою моею мыслію, по возвращеніи въ отечество, при слухѣ о пожарахъ въ низовыхъ губерніяхъ, мелькнуло, не Англичане-ли это. Упоминаю объ этой нелѣпой мысли потому только, чтобъ показать, какое сильное впечатлѣніе было произведено во мнѣ прежде. Никогда не забуду я, какъ одинъ житель Антверпена, приверженный однакожъ къ Голландіи, говорилъ мнѣ какимъ то торжественнымъ тономъ: О, Императоръ Николай не воображаетъ еще, откуда грозитъ ему настоящая опасность. Поляки народъ не страшный. Англичанъ, Англичанъ долженъ онъ остерегаться и бояться тамъ, гдѣ и не предполагаетъ».

Ненависть частныхъ лицъ къ Россіи происходитъ преимущественно отъ незнанія, отъ легковѣрія, съ коими принимаются ими самыя нелѣпыя извѣстія, распускаемыя злонамѣренными людьми. Если бы помѣщать въ иностранныхъ хорошихъ газетахъ вѣрныя извѣстія, умно написанныя статьи о Россіи, объ ея исторіи, о гражданскихъ учрежденіяхъ, особенно новыхъ, въ нынѣшнее царствованіе, коими мы можемъ смѣло похвалиться предъ Европою, напр. о законахъ, объ ученыхъ уставахъ, о выборахъ, потомъ разсужденія объ историческихъ отношеніяхъ нашихъ къ Польшѣ, правахъ собственности на Волынь, Подолію, Бѣлоруссію, самую Литву, Галицію, то я увѣренъ, что половина враговъ перейдетъ на нашу сторону.

Статьи другаго рода, напр. о волшебномъ построеніи въ одинъ годъ Зимняго дворца, надъ которымъ работало столько-то тысячъ народа, о маневрахъ Бородинскихъ, гдѣ столько то тысячъ войска было собрано во столько-то времени изъ такихъ-то отдаленныхъ мѣстъ, или прежде о маневрахъ Вознесенскихъ, гдѣ по степямъ скакала конница, не уступавшая числомъ Ксерксовой,—извѣстія о количествѣ добываемаго золота, и проч. оказали бы великое дѣйствіе на воображеніе, особенно Нѣмецкое.

Allgemeine Zeitung, газета наиболѣе читаемая, будетъ съ удовольствіемъ помѣщать такія статьи. Во Французскіе журналы можно доставлять чрезъ Делаво, который имѣетъ въ Парижѣ многія литературныя связи, занимаетъ мѣсто редактора при изданіи одной Енциклопедіи и можетъ быть намъ очень полезенъ. Гизо просилъ меня доставить ему свѣдѣнія о Россійской Исторіи.

Въ Москвѣ живетъ теперь молодой Нѣмецъ К., изъ Пруссіи, который пріѣхалъ нарочно изучать Русскую Исторію, какъ изучилъ онъ уже другія Славянскія, съ цѣлію передать потомъ Нѣмецкой публикѣ вѣрныя извѣстія о всѣхъ Славянскихъ племенахъ и ихъ литературахъ, предложить важнѣйшія сочиненія въ извлеченіяхъ. Этотъ Г. К. показался мнѣ съ перваго взгляда искренно любознательнымъ ученымъ, и я, не изслѣдуя впрочемъ его образа мыслей, пригласилъ его жить къ себѣ, чтобъ руководствовать надлежащимъ и полезнымъ для Россіи образомъ къ изученію Русской Исторіи, и полагаю, что имъ можно воспользоваться для сообщенія чрезъ него въ Нѣмецкіе журналы вѣрныхъ свѣдѣній о Россіи. Можно оставить ему его личный образъ мыслей, и даже пропускать какія нибудь порицательныя выходки, если бы онѣ случились, для пріобрѣтенія бо́льшей довѣренности прочимъ свѣдѣніямъ, кои сообщить въ Германію заблагоразсудитъ Правительство,—для доказательства безпристрастія корреспондента. Воротясь въ

отечество и даже прямо изъ Россіи, этотъ ученый можетъ же посылать свѣдѣнія и статьи, какія пожелаетъ,—такъ лучше по крайней мѣрѣ дать имъ согласное съ истиною и полезное для Россіи направленіе. Г-ну К. очень легко можно будетъ чрезъ меня доставить пособіе книгами, обезпеченіемъ содержанія, и т. под.

Другія статьи могутъ быть посылаемы прямо отъ имени нашихъ авторовъ.

Судя по той готовности, съ коей Allgemeine Zeitung помѣстила статью Г. Шевырева, противъ нападеній о водвореніи Русскаго языка въ Остзейскихъ провинціяхъ, судя по обѣщанію, какое давалъ мнѣ прежній Редакторъ и Г. Шевыреву нынѣшній, и вообще по духу газеты, которая не держится слишкомъ одной партіи, можно быть увѣрену въ немедленномъ помѣщеніи статей и расположенія Редакторовъ къ даровымъ корреспондентамъ.

Симъ оканчиваю я отчетъ свой Вашему Высокопревосходительству о путешествіи, предпринятомъ впрочемъ съ другою цѣлію. Почту себя счастливымъ, если моими извѣстіями удовлетворится какое нибудь изъ Вашихъ ожиданій, изъявленныхъ мнѣ при моемъ отправленіи, и если я могу ими возблагодарить Васъ за исходатайствованное мнѣ позволеніе ѣхать на воды и оказанное пособіе.

(Ни одного изъ вышеприведенныхъ предложеній не было тогда исполнено).

III.

Второе донесеніе Министру народнаго просвѣщенія о путешествіи 1842 года, преимущественно въ отношеніи къ Славянамъ.

Ободренный благосклоннымъ вниманіемъ Вашего Высокопревосходительства къ донесенію моему 1839 года, я почелъ непремѣннымъ долгомъ, въ нынѣшнее путешествіе мое, ознакомиться ближе съ политическими отношеніями, до коихъ я прежде только касался, и плоды моихъ наблюденій имѣю честь представить теперь на Ваше благоусмотрѣніе.

Съ 1839 года перемѣнилось многое въ Славянскихъ земляхъ Австрійской монархіи. Въ Богеміи національность усилилась значительно не только въ среднемъ сословіи, но и въ высшемъ, чему доказательствомъ служитъ знаменитая брошюра Графа Туна объ отечественной словесности, произведшая сильное дѣйствіе, такъ что Австрійское Правительство рѣшилось предложить автору почетное мѣсто въ другой части Государства, съ цѣлію отдалить его отъ Богеміи. Въ первыхъ дворянскихъ домахъ, которые давно уже онѣмечились и говорили только по Нѣмецки, какъ у насъ говорятъ по Французски, дѣти нынѣ учатся по Чешски и имѣютъ Чешскихъ гувернеровъ. Въ Духовенствѣ число патріотовъ также постепенно увеличивается, хотя имъ съ связанными, такъ сказать, руками, въ нѣдрахъ Римской церкви, очень трудно дѣйствовать и даже запасаться національными средствами, ибо языку Чешскому ихъ не учатъ,

а только по Нѣмецки и по Латыни, книги же должны онѣ покупать на свои деньги, а казенныя библіотеки наполняются только Нѣмецкими сочиненіями. Въ среднемъ сословіи успѣхи изумительны: вездѣ основываются частныя Чешскія училища, безъ всякаго пособія, разумѣется, со стороны Правительства, заводятся частныя библіотеки для общенароднаго употребленія, (теперь уже до 100), даже въ деревняхъ. Учреждаются бальныя бесѣды, гдѣ не позволяется ни одного слова произносить по Нѣмецки. Съѣздъ на нихъ бываетъ невѣроятный (до 4000 ч.). Издается ревностно при Музеѣ энциклопедическая библіотека на Чешскомъ языкѣ. Начался національный театръ въ Прагѣ, который посѣщается болѣе Нѣмецкаго. Примѣру Праги слѣдуютъ и другіе города, гдѣ особенно лѣтомъ, во время вакацій, даются студентами національные спектакли, коихъ Правительство запретить не можетъ, ибо сборы назначаются для благотворительныхъ цѣлей. Испрашивается настоятельно право преподаванія въ низшихъ училищахъ на Чешскомъ языкѣ, и едва-ли не скоро получится въ нѣкоторыхъ инстанціяхъ и судопроизводство національное.

Австрійское Правительство, которое боится больше всего общественнаго мнѣнія, видя такое стремленіе во всѣхъ сословіяхъ, и не надѣясь остановить его, нашлось принужденнымъ ослабить нѣсколько бразды, хотя всякій шагъ впередъ стоитъ патріотамъ великихъ трудовъ и усилій, и уступается Правительствомъ тогда, какъ оно истощитъ всѣ свои средства сопротивленія. Чешскій спектакль, на примѣръ, позволенъ былъ сначала однажды въ недѣлю и въ какое время? Днемъ, отъ трехъ часовъ по полудни до шести, потомъ дано позволеніе играть три раза въ недѣлю, и вечеромъ.

Правительство, принужденное такимъ образомъ уступать, иногда усиливаетъ за то мѣры противоположныя. При всякомъ случаѣ ругательства противъ Чеховъ, насмѣшки надъ литературою и литераторами, позволяются во всѣхъ Нѣмецкихъ газетахъ,

помѣщаются статьи въ иностранныхъ газетахъ, съ цѣлью ихъ пугать. Имя Славянъ запрещается цензурою, кромѣ самыхъ необходимыхъ случаевъ. Орѳографія Добровскаго, утвержденная и принятая еще въ 1820 году, только теперь введена, и то въ низшихъ училищахъ, а Нѣмецкія готическія буквы удерживаются до сихъ поръ. Ни одного объявленія нельзя сдѣлать по Чешски, не приложивъ Нѣмецкаго перевода, хотя сокращеннаго, что подаетъ поводъ даже къ смѣшнымъ сценамъ, на примѣръ: пригласители на балы Чешскіе печатаютъ билеты на Чешскомъ языкѣ крупными чешскими буквами, съ украшеніями, а Нѣмецкій переводъ такими мелкими, что едва въ микроскопъ разсмотрѣть ихъ можно. За то Правительство, дѣлая отъ себя объявленія по Нѣмецки о чемъ нибудь, прилагаетъ Чешскій переводъ такимъ ломаннымъ языкомъ, что никакой Чехъ понять не можетъ и долженъ для уразумѣнія прибѣгать къ Нѣмецкому языку.

Вмѣстѣ съ національнымъ движеніемъ тѣсно связано движеніе *анти-папское*, хотя теперь еще тайное. Ненависть къ папѣ и Іезуитамъ, которые были главною причиною паденія Богеміи, лежавшая глубоко въ сердцахъ патріотовъ, ненависть, посѣянная еще предшественникомъ Лютера, Гуссомъ, воспитанная Гусситскими войнами и послѣдовавшими ужасами, начинаетъ обнаруживаться, и за политической независимостію Богеміи, если она когда будетъ, должно послѣдовать отпаденіе отъ Римской церкви.

Не стану распространяться, какую пользу можетъ принести этотъ духъ и примѣръ для Русской церкви вообще, и для Русской церкви въ Царствѣ Польскомъ! Австрійцы видятъ и это, и стараются всѣми силами отвратить все, что можетъ хоть издали напомнить Греческое исповѣданіе. Ганка недавно получилъ строгій выговоръ за свои доказательства, впрочемъ недостаточныя, что Реймское Евангеліе писано въ Богеміи въ XI вѣкѣ Св. Прокопіемъ Кирилловскими церковными буквами!!

Не только Австрійцы, сами Нѣмцы въ Германіи трепещутъ за Богемію, и всѣми силами стараются защищать и прославлять Нѣмецкое начало въ ней, выставляютъ дѣйствія и надежды Чешскихъ патріотовъ нелѣпыми, безумными, злонамѣренными, — тѣ Нѣмцы, которые въ тоже время кричатъ о такъ называемомъ раздѣлѣ Польши, гдѣ мы получили только свое, между тѣмъ какъ Богемія была завоевана, разорена, опустошена Австрійцами, лишена своей религіи и всѣхъ лучшихъ гражданъ, и десять лѣтъ страдала ужасно. Таково, скажу мимоходомъ, Нѣмецкое невѣжество или пристрастіе.

Моравія.

Моравія слѣдуетъ примѣру Богеміи, и національное движеніе тамъ также велико, но вліяніе и сосѣдство Вѣны ощутительнѣе.

Венгрія и Словаки.

Состояніе Словаковъ въ Венгріи совершенно иное. Они стонаютъ подъ игомъ Венгерцевъ еще болѣе, нежели отъ Австрійцевъ. Австрійцы хотѣли прежде ихъ онѣмечивать тихо, систематически, а Венгерцы нападаютъ теперь прямо, безъ околичностей, по азіатски, и зная, что Словаки составляютъ лучшую и умнѣйшую часть народа, хотятъ ихъ омадьярить во что бы то ни стало. Неистовству ихъ нѣтъ никакой мѣры, и они не скрываютъ своихъ намѣреній, а печатаютъ прямо, что Словаки и другіе Венгерскіе Славяне должны и могутъ существовать только какъ Венгерцы. Австрійское Правительство находится въ нерѣшимости, что̀ ему дѣлать. Взять сторону Венгерцевъ оно боится, чтобъ не усилить ихъ слишкомъ Словаками, ибо анти-австрійское направленіе у Венгерцевъ открывается ежегодно сильнѣе. Взять сторону Словаковъ оно боится еще болѣе, чтобъ не доставить вообще Славянамъ сильной подмоги, тѣмъ болѣе, что Словаки родные братья Чехамъ и Моравлянамъ. Онѣмечивать же ихъ оно не можетъ, по закону

Венгерской конституціи. По симъ причинамъ Австрійское Правительство безпрестанно колеблется, и броженіе въ Венгріи выходитъ изъ всякихъ предѣловъ. * Венгерцы и Словаки съ одной стороны, а съ другой Венгерцы и Сербы, т. е. Кроаты, Славонцы и Далматы пышутъ злобою другъ противъ друга,— а между ними по горячимъ углямъ переступаютъ Австрійцы, и склоняются то на ту, то на другую сторону. Словаки отправили недавно депутацію въ Вѣну съ жалобою, что Венгерцы стѣсняютъ ихъ языкъ: „Прежде всего мы употребляли языкъ Латинскій," говорили они, „теперь Венгерцы хотятъ употреблять языкъ свой, Мадьярскій; такъ и мы требуемъ своего, Славянскаго." Меттернихъ и прочіе сановники отвѣчали имъ, что требованіе ихъ основательно, но оффиціальнаго отвѣта не послѣдовало: „боритесь сами, а правительство вмѣшиваться не должно." Венгерцы хотѣли еще соединить кальвинистовъ и лютеранъ, съ цѣлію, чтобы Словацкіе лютеране подчинились Венгерскимъ кальвинистамъ, однакоже не успѣли въ своемъ намѣреніи, въ чемъ Австрійцы должны были содѣйствовать Словакамъ.

Словаки очень бѣдны, и съ величайшимъ трудомъ могутъ содержать на свой счетъ училища и библіотеки. Усилія ихъ дѣйствительно достойны всякаго удивленія. Между Словаками особенно господствуетъ идея панславизма. Какъ безъ всякаго пособія со стороны правительства, при такихъ препятствіяхъ, съ такими врагами, могутъ они держаться, образовываться болѣе и болѣе, и увеличивать свою значительность!

Австрійскіе Сербы.

Кроаты, Далматы, Словенцы, занимающіе южную и югозападную часть Венгріи и отчасти Австрійской монархіи, имѣютъ болѣе средствъ, и Славянство тамъ во всей силѣ. Послѣдніе

* Подтвердилось въ высшей степени.

выборы были вообще въ пользу Славянской партіи, одержавшей блистательную побѣду, но извѣстіе объ уничтоженіи имени Иллировъ въ оффиціальныхъ бумагахъ и литературѣ показываетъ, что дѣла приняли противный оборотъ, о коемъ я теперь не могу ничего сказать положительнаго. Австрійцы слишкомъ боятся за эту часть своихъ владѣній, съ коей военная граница соединена, и потому вѣроятно взяли здѣсь сторону Венгерцевъ. Часть Иллирійцевъ исповѣдуютъ вѣру Греческую, другая Римскую. Исповѣдниковъ Греческой церкви принуждаютъ насильственно присоединяться къ уніи, и эти мѣры подаютъ поводъ къ явленіямъ страннымъ: одинъ, на примѣръ Далматинецъ былъ напоенъ, и пьяный подписался подъ просьбою принять его въ Римскую церковь. Проспавшись, на другой день онъ побѣжалъ съ отреченіемъ. Оно не было принято. Онъ обратился къ начальству гражданскому и приводилъ въ доказательство, что если онъ пьяный присоединился къ Римской церкви, то трезвый кольми паче можетъ возвратиться къ своей. Но это не помогло. Захотѣлъ онъ жениться, но православный священникъ не смѣлъ его обвѣнчать, и онъ взялъ къ себѣ жену безъ совершенія таинства.

Правительство принуждено было дозволить, однакоже, возвращеніе нѣкоторыхъ лицъ къ православной церкви, съ условіемъ, чтобы они ходили сорокъ дней къ католическимъ священникамъ для полученія наставленій и убѣжденій. Крестьян- походили нѣсколько дней, но соскучились, и объявили симъ послѣднимъ, что слушать ихъ болѣе не хотятъ, тѣмъ болѣе, что имъ надо убирать поля, и просили позволенія прекратить свои посѣщенія. Священники не согласились, и въ наказаніе несчастные должны были еще сорокъ дней ходить для слушанія, при чемъ со злости они просто затыкали себѣ уши.

Глаголическая Славянская письменность въ Далмаціи почти совершенно уничтожена, и введены Латинскія буквы.

Думаютъ, что Копитаръ въ Римѣ занимается обширнымъ планомъ, какъ обратить все Славянское народонаселеніе Австріи къ католичеству. *

Вообще о Венгріи.

Объ Венгерцахъ же скажу здѣсь вообще, что въ дипломатіи Европейской, не исключая Австрійской, господствуетъ объ нихъ ложное понятіе: ибо дипломаты знакомы болѣе съ бумагами, чѣмъ съ людьми. Венгерцы заносчивы, но силы въ нихъ нѣтъ, по единогласному мнѣнію знающихъ Славянъ. Выдержите ихъ порывъ, и потомъ берите ихъ руками, какъ прочихъ Азіятцевъ Татаро-Турецкаго происхожденія.

Галиція Русины.

Обстоятельства въ нашей несчастной Галлиціи еще тяжеле. Словаки и Иллиры находятъ еще хоть какое нибудь спасеніе подъ покровомъ Венгерской конституціи, а Русины въ Галлиціи беззащитны и въ отношеніи къ Полякамъ. Прибавлю еще то, что они для Австрійцевъ ненавистнѣе даже всѣхъ прочихъ Славянъ, потому что ближе всѣхъ къ Россіи по своему родству, вѣрѣ, языку и исторіи. Каково же имъ жить насчастнымъ! Ненависть Поляковъ подаетъ Австрійцамъ самыя удобныя средства и благовидные предлоги угнетать ихъ и душить всякое національное, т. е. Русское движеніе, въ самомъ зародышѣ. Не смотря на то, оно есть, и усиливается безпрестанно. Духовные, адвокаты, купцы сознаютъ живѣе и живѣе свое Русское происхожденіе и влекутся сердцемъ къ Россіи. Извѣстіе объ уничтоженіи уніи ихъ обрадовало, и они готовы обратиться къ нашему православію, которое держалось у нихъ, какъ извѣстно, долѣе, чѣмъ даже у насъ, и только недавно, въ прошедшемъ столѣтіи, уничтожено. „Скоро-ли вы насъ

* Такъ говорили противники въ минуту раздраженія.

возьмете къ себѣ", говорятъ они всякому Русскому путешественнику. „Вотъ эту церковь обратимъ мы въ православный Соборъ," сказалъ мнѣ одинъ старецъ,* „когда вы придете къ намъ во Львовъ (Лембергъ). Хоть бы вы промѣняли насъ на Польшу! Ну, что вамъ въ Польшѣ? Тамъ васъ не любятъ, а мы вамъ преданы душою и тѣломъ".

Русины совѣтуютъ выводить Польскій духъ изъ возвращенныхъ губерній, Волынской, Подольской и проч., скупая имѣнія хоть по немногу отъ Польскихъ помѣщиковъ, что очень легко бываетъ на Кіевскихъ контрактахъ, возвышая и освѣщая Кіевъ пребываніемъ Царской фамиліи, привлекая туда Русскихъ капиталистовъ, которые могутъ легко и выгодно пріобрѣтать земли, обращая бо́льшее вниманіе на благосостояніе крестьянъ, которые стонутъ тамъ подъ игомъ Польскихъ помѣщиковъ, католиковъ и жидовъ. Австрійское Правительство трепещетъ за Галлицію и принимаетъ строжайшія мѣры противъ патріотовъ. Многіе духовные лишились мѣстъ своихъ, студенты выгнаны, граждане изъ средняго сословія отданы подъ строжайшій присмотръ. Извѣстный почтенный адвокатъ просилъ позволенія брать для прочтенія сводъ Русскихъ законовъ, подаренный нашимъ правительствомъ публичной библіотекѣ: Полиція отказала, не смотря на поруки и залоги; адвокатъ** попросилъ ходить по крайней мѣрѣ въ библіотеку и читать тамъ, обращался ко всѣмъ начальствамъ, ставилъ на видъ, что Галлицкіе помѣщики, имѣя часто помѣстья и дѣла въ Россіи, имѣютъ и нужду въ справкахъ: ничто не помогло, и правительство дало ему оффиціальный отказъ, находя желаніе его несообразнымъ съ цѣлію (nicht zweckmässig).

Замыслы Австрійцевъ о Малоросіи.

Недавно получили они темное понятіе о томъ, что Русское народонаселеніе Галлиціи, вмѣстѣ со всею Малороссіей, отли-

* Зубрицкій. ** Онъ же.

чается отъ жителей Москвы и прочихъ сѣверныхъ губерній, и бросилось съ жадностію на эту мысль, старается ее подтвердить, распространить въ народѣ, нанимаетъ ученыхъ писать диссертаціи, надѣясь посредствомъ ихъ охладить приверженность Галичанъ къ Россіи. Виды его простираются слишкомъ далеко, и оно намѣревается содѣйствовать раздѣленію даже самой Россіи и привлекать Малороссіянъ къ себѣ,—не говорю уже о Польскихъ помѣщикахъ, наводняющихъ Малороссію. Съ этою цѣлью оно хочетъ устроить центръ Малороссійской литературы у себя, и препоручить съ значительными выгодами издавать по своимъ видамъ журналъ на Малороссійскомъ языкѣ въ Вѣнѣ Латинскими буквами. Малороссійскій журналъ въ Вѣнѣ! Малороссійскій журналъ Латинскими буквами! Вотъ какъ дѣйствуетъ Австрійское правительство.

Поляковъ Австрійцы также боятся, хотя съ другой стороны, какъ революціонеровъ, и въ послѣднее время открытъ былъ значительный заговоръ, по которому схвачено столько лицъ, что въ тюрьмахъ не доставало мѣста и наняты частные дома. Вѣроятно существуетъ какой нибудь заговоръ, тайное общество въ Познани, которое, если не дѣйствуетъ прямо теперь, то приготовляетъ обстоятельства для будущаго времени, имѣя отрасли во Франціи и Германіи.

Вотъ въ какомъ затруднительномъ положеніи находится Австрія, и Славянскіе политики еще рѣшительнѣе, чѣмъ прежде, утвержаютъ теперь, что она слабѣетъ часъ отъ часу, и едвали больше Турціи заключаетъ въ себѣ внутренней самостоятельности. При первой войнѣ, гдѣ бы то ни было, она можетъ разорваться на части. Въ Наполеоново время этого не случилось, потому что Славянское племя далеко было отъ настоящей зрѣлости и сознанія. Имя и авторитетъ Меттерниха удерживаетъ панически общее стремленіе, но смерть его явитъ многое народу.

Въ политикѣ ея къ прежнимъ правиламъ: 1) о содержаніи in statu quo въ Европѣ, ибо всякая война можетъ вызвать происшествія, для нея опасныя, 2) объ угнетеніи Славянскаго направленія, которое называетъ оно Русскимъ, гдѣ можно, и объ уступкахъ, гдѣ необходимо, и 3) къ тѣсной дружбѣ съ Англіей присоединяется 4) сближеніе съ Германіей, сближеніе, которое показываетъ, что Австрійцы видятъ теперь яснѣе надъ собою Славянскую тучу. Австрія хочетъ найдти подкрѣпленіе себѣ въ Германіи въ случаѣ нужды: посему приготовляетъ общее мнѣніе и множество статей помѣщаетъ во всѣхъ Германскихъ газетахъ, въ коихъ доказываетъ, что интересы Австріи тѣсно связаны съ интересами Германіи и суть одни и тѣже, что владѣніе нижнимъ Дунаемъ есть жизненный вопросъ для Германіи, которая погибнетъ, если тамъ возобладаютъ Русскіе съ ихъ Sperrgesetze, и что Славяне вмѣстѣ съ Россіею также опасны всей Германіи вообще, какъ и Австріи въ особенности.

Нѣмцы, на оборотъ, въ чаду своей кабинетной и школьной гордости, отвѣчаютъ, что Австрійцы должны прежде всего развивать у себя Нѣмецкое начало, сообразно съ требованіемъ времени, которое и даетъ имъ первое оружіе для предстоящей борьбы.

О ненависти Австріи къ Россіи, къ сказанному мною въ первомъ отчетѣ, прибавить ничего не имѣю: обнаруживается она теперь, въ особенности въ содѣйствіи Римской церкви неистовствовать противъ уничтоженія уніи, въ распространеніи между католическими Славянами нелѣпыхъ сочиненій и статей о притѣсненіи католичества въ Россіи, въ возстановленіи духовенства противъ насъ. Далѣе, Австрія старается всѣми силами питать ненависть Поляковъ противъ насъ въ Галиціи, и при всякомъ случаѣ ужасными красками изображаетъ Русское управленіе въ Царствѣ Польскомъ, а Русиновъ отвращаетъ извѣстіями о состояніи крестьянъ въ Волыни, Подоліи и проч. Для распространенія слуховъ есть кажется особенные чинов-

ники. Например, недавно Австрийское правительство распустило слухъ, что Россія увѣдомила оное о замыслахъ Гая относительно Босніи, и совѣтовала Австріи взять его подъ особенный присмотръ.

Отношенія Пруссіи къ Россіи.

Перехожу къ *Пруссіи*. Славянское движеніе въ Прусскихъ владѣніяхъ развивается также очень сильно, даже въ тѣхъ странахъ, (что весьма примѣчательно), которыя, казалось, совершенно были онѣмечены и позабыли какъ будто свое происхожденіе: въ восточной и западной Пруссіи, Силезіи, верхней Лузаціи, къ коей присоединить должно и Саксонскую. Не говорю о Познани, гдѣ это движеніе имѣетъ совершенно другой характеръ, характеръ Польскій, и имѣетъ связь съ другими обстоятельствами. Пруссію Славянскіе политики считаютъ еще болѣе, чѣмъ прежде, враждебною Россіи. Для Австріи опасна Россія, а для Россіи опасна Пруссія, имѣющая больше силы, духа, образованія.

Въ Пруссіи надо различать королевскую фамилію, правительство и народъ. Народъ пышетъ злобою противъ насъ, въ чемъ я самъ удостовѣрился, и говорю не по однимъ слухамъ. Не вопли восточной и западной Пруссіи тому причиною. Нѣтъ, злоба имѣетъ источникъ глубже: въ Пруссіи духъ мнимой свободы распространился по смерти короля до невѣроятности, и нынѣшній король многими своими неумѣстными рѣчами, поступками и фразами далъ къ тому поводъ, такъ что теперь принужденъ прибѣгать къ противорѣчіямъ и теряетъ популярность. Пруссаки считаютъ Русское правительство главнымъ препятствіемъ къ осуществленію ихъ плановъ и опорою короля въ случаѣ нужды. Вотъ почему они ненавидятъ Россію: офицеры, молодежь, студенты, бредятъ о войнѣ съ Россіей и сочиняютъ уже стратегическіе планы, въ газетахъ провозглашается безпрестанно вредъ отъ союза съ Россіей, печатаютъ

каррикатуры и проч., журналы, особенно Кенигсбергскіе и Рейнскіе, согласно съ прочими Нѣмецкими, твердятъ безпрестанно о возвышеніи Прусскихъ Поляковъ, о дарованіи имъ всякихъ правъ, о покровительствѣ національности. „Никакой жертвы Пруссаки не должны жалѣть для того, чтобъ возстановить Польшу противъ Россіи,“ вотъ что пишутъ въ газетахъ.

Правительство ненавидитъ также.

Правительство раздѣляетъ ненависть съ народомъ, и учрежденіе Славянскихъ каѳедръ въ Университетахъ Бреславскомъ и Берлинскомъ отнюдь не имѣетъ цѣлію пользу науки, а противодѣйствіе Россіи. Пруссаки хотятъ именно приготовить у себя людей, знающихъ Славянскіе языки, людей, которые были-бъ въ состояніи дѣйствовать литературно на Славянъ, и, въ случаѣ войны съ Россіей, могли бы быть употреблены на службу съ пользою: это знаю я документально. Вотъ въ какомъ расположеніи находится Правительство къ намъ, такъ что на нашей сторонѣ остается болѣе или менѣе только королевская фамилія.

Вредъ для Польши отъ Пруссіи.

Прусское Правительство, предоставляя на законномъ основаніи, по его мнѣнію, столько свободы жителямъ Познани, требующимъ теперь даже особаго войска и судопроизводства, раздражаетъ болѣе всѣхъ нашихъ Поляковъ противъ насъ, питаетъ ихъ ненависть и вмѣстѣ надежду на перемѣну судьбы. Кто знаетъ характеръ Польскій, а характеръ въ этомъ дѣлѣ много значитъ, тотъ согласится со мною, что производятъ въ Царствѣ Польскомъ Познанскія обстоятельства. Теперь не естественно-ли жителю Царства завидовать Познанцу, который говоритъ и печатаетъ все, что ему угодно.

Пруссаки, имѣя у себя Познань и Силезію, опасны для Царства Польскаго, и могутъ простирать свои союзы въ Галлиціи, Австрійской Силезіи и даже Богеміи и Моравіи.

Въ отчетѣ 1839 года я коснулся этого предмета, и предсказаніе мое сбывается. Въ газетахъ безпрестанно помѣщаются статьи въ этомъ духѣ, а Поляки въ Познани прямо печатаютъ, что Богемія должна соединиться съ Польшею. Прусскіе публицисты и журналисты воспользовались съ жаромъ этою мыслію.

Франція и Англія могутъ содѣйствовать въ этомъ случаѣ Пруссіи для представленія оплота Россіи, хотя имѣютъ еще другую мысль, о которой я буду имѣть честь представить ниже Вашему В. Пр.

Кстати скажу здѣсь о восточной и западной Пруссіи, гдѣ ненависть основана къ намъ не на отвлеченностяхъ, а на интересахъ существенныхъ. Эти провинціи обѣдняли въ слѣдствіе запретительной системы, но малѣйшее ослабленіе ея возбуждаетъ неудовольствіе въ жителяхъ Царства Польскаго. Такъ почему же сихъ послѣднихъ не пустить въ полемику съ Пруссаками въ журналахъ, а мы были бы въ сторонѣ?

О системѣ вообще я судить не смѣю, не зная этого дѣла. Нѣмецкіе толки, по коимъ Россія не созрѣла еще для промышленной дѣятельности, какъ для свободы книгопечатанія, очень смѣшны, — а вотъ обстоятельства, достойныя вниманія правительства: въ Лейпцигѣ увѣряли меня, что есть цѣлое устроенное общество, которое беретъ на свой страхъ товары для перевоза ихъ чрезъ границу въ Россію мимо таможень, и что всѣ товары, проданные на послѣдней ярмаркѣ въ Лейпцигѣ Польскимъ жидамъ, были застрахованы такимъ образомъ. Слышно, что есть такое общество въ Кенигсбергѣ и Бродахъ.

Состояніе Пруссіи.

Скажу теперь вообще нѣсколько словъ о Пруссіи. Удивительное явленіе представляетъ она въ наше время. Чего не достаетъ ей? Правосудіе, средства для просвѣщенія, личная свобода, свобода книгопечатанія слишкомъ обширная, а она, недовольная, возмущается, и не видитъ мѣста успокоенія!

Я думалъ прежде, что такъ называемый „духъ времени" не существуетъ, и что это есть выраженіе, придуманное учеными и поэтами. Въ нынѣшнее мое путешествіе, какъ оно ни было кратковременно, я убѣдился совершенно, что духъ времени есть и что съ нимъ бороться трудно. Столько новыхъ, неизвѣстныхъ прежде, отношеній появилось теперь въ Европѣ, что дипломатики и политики вскорѣ должны притти въ тупикъ на старыхъ дорогахъ и въ обветшалыхъ колеяхъ. Легко сражаться и принимать мѣры противъ враговъ явныхъ и знакомыхъ, а теперь выходятъ на поприще и незнакомые, и невидимые. Узы религіозныя, династическія, узы преданія, ослабли въ Пруссіи. Печать становится болѣе дерзкою день отъ дня, министры и правительство подвергаются оскорбленіямъ. Самое университетское ученіе приняло другое направленіе: молодое поколѣніе, схватившись за Гегелевы результаты, растолковало ихъ по своему, пустилось зря въ политику и измѣняетъ самую жизнь. Вотъ почему я думаю, что учрежденіе каѳедры философіи въ Московскомъ Университетѣ, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, необходимо, и послужитъ громовымъ отводомъ, если она достанется благонамѣренному и дѣльному человѣку. Студенты, занимаясь теперь философіей безъ руководства, бросаясь также на результаты и не прилагая спасительнаго труда, могутъ избаловаться и развратиться умственно и нравственно. Конечно это будетъ на короткое время, ибо разсудокъ Русскій крѣпче Нѣмецкаго, но за чѣмъ рисковать, за чѣмъ допускать развратъ и на короткое время? Огнемъ не шутятъ, а въ наше время есть много огней разрушительнѣе ружейнаго и пушечнаго.

Германія, начиная съ сосѣдней съ Пруссаками Саксоніи, раздѣляетъ ненависть ея къ Россіи, и Лейпцигскія, Дрезденскія и Рейнскія газеты возбуждаютъ самыхъ Прусаковъ. Сочиненіе о Пентархіи самымъ страннымъ образомъ возбудило добрыхъ Нѣмцевъ противъ насъ: они обидѣлись, что какой-то ихъ же братъ-фантазеръ рекомендовалъ имъ покровительство Россіи, и

зашумѣли, какъ будто-бъ это покровительство было нужно для Россіи, желалось ею, и вся система не была мечтательною и безполезною. Газетнымъ воплямъ ихъ противъ Россіи нѣтъ предѣловъ, а понятія о ней Нѣмцы не имѣютъ никакого. Толкуютъ о страсти къ завоеваніямъ, объ отвращеніи отъ всякаго образованія, о безнравственности низшаго духовенства, о крестьянскомъ рабствѣ, о жестокости съ солдатами и крѣпостными людьми. „Надо привлекать Славянъ либеральными учрежденіями,“ совѣтуютъ они тѣмъ правительствамъ, во владѣніи коихъ Славяне находятся.

Опасности Германіи.

Что касается до состоянія Германіи, самой въ себѣ, то мнѣ кажется, что она наканунѣ великихъ перемѣнъ, и монархическое правленіе тамъ неминуемо измѣнится или прекратится въ продолженіе пятидесятилѣтія. Дѣло начнется съ Голштиніи, гдѣ ненависть къ Датчанамъ въ полной силѣ, и, по пресѣченіи династіи въ Даніи, она непремѣнно отдѣлится и вѣроятно въ республиканской формѣ.

(Не можетъ-ли Россія предъявить своихъ правъ на Голштинію и получить ее, какъ Герцогъ Кумберландскій получилъ Ганноверъ?)

За Голштиніей послѣдуетъ Ганноверъ послѣ близкой смерти престарѣлаго короля, у котораго почти нѣтъ наслѣдника. Пруссія метитъ на Ганноверъ, но жители не расположены къ ней много. Всего вѣроятнѣе, что Ганноверъ также захочетъ республиканской формы, принадлежащей къ духу времени. Мѣлкія владѣнія Германіи, герцогства, княжества и графства, кои устали, какъ говорятъ они, платить подати на содержаніе своихъ дворовъ, послѣдуютъ ихъ примѣру.

Планы журналовъ.

Мысль о какомъ нибудь единствѣ Германіи, республиканскомъ или Прусскомъ, является безпрестанно въ газетахъ, хотя безъ дальнѣйшаго развитія и опредѣленія: журналисты толкуютъ больше всего о Пруссіи и раздуваютъ тамъ огонь, въ надеждѣ, что если тамъ онъ возгорится, то прочіе Государи по необходимости послѣдуютъ ея примѣру. Теперь обращается болѣе всего вниманія на организацію войска и устройство національныхъ гвардій. „Если мы внутри будемъ довольны и согласны, то и внѣ возбудимъ къ себѣ уваженіе и будемъ въ силахъ бороться съ Романскими и Славянскими народами.“

Цензура въ Германіи, какъ и въ другихъ государствахъ, дѣйствовать никакъ не можетъ и совершенно обветшала: что запретится нынѣ въ одномъ государствѣ, то завтра напечатается въ другомъ—или въ Швейцаріи, Франціи, Англіи, а напечатанное разольется повсюду, какъ вода. Даже Австрія не можетъ остановить привоза запрещенныхъ книгъ, которыхъ получаетъ больше, чѣмъ позволенныхъ.

Столько горючаго и новаго вещества въ Европѣ, и какія благопріятныя обстоятельства для Россіи, которой предстоитъ открытое поле дѣйствовать на югѣ и востокѣ между Славянами,—„лишь только не принимай она,“ говорятъ Славянскіе политики, приверженные къ намъ, „непосредственнаго участія въ прочихъ западныхъ дѣлахъ Европейскихъ, и не трать своей силы на чужія дѣла.“

Отношеніе Англіи.

Въ Англіи я не былъ, но, кажется, можно, и не бывъ тамъ лично, повѣрить и сказать, что ея ненависть къ Россіи не уступитъ Австрійской и Прусской, имѣя впрочемъ другой источникъ, другую причину: востокъ, Азію. Англичане начали дѣйствовать между Славянами и въ прочихъ частяхъ Австрій-

ской Имперіи: Венгерцы, на примѣръ не скрываютъ даже своихъ сношеній съ ними и прямо говорятъ въ газетахъ, что въ случаѣ войны съ Россіей, они увѣрены въ Англійской помощи. Англичане начинаютъ уже съ Польской революціи смущать Швецію противъ Россіи, и замѣтно ихъ вниманіе къ Остзейскимъ губерніямъ.

Но безпокойства въ Индіи и неудовольствія съ Китаемъ въ Азіи, гроза отъ Ирландіи, вмѣстѣ съ внутренними долгами, нищетою и упадкомъ мануфактурнаго класса, свяжутъ ей руки и помѣшаютъ противодѣйствію Россіи.

Франція.

Остается сказать нѣсколько словъ о Франціи. „Вотъ ваша союзница, союзница естественная, вѣрная, полезная,“—восклицаютъ въ одинъ голосъ Славянскіе писатели. „Въ союзѣ съ Франціей Россія можетъ управлять Европою и дѣлать, что ей угодно. Столкновенія у васъ нѣтъ по положенію, а выгоды общія!“ Это начинаютъ чувствовать и во Франціи, которую я проѣхалъ, и является множество людей во всѣхъ классахъ, которые готовы защищать эту мысль и броситься съ распростертыми объятіями къ Россіи. „Одно препятствіе,“—говорятъ Славянскіе политики,—„это отвращеніе вашего Государя отъ нынѣшней династіи, еще болѣе отъ Французскаго духа. Но въ этомъ случаѣ будьте толерантны и смотрите на выгоды болѣе существенныя. Франція съ своимъ духомъ будетъ дѣйствовать такъ на народы, ей единоплеменные, у которыхъ впрочемъ тотъ же духъ, народы Романскіе, Итальянцевъ, Испанцевъ, Португальцевъ, Бельгійцевъ. Франція есть ихъ представительница. А вы господствуйте на востокѣ Европы. Нѣмцы, какъ стѣна, безъ всякой политической значительности, будутъ отдѣлять западъ отъ востока, а Англичане поклонятся!“ Это любимая мысль Славянскихъ политиковъ, и они увѣрены, что она рано или поздно исполнится. „Россія и Франція,—ничто

противустоять имъ не можетъ. Лучше ладить и имѣть дѣло съ однимъ государствомъ, чѣмъ съ десятью и ухищряться до усталости. Вы несогласны между собою въ *принципахъ,* но они не мѣшаютъ одни другимъ, потому что у нихъ по особому поприщу, и негдѣ имъ столкнуться. Въ семействѣ одинъ сынъ можетъ любить военную службу, а другой гражданскую, и разность во вкусахъ не уничтожаетъ ихъ любви. Главное въ политикѣ—польза, а союзъ съ Франціей полезенъ для Россіи, такъ какъ союзъ Россіи полезенъ для Франціи. Съ Англіей не можетъ сойтиться Франція, и не сойдется никогда, не смотря ни накакія усилія, потому что всегда между ними *кость,* точно такъ какъ Россія не сойдется съ Англіей, Австрія съ Франціей, имѣя *яблокомъ* между собою Италію. Однимъ словомъ ни одно государство не можетъ найти союзника надежнѣе для себя, какъ Россія и Франція. Этотъ союзъ могъ состояться еще при Императорахъ Наполеонѣ и Александрѣ, но одинъ былъ чрезъ мѣру благороденъ и безпристрастенъ, а другой слишкомъ властолюбивъ и своенравенъ.“

Мнѣніе о Польшѣ.

Интересны мнѣнія Славянскихъ политиковъ о *Польшѣ.* Они разсуждаютъ вотъ какъ:

„Должна-ли Россія отдѣлить отъ себя *Польшу*, не приносящую ея никакой пользы, кромѣ вреда, или оставить у себя?“

„Отдѣлить ее въ границахъ нельзя, потому что Поляки по своему характеру не будутъ *завтра же* довольны тѣмъ, что дадутъ имъ нынѣ, и пойдутъ до Смоленска, если не сами, то возбуждаемые Европейскими врагами Россіи, кои всегда найдутъ тамъ пріютъ и содѣйствіе, и хлопотъ не оберешься. Слѣдовательно Россія должна ее оставить у себя, какъ необходимое зло. Какъ же управлять ею, оставляя у себя?“

„Если мѣры кроткія и національныя, согласныя всего болѣе съ народнымъ характеромъ, въ особенности, покровительство

языку, литературѣ и исторіи, не удадутся, то надобно однимъ разомъ разселить шляхту по всему пространству Россіи, т. е. поступить, какъ поступилъ Іоаннъ Васильевичъ I съ Новымъ городомъ".

Вотъ мнѣніе Славянскихъ политиковъ, къ намъ приверженныхъ, о политическихъ обстоятельствахъ Европы, преимущественно *въ отношеніи* къ Россіи.

Планы поставить противъ Россіи новую Польшу.

Между Славянами ходитъ теперь также слухъ о двухъ обширныхъ планахъ, принадлежащихъ преимущественно Англичанамъ и Французамъ, которые теперь не опредѣлились еще вполнѣ, но уже въ сильномъ ходу, и на которые Россія, по ихъ мнѣнію, не должна смотрѣть равнодушно.

Общее Славянское движеніе обратило на себя вниманіе Англичанъ и Французовъ. Они начали посылать агентовъ, которые должны были заниматься Славянскими странами и изслѣдовать причину и цѣль движенія. Болгарія, Сербія, Македонія, Молдавія, Валахія, всякій годъ имѣли у себя путешественниковъ, которые увидѣли общую приверженность Славянъ къ Россіи, и поняли, какая опасносность грозитъ Европѣ, если Русскій колоссъ, и безъ того могущественный и страшный, присоединитъ къ себѣ еще тридцать милліоновъ Славянъ, алчущихъ и жаждущихъ соединенія. Естественно представились задачи, какъ прекратить зло, а остаться въ прежнемъ положеніи Славянамъ нельзя, т. е. Австрія перемѣнить свою систему и удовлетворить ихъ не можетъ, ибо съ перемѣною системы *перестала* бы она быть Австріей. Турція еще менѣе. Что же дѣлать? Удовлетворить Славянъ независимо отъ Австріи, Турціи и Россіи, образовать изъ Славянъ новое государство, которое стояло бы даже противъ Россіи, какъ другая Польша.

Гдѣ же средоточіе этого государства? На юговостокѣ, во владѣніяхъ Турецкихъ. Политическіе агенты начали уже дѣйствовать исподоволь, устрашать Славянъ Россіей и распространять мысль о самобытности и независимости, которая нашла уже многихъ приверженцевъ между всѣми Славянами. Съ этою цѣлію *много Сербовъ и даже Болгаръ воспитывается* въ Парижѣ и Лейпцигѣ. Къ счастію, что ни Англичане, ни Французы, точно такъ и Австрійцы, никакъ не могутъ выучиться по Славянски, и потому никакъ не могутъ дѣйствовать вполнѣ.

Англичане и Французы думаютъ также о независимости Богеміи или Венгріи, какъ новой Польши для Россіи, можетъ быть и въ соединеніи съ старою. Этотъ планъ найдетъ, разумѣется, прежде всего сильное сопротивленіе Австріи. Нѣмецкія газеты *толкуютъ* о необходимости покровительствовать *Славянамъ*, и привлекать къ себѣ *либеральными* учрежденіями въ тѣхъ государствахъ, гдѣ они находятся, т. е. Австріи и Пруссіи, чтобъ не допускать до сближенія съ Россіей. Какъ бы ни были еще темны эти мысли, но наши друзья, знающіе дѣло, совѣтуютъ вообще обращать теперь преимущественное вниманіе на Сербію, не только для того, чтобы противодѣйствовать замысламъ враговъ, но и для того, чтобъ имѣть на всякій случай *важную* точку отправленія, и дѣйствовать на Австрію и Турцію. На Турцію, чрезъ сосѣдство съ единоплеменною, единовѣрною и почти единоязычною Болгаріею и Босніею, которыя всегда могутъ возстать и доставить сколько угодно войска, продовольствія,— нечего говорить о мѣстныхъ свѣдѣніяхъ. На Австрію,—потому что въ Австріи слишкомъ три милліона такихъ же Сербовъ, живущихъ вплоть до Адріатическаго моря, гдѣ готовы подать намъ руку Черногорцы.

Требуется содѣйствіе образованію Сербіи.

Если Русское правительство не имѣетъ этого плана теперь, пусть оно дѣйствуетъ посредственно на образованіе Сербіи,

Болгаріи и проч. своими совѣтами чрезъ Бѣлградскаго, Ясскаго и Бухарестскаго консуловъ, своими пособіями, примѣромъ и заступленіемъ при Дворѣ Константинопольскомъ. Надо устроивать училища, учреждать суды, обучать полки. На всякій случай, никогда не мѣшаетъ имѣть друзей гдѣ бы то ни было. По крайней мѣрѣ надо стараться, чтобъ западный духъ, Французское и Нѣмецкое воспитаніе, Римская церковь, не пускали тамъ корней, а они пускаютъ, хотя менѣе, чѣмъ въ Греціи, и показывается охлажденіе къ Россіи.

Мнѣнія о послѣдней Сербской революціи.

О послѣдней революціи въ Сербіи вотъ собранныя мною свѣдѣнія: 1) Сербы погрязли въ интригахъ, и имѣютъ нужду въ нравственномъ возрожденіи еще болѣе, чѣмъ въ политическомъ; 2) Въ партіи Вучича и Петроніевича есть впрочемъ болѣе людей благонамѣренныхъ и дѣльныхъ, чѣмъ между приверженцами Обреновичей. Впрочемъ Сербамъ мудрено вѣрить, потому что они часто мѣняютъ свои расположенія, смотря по личнымъ своимъ страстямъ; 3) Обреновичи, особенно Милошъ, тѣснѣе связаны съ Австріей и болѣе привержены ей, чѣмъ Россіи; 4) Между Славянами было сначала болѣе симпатіи къ партіи Вучича и Петроніевича, чѣмъ къ Обреновичамъ; 5) Русское Правительство дѣйствуетъ въ Сербіи слишкомъ мало, отвлеченно, и обращаетъ мало вниманія на новыя обстоятельства, замыслы и дѣйствія Англичанъ и Французовъ.

Жалобы Славянъ на Россію.

Эта послѣдняя жалоба относится и ко всѣмъ Славянамъ вообще, между которыми замѣчается охлажденіе повсюду. Друзья наши говорятъ, что мы осторожность свою простираемъ слишкомъ далеко, и подаемъ поводъ врагамъ дѣйствовать противъ себя, предлогъ обвинять насъ въ эгоизмѣ, чѣмъ и

содѣйствуется исполненіе ихъ отдаленныхъ плановъ. Несчастные страдальцы готовы принять руку помощи отъ кого бы то ни было, и отъ чужихъ, когда родные отказываются, тѣмъ болѣе, что чужіе дѣйствуютъ ревностно, и употребляютъ средства обольщенія самыя дѣствительныя, а родные не дѣлаютъ ничего и тамъ. гдѣ могутъ, не нарушая даже приличія. Въ такомъ случаѣ приверженность можетъ обратиться въ ненависть. Нельзя поручиться, чтобъ это не произошло даже скоро при нынѣшнемъ быстромъ ходѣ дѣлъ, если Россія не начнетъ обнаруживать своего расположенія къ Славянамъ, не будетъ подавать помощи, хотя тайной, незначительной, Славянскимъ корифеямъ, не приметъ подъ свое дѣятельное покровительство по крайней мѣрѣ Славянскую православную церковь въ Турціи.

Мнѣнія Славянъ, приверженныхъ къ Россіи.

Если Англичане и Прусаки могутъ учредить протестанское епископство въ Іерусалимѣ, если Папа посылаетъ миссіонеровъ предъ лицемъ всей Европы, если католики дѣйствуютъ явно въ Греціи, то кто же можетъ запретить Россіи дѣйствовать въ пользу своей родственной церкви въ Болгаріи, Босніи, Герцеговинѣ, гдѣ она находится на крайней степени униженія и страданія, гдѣ священникъ на престолѣ подлѣ чаши съ кровію Господней кладетъ пару пистолетовъ? Не послушаются-ли Греки, угнетающіе Славянскій языкъ въ богослуженіи болѣе, чѣмъ Австрійцы и Турки, одного слова Россіи? А Россія не произноситъ этого слова, говорятъ Славяне, и слѣдовательно не думаетъ о нихъ, а еще менѣе объ насъ, которые стоимъ дальше и различнѣе по языку и исповѣданію. Какъ же намъ надѣяться на нее, и не лучше-ли ждать спасенія отъ Запада, чѣмъ отъ Востока?

Столько же необходимо,—говорятъ приверженцы наши,—и покровительство Польской литературѣ. Наши враги стараются

внушить теперь Славянамъ, дорожащимъ болѣе всего своею національностію въ слѣдствіе притѣсненія Австріи и Турціи, что они не могутъ надѣяться лучшей участи отъ Россіи, судя потому, какъ она мало заботится о національности. Повторю мысль мою при отчетѣ 1839 года: *національности никакой уничтожить нельзя*, напротивъ сила сія увеличивается по мѣрѣ покушеній противъ оной, и онѣ, кромѣ вреда, ничего принести не могутъ.

Въ этомъ отчетѣ я представилъ Вашему Высокопревосходительству обозрѣніе, что можно сдѣлать въ пользу Славянскихъ партій и ихъ представителей, слѣдовательно въ пользу политическую для Россіи на будущее время. Теперь могу сказать, что эту помощь считаю необходимою, если Россія не рѣшилась оставить Славянъ совершенно на произволъ судьбы и Европейскихъ интересовъ. Я берусь доставить ее еще болѣе тайно, нежели Англичане доставляютъ порохъ Черкесамъ, или Пруссаки—запрещенныя книги Полякамъ. Большую часть этой помощи можно даже дѣлать и публично, отъ имени Россійской Академіи и историческихъ обществъ. Мы даемъ денегъ Сильвестру напечатать Реймское Евангеліе въ Парижѣ, содѣйствуемъ печатать Русскія древности въ Копенгагенѣ, какую же политическую неудобность имѣетъ задача написать исторію Славянскихъ государствъ, или сочинить лексиконъ того или другаго нарѣчія, грамматику? Однимъ словомъ, — литературное публичное пособіе не можетъ произвести никакого волненія въ Европейскихъ кабинетахъ. И о какой суммѣ идетъ здѣсь рѣчь? отъ 10 до 25 тысячъ ежегодно для всего Славянскаго міра. Это такая бездѣлица, которую частные люди могли бы пожертвовать, если-бы у насъ было болѣе общаго образованія.

„Россія дѣйствовала очень безкорыстно, начиная съ 1812 года“, говорятъ Славяне, „но кто же вѣритъ ея умѣ„ренности, кто благодаритъ ее? Рѣшительно никто. Какую же „пользу приноситъ эта умѣренность, а между нами вы теряете?“

Обращу вниманіе Вашего Высокопревосходительства вотъ еще на что: между молодыми нашими людьми, особенно университетскими, распространяется расположеніе къ Славянамъ, и они начинаютъ въ путешествіяхъ своихъ заѣзжать въ Славянскія страны. Растолковать имъ всѣмъ, какъ они должны вести себя тамъ, нѣтъ возможности, и они очень легко могутъ изъ любопытства пуститься въ разговоръ съ Славянами объ ихъ состояніи, между которыми также немного скромныхъ, благоразумныхъ и умѣренныхъ *Шафариковъ*. Австрійскіе шпіоны видятъ вездѣ интриги, смущаются, сердятся. Слѣдовательно лучше дѣйствовать прямо и гласно, и показывать въ своихъ сочиненіяхъ и статьяхъ, (которыя необходимы, ибо молчаніе наше слишкомъ подозрительно), что мы по обязанности принимаемъ только ученое участіе въ Славянахъ, а тамъ, что Богъ дастъ, то и будетъ.

(Здѣсь слѣдовали страницы три объ отношеніи православія къ католикамъ и протестантамъ, —кои у меня затерялись).

Въ заключеніе, представляя на видъ Вашему Высокопревосходительству мои замѣчанія, долгомъ поставляю прибавить, что главнымъ источникомъ моимъ были бесѣды съ Славянскими корифеями, и потомъ распросы знающихъ людей, коихъ случилось мнѣ встрѣтить на водахъ, мимоѣздомъ, въ гостинницахъ, за общими столами, въ газетахъ. Я не имѣлъ нигдѣ возможности оставаться долго, углубляться въ изслѣдованія. Можетъ быть въ нихъ не много дѣльнаго и новаго, и я могъ бы представить въ этомъ родѣ что либо болѣе основательное, если бы имѣлъ къ тому время и средства. Почту себя счастливымъ, если хотя что нибудь обратитъ на себя благосклонное вниманіе Вашего Высокопревосходительства, и удостоится представленія Государю Императору, какъ то было съ отчетомъ 1839 года.

Это письмо осталось въ министерствѣ, по слишкомъ рѣзкому несогласію съ общимъ мнѣніемъ.

IV.

Къ Графинѣ Б.....ой, о начавшейся войнѣ.

(1853 года, Декабря 7.)

Вы хотите, чтобъ я написалъ вамъ отчетъ о своемъ путешествіи, особенно въ отношеніи къ Славянамъ и современнымъ вопросамъ. Но съ какою цѣлію буду я писать къ вамъ этотъ отчетъ? Если не произвело никакого дѣйствія, и пропало безъ вѣсти мое донесеніе 1842 года, *) которое такъ великолѣпно и удивительно, даже для меня самого, паче чаянія, оправдалось и оправдывается послѣдовавшими событіями, съ нынѣшними включительно, то какую пользу можетъ принести краткая записка? Но такъ и быть. Исполню ваше желаніе, какъ могу, второпяхъ. Признаюсь, у меня самого давно ужъ порывалася рука, давно ужъ волновалася желчь при чтеніи иностранныхъ газетъ. Западная логика выведетъ хоть кого изъ терпѣнія: переведемъ на простой Русскій языкъ ея послѣднія выходки.

Помиритесь съ Турками, говоритъ она Россіи, вотъ примирительная нота, нами сообща сочиненная, примите ее, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы вы не толковали ея статей въ свою пользу, а во вредъ, противъ себя, а не для себя, подъ строгой отвѣтственностію.

Или воюйте съ Турками, проливайте свою кровь, истощайте свои силы, побѣждайте, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ послѣ побѣды вы отказались отъ всѣхъ своихъ выгодъ, не только

---

*) См. выше.

настоящихъ, но и прошедшихъ, полученныхъ вашими предками, а предоставили рѣшеніе намъ, и мы устроимъ всѣ ваши дѣла, какъ можно полезнѣе для себя, а не для васъ.

Каково положеніе предоставляется Россіи и въ мирѣ, и въ войнѣ, и даже послѣ побѣды! Мудрено выбирать! Не лучше-ли желать намъ ужъ пораженія? Есть-ли смыслъ не только политическій, но общій человѣческій, въ этихъ предложеніяхъ? Нѣтъ, господа, по Русски понимаемъ мы дѣло такъ, что если вы предлагаете намъ миръ, то мы имѣемъ полное право толковать его въ свою пользу: никто себѣ не лиходѣй, а если воевать, такъ по крайней мѣрѣ не даромъ, а работать за себя, а не за васъ, для какого-то мнимаго равновѣсія.

А каково разсуждаютъ они объ этомъ равновѣсіи?

Франція отнимаетъ у Турціи Алжиръ; Англія присоединяетъ къ своей Остъиндской монархіи всякій годъ почти по новому царству: это не нарушаетъ равновѣсія, а Россія заняла Молдавію и Валахію, на время, по слову Русскаго Государя, (кто же смѣетъ ему не повѣрить), и всѣ государства расшатались. Франція среди мира занимаетъ Римъ и остается тамъ нѣсколько лѣтъ: это ничего,—а Россія, если даже думаетъ только о Константинополѣ, въ ихъ собственномъ воображеніи, то все зданіе Европейской политики колеблется. Англія объявляетъ войну Китайцамъ, которые, будто бы, ее оскорбили: никто не имѣетъ права вступаться въ ея дѣла, но Россія должна спрашивать позволенія у Европы, если поссорится съ сосѣдомъ. Англія разоряетъ Грецію, поддерживая фальшивый искъ одного бѣглаго жида, и губитъ ея флотъ, — это дѣйствіе законное, а Россія требуетъ, въ силу трактатовъ, безопасности милліонамъ христіанъ, — это слишкомъ усиливаетъ ея вліяніе на Востокѣ, въ ущербъ всеобщаго равновѣсія. Австрійская Имперія погибаетъ,—всѣ западныя державы молчатъ, и не опасаются, что равновѣсіе безъ нея нарушится, пусть она погибнетъ, напротивъ еще Лордъ Пальмерстонъ старается увеличить ея трудныя

обстоятельства, а мысль, что Турція лишится какой нибудь своей области, или Султанъ ослабѣетъ въ верховныхъ правахъ своихъ, заставляетъ Европу трепетать даже за себя.

Грустно, грустно смотрѣть на Европу. Что сдѣлалось съ нею? Какъ могло случиться, что отступничество, ренегатство, самое постыдное изъ человѣческихъ дѣйствій, даже въ частной жизни, сдѣлалось повсюду какъ будто à l'ordre du jour, безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти? По какому закону совершенствованія могло случиться, что христіанскіе народы, не краснѣя, становятся подъ ненавистнымъ нѣкогда знаменемъ Луны, и празднуютъ ея побѣды, даже выдуманныя? Откуда такая симпатія къ Магомету?

А впрочемъ всѣ стараются о мирѣ и желаютъ добра христіанамъ. По неволѣ вспомнишь объ Іудѣ и объ его лобзаніяхъ.

И что сдѣлала имъ Россія?

Не говоря о 1812 годѣ, годѣ спасенія, отъ котораго вся настоящая Европа ведетъ свое происхожденіе, въ 1848 году,— кто останавливалъ волны революціоннаго потока, грозившаго поглотить все, по собственному ея сознанію, и образованіе, и нравственность, и свободу, и науку, и искусство? Кто, въ 1850 году, не допустилъ Австрію и Пруссію до междоусобной войны, которая могла привесть на край гибели ту и другую, а вмѣстѣ съ нимъ и всю Европу? Предъ началомъ нынѣшней войны, сколько сдѣлано было уступокъ, сколько дано отсрочекъ, сколько принято ограниченій, сколько предложено ультиматовъ и ультиматиссимовъ? Не служили-ль всѣ сіи согласія, увѣнчанныя полнымъ принятіемъ Вѣнской ноты, не служили-ль осязательнымъ доказательствомъ желанія нашего сохранить миръ?

А самыя требованія наши? Онѣ были такъ умѣренны, такъ стары, такъ просты, что только упорное сопротивленіе принять ихъ сообщило имъ значеніе. И если бъ онѣ были исполнены съ перваго раза, безъ дальнѣйшаго разсужденія, (какъ и была

готова Турція, безъ происковъ Англіи, судя по общимъ слухамъ), то, кажется, ни одинъ листокъ не пошевелился бы на деревѣ въ Европѣ, развѣ несчастные Турецкіе христіане вздохнули бы отъ глубины сердца объ отсрочкѣ спасенія, но отъ этихъ потаенныхъ вздоховъ положительная Европа, разумѣется, не покачнулась бы на сторону, и ни одинъ ея вагонъ не выскочилъ бы изъ своихъ рейльсовъ.

Кто же виноватъ въ нарушеніи мира и въ вызовѣ опасностей?

Но мы заняли Княжества?

Временное, условное занятіе Княжествъ, принадлежащихъ намъ почти наравнѣ съ Турціей, при торжественномъ обѣщаніи Императора Николая, которому, повторяю, никто не смѣлъ не вѣрить, послѣ тридцатилѣтнихъ доказательствъ справедливости и великодушія, не значило ровно ничего, кромѣ намѣренія имѣть залогъ, намѣренія, вынужденнаго предыдущими обстоятельствами. Занятіе должно было показать только, что мы предъявили наши требованія, не шутя, и что миссія князя Меньшикова имѣла право на вниманіе, со стороны Турціи, не менѣе миссіи Графа Лейнингена.

Все это такъ ясно, искренно, естественно, осязательно, что, казалось, не имѣетъ нужды ни въ какихъ дальнѣйшихъ поясненіяхъ и доказательствахъ, но слѣпая ненависть и злоба ничего не понимаютъ и понимать не хотятъ. Онѣ видяще не видятъ, и слышаще не разумѣютъ.

Какая же причина этой ненависти?

Здѣсь я долженъ войти въ нѣкоторыя подробности.

Есть двѣ Европы. Европа газетъ и журналовъ и Европа настоящая. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онѣ даже не похожи одна на другую. Въ настоящей Европѣ большинство думаетъ о своихъ дѣлахъ, о процентахъ и объ акціяхъ, о нуждахъ и удовольствіяхъ, и не заботится ни о войнѣ, ни о мирѣ, ни о Турціи, развѣ въ отношеніи къ своимъ непосредственнымъ

выгодамъ. Остальное народонаселеніе, съ журналами и газетами, можно раздѣлить на три категоріи.

Одни ненавидятъ Россію, потому что не имѣютъ объ ней ни малѣйшаго понятія, руководствуясь сочиненіемъ какого нибудь Кюстина и двухъ трехъ нашихъ выходцевъ, которые знаютъ свое отечество еще хуже его. Церковь, во имя которой мы обнажили теперь мечь, называется ересью, всѣ учрежденія считаются дикими, личность—безащитною, литература—безгласною, и вся Исторія—вчерашнею. На мѣстѣ закона они видятъ вездѣ произволъ. Наше молчаніе, глубокое, могильное, утверждаетъ ихъ въ нелѣпыхъ мнѣніяхъ. Они не могутъ понять, чтобъ можно было такія капитальныя обвиненія оставлять безъ возраженія, и потому считаютъ ихъ положительными и истинными. Чему можетъ она сочувствовать? Вотъ вредъ, происшедшій отъ нашего пренебреженія общимъ мнѣніемъ. Мы имѣли бы многихъ на своей сторонѣ, если бы старались не только быть, но и казаться правыми.

Другіе ненавидятъ Россію, считая ее главнымъ препятствіемъ общему прогрессу, бывъ увѣрены, что, безъ Россіи, конституціонныя попытки, въ Германіи и повсюду, удались бы гораздо полнѣе; они думаютъ, что и впредь на этомъ пути прежде всего встрѣтится имъ Россія. Слѣдовательно, всякое увеличеніе Русской силы, которая считается темною, опасно и вредно для свободы, для развитія, для просвѣщенія, и потому непремѣнно, во чтобы ни стало, должно быть останавливаемо и уничтожаемо. Это взглядъ, такъ называемой лѣвой стороны, которую слѣдуетъ вразумлять, что намъ до нея дѣла нѣтъ, хоть на головахъ ходи, лишь только насъ не тронь, пока сама не попроситъ нашего участія.

Къ третьей категоріи принадлежатъ различные выходцы, изгнанники, политическіе бобыли и пролетаріи, которымъ терять нечего, радикалы, которые имѣютъ цѣлію только въ

мутной водѣ рыбу ловить. Они желаютъ войны, какой бы то ни было, надѣясь вызвать ею новыя происшествія, новыя столкновенія, полезныя для осуществленія ихъ замысловъ, частныхъ и общихъ. Между ними Поляки и Венгерцы удовлетворяютъ войною вмѣстѣ и чувству личной мести. Съ этой категоріей всякое объясненіе безполезно: она пойметъ только грозу и силу.

Наконецъ дѣйствуетъ противъ насъ инстинктъ зла, которое, естественно, ненавидитъ добро, и какъ будто слышитъ себѣ грозу съ Востока. Эта злоба безотчетная имѣетъ для насъ даже нѣчто утѣшительное, заставляя предполагать въ себѣ большой капиталъ добра, для насъ самихъ, быть можетъ, сокровенный.

Вотъ вамъ мнѣніе о народахъ и массахъ. Литература играетъ въ Европѣ жалкую роль: или невѣжество или пристрастіе внушаетъ ея рѣчи, преимущественно въ продажныхъ газетахъ и журналахъ, служащихъ отголосками партій, или потакающихъ толпѣ изъ корыстныхъ видовъ.

Правительства почти всѣ противъ насъ: однѣ изъ зависти, другія изъ страха, изъ личныхъ побужденій. Даже Австрія, недавно спасенная нами отъ конечной гибели, объявляетъ себя только что неутральною, и во многихъ случаяхъ, особено судя по послѣднимъ извѣстіямъ, дѣйствуетъ за одно съ морскими державами.

Здѣсь я долженъ объяснить одно недоразумѣніе, которое можетъ встрѣтиться при чтеніи моихъ прежнихъ донесеній: я говорилъ, что Австрія менѣе Турціи имѣетъ внутренней силы и залоговъ своей долговѣчности, а Австрія избавилась такъ блистательно отъ всѣхъ своихъ опасностей 1848 года, и играетъ теперь такую важную роль въ системѣ Европейскихъ Государствъ. Нѣтъ-ли здѣсь противорѣчія моимъ положеніямъ? Нѣтъ, противорѣчія никакого нѣтъ, потому, что

Австрія погибла бы безвозвратно, распавшись на составныя свои части, если бы не спасла ея Россія.

Россія спасла Австрію въ 1850 году, и спасаетъ ее всякую минуту теперь: отнимите у Венгерцевъ, Италіянцевъ, Славянъ, мысль, что въ нужномъ случаѣ Россія вступится опять за Австрію,—и вы увидите, долго-ли простоитъ она!

По симъ причинамъ можно, кажется, говорить съ нею нѣсколько тверже, и не считать ея неутралитета особеннымъ благодѣяніемъ, и если великій Императоръ Россіи, на двадцать девятомъ году своего царствованія, осчастливитъ своимъ посѣщеніемъ Ольмюцъ, то тамошній юноша не долженъ бы, кажется, предъявлять ему выгоды своей искусственной монархіи, существующей, à la lettre, только по доброй волѣ его великодушнаго союзника, а предать ему себя и ее въ полное распоряженіе.

Можетъ быть, я несправедливъ къ нему, пишучи это подъ вліяніемъ иностранныхъ газетъ, которыя приписываютъ ему какую то самостоятельность, оскорбительную для Русскаго, преданнаго своему Государю. Можетъ быть, онъ исполненъ сыновнихъ чувствованій къ своему благодѣтелю, какъ и долженъ, но кромѣ его въ Австріи есть еще правительство, есть дипломатія, есть бюрократія, враждебныя искони Россіи, знаменитыя своимъ предательствомъ, (какъ при Екатеринѣ, такъ и при Павлѣ и при Александрѣ), которымъ и должно открывать иногда глаза, чтобъ не забывались.

Я остаюсь при своемъ мнѣніи, и нынѣшнее путешествіе утвердило меня въ немъ окончательно: союзъ Австріи съ Россіей еще противоестественнѣе союза Франціи съ Англіей. Что это за союзъ, укажу на маловажный примѣръ, если одной книги, одного нумера газеты или журнала, нельзя переслать изъ Россіи въ Австрію безъ величайшаго затрудненія, какъ будто бъ они были пропитаны ядомъ. Утвердиться Россіи на

Дунаѣ Австрія всегда будетъ мѣшать больше, нежели даже Франція и Англія, потому что, приблизясь къ Сербіи, а слѣдовательно и къ ея Воеводинѣ, Сирміи, Военной границѣ, вообще къ Славянамъ, мы повѣсимъ надъ нею мечъ Дамоклесовъ. Такъ изъ чего же будемъ мы хлопотать? А пожертвовать для нея Славянами, значитъ обрубать себѣ руки, увѣчить свое тѣло.

Впрочемъ это все только предположенія. Если вслѣдствіе предшествовавшихъ обстоятельствъ, Австрія есть наша союзница, то такъ тому и быть. Только, conditio sine qua non, она должна быть союзницею вѣрною, искреннею и безусловною, въ огонь и воду, не изъ новыхъ выгодъ и расчетовъ, а съ готовностію принесть всякую жертву въ случаѣ нужды. При малѣйшемъ сомнѣніи, подозрѣніи или уликѣ, (коихъ, вѣроятно, ждать не будемъ долго), медаль должна перевернуться, ибо Австрію выгоднѣе имѣть намъ врагомъ, нежели другомъ, выгоднѣе во всѣхъ отношеніяхъ, даже безъ промѣна ея на Францію, которая можетъ перейти на нашу сторону, а съ Франціей и говорить нечего. Франція за Италію отдастъ намъ въ распоряженіе не только Австрію и Турцію, но пожертвуетъ безъ сомнѣнія и entente cordiale съ Англіей.

Скажутъ: правительство во Франціи непрочно, и неизвѣстно, останется-ли Бонапартъ, или возвратятся Бурбоны. По моему мнѣнію во Франціи — Франція, съ Бонапартомъ или Бурбономъ, смотря по тому, кто пораньше всталъ, да палку въ руки взялъ. Мы можемъ внутренно, нравственно, благопріятствовать болѣе одному, нежели другому, но во внѣшнемъ образѣ дѣйствій подражать Англіи, которая ублажаетъ и Бонапарта и Бурбона, и конституціонную монархію и радикальную республику. Да къ тому же, у Французовъ, внѣшняя политика не зависитъ никогда отъ образа правленія, и въ послѣднее время, Республика, въ эпоху своихъ оргій, дѣйство-

вала въ отношеніи къ единству Германіи и Италіи совершенно въ духѣ старыхъ преданій, какъ будто при Лудовикѣ XIV.

Но оставимъ возможности, и обратимся къ настоящему времени: кто же наши союзники въ Европѣ?

Союзники наши въ Европѣ, и единственные, и надежные, и могущественные, — Славяне, родные намъ по крови, по языку, по сердцу, по исторіи, по вѣрѣ, а ихъ десять милліоновъ въ Турціи и двадцать милліоновъ въ Австріи. Это количество, значительное само по себѣ, еще значительнѣе по своему качеству, въ сравненіи съ изнѣженными сынами Западной Европы: Черногорцы вѣдь станутъ въ ряду поголовно. Сербы также, Босняки отъ нихъ не отстанутъ; одни Турецкіе Славяне могутъ выставить двѣсти или болѣе тысячъ войска, и какого войска! Не говорю о Военной границѣ, Кроатахъ, Далматинцахъ, Славонцахъ и проч. Вотъ естественные наши союзники! Покажите имъ прекрасную, святую цѣль освобожденія отъ несноснаго, иноплеменнаго ига, подъ которымъ они стонутъ четыреста лѣтъ, умѣйте управить ихъ силами, живыми, могучими, восторженными, и вы увидите, какія чудеса ими сотворятся. Да сколько прибудетъ силъ и у Русскаго Самсона? Или духъ его не въ счетъ ужъ пошелъ?

Пріѣзжай-ка Государь въ Москву, на весну, отслужи молебенъ Иверской Божіей Матери, сходи помолиться ко гробу Чудотворца Сергія, да кликни кличь: Православные! за гробъ Христовъ, за Святыя мѣста, на помощь къ нашимъ братьямъ, истомленнымъ въ мукахъ и страданіяхъ, — вся земля встанетъ, откуда что возмется, и посмотримъ, будетъ-ли намъ страшенъ тогда старый Западъ, съ его логикой, дипломатіей и измѣною.

Въ отношеніи къ Туркамъ, мы находимся въ самомъ благопріятномъ положеніи, въ которое поставили насъ они сами, вмѣстѣ съ своими знаменитыми и премудрыми союзниками, по какому то таинственному движенію Исторіи, которая ви-

димо хочетъ чего-то другаго, чѣмъ люди. Мы можемъ сказать: вы отказываетесь обѣщать намъ искреннее, дѣйствительное покровительство вашимъ христіанамъ, котораго мы единственно требовали, увѣряя васъ нѣсколько разъ торжественно, предъ лицемъ всей Европы, что мы не хотимъ ничего больше, и не ищемъ никакихъ завоеваній; вы объявили намъ войну и провозгласили уничтоженіе всѣхъ прежнихъ трактатовъ, для новаго опредѣленія нашихъ отношеній, такъ мы требуемъ теперь освобожденія Славянъ, и пусть война, избранное вами самими средство, по собственному вашему желанію, рѣшитъ нашъ новый споръ.

Скажу даже вотъ что: если мы теперь не сдѣлаемъ этого, не освободимъ Славянъ, такъ или иначе, подъ нашимъ покровительствомъ, то сдѣлаютъ это наши враги, Англичане и Французы, которые только того и ждутъ, чтобы мы оробѣли, (о чемъ распространяются теперь слухи), и согласились заключить миръ, то есть, уступить, то есть, отказаться отъ всякаго вліянія на Востокѣ, отъ миссіи, намъ предназначенной, со времени основанія нашего государства. Они сдѣлаютъ то, чему теперь мѣшаютъ, потому что иначе вопроса рѣшить нельзя, а теперешняя ихъ роль ренегатовъ слишкомъ позорна, и они столько умны, что побоятся оставить ее за собою въ Исторіи. Въ Сербіи, Болгаріи и Босніи, вездѣ между Славянами, они дѣйствуютъ, и завели свои, западныя партіи, кои предсказалъ я впрочемъ за десять лѣтъ предъ симъ. Они развратятъ и освободятъ Славянъ. Каково же будетъ намъ тогда?

Да! Если мы не воспользуемся теперь благопріятными обстоятельствами, если пожертвуемъ Славянскими интересами, если обманемъ ихъ разцвѣтшую надежду, или предоставимъ ихъ судьбу рѣшеніямъ другихъ державъ, тогда мы будемъ имѣть противъ себя не одну Польшу, а десять (чего только враги и желаютъ, о чемъ и заботятся), — и Петровы, Екатеринины,

высокія предположенія и предначертанія — простите на вѣкъ! Имѣя противъ себя Славянъ,—и это будутъ уже самые лютые враги Россіи,—укрѣпляйте Кіевъ, и чините Годуновскую стѣну въ Смоленскѣ. Россія снизойдетъ на степень державъ втораго класса, ко времени Андруссовскаго мира, поруганная и осрамленная, не только въ глазахъ современниковъ, но и потомства, не умѣвъ исполнить своего историческаго предназначенія. Самая великая и торжественная минута наступила для нея, какой не бывало, можетъ быть, съ Полтавскаго и Бородинскаго дня! Если не впередъ, то назадъ — таковъ непреложный законъ Исторіи.

Неужели назадъ? Неужели это случится въ царствованіе Императора Николая, за его неутомимую и безпримѣрную, послѣ Петровой, службу отечеству, впродолженіи тридцати почти лѣтъ, отъ ранняго утра до поздняго вечера, безъ отпусковъ, болѣзней и промежутковъ? Нѣтъ, этого не будетъ, и Богъ его и насъ съ нимъ такъ не накажетъ. Съ нимъ не пойдемъ мы назадъ. Нѣтъ! Благородное, великодушное, Русское сердце его чуетъ, и мы все это видимъ, какія двѣ страницы, не въ примѣръ другимъ, предоставлены ему въ отечественной Исторіи! Неужели промѣняетъ онъ ихъ на ту, гдѣ было бъ сказано: Петръ основалъ владычество Россіи на Востокѣ. Екатерина утвердила, Александръ распространилъ, а Николай предалъ его Западу. Нѣтъ! Этого не можетъ быть, и этого не будетъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

Боже, Царя храни!

---

*) Подъ одною изъ этихъ двухъ страницъ разумѣлось освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

V.

Взглядъ на Русскую политику въ нынѣшнемъ столѣтіи.

(1854, въ Апрѣлѣ)

Есть политика, которая дѣйствуетъ во тьмѣ и состоитъ изъ тайнъ; есть дипломатія, которая имѣетъ цѣлію, по отзыву, кажется, Талейрана, закрывать мысли словами, а не открывать ихъ; но есть и здравый смыслъ, который судитъ о дѣлахъ міра сего, не мудрствуя лукаво, и старается приводить всѣ сображенія къ простой формулѣ: дважды два-четыре.

Намъ Богъ далъ особый видъ здраваго смысла, который выразительно называется у насъ „толкомъ," и не имѣетъ синонима ни на одномъ Европейскомъ языкѣ. Вотъ къ этому чистому Русскому толку я и обращаюсь, предлагая свои мысли о нашей политикѣ впродолженіи нынѣшняго столѣтія.

Найдется въ нихъ дѣльное, пусть употребится по усмотрѣнію; окажется что не дѣльное, пусть отбросится въ сторону, а я, какъ Русскій человѣкъ, какъ вѣрноподданный, какъ старый служитель Исторіи, хочу исполнить свой долгъ.

Нынѣшнее столѣтіе*) открылось, а прошедшее кончилось помощію Императора Павла Австрійцамъ, противъ властолюбивыхъ притязаній Французской республики, и освобожденіемъ почти всей Италіи. Дальнѣйшіе успѣхи Суворова и намѣреніе поразить революцію въ Парижѣ остановлены предательскими мѣрами Вѣнскаго кабинета, какъ теперь документально извѣстно.

*) 18-е столѣтіе могло бы доставить намъ много поучительнаго, но мы оставимъ пока эти дѣла давно минувшихъ дней.

Императоръ Александръ, по восшествіи своемъ на престолъ, два раза посылалъ свои войска спасать Австрію (1805) и Пруссію (1806) противъ Наполеона.

Наконецъ, отразивъ въ 1812 году его нападеніе, вмѣстѣ съ сими союзниками на Россію, онъ продолжалъ войну далѣе, и избавилъ Европу отъ ига Наполеонова, походами 1813 и 1814 годовъ. На Вѣнскомъ конгрессѣ, были возстановлены всѣ разрушенные престолы, и возвращены Государямъ всѣ владѣнія, коихъ они были лишены прежде. Австрія и Пруссія, совершенно разстроенныя и низложенныя Наполеономъ, обязаны были преимущественно Императору Александру за возвращеніе имъ прежняго значенія въ системѣ Европейскихъ государствъ.

Съ ними заключилъ онъ тройственный Священный союзъ—жить братски, помогать другъ-другу всѣми силами и защищать установленный порядокъ.

И съ 1814 года, Россія стала какъ будто на стражу этого порядка: содержа цѣлый милліонъ войска, для самой почти ненужнаго, она готова была останавливать всѣ покушенія ниспровергнуть или поколебать его, гдѣ бы и какъ бы они ни обнаруживались. Сорокъ лѣтъ, милліонъ Русскаго войска готовъ былъ летѣть всюду, въ Италію и на Рейнъ, въ Германію и на Дунай. Императоры Русскіе, сами священной своей особою, скакали на перекладныхъ, какъ фельдъегери, въ Троппау и Лайбахъ, Верону и Вѣну,—а о Берлинѣ и говорить нечего,—чтобъ какъ можно скорѣе и дѣйствительнѣе доставить свою помощь и успокоить любезныхъ союзниковъ. Никакихъ трудовъ и стараній они не щадили, а употребленныхъ милліоновъ Русскихъ денегъ и счесть трудно.

Усилія наши увѣнчивались, казалось, полнымъ успѣхомъ, въ принятомъ смыслѣ, особенно въ отношеніи къ Австріи, Пруссіи и Германіи, и, несмотря на страшное потрясеніе 1848

года, ихъ престолы устояли, а чрезъ нѣсколько времени утвердились даже крѣпче. Опасеніе, что Россія сзади готова наперетъ своею массою, останавливало самыхъ отчаянныхъ республиканцевъ отъ крайнихъ мѣръ, и давало время другой сторонѣ переводить духъ, отдыхать, оправляться.

Но кромѣ нравственной пользы, она приносила помощь дѣйствительную. Въ 1849 году Австрія приведена была на край погибели, вслѣдствіе Венгерскаго возстанія. Двѣсти тысячъ Русскаго войска принудили Венгерцевъ сдаться, и Австрія была спасена. Въ 1851 году Пруссія и Австрія, вслѣдствіе происковъ партій, готовы были начать междоусобную войну, которая неминуемо бы привела обѣихъ на тотъ же край погибели, вмѣстѣ съ Германіей, и двѣсти тысячь Русскаго войска, готовыя стать, по знаменитому слову Императора Николая, противъ перваго обнажившаго мечь, остановили пагубное кровопролитіе.

Дѣйствуя такъ въ отношеніи Европейскихъ государствъ, Россія сама старалась наблюдать и показывать какъ можно болѣе безкорыстія, и въ 1840-мъ спасла она Константинополь отъ покушеній Египетскаго паши; въ 1848 году, когда вся Европа была поставлена вверхъ дномъ, Россія *не ступила ни одного шага* для распространенія своихъ владѣній, доказывая тѣмъ очевидно *великодушіе* своей политики, въ коей наше правительство поставляло какъ будто всю свою честь и всю свою пользу.

Этого мало, — она готова была ко всякимъ уступкамъ, и въ 1846, предоставила Австріи во владѣніе одинъ изъ важнѣйшихъ Европейскихъ пунктовъ — Краковъ.

Она простирала свою снисходительность до того, что старалась всѣми силами избѣгать даже малѣйшаго повода къ недоразумѣніямъ или подозрѣніямъ, и приносила въ жертву

всѣ свои, самые дорогіе, кровные интересы, отказываясь отъ священнѣйшихъ чувствованій. Все для Европейскаго порядка, который былъ, кажется, высшею, единственною ея цѣлію. Тридцать милліоновъ народа Славянскаго, ей соплеменнаго, связаннаго съ ней тѣснѣйшами узами крови, языка и религіи, было оставляемо почти безъ малѣйшаго участія въ ихъ горестной судьбѣ, на жертву всѣмъ истязаніямъ, изъ коихъ Турецкія были самыя легкія, — единственно потому, чтобъ эта помощь и это участіе не произвели какого-нибудь смущенія, непріятнаго чувства, въ союзныхъ державахъ, преимущественно въ Австріи. Даже ученые Русскіе путешественники не получали почти никакого пособія со стороны Русскаго правительства, и должны были прибѣгать къ чужимъ миссіямъ за содѣйствіемъ къ ихъ трудамъ на пользу науки. — Вотъ до какой почти унизительной степени доводима была дипломатическая деликатность, особенно въ отношенія къ Австріи и Пруссіи!

Казалось, — эти два государства, обязанныя, такъ сказать, своимъ существованіемъ Россіи, осыпанныя несмѣтными благодѣяніями, избавленныя, по нѣскольку разъ, отъ конечной погибели, получавшія безпрерывныя доказательства родственной дружбы и пріязни, должны были быть привязаны къ Россіи самыми тѣсными узами, готовы для нея на всякія пожертвованія, коими могли бъ хотя нѣсколько выразить свою благодарность, должны бъ почитать за особенное счастіе всякой случай оказать ей малѣйшую услугу.

И чтоже? Повѣритъ ли Исторія совершающимся предъ нашими глазами событіямъ?

Возникнулъ у Россіи споръ съ Турціей, по поводу несчастнаго состоянія Христіанъ на Востокѣ, которое, не улучшаясь ни сколько, не смотря на обѣщанія самыя торжественныя, возбудило, наконецъ, справедливое сострадание въ сердцѣ

Русскаго Государя, и онъ потребовалъ подтвержденія ихъ старыхъ правъ, купленныхъ Русскою кровью еще въ прошедшемъ столѣтіи. Требованія эти были самыя умѣренныя и легкія, въ сравненіи съ безпрерывными требованіями, по мѣстамъ, Европейскихъ консуловъ, и ничтожныя въ сравненіи съ тѣми, кои предъявляютъ теперь Франція и Австрія.

Но, въ прошломъ году, онѣ показались морскимъ державамъ стѣсняющими власть Султана, (стѣсняющими власть Султана — Исторія! что ты скажешь на это опасеніе первыхъ Христіанскихъ державъ 19 столѣтія?), и онѣ ободрили Турокъ отказаться отъ ихъ исполненія, послали имъ флотъ на помощь. Русскій Государь повелѣлъ занять княжества, зависящія впрочемъ отъ Россіи, въ подкрѣпленіе своего требованія, объявивъ торжественно, что онъ не хочетъ завоеваній, и очиститъ занятыя области, лишь только исполнятся первыя его условія.

Австріи и Пруссіи стоило присоединить *одно* твердое *слово* о согласіи съ Россіей къ этому занятію, и всѣ требованія Россіи, безъ сомнѣнія, были бы исполнены, морскія державы притихли бъ и обдумались, миръ не нарушился бъ и Европа осталась бы спокойною.

Собственная польза ихъ, особенно Австріи, того требовала, какъ мы докажемъ послѣ, чтобъ они сказали это слово.

И этого слова, ни Австрія, ни Пруссія, ту минуту, когда происшествіе подвергалось, такъ сказать, своему кризису, и зависѣло почти отъ ихъ содѣйствія, сказать не хотѣли за Россію, ободряя своей видимой нерѣшительностію, а можетъ быть и еще чѣмъ-нибудь болѣе, къ противодѣйствію!

Никакими словоизвитіями, никакими софизмами, никакими нотами, никогда не могутъ онѣ оправдаться въ этомъ простомъ, ясномъ и непреоборимомъ обвиненіи, которое легло на ихъ голову во вѣки вѣковъ, — въ дополненіе къ прочимъ, коими изобилуетъ Русская Исторія.

Съ самаго начала переговоровъ, Австрія твердила безпрерывно о цѣлости и неприкосновенности Оттоманской Имперіи, которая сдѣлалась столько драгоцѣнною для Европейскихъ государствъ и Европейскаго прогресса, и поставила непремѣннымъ условіемъ своего неутралитета, чтобъ мы не шли впередъ, какъ будто бъ Русское войско можно легко пріучить къ такой тактикѣ, — условіе, въ сущности равное объявленію войны.

Этого мало. Послѣдующими своими дѣйствіями, судя по отзывамъ самыхъ оффиціальныхъ, слѣдовательно свѣдущихъ лицъ, каковы Императоръ Французовъ въ своемъ посланіи къ палатамъ и Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ въ своей парламентской рѣчи, Австрійскій посланникъ въ Парижѣ, который на публичныхъ балахъ объяснялъ свою политику, и Принцъ Прусскій, который искалъ своей популярности, выраженіемъ непріязни къ Россіи, — судя, говорю, по симъ отзывамъ, даже послѣ безусловнаго принятія Русскимъ Императоромъ Вѣнской ноты, Австрія и Пруссія явно показывали, что склоняются гораздо болѣе къ врагамъ Россіи, чѣмъ къ ней, и тѣмъ *опредѣлили наступательный образъ ихъ дѣйствій*.

То есть, Австрія съ Пруссіей, выбирая между двумя сторонами, Россіи съ одной, и Англіи съ Франціей съ другой, выбрали сторону Англіи съ Франціей, которая, не только не думала объ ея спасеніи, въ 1849 году, но, напротивъ, старалась всѣми силами разжигать, вездѣ гдѣ могла, пламя бунта, приняла потомъ подъ свое покровительство ея враговъ и изгнанниковъ, оказала имъ возможныя пособія какъ у себя, такъ и въ Турціи, и даже устроила имъ всѣ нужныя лабораторіи для продолженія ихъ замысловъ, — Австрія приняла эту сторону и оставила сторону Россіи, своей благодѣтельницы и избавительницы.

Это еще не всё. Становясь на сторону Англіи съ Франціей противъ Россіи, она становилась, вмѣстѣ съ своимъ титуломъ апостоличества, на сторонѣ Магомета противъ Христа, и должна была готовиться на помощь Корану, противъ Евангелія. Вотъ даже что не испугало ея, вотъ даже на что рѣшилась она, *лишь бы только не принести какой нибудь, хоть отдаленной, хоть неизвѣстной, хоть отвлеченной пользы* Россіи, не смотря на торжественныя обѣщанія своего благодѣтеля.

Отдаленная, отвлеченная польза Россіи,—и союзъ съ отъявленными своими злодѣями, помощь заклятымъ врагамъ Имперіи (Reichsfeind), побѣда магометанства, — вотъ какія двѣ стороны предоставлялись ей на выборъ, и она не усомнилась выбрать послѣднюю.

За Австріей послѣдовала Пруссія, за Пруссіей Германія.

Съ врагами, съ злодѣями, съ Магометомъ, лишь бы не съ нами!

Какъ объяснить эту сверхъ-естественную злобу? Какъ объяснить такое непостижимое ослѣпленіе?

Русскій Богъ затмилъ ихъ очи!

Господи! со слезами на колѣняхъ благодаримъ Тебя! Никакого благодѣянія не могъ ты оказать намъ больше. Какія потери ни ожидали бы насъ впереди, какія пораженія, тяжелыя для нашего народнаго самолюбія, ни готовила бъ для насъ предстоящая война, но Ты оказалъ уже намъ милость свою выше всякой мѣры: Ты избавилъ насъ отъ нашихъ друзей, а съ врагами раздѣлаться пособитъ намъ и старый нашъ помощникъ, Николай чудотворецъ.

Еслибъ Австрія и Пруссія поступили чуть-чуть поблагороднѣе, почеловѣчнѣе, даже поумнѣе, великодушный Русскій Государь остался бы опять на ихъ службѣ, и опятъ наши войска

должны бы были быть всегда на готовѣ, чтобъ летѣть на Рейнъ и Дунай, въ Германію и Италію, въ помощь любезныхъ союзниковъ, которые теперь показали намъ своекорыстную свою натуру во всемъ безобразіи.

Шварценбергъ, не задолго предъ смертію, говорилъ, что Австрія удивитъ міръ своею неблагодарностію, и точно она удивила—только не знакомыхъ съ ея натурою, а мы не ожидали ничего лучше!

Каково было великодушному, благородному, рыцарскому сердцу Русскаго Государя, перенести этотъ ударъ въ самое чувствительное мѣсто?

Вотъ горькій плодъ пятидесятилѣтной Русской политики, со всѣми ея жертвами, благодѣяніями, услугами, любезностями, въ отношеніи къ Австріи, Пруссіи и Германіи! Вотъ чѣмъ ихъ Государи отблагодарили своего отца и покровителя, при первомъ открывшемся для нихъ случаѣ оказать ему какую-нибудь маловажную услугу!

Прочіе Европейскіе Государи объявляютъ себя также противъ Россіи, болѣе или менѣе. Ни одинъ голосъ не раздается въ ея пользу. Даже Неаполитанскій король, угощенный нами такъ радушно и блистательно, когда мы у него были въ гостяхъ, даже Неаполитанскій король предлагаетъ свои услуги морскимъ державамъ; Датскій волей или неволей служитъ имъ; Шведскій скрываетъ, можетъ быть, болѣе опасные замыслы. Наконецъ, о верхъ посрамленія! Испанская Королева Изабелла хочетъ непремѣнно имѣть представителя въ Турецкомъ лагерѣ, и Генералъ Примъ съ своимъ штабомъ отправляется на сцену военныхъ дѣйствій?

И такъ, Русская политика, въ отношеніи къ Европейскимъ государямъ, которые всѣ становятся противъ нея, оказалась очевидно несостоятельною, и слѣдовательно съ этой стороны не принесла намъ ничего кромѣ вреда.

Но не оказала ль она послѣдствій, болѣе благопріятныхъ, со стороны народовъ?

Народы возненавидѣли Россію, и теперь Русскому почти невозможно путешествовать, не подвергаясь самымъ чувствительнымъ оскорбленіямъ, кои не знаютъ никакихъ границъ.

Народы видятъ въ Россіи, съ ея могуществомъ, главнѣйшее препятствіе къ ихъ развитію и преуспѣянію, злобствуютъ за ея вмѣшательство въ ихъ дѣла, замѣчая только непріятную его для себя сторону, и съ радостію ухватились теперь за первый открывшійся случай сколько-нибудь поколебать ее. Вотъ почему, со всѣхъ сторонъ Европы, изъ Испаніи и Италіи, Англіи, Франціи, Германіи и Венгріи, стекаются офицеры и солдаты не столько помогать Турціи, сколько вредить Россіи. Европейцы управляютъ движеніями войскъ Турецкихъ, строятъ крѣпости, служатъ на корабляхъ, начальствуютъ пароходами, учреждаютъ фабрики для огнестрѣльныхъ орудій. Журналы и газеты истекаютъ желчью, книги устремляютъ на насъ тяжелую свою артиллерію, и вотъ составился легіонъ общаго мнѣнія противъ Россіи, въ дополненіе къ враждебнымъ флотамъ и арміямъ.

Я не стану теперь разбирать, сколько здѣсь есть справедливаго, и точно ли виновата Россія въ приписываемыхъ ей видахъ и возводимыхъ на нее преступленіяхъ. Довольно, что она сдѣлалась ненавистною для народнаго большинства въ Европѣ, — и вотъ второй, не горькій, а горчайшій плодъ Русской политики, въ послѣднее пятидесятилѣтіе.

Намъ остается теперь сказать нѣсколько словъ о самомъ ея началѣ, (principe), объ этомъ такъ называемомъ *законномъ порядкѣ*, во имя котораго она дѣйствовала такъ долго, съ такимъ напряженіемъ, съ такимъ самопожертвованіемъ, и съ такою несчастною наградою, какъ мы сейчасъ видѣли, со стороны правительствъ и со стороны народовъ.

Поддержали ль мы, согласно съ нашею цѣлію, законный порядокъ въ Европѣ?

Нѣтъ! И въ этомъ отношеніи мы имѣли успѣхъ только временный и мѣстный, который почти вездѣ кончился оптическимъ обманомъ. Пересмотримъ всѣ Европейскія государства, и мы увидимъ, что онѣ дѣлали, кому что угодно, не смотря на наши угрозы, неодобренія и прочія мѣры.

Португальцы не захотѣли признать Дона-Мигуеля, и прогнали его, а на престолъ свой возвели малолѣтнюю дочь Дона-Педро.

Испанія точно также поступила, послѣ продолжительной кровопролитной войны, съ Донъ-Карлосомъ, и на престолъ свой возвела малолѣтную дочь Фердинандову.

Вздумалось *Франціи*, и она изгнала Карла X, а объявила Королемъ Людовика Филиппа, потомъ прогнала и его. Вздумалось ей объявить себя республикою, и никто не посмѣлъ съ нею спорить. Вздумалось ей сдѣлать новую перемѣну, и вмѣсто республики учредить у себя Имперію, — ту Имперію, которую союзные монархи именно уничтожили, — и вотъ Наполеону III, (въ самомъ имени новое для нихъ оскорбленіе), они должны были предоставить титло друга и брата.

Бельгія рѣшилась (по проискамъ Англіи) отдѣлиться отъ Голландіи, и она отдѣлилась, составивъ особое королевство, а союзныя державы имѣли честь только подписать протоколъ въ Лондонѣ.

Возстали *Греки*, и вотъ основалось новое королевство, которому Европа имѣла только премудрость назначить Нѣмецкаго короля, какъ будтобъ въ самомъ дѣлѣ уже безъ Нѣмцевъ не было спасенія.

Даже *Швейцарія* дѣлала и дѣлаетъ, что хочетъ.

Вотъ сколько политическихъ событій, совершенно противоположныхъ духу Вѣнскаго конгресса, и совершенно не согласныхъ съ цѣлями Русской политики.

Гдѣ собственно имѣли мы успѣхъ, гдѣ получили мы награду за свои старанія, гдѣ видѣли мы исполненіе своего начала?

Только въ Австріи, Пруссіи и Германіи. Россія, съ милліономъ войска, въ продолженіе сорока лѣтъ, стояла у нихъ на границѣ, какъ буточникъ, и содѣйствовала точно къ сохраненію порядка у нихъ, себѣ на голову, какъ теперь оказалось. Впрочемъ и этотъ успѣхъ нельзя принимать совершенно безусловно: онъ подвергался большимъ ограниченіямъ, а именно: въ Германіи произошли вездѣ значительныя преобразованія, въ Австріи совершилась революція, и Императоръ Фердинандъ долженъ былъ уступить свою корону, и даже не по законамъ старшинства, не брату, не старшему племяннику, а младшему племяннику, Францу Іосифу — революція подобная Іюльской, когда Французы вмѣсто престарѣлаго Карла X, ими изгнаннаго съ внукомъ, избрали Герцога Орлеанскаго. Австрійскіе аристократы исполнили свою революцію только гораздо тише, не площаднымъ, а семейнымъ образомъ, предоставивъ оставленному Императору Пражскій дворецъ со всѣми почестями.

Въ Пруссіи, народъ вытребовалъ себѣ конституцію и прикоснулся даже къ особѣ Короля, но удержался отъ дальнѣйшихъ неистовствъ, опасаясь Россіи.

И такъ, вотъ результаты нашей политики! Правительства насъ предали, народы возненавидѣли, а порядокъ, нами поддерживаемый, нарушался, нарушается и будетъ нарушаться. Слѣдовательно, политика наша была не только для насъ вредна, но и вообще безуспѣшна.

Но будемъ справедливы. Мы разсмотрѣли, подъ вліяніемъ настоящихъ прискорбныхъ и тяжелыхъ для Русскаго сердца впечатлѣній, только дурныя ея слѣдствія, преимущественно для насъ.

Но не можетъ же быть въ великой экономіи Исторіи, чтобъ сильнѣйшее Государство въ мірѣ, подъ управленіемъ славныхъ Государей, въ продолженіе цѣлаго столѣтія, тратило лучшія свои силы совершенно по пустому! Вѣрно такъ должно было! И дѣйствительно, кто поручится, чтобъ безъ воспоминанія о Россіи и ея образѣ мыслей общественный порядокъ во Франціи, въ эпоху ея республиканскаго неистовства, совершенно не погибъ, вмѣстѣ со всѣми плодами новой цивилизаціи, наукъ и искусствъ, и собственность не предалась грабежу; кто поручится, чтобъ не былъ тогда воскликнутъ всеобщій шарапъ!

И еслибъ это случилось во Франціи, то вслѣдъ за нею, исполненная страстей Италія представила бъ навѣрное такія явленія, какимъ удивились бы и средніе вѣка. А въ Германіи развѣ большинство менѣе обнищало и ожесточилось, дальше находилось отъ неистовства? Вспомнимъ Франкфуртскія и Вѣнскія явленія. Послѣдствія необозримы. Страхъ объемлетъ сердце. Кто поручится, что замахнувшаяся рука вездѣ не ослаблялась безсознательною мыслію о сѣверномъ колоссѣ, готовомъ остановить ея порывъ и покарать преступниковъ.

Не станемъ же раскаяваться въ нашихъ трудахъ, нашихъ жертвахъ, нашихъ усиліяхъ. Признаемся въ настоящемъ нетерпѣніи, или даже осудимъ его за то, что оно осмѣливается находить недостатки въ прошедшемъ, или обвинять оное.

Русскія намѣренія растолкованы въ дурную сторону Европой — не ей въ честь, то Богу въ честь, утѣшимся нашей пословицей. Это служба, сослуженная Россіею Европѣ безкорыстно, и даже безъ занесенія въ формулярный списокъ, исполненіе судебъ историческихъ, за которую и воздастъ намъ должное безпристрастная Исторія.

Будемъ справедливы и ко всѣмъ дѣйствовавшимъ лицамъ. Намѣреніемъ освящается дѣйствіе. Они были убѣждены въ святости своей цѣли, и мы должны почтить благородство ихъ

убѣжденій, точно такъ и они должны въ свою очередь согласиться съ нами, что ихъ миссія кончена и начинается другая.

Во всякомъ случаѣ мы остались и не безъ настоящей пользы и награды. Мы сдѣлали драгоцѣнные опыты, и для такого молодаго государства, какъ Россія, у котораго впереди столько будущности, за подобные опыты жалѣть не должно ничего, лишь пошли бы они въ прокъ: мы узнали своихъ друзей. Русакъ задомъ уменъ, говоритъ пословица, и всякъ своей бѣдой ума себѣ прикупитъ, говоритъ басня. Навѣрно, мы будемъ теперь умнѣе, и крывши столько времени чужія крыши, подумаемъ наконецъ и о своей.

Здѣсь я кончу мое письмо, и въ заключеніе, для ясности, повторю вкратцѣ главныя мои положенія и выводы: Россія пятьдесятъ лѣтъ служила Европѣ. Политика ея возбудила противъ нея слѣпую ненависть народовъ и доставила ей черную неблагодарность Государей, вольную или невольную, это въ итогѣ для нея все равно. Касательно законнаго порядка, онъ сохранился, и то только отчасти, въ смежныхъ государствахъ, къ новому для нея вреду,— слѣдовательно политика ея была невѣрная, и должна перемѣниться, хотя для Европы она была, можетъ быть, спасительна, если не популярна, и доставила Императорамъ Александру и Николаю лестное право на историческое титло Европейскихъ благодѣтелей.

VI.

Взглядъ на отношенія враждебныхъ Россіи государствъ.

(1854, въ Апрѣлѣ.)

Мы обозрѣли прошедшее, и видѣли въ какихъ отношеніяхъ находилась Россія къ Европейскимъ государствамъ, впродолженіи текущаго столѣтія; обратимся къ настоящему и посмотримъ, въ какомъ отношеніи къ намъ онѣ теперь находятся.

Турція, Франція и Англія объявили войну Россіи. Австрія и Пруссія видимо держатъ ихъ сторону, а невидимо можетъ быть и болѣе, и присоединятся къ нимъ при первомъ нашемъ положительномъ успѣхѣ, слѣдовательно ихъ можно уже считать противъ насъ. Прочія государства болѣе или менѣе, волей или неволей, имъ содѣйствуютъ, а Швеція, вѣроятно, даже и съ удовольствіемъ. Общее мнѣніе Европейское противъ насъ! Вотъ наши враги.

Разсмотримъ ихъ средства, выгоды и невыгоды, намѣренія и дѣла.

Начнемъ съ Англіи, какъ главной виновницы войны.

Лордъ Редклифъ, принудивъ Турокъ отказываться отъ исполненія требованій Князя Меньшикова, положилъ, такъ сказать, основаніе войны, подалъ поводъ, завязалъ узелъ.

Было ли, съ самаго начала, намѣреніе Англіи начать войну, или только она хотѣла принудить Россію къ нѣкоторымъ уступкамъ, вслѣдствіе невѣрныхъ свѣденій или предположеній о нашей робости, нерѣшительности и неготовности, нельзя сказать навѣрное.

Навѣрное можно сказать только то, что Россія желала войны всѣхъ менѣе, какіе бы виды она ни имѣла въ будущемъ. Россія вела даже какъ будто тильзитскіе переговоры во все продолженіе 1853 года, и мы съ часу на часъ ожидали тильзитскаго мира Англійскаго изданія. Тильзитскимъ миромъ назвалъ бы я слѣдующій: очистить княжества, удовольствоваться вмѣсто фирмана и сенеда другою вокабулою турецкаго лексикона, и получить округленіе границъ въ Азіи pour sauver les apparences, подобно какъ по тильзитскому миру французскаго изданія мы получили Бѣлостокскую область.

Такой миръ, какъ бы онъ ни былъ, въ прошедшемъ году, тяжелъ для нашего самолюбія и унизителенъ, но все таки могъ утѣшить насъ воспоминаніемъ, что за тильзитскимъ миромъ 1806 года вскорѣ слѣдовалъ 1812 годъ. Мы могли быть увѣрены, что Европа, лишь только Россія сняла бы съ нея свою покровительственную десницу, подверглась бы, впродолженіи первыхъ десяти лѣтъ, величайшимъ смутамъ, начиная съ Австріи, которая получила бъ первая наказаніе за свое вѣроломство, потомъ въ Италіи, Германіи, Франціи, — и мы успѣли бы дѣлать на Востокѣ, что намъ угодно. Но теперь не возможенъ уже и тильзитскій миръ, съ которымъ видно соединяется сплошь 1812 годъ: впродолженіи переговоровъ завязался узелъ, и старанія развязать его только что затягивали его крѣпче и крѣпче, о чемъ будемъ мы говорить послѣ. Это особая сторона событій.

Какъ бы то ни было, теперь Англія и Франція хотятъ войны непремѣнно, во что бы то ни стало.

Еслибъ онѣ не хотѣли ея, то не говорили бъ, безъ всякой нужды, съ такимъ ожесточеніемъ о Россіи и Государѣ, не старались бы очевидно задирать его, какъ будто опасаясь, чтобъ онъ не уступилъ и не лишилъ ихъ предлога, вызывая непремѣнно его сопротивленіе, ставя его въ такое положеніе

предъ Россіей и Европой, что онъ не можетъ никакимъ образомъ податься назадъ. (Упрекая насъ въ желаніи войны, онѣ, по пословицѣ, сваливаютъ съ больной головы да на здоровую).

Для чего же онѣ хотятъ войны?

Для того, чтобъ поддержать Турцію, какъ говорятъ онѣ, — это есть нелѣпость. Ихъ посланники, ихъ путешественники, ихъ ученые, представляли имъ, впродолженіи даже послѣднихъ двадцати лѣтъ, множество доказательствъ, что Турція умираетъ, и что оживить ее нѣтъ никакихъ человѣческихъ средствъ. Слѣдовательно желаніе поддержать Турцію — есть предлогъ, но отнюдь не цѣль.

Онѣ хотятъ войны для того, чтобъ унизить Россію и ослабить ея вліяніе на Востокѣ. Положимъ, это желаніе онѣ имѣютъ, но все таки, болѣе или менѣе, отдаленное и неизвѣстное, польза не прямая, не положительная! Вѣроятно ли, чтобъ для такой неопредѣленной цѣли они рѣшились на такія усилія, жертвы и опасности? Какое сравненіе выигрыша съ проигрышемъ и даже съ одними расходами?

Они хотятъ поддержать равновѣсіе. Но почему же они оставляли погибать Австрію, имперію въ 35 милліоновъ, а не 10? Мнимое равновѣсіе должно бы, кажется, нарушиться отъ ея уничтоженія гораздо ближе, чѣмъ отъ уничтоженія Турціи, и онѣ не только не старались предотвратить оное, но дѣлали все нужное для ускоренія катастрофы. Впрочемъ, о нелѣпомъ равновѣсіи говорить долѣе нечего: въ четвертомъ письмѣ представлено нѣсколько примѣровъ, какъ Англичане и Французы понимаютъ равновѣсіе.

Слѣдовательно, должны быть у нихъ въ виду какія-нибудь важныя и положительныя причины. Наши посланники, Парижскій и Лондонскій, вѣроятно, знаютъ ихъ болѣе или менѣе, и

донесли о нихъ въ свое время нашему правительству, равно какъ и о составленіи этого союза Франціи и Англіи, ибо не въ однѣхъ же передачахъ нотъ состояли ихъ обязанности.

Мы можемъ судить объ этихъ причинахъ только гадательно.

Предложимъ же наши гаданія.

Не хотятъ ли Франція и Англія занять Константинополь вспомогательными войсками, овладѣть Дарданеллами, затѣять ссору съ Турецкимъ правительствомъ, объявить о невозможности его поддерживать, превозгласить уничтоженіе Порты, объявить Славянскія и прочія государства свободными, съ какими имъ угодно конституціями, сдѣлать Константинополь вольнымъ городомъ, подѣлить между собою Азіатскую часть, Египетъ, острова и прочія владѣнія, открыть Черное море для всѣхъ народовъ,—и предложить, пожалуй, какую нибудь частицу намъ и Австріи съ Пруссіей? Такимъ образомъ, онѣ скинули бы съ себя и ту поносную роль въ Исторіи, которую онѣ до сихъ поръ принимали.

Говорятъ: Англія и Франція не могутъ не поссориться при дѣлежѣ. Будто не могутъ? Да неужели онѣ, заключая между собою союзъ, рѣшаясь на такія пожертвованія, употребляя такія силы, (Французы можетъ быть послѣднія), не опредѣлили всѣхъ возможныхъ обстоятельствъ въ предстоящихъ дѣлахъ, не предсмотрѣли всѣхъ случайностей, и оставили что-нибудь, даже второстепенное, въ неизвѣстности? По какому праву припишемъ мы имъ такую недальновидность? Безъ сомнѣнія, у нихъ рѣшено все предварительно, и безъ такого рѣшенія они не могли сдѣлать ни одного шага. Поссориться могутъ матросы или офицеры, но не два государства при такомъ великомъ дѣлѣ.

Если бы такой планъ былъ у союзниковъ, чего оборони Боже, то къ намъ можно бъ было приложить пословицу: въ глазахъ деревня сгорѣла.

При такомъ ходѣ дѣла, Австрія увидѣла бы свою ошибку, поняла бы, что она попалась изъ огня да въ полымя, но сдѣлать ничего не могла бъ, и ей оставалось бы только заботиться о сохраненіи своихъ Славянъ, которые, разумѣется, вскорѣ послѣдовали бы за Турецкими.

Турецкіе Славяне влекутся издавна сердцемъ къ Россіи. Они сочли бы себя на первое время одолженными Россіи, какъ начавшей борьбу, но своя рубашка къ тѣлу ближе, и они рады будутъ получить свободу отъ кого бы то ни было: они будутъ готовы защищать новый порядокъ вещей даже и противъ Россіи.

Да и за что и съ кѣмъ тогда воевать Россіи?

Это, кажется, единственный, выгодный для нихъ, благовидный для Исторіи, полезный для Европы, разумѣется, съ Европейской, а не съ Русской точки зрѣнія, планъ, котораго нѣкоторыя черты предпологалъ я еще въ донесеніи 1842 года. Въ послѣднее время, недѣли двѣ, эта мысль давила меня, какъ домовой, и не давала мнѣ спать; впрочемъ и теперь я не со всѣмъ еще отъ нея освободился, хотя изъ всѣхъ дѣйствій Англіи и Франціи, изъ всѣхъ рѣчей, произносимыхъ въ собраніяхъ, нѣтъ ни малѣйшаго повода къ предположенію подобнаго исхода: не заготовляются ни какія выраженія, тамъ и сямъ, кои можно было бы впослѣдствіи напомнить, и коимъ можно бъ было придать новый смыслъ, не избѣгаются случаи къ подтвержденію первой объявленной цѣли, принимаются такія торжественныя обязательства, по отношеніямъ къ Австріи и Пруссіи, съ такою силою и убѣжденіемъ отклоняются мысли о завоеваніяхъ и распространеніи владѣній, и вообще все дѣло ведется такъ, что Турція непремѣнно должна существовать въ намѣреніяхъ союзныхъ державъ, и всякая перемѣна въ ихъ политикѣ представилась бы послѣ, не смотря ни на какіе блистательные результаты, такимъ

вопіющимъ обманомъ, что мудрено допустить наше предположеніе. Главное, всѣ увѣренія морскихъ державъ почти вѣдь и не нужны; безъ нихъ обойтись онѣ могли бы, слѣдовательно онѣ не были бы дѣланы, если бъ дѣйствительно была у нихъ вышеписанная цѣль.

Второе предположеніе:

Англія хочетъ войны для того, чтобъ въ мутной водѣ рыбу ловить, по наслѣдственному постоянному правилу ея политики, признанной за нею всѣми Европейскими народами, съ историками и учеными во главѣ. Можетъ быть, по ея расчетамъ, въ коихъ едва ли кто съ нею въ состояніи состязаться, оказывается необходимость въ перетасовкѣ собственныхъ капиталовъ, въ произведеніи новыхъ потребностей у прочихъ державъ, въ устроеніи новыхъ отношеній на Востокѣ, въ ослабленіи или напряженіи даже самой Франціи, въ уничтоженіи морской силы Россіи, и тому под. Повторяю, это ея расчеты, на кои она мастерица, и кои никто обнять вполнѣ не можетъ. Она можетъ быть сочла всѣ возможные барыши и всѣ возможные убытки, и рѣшила, что теперь выгоднѣе воевать, нежели оставаться въ покоѣ, и обманула такъ или иначе любезнаго Наполеона, завлекши его съ собой въ роковую войну.*)

Но вѣдь и онъ не промахъ. Если не вышеписанные виды имѣлъ онъ, начиная войну, то все же имѣлъ онъ какіе-нибудь другіе, не менѣе важные: ибо онъ рѣшился въ эту войну ставить на карту не только корону, но можетъ быть и жизнь свою. Какіе же виды можетъ имѣть онъ?—Разумѣется не Англійскіе, не мутную воду, потому что его обстоятельства совершенно другія.

---

*) Написавъ это, я услышалъ о брошюрѣ нашего знаменитаго публициста Г. Тенгоборскаго, который цыфрами доказываетъ такое предположеніе.

Не обманываетъ ли онъ Англіи, племянникъ своего дяди, одолженый всѣмъ своимъ бытіемъ его тѣни, а тотъ проклинаетъ Англію вѣроятно и на томъ свѣтѣ. Не хочетъ ли онъ довести ее до крайности, не хочетъ ли онъ привести дѣла въ такое положеніе, чтобъ сдѣлаться главнымъ лицемъ, и имѣть въ своихъ рукахъ ключи положенія, чтобъ предложить тогда, разумѣется, на выгодныхъ для себя условіяхъ, соразмѣрныхъ съ своею услугою, союзъ Россіи, оставленной всѣми союзниками, раздраженной и находящейся все-таки, не смотря на ея великія силы и средства, въ трудныхъ обстоятельствахъ? То есть, Наполеонъ III набиваетъ себѣ теперь цѣну въ глазахъ Россіи. Вотъ была бы штука, вотъ просвѣтлѣла бы тѣнь Наполеонова, вотъ захлопали бы въ ладоши Французы, вотъ разинули бы ротъ Нѣмцы, вотъ протянули бы длинныя свои фигуры, Англичане! На первую минуту, много было бы радости въ Европѣ, но на вторую минуту мысль, что Россія съ Франціей въ союзѣ, заставила бы поникнуть всѣ мудрыя головы.

Нѣтъ, это мечта, которая, впрочемъ, на нѣсколько времени, имѣла за собою много, не только привлекательнаго, но даже и вѣроятнаго. Дѣйствія Наполеона, слова, рѣчи, въ последнее время, становясь крѣпче и крѣпче, яснѣе, положительнѣе и положительнѣе, не оставляютъ мысли о подобной развязкѣ. Какіе бы виды онъ ни имѣлъ, но онъ идетъ съ Англіей, а какіе это виды, угадать можно еще менѣе, чѣмъ виды Англіи.

А если дѣйствительно онѣ не хотятъ больше ничего, кромѣ того, что объявляютъ, — и какихъ-нибудь второстепенныхъ пріобрѣтеній и преимуществъ?

Тогда должно сказать только, что Богъ ихъ ослѣпляетъ, и ведетъ на казнь, болѣе или менѣе жестокую. Турцію онѣ не возстановятъ, потому что она сгнила; имѣть ее у себя на

содержаніи онѣ не могутъ, потому что самимъ содержаться въ обрѣзъ; Христіанъ уравнять въ правахъ онѣ не могутъ, потому-что судьей все-таки остается Турокъ, который слушать-то будетъ Христіанъ, но рѣшать по Турецки; Россіи унизить и ослабить онѣ не могутъ, ибо даже потеря флотовъ, потеря нѣсколькихъ гаваней, нѣсколькихъ корпусовъ, можетъ только на время ее остановить, но не болѣе, а дружба Христіанъ, то есть Славянъ, которые останутся на ея сторонѣ, разумѣется, при умѣніи обходиться съ ними, послѣ даже неудачной ея борьбы, всегда дастъ ей средства рѣшить дѣло иначе. А онѣ висятъ на волоскѣ! Не говорю о бурѣ, которая разсѣяла непобѣдимую армаду Филиппа II, но Суворовская побѣда теперь надъ тремя Турецкими корпусами, стоящими порознь, до прибытія вспомогательныхъ войскъ Французскаго и Англійскаго, общее возстаніе Славянъ, можетъ поставить ихъ въ такое положеніе, что давай Богъ ноги. Не ужели этого не было у нихъ въ предположеніи всѣхъ возможностей и случайностей?

А сверхъ того, какова еще перспектива въ Исторіи? Слѣдовательно, кромѣ сверхъ-естественнаго ослѣпленія, нельзя будетъ объяснить иначе роковаго ихъ союза и похода.

Къ числу ихъ явныхъ ошибокъ или недоразумѣній, все-таки мы должны причислить, что Славянскаго движенія и его возможности они не понимаютъ, не могутъ взвѣсить, и слѣдовательно, при своихъ политическихъ вычисленіяхъ, подвергаются большимъ ошибкамъ, остающимся въ нашу пользу, *если мы*, въ свою очередь, *будемъ умѣть употребить ихъ*.

Что они не понимаютъ Славянъ, такъ это мы видимъ и на томъ, что они даже Грековъ не проникли, Грековъ, которые находятся отчасти подъ ихъ властію, и вообще подъ надзоромъ и наблюденіемъ: они не предполагали возстанія. Австрія, вмѣстѣ

съ Турціей, находятся на краю бездны, а все-таки не понимаютъ Славянъ; *да и мы, едва ли можемъ похвалиться предъ ними ясновидѣніемъ*. Слѣдовательно на всякаго мудреца бываетъ и простота!

Перейдемъ теперь къ любезной Австріи, любимицѣ Суворова, Кутузова и Паскевича.

Разумѣется, сначала она не желала войны, потому что войной не могла ничего пріобрѣсть и много потерять, или, по крайней мѣрѣ, подвергаться опасности. Когда переговоры приняли рѣшительный характеръ, и отношенія Англіи и Франціи натянулись, она не хотѣла подкрѣпить требованій Россіи, и въ этомъ сдѣлала она, кромѣ безпримѣрной неблагодарности, ужасную ошибку, которая можетъ стоить очень дорого, а намъ принесть пользу со временемъ, или даже скоро. Подкрѣпивъ Россію въ извѣстную минуту, она уничтожила бы возможность войны, ибо Россія, не вполнѣ изготовленная, очевидно колебалась, и готова была къ умѣренности; драгоцѣнный для Австріи in statu quo, остался бы, можетъ быть, на долго. Положимъ, она боялась и боится Франціи, которая можетъ причинить ей много хлопотъ въ Италіи. Но кому можно вѣрить больше, — Лудовику Наполеону или Императору Николаю, не говоря уже о прежнихъ обязательствахъ нравственныхъ и положительныхъ? Если Лудовикъ Наполеонъ сладитъ съ Россіей, то оставитъ ли онъ ей Италію? А держась за Россію, — она смѣло могла надѣяться на нашу помощь, и задержать много наши дѣйствія въ Турціи. Въ дружбѣ она причинила бы намъ гораздо болѣе вреда, какъ и причиняла всегда, нежели во враждѣ. Она послушалась тайной своей ненависти, и Богъ ее накажетъ: дни ея сочтены. Я говорилъ въ одномъ своемъ письмѣ, что Австрію выгоднѣе имѣть намъ врагомъ, чѣмъ другомъ. Сколько вреда она уже причинила

намъ, даже въ продолженіе этой войны: какъ сначала она не хотѣла вымолвить одного слова въ пользу Россіи, такъ послѣ начала показывать безпрерывно свое расположеніе къ союзнымъ державамъ, выставляя своимъ благодѣяніемъ для насъ неутралитетъ, а между тѣмъ, все-таки заставляя насъ, подъ личиною дружбы, бояться за свой тылъ.

Она старалась всѣми силами связывать руки Россіи, заявить цѣлость и неприкосновенность Турецкой Имперіи, (что мы за нею уже и безъ нужды повторяли); требовала, чтобы мы не переходили за Дунай, и грозила, въ противномъ случаѣ, занять Сербію. Что же предоставляла она дѣлать намъ? Прогуливаться въ княжествахъ и платить Волошскимъ торгашамъ и Вѣнскимъ подрядчикамъ чистыми деньгами за наше продовольствіе. Она позволяла намъ воевать съ тѣмъ только, чтобъ мы отказались впередъ отъ всѣхъ выгодъ войны, а несли однѣ невыгоды. Какая добрая!

Положеніе Австріи понятно: она боится, и очень основательно для себя, чтобъ мы,возбудивъ, или, покрайней мѣрѣ, подавъ поводъ къ возстановленію Славянъ Турецкихъ, не оказали вліянія и на Австрійскихъ, которые захотятъ того же, могутъ отдѣлиться отъ нея и поколебать ея существованіе. Второстепенныя опасенія—принадлежность Дуная Россіи. По сему она ненавидитъ насъ, и подаетъ помощь Англіи и Франціи, но она забываетъ, что одна мысль о разрывѣ ея съ Россіей, ободритъ всѣ принадлежащія ей враждебныя населенія, начиная съ Сербовъ, и она подписала свой смертный приговоръ по тому же ослѣпленію.

Она погибнетъ вмѣстѣ съ Турціей, или вслѣдъ за нею, погибнетъ вслѣдствіе естественнаго распаденія частей, которыя не могутъ держаться болѣе въ связи, при столь развившихся народностяхъ.

Bella gerant alii, tu felix, Astria, nube — такъ опредѣлилъ Австрійскую Исторію и судьбу знаменитый Венгерскій король Матвѣй Корвинъ; а нынѣ вѣкъ эманципаціи: Австрійскія жены требуютъ развода, совпадая съ правилами мадамъ Жоржъ Занда.

Австрія должна погибнуть, не смотря на всѣ усилія своихъ Меттерниховъ или Іезуитовъ, которые не понимаютъ вполнѣ своей болѣзни, и въ новое время надѣются напрасно на старыя лекарства. Но до погибели своей, она можетъ еще сдѣлать много зла, которое уже и начала, хотя, до сихъ поръ, отрицательно. Слѣдовательно, мы должны принять въ соображеніе ея послѣднія силы или усилія.

Пруссія имѣетъ менѣе причинъ опасаться насъ, и слѣдовательно ненавидѣть, желать намъ зла. Но она должна бояться Франціи за Рейнскую свою половину. Объявляя себя противъ насъ, она отклоняетъ западную опасность,—я говорю о правительствѣ,—и вмѣстѣ удовлетворяетъ общему мнѣнію, которое противъ насъ, а общее мнѣніе противъ насъ вслѣдствіе подозрѣнія о нашихъ деспотическихъ намѣреніяхъ, вслѣдствіе мнимаго вмѣшательства въ ихъ домашнія дѣла. Дополненіемъ, предлогомъ или оправданіемъ войны противъ насъ, служитъ ей связь съ Германіей и обязанность покровительствовать ея интересы, которые подвергаются будто великой опасности, вслѣдствіе водворенія Русскихъ на Дунаѣ. Опасности намъ со стороны Пруссіи больше, чѣмъ со стороны Австріи, потому что ея населеніе цѣльнѣе, а враждебная часть, Поляки, враждебна и намъ, слѣдовательно не можетъ принести намъ пользы, какъ враждебное населеніе Австріи. Пруссія можетъ сдѣлать намъ много вреда, особенно въ соединеніи съ прочими.

Швеція, по крайней мѣрѣ, молодежь, и лѣвая сторона, при такомъ общемъ возстаніи главныхъ державъ Европейскихъ на Россію, надѣется возвратить Финляндію, и отмстить сколько-

нибудь за униженіе, въ чемъ разумѣется есть кому ее подкрѣплять и ободрять, есть чѣмъ обольщать; не станетъ дѣло и за угрозами.

Второстепенныя государства, волей и неволей, влекутся за главными.

И вотъ Европейская печать, оффиціальная и неоффиціальная, провозглашаетъ торжественно, что для политическаго равновѣсія, для успѣховъ цивилизаціи, для общаго благосостоянія, цѣлость и неприкосновенность Турціи необходима, а Россія должна быть обезсилена и обобрана, вслѣдствіе чего Европейскія племена и спѣшатъ, со всѣми изобрѣтеніями наукъ и искусствъ, самыми новыми и губительными, на помощь Лунѣ противъ Креста, и Корану противъ Евангелія!

Заключу это письмо словомъ писанія: Аще и совѣтъ совѣщаютъ, разоритъ и Господь; *аще и возмогутъ*, и паки побѣждени будутъ, яко съ нами Богъ!

Это наша твердая надежда, — а что намъ дѣлать, объ томъ я предложу свое смиренное мнѣніе въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ. —

VII.

Опасности Россіи. О диверсіяхъ и союзникахъ. Значеніе войны. Состояніе народнаго духа.

(Мая 27. 1854.)

Полгода минуло съ тѣхъ поръ, какъ я написалъ о настоящихъ обстоятельствахъ первое письмо свое, которому выпало на долю такое неожиданное и необыкновенное счастіе. Многое произошло въ теченіе этого времени. Я слѣдилъ постоянно за всѣми происшествіями, великими и малыми, и писалъ подробно обо всѣхъ встрѣчавшихся вопросахъ. Но теперь не до чтенія пространныхъ разсужденій. Постараюсь представить изъ моихъ бумагъ извлеченіе, коротко и ясно.

Враги стремятся на насъ отовсюду, какъ будто кто ихъ погоняетъ. Страшныя силы ихъ уже въ походѣ; другія, еще страшнѣе, заготовляются; на всѣхъ путяхъ становятся намъ преграды и строятся ковы, со всѣхъ сторонъ возбуждаются новые противники и вызываются новыя опасности.

Священное для насъ лице Государя подвергается публично самымъ поноснымъ ругательствамъ и самымъ низкимъ клеветамъ.[1] Замысламъ и угрозамъ противъ насъ нѣтъ никакихъ границъ. Насъ хотятъ отодвинуть на полтораста лѣтъ назадъ. Съ насъ хотятъ взыскать всѣ издержки войны, Турецкія, Англійскія и Французскія. Хотятъ растворить настежъ наши ворота, чтобъ всякій воръ, днемъ и ночью, могъ идти къ намъ прямо въ домъ, красть, что захочетъ, и поджигать, гдѣ угодно, а дикіе разбойники нашихъ границъ могли бы всегда

получать безопасно всякое пособіе для своихъ губительныхъ набѣговъ. У насъ хотятъ отнять Бессарабію, Крымъ, Закавказскія области, Финляндію, Польшу, разсуждаютъ, кому что отдать изъ нашего достоянія, — однимъ словомъ, объ одеждѣ нашей уже мечутъ жребій.

Честно или нечестно поступаютъ съ нами наши враги, благородно или неблагородно, прилично Христіанскимъ державамъ или неприлично, объ этомъ толковать теперь ужь нечего, равно какъ и о томъ, какую собственно имѣютъ они цѣль, а довольно того, что они напираютъ на насъ со всѣми силами, рѣшились довести насъ до крайности, и готовы сами принять крайнія мѣры, лишь бы поставить на своемъ. Они зашли такъ далеко, что начатаго дѣла нельзя уже имъ оставить безъ успѣшнаго окончанія, даже потому, что народное самолюбіе сильно теперь затронуто. Если мы разобьемъ, положимъ, ихъ арміи и сожжемъ ихъ флоты, (что все-таки и и не легко и не извѣстно), то они принуждены будутъ снарядить новыя арміи и новые флоты, во что бы то ни стало, а Лудовику Наполеону хоть въ петлю лѣзть, ибо на волоскѣ повиснетъ у него не только корона, но самая жизнь, съ толпою его нынѣшнихъ клевретовъ, у которыхъ вѣдь нѣтъ недостатка ни въ талантахъ, ни въ познаніяхъ, ни въ умѣ, ни въ храбрости, ни въ изобрѣтательности. Слѣдовательно, въ самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ, вотъ какія отчаянныя мѣры должны мы предполагать, вотъ какія страшныя силы должны мы имѣть въ виду противъ себя, со стороны одной Франціи и Англіи, не говоря о тѣхъ, кои уже въ дѣйствіи.

Кромѣ Франціи и Англіи, самую Турцію нельзя считать совсѣмъ ничтожною. Вопросъ о существованіи, быть или не быть, воздвигнетъ послѣднія ея силы, кои, подъ руководствомъ свѣдущихъ учителей, увеличатъ значительно сумму нашихъ затрудненій.

Австрію, въ такомъ положеніи дѣла, должны мы считать лютѣйшимъ, жесточайшимъ врагомъ Россіи, упорнѣйшимъ противникомъ всякаго нашего успѣха, если теперь она еще и не совсѣмъ открыто дѣйствуетъ. Съ надеждою остаться, по крайней мѣрѣ, безъ наказанія, она готова будетъ исполнить всѣ требованія Англіи и Франціи, съ собственными дополненіями, и вредить намъ, сколько сможетъ.

За Австріей, слѣдуетъ Германія съ Дунайскими интересами, а Германіи должна помогать и Пруссія, какъ главная ея представительница.

А тамъ Швеція, съ старыми своими счетами, Финляндіей и Аландскими островами, а тамъ еще Персія съ Хивой, Бухарой и Коканомъ, — которыя, если рѣшатся, (а рѣшиться имъ въ нынѣшнемъ, сверхъестественномъ, коловратномъ движеніи дѣлъ, очень не мудрено и даже лестно, при убѣжденіяхъ Франціи и Англіи, подкрѣпленныхъ золотомъ), то разумѣется, должны будутъ дѣйствовать не шутя, а также изъ всѣхъ силъ.

Наконецъ, революціонный, западный, Европейскій духъ, это стремленіе впередъ, куда кривая ни вынесетъ, не можетъ упустить такого благопріятнаго случая для послѣдняго можетъ быть опыта сломать, ослабить твердыню Россіи, главной преграды на пути своемъ. Это стремленіе, имѣя въ авангардѣ Поляковъ и Венгерцевъ, уже дѣйствуетъ вездѣ, можетъ быть больше всѣхъ, и не видать конца проискамъ.

Такимъ образомъ, по удивительному и непредвидѣнному ходу дѣлъ, всѣ наши враги пришли въ напряженное, почти насильственное состояніе, неистовство противъ Россіи, и она подвергается нашествію, вещественному и невещественному, не двадесяти, а чуть не семидесяти двухъ языковъ, которыхъ сочло священное преданіе. Я говорю нашествію невещественному, ибо не одна сила идетъ противъ насъ, а духъ, умъ, воля, и какой духъ, какой умъ, какая воля! На что эти

враги не рѣшатся, чего не выдумаютъ, въ чемъ усомнятся, и на чемъ остановятся, если уже на то, какъ говорится, пошло? Останется ли для нихъ что-нибудь священное?

Они грозятъ, слѣдовательно, не одному Кронштадту и Севастополю: ихъ надо ожидать вездѣ — въ церкви и спальнѣ, на ученьѣ и молитвѣ, за обѣдомъ и ужиномъ, въ високъ и подъ ложечку, по головѣ и въ сердце, въ полдень и полночь, въ будни и Свѣтлое Христово Воскресенье.

А какихъ друзей приготовила намъ прежняя наша политика и дипломатія? Никакихъ. Помощи ждать намъ не откуда. Друзья насъ предали и всѣ ближніе стали далеко.

Вотъ въ какомъ тягостномъ, стѣсненномъ, чтобъ не сказать опасномъ, положеніи находится Россія!

Правда—есть Русская пословица: грозенъ сонъ, да милостивъ Богъ. Правда—есть завѣтное у насъ слово—авось, которое производитъ часто чудеса въ жизни Русскаго человѣка, но въ такихъ сложныхъ и мудреныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ мы никогда, можетъ быть, не бывали, предъ такимъ великимъ событіемъ, какого не встрѣчалось еще, можетъ быть, въ Европейской Исторіи, у кого же достанетъ духа надѣяться на одно слово, хоть и могущественное, и на одну пословицу, хоть и вѣрную? Само Писаніе не велитъ всегда довольствоваться и голубиной чистотой, но требуетъ змѣиной мудрости. Намъ надо смотрѣть во всѣ глаза, слушать обѣими ушами, надо оборачиваться по всѣмъ сторонамъ, искать всѣхъ средствъ, принимать всѣ мѣры, и противъ такой тьмы, противъ такой страсти, противъ такого напора, въ настоящемъ и будущемъ, ставить крѣпкую преграду и нерушимую стѣну.

Полно Россіи шаркать, церемониться, любезничать и дѣлать глазки. Кстати-ль ей любезничать, если надъ нею подняты кулаки, и не смѣшно ли дѣлать глазки, если никто ими не прельщается?

Точно также полумѣры, двусмысленности, умолчанія, нерѣшительности, никуда ни годятся, и причиняютъ только вредъ. Все это намъ не къ лицу. Это политика какого нибудь Нѣмецкаго министерства, Шварцбургъ-Рудольштатскаго или Липпе-Детмольдскаго, а не Русскаго Царя, прямаго, честнаго, благороднаго и великодушнаго Николая. Россія, съ правымъ и святымъ дѣломъ своимъ, должна говорить твердо и ясно, а не вертѣться по Австрійски, какъ бѣсъ передъ заутреней. Великодушіе, рыцарство, благородство, честь, такъ называемая,— должно отложить пока въ сторону. Царство Христово не отъ міра сего. Для людей — Новый Завѣтъ, а для государствъ, въ политикѣ, Ветхій: око за око и зубъ за зубъ, а иначе онѣ существовать не могутъ.

И сами враги наши, что весьма чудно и поразительно, помогаютъ намъ въ этомъ отношеніи, какъ нельзя лучше. Они наводятъ насъ своими объявленіями и угрозами именно на тѣ дѣйствія, кои предлежатъ намъ; они надоумливаютъ насъ на тѣ мѣры, кои принимать мы должны; они подсказываютъ, что намъ говорить нужно, и указываютъ тотъ путь, который всего надежнѣе приведетъ къ цѣли, такъ что намъ, на первый случай, остается употребить ихъ собственное оружіе, лишь только оборачивая оное, а именно:

Всѣ Европейскія государства не только отказываются отъ союза съ нами, но идутъ войною противъ насъ, однѣ безусловно, другія условно: такъ на что же намъ кланяться, упрашивать ихъ, и держаться за полы, навязываясь къ нимъ въ дружбу? Австрія, Пруссія и Германія объявляютъ, напримѣръ, торжественно, что будутъ сохранять неутралитетъ, пока война не представитъ намъ больше выгодъ: почему же и намъ не смотрѣть на свои выгоды и не располагать своими дѣйствіями сообразно съ ними? Они хотятъ поступать, смотря по обстоятельствамъ, слѣдовательно, это же право, по всей справедли-

вости, принадлежитъ и намъ. Мы становимся чрезъ это въ такое положеніе, какого ни за что купить и достать было бы нельзя: у насъ развязаны руки. Вотъ въ чемъ состоитъ, до сихъ поръ, главная выгода нашего, все-таки тягостнаго, въ настоящую минуту и опаснаго, положенія. По крайней мѣрѣ, мы свободны поступать, какъ намъ угодно.

Всѣ государства Европейскія враждебныя, неутральныя и дружественныя, провозглашаютъ торжественно, что прежніе договоры наши уничтожаются, и что будущія отношенія должны быть опредѣлены вновь, по ходу и исходу войны. Не полное ли право имѣетъ мы отвѣчать имъ тѣми же словами? Съ какой стати стѣснять намъ себя и ограничивать какими бы то ни было обязательствами, насильно оставаться въ оковахъ, отъ коихъ они сами насъ освобождаютъ? Съ какой стати отказываться впередъ отъ выгодъ войны, если она поведется, или кончится въ нашу пользу, когда мы должны пострадать въ случаѣ несчастнаго окончанія, какъ то, не обинуясь, говорятъ во всеуслышаніе наши враги? Для чего намъ твердить, спрошеннымъ и неспрошеннымъ, что мы не ищемъ завоеваній? До войны это было такъ, теперь иначе. Теперь поле открыто. Чья возметъ, — говорятъ наши враги, — слѣдовательно и мы можемъ распространить, если случится, наши владѣнія, или поступить по усмотрѣнію. Признается же добрый нашъ другъ Графъ Грей, что Англія не имѣетъ права останавливать своихъ завоеваній. Или это право хотятъ они предоставить только Россіи, которая неужели приметъ оное съ благодарностію?

Враги грозятся наложить на насъ новыя обязанности; мы имѣемъ право предъявить въ свое время новыя требованія съ нашей стороны. Они хотятъ ослабить насъ: неужели мы будемъ укрѣплять ихъ? Они хотятъ отнимать у насъ, а мы будемъ осыпать ихъ дарами? Мы играемъ въ карты: что же — проигравъ, мы будемъ платить звонкою монетою, сибирскимъ

золотомъ и серебромъ, малороссійскою пшеницею, великороссійскою рожью, а выигрышъ опять будемъ класть на алтарь Европейскаго порядка, столько намъ благодарнаго, дружелюбнаго и доброжелательнаго?

Да и для чего же, иначе, мы воюемъ, проливаемъ кровь, терпимъ нужду, подвергаемся опасностямъ, испытываемъ страхи, тратимъ нужныя силы, приносимъ безсчетныя жертвы?

Фирманомъ, сенедомъ въ пользу Христіанъ нельзя уже быть намъ довольными, какъ прежде, когда гораздо важнѣйшія преимущества, вытребованныя Англіей и Франціей, по нашему собственному толкованію, не имѣютъ никакого значенія, какъ то и въ самомъ дѣлѣ оказывается. Но объ этомъ рѣчь впереди. Что Богъ дастъ, то и будетъ. Пока, разумѣется, намъ лучше и достойнѣе молчать, какъ это и соблюдается.

А что намъ дѣлать съ главнымъ сильнѣйшимъ нашимъ врагомъ, общественнымъ мнѣніемъ въ Европѣ?

Мы должны объявить, дать знать, понять, теперь, при первомъ удобномъ случаѣ, такъ или иначе, что вслѣдствіе послѣднихъ происшествій, — вслѣдствіе измѣны, или, чтобъ сказать учтивѣе, вслѣдствіе вновь принятаго, въ отношеніи къ намъ положенія, прежнихъ нашихъ союзниковъ, политика наша перемѣняется, политика, которая основывалась преимущественно на союзѣ съ ними, и, такъ сказать, отъ него зависѣла. Мы увидѣли, что нашъ прежній образъ дѣйствій, не принесъ намъ никакой пользы, со стороны правительствъ, и только навлекъ однѣ подозрѣнія, и возбудилъ противъ насъ ненависть народовъ, такъ что мы получили въ чужомъ пиру похмѣлье., — То есть, мы объявимъ, что оставляемъ Европу въ покоѣ, и не хотимъ болѣе принимать никакого участія въ ея дѣлахъ, въ дѣлахъ государствъ Европейскихъ, ближнихъ и дальнихъ: пусть онѣ живутъ, какъ знаютъ, и поступаютъ, какъ угодно.

Вотъ самая благовидная форма нашихъ новыхъ отношеній. Одно такое объявленіе, которое заключаетъ впрочемъ настоящую Русскую политику, истинную правду,—ибо неужели мы, послѣ всѣхъ этихъ несчастныхъ опытовъ, будемъ хлопотать еще объ томъ Европейскомъ законномъ порядкѣ, который на насъ самихъ опрокинулся, грозя намъ семьюдесятью милліонами Германіи, кромѣ западныхъ государствъ,—одно такое объявленіе, вынужденное, по всей справедливости, нашими прежними друзьями, обратитъ на нашу сторону, примиритъ съ нами, половину нашихъ фрачныхъ враговъ, преимущественно въ Пруссіи и Германіи, а потомъ и въ Венгріи, Италіи, Испаніи, хотя сіи послѣднія для насъ и не такъ важны.

Одно такое объявленіе приведетъ въ недоумѣніе и обезоружитъ главнаго нашего врага, общественное мнѣніе, и произведетъ вскорѣ во всей Европѣ, не только въ Австріи и Пруссіи, новое движеніе, или, чтобъ меньше напугать, скажу, новыя отношенія,—и Богъ съ ними,—въ продолженіе которыхъ мы можемъ додѣлывать на Востокѣ и въ Азіи все, что заблагоразсудится.

Наше объявленіе о предоставленіи Европы самой себѣ, мы можемъ еще усилить, освятить въ глазахъ нашихъ фрачныхъ враговъ, и сдѣлать страшнымъ для враговъ мундирныхъ, присоединивъ къ нему еще одно рѣшеніе или хоть намѣреніе, о которомъ я буду говорить послѣ, по связи его съ другими обстоятельствами, въ дополненіи къ этому письму.

Враги наши устроиваютъ союзы. Англичане съ Французами, Австрійцы съ Прусаками, Шведы съ Датчанами, Турки съ Персами, Коканцы съ Бухарцами и Хивинцами, и всѣ между собою противъ насъ. Однимъ намъ съ ними со всѣми сладить мудрено: одному и у каши не споро. Мы должны, слѣдовательно, подумать также, съ одной стороны, о произведеніи диверсій, а съ другой, о пріисканіи союзниковъ.

Какія же диверсіи можемъ мы произвести?

Въ Италіи господствуетъ Австрія, и Италія ее за то ненавидитъ. Франція хочетъ оспоривать господство у Австріи, и Италія будетъ ненавидѣть Францію также. Спрашивается, какая польза Россіи, чтобъ въ Италіи господствовала Франція или Австрія? А скажи она это, скажи одно слово, хоть намекни въ пользу Италіи, и Италія есть ей благодарная союзница. И если въ Италіи будетъ господствовать Италія, а не Австрія и не Франція, то не будетъ ли это законнѣе и справедливѣе?

Точно также не мѣшаетъ намъ, хоть подъ рукою, открыть Испаніи виды на возвращеніе Гибралтара, Италіи на владѣніе Мальтою, Греціи на присоединеніе Іонической республики. Греція находится, по трактатамъ, подъ нашимъ покровительствомъ. Франція и Англія выражаютъ свое покровительство, какъ нельзя блистательнѣе и великодушнѣе, и грозятся ее уничтожить, а мы должны ободрить надеждою на распространеніе владѣній, на покореніе Эпира, Ѳессаліи, Албаніи и всѣхъ Греческихъ островов.

Наконецъ, что всего важнѣе, устроивать союзъ съ Америкою, и твердить, что изъ всѣхъ нашихъ настоящихъ враговъ, съ Франціей можемъ мы помириться всѣхъ легче.

Это объ диверсіяхъ. А гдѣ же искать намъ союзниковъ? Кажется, всѣ Европейцы теперь противъ насъ?

Болгарія, Сербія, Боснія, Герцеговина, Черногорія, Сирмія, Кроація, Далмація, Славонія, Краинъ, Штирія, Каринтія, Богемія, Моравія, Буковина.

Какъ странно звучатъ, думаю, эти имена въ ушахъ нашихъ иностранныхъ дипломатовъ!

Повторю имъ дикія слова, чтобъ уяснить ихъ впечатлѣніе, и подкрѣпить память.

Болгарія, Сербія, Боснія, Герцеговина, Черногорія, Сирмія, Кроація, Далмація, Славонія, Краинъ, Штирія, Каринтія, Богемія, Моравія, Буковина.

Восемдесятъ слишкомъ милліоновъ, — почтенное количество! порядочный союзецъ! Славяне были затерты Исторіей, Славяне были затерты Географіей, Славяне были затерты дипломатіей и политикой, но наступаетъ, видно, время, когда, по слову писанія, послѣдніе должны дѣлаться первыми. Къ тому стремятся всѣ событія. Разсмотрите внимательно ходъ ихъ, и вы увидите, что всѣ онѣ совершаются одно за другимъ, какъ будто послушныя какому-то высшему предопредѣленію, и слѣдуютъ за перстомъ, имъ путь изъ облака указывающимъ.

Никто не хотѣлъ сначала войны, Россія всѣхъ меньше, — а война началась.

Стали мы на Дунаѣ, и стояли долго, переходить не рѣшались; — но вотъ толкнулъ, наконецъ, кто-то въ шею, и волей — неволей перешли мы на другую сторону. . . . .

А на другой сторонѣ, смотрите, бѣжитъ навстрѣчу народъ, съ хлѣбомъ и солью, крестами и святой водою. Вотъ ударилъ неслыханный четыреста лѣтъ колоколъ, раздался первый благовѣстъ, вознесся первый крестъ надъ православною церковью. Что же? Вы допустите, чтобъ крестъ былъ снятъ? Что же? Вы допустите, чтобъ изъ колокола вырванъ былъ языкъ? Нѣтъ, это не можетъ быть, и этого не будетъ! Слѣдовательно Болгарія свободна. Откажетесь ли вы ей покровительствовать? Уступите ли вы ее католической Франціи, протестантской Англіи, магометанской Турціи, или іезуитской безъ вѣры Австріи? Нѣтъ, это не возможно! Слѣдовательно первый членъ Славянскаго союза уже готовъ. А Болгаръ пять милліоновъ. Не спрашивайте съ нихъ по пяти или по десяти рекрутъ съ тысячи: они сами придутъ къ вамъ, пожалуй, хоть по десяти со ста. Вотъ вамъ первый вспомогательный корпусъ, о продовольствіи котораго не нужно и заботиться провіантскому департаменту въ Петербургѣ. Перевозить его также нѣтъ надобности: онъ на мѣстѣ выросъ и радъ отстаивать родную землю.

А тамъ, дальше, слышите, что восклицаетъ къ несчастнымъ жителямъ Герцеговины молодой Князь Данило съ своими закалепыми на войнѣ Черногорцами: настала минута, когда каждый Христіанинъ, подавленный оттоманскихъ преобладаніемъ, долженъ возстать противъ притѣснителей, и если вы упустите эту благопріятную минуту, то вамъ не останется ничего, кромѣ вѣчнаго угрызенія совѣсти и вѣчнаго стыда.

Черногорцы, наши вѣрнѣйшіе слуги и друзья, которые всегда были готовы за насъ, какъ и теперь, въ огонь и въ воду. Что же, можемъ мы оставить ихъ въ прежнемъ положеніи, можемъ не принять участія въ ихъ благородномъ и великодушномъ стремленіи на помощь другимъ угнетеннымъ братіямъ? Нѣтъ, не можемъ, и вотъ еще три союзницы готовы, крѣпкія, храбрыя, могучія: Черногорія, Боснія, Герцеговина. Сколько войска выставить онѣ могутъ? Готовьте только оружіе.

А Сербія? Сербы ждутъ, безъ сомнѣнія, какъ воронъ крови, знака къ возстанію. Въ 1846 году, Симичъ, предсѣдатель государственнаго союза, ростомъ съ Петра перваго, въ косую сажень между плечами, говорилъ мнѣ съ нетерпѣніемъ: да скоро ли придутъ къ намъ братья? Константинополя никому вы не отдадите, Турки удержать его не могутъ, такъ чего же вы дожидаетесь? А старый воевода Вучичъ, стрѣляя въ цѣль, на вопросъ мой въ Топчидере: или онъ боится, чтобъ рука не разучилась попадать въ Турокъ?—отвѣчалъ: нѣтъ поколочу еще собакъ въ волю! Князь Данило въ возглашеніи уже сказалъ: Сербы избавятся вскорѣ отъ униженія, въ которое ввергли ихъ трактатами дипломатовъ. Турція снимаетъ съ Сербіи наше покровительство. Что же, неужели мы оставимъ на ней Турецкое? Вотъ и еще союзница, да какая? Тотъ же Симичъ говорилъ: только не дѣлайте насъ губерніей, рекрутъ возмете вы съ насъ двадцать тысячъ, но охотниковъ мы поставимъ вамъ лучше восемдесятъ.

Эти восемдесятъ тысячъ, вмѣстѣ съ Болгарами, Босняками, Черногорцами, Греками, и помогутъ намъ выжить, если не выгнать и перебить, Англичанъ и Французовъ изъ нынѣ такъ называемой Турціи.

А пятидесятитысячный корпусъ Австрійцевъ, мудрено, чтобъ вышелъ на Сербію сполна: вѣрнѣе, что одна половина его оборотится противъ другой, если впрочемъ другая не предупредитъ ея. Въ первую минуту обращенія Австріи противъ Россіи, Елачичь долженъ былъ бы идти съ Кроатами на Вѣну. Вотъ почему теперь онъ сдѣланъ вдругъ графомъ, оставаясь до сихъ поръ почти въ немилости; (проклятый Австрійскій іезуитизмъ чуетъ, откуда грозитъ ему бѣда). Если графство съ нѣмецкой женою остановитъ его движеніе, то неужели не найдется болѣе никто изъ Славянской семьи занять его мѣсто, и отмстить поганому племени за Польскаго Короля, Іоанна Собіесскаго и Русскаго Царя, Николая Павловича, которые были такъ обезчещены за спасеніе Вѣны.

Но это уже война съ Австріей? А развѣ мы съ нею въ союзѣ, дружбѣ, мирѣ? Развѣ она помогаетъ намъ, желаетъ добра, приноситъ пользу? Хороша союзница, для которой должно держать всегда камень за пазухою, и всякую минуту бояться, что она будетъ стрѣлять по насъ въ тылъ. Мы слышали уже, что она сбирается дѣйствовать противъ насъ, по обстоятельствамъ. Вотъ эти обстоятельста заставляютъ и насъ также поговорить съ нею иначе.

Австрія есть бѣльмо на нашемъ глазу и типунъ на нашемъ языкѣ. Политики и дипломаты наши все еще представляютъ ее себѣ имперіей изъ 35 милліоновъ жителей, которая легко можетъ выставить противъ насъ пятьсотъ тысячъ войска. Предубѣжденіе столько же нелѣпое, сколько несчастное, отъ котораго у насъ, кажется, никакъ избавиться не хотятъ. Мы отказываемся, какъ будто, понять, что въ числѣ этихъ 35 милліоновъ находится 20 милліоновъ Славянъ, 5 милліоновъ

Итальянцевъ, 5 милліоновъ Венгерцевъ, изъ которыхъ мудрено и выбирать, кто больше ненавидитъ Австрійцевъ — Итальянцы или Венгерцы, или Славяне?

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, я писалъ, что „Австрія похожа на гробъ повапленный, на старое дерево, гніющее внутри, хотя и одѣтое снаружи листьями, такое дерево, которое одинъ порывъ вѣтра можетъ исторгнуть съ корнемъ вонъ.“ Это писалъ я въ оффиціальномъ своемъ отчетѣ 1839 года, а въ 1842 году, послѣ новаго путешествія, повторилъ: „Австрія слабѣетъ часъ отъ часу, и едва ли больше Турціи заключаетъ въ себѣ внутренней самостоятельности. При первой войнѣ, гдѣ бы то ни было, она можетъ разорваться на части.“

Еще прежде сихъ двухъ донесеній, въ 1838 году, писалъ я, что обѣ имперіи, Австрійская и Турецкая, просятся Русскому Государю въ руки.

Въ 1848 году, предсказанія мои начали сбываться, и только скорая помощь Россіи спасла Австрію отъ конечной гибели. Послѣ 1848 года, внутреннія обстоятельства ея, не смотря на видимый успѣхъ и блескъ, становились хуже и хуже; ненависть къ ней, вслѣдствіе жестокихъ мѣръ противъ Венгерцевъ, Итальянцевъ, и даже сохранившихъ ей вѣрность Славянъ, усилилась, и всѣ національности ждутъ и призываютъ минуту освобожденія. Только Россія останавливала ихъ своею дружбой съ Австріей, и боязнь, что она опять пришлетъ свои полки въ помощь къ своей вѣроломной союзницѣ, удерживала ихъ порывы. Но если Австрія присоединится къ западнымъ державамъ противъ Россіи, (чего пламенно желаю, ибо я убѣжденъ, что пока Австрія не противъ насъ, до тѣхъ поръ Богъ еще не съ нами), если охранительная десница Россіи отъ нея отнимется, то погибель ея неизбѣжна. Посему, напрасно грозила она намъ войною, если мы перейдемъ Дунай; напрасно грозитъ теперь, если перейдемъ Балканы, — къ сожалѣнію я думаю, что это только пустыя слова: она не посмѣетъ исполнить

своихъ угрозъ, ибо первый ея выстрѣлъ въ Русскую грудь будетъ знакомъ ея гибели, если только мы будемъ умѣть имъ воспользоваться. Тридцать милліоновъ ея подданыхъ наши союзники, а двадцать между ними, искренные и вѣрные друзья, которые могутъ со временемъ доставить намъ порядочный контингентъ для борьбы.

Слѣдовательно, политики наши жестоко ошибаются въ своихъ соображеніяхъ, и страшно обсчитываются въ своихъ выкладкахъ, ставя противъ себя то, что естественно готово дѣйствовать за насъ.

Я недавно былъ въ Австріи и имѣлъ много дружескихъ разговоровъ со многими тамошними знаменитостями, а чтобъ судить о вѣрности моихъ заключеній, пусть сравнятъ мои разсужденія 1842 года съ происшествіями 1848 года.

Наши политики и дипломаты, „заматорѣвшіи въ лѣтахъ зрѣлыхъ,“ терпѣть не могутъ никакихъ нововведеній, и для того союза пожелаютъ прежде всего найти примѣръ, образчикъ изъ Европейской Исторіи. Могу указать имъ на Рейнскій союзъ, состоявшій изъ нѣмецкихъ государствъ, и находившійся подъ покровительствомъ совершенно чуждаго имъ лица, Французскаго императора.

Назовите новый союзъ Дунайскимъ, Славянскимъ, Юговосточнымъ, Европейскимъ, съ столицею его въ Константинополѣ, подъ предсѣдательствомъ и покровительствомъ, вы думаете, Россіи? Нѣтъ не Россіи: Россія не ищетъ завоеваній, воспользуюсь здѣсь любимымъ выраженіемъ нашихъ публичныхъ актовъ, Россія не питаетъ никакихъ честолюбивыхъ замысловъ. Покровительство и предсѣдательство союза должно принадлежать, естественно, по всѣмъ правамъ, многолюднѣйшему племени изъ всѣхъ, составляющихъ союзъ. Кого же больше? Поляки! Выходите впередъ на первое мѣсто: васъ сколько? Десять милліоновъ. Ну, такъ посторонитесь, братцы, вѣрно есть кого-нибудь больше. Сербы, васъ сколько? восемь

милліоновъ. Болгаре? пять милліоновъ. Русскіе, васъ сколько? Мы не знаемъ еще навѣрное, сколько насъ всего на все. Да неужели нѣтъ у васъ никакихъ счетовъ? Есть метрическія книги, но тамъ записываются одни православные; есть ревизскія сказки, но тамъ записываются только податные...... Ну, скажите, по крайней мѣрѣ, сколько у васъ хотя ревизскихъ душъ? По послѣдней ревизіи слишкомъ пятьдесятъ милліоновъ, но къ этому количеству прибываетъ ежегодно по полумилліону. Пятьдесятъ милліоновъ — слышите? Кого больше? Чехи, Краинцы, Черногорцы! Всѣ молчатъ, нѣтъ никого больше. Слѣдовательно, Россія должна сдѣлаться главою Славянскаго союза, не по своему желанію, не по произволу, не изъ честолюбія и властолюбія, а по необходимости, по естеству вещей, точно какъ Русскій языкъ долженъ со временемъ сдѣлаться общимъ, литературнымъ языкомъ для всѣхъ Славянскихъ племенъ, не по принужденію Русскаго правительства, а по законамъ филологіи, какъ настоящій ихъ представитель, соединяющій въ себѣ свойства всѣхъ нарѣчій Славянскихъ, сѣверныхъ и южныхъ, восточныхъ и западныхъ.

Къ этому союзу, по географическому положенію, находясь между Славянскими землями, должны пристать необходимо: Греція, Венгрія, Молдавія, Валахія, Трансильванія.

Да почему же имъ не пристать, если всѣ исчисленныя государства будутъ управляться сами собою, conditio, sine qua non, безъ малѣйшаго участія прочихъ, съ покровительницею включительно, и только въ общихъ дѣлахъ относясь къ Константинопольскому сейму и Русскому Императору, какъ главѣ міра, т. е. сейма, отцу многочисленнѣйшаго Славянскаго племени, т. е. Русскаго.

Вотъ неизбѣжный конецъ начавшейся войны, рано или поздно, кто бъ что ни говорилъ, кто бъ что ни дѣлалъ. Противъ рожна прати не возможно. Сила вещей сильнѣе силы

людей. Какъ ни мудрятъ, ни умничаютъ люди, а Исторія требуетъ своего и беретъ всякій день свое; она влечетъ слѣпыя орудія неодолимо къ исполненію высшихъ судебъ своихъ, и горе дерзкимъ, которые, съ умысломъ или безъ умысла, вздумаютъ сопротивляться опредѣленіямъ Божественнаго промысла.

Прислушиваясь къ разнымъ мнѣніямъ о настоящихъ обстоятельствахъ, присматриваясь къ разнымъ дѣйствіямъ, соображая разныя показанія, чувствуешь, что большая часть совѣтниковъ и судей похожи на тѣхъ, которые стали бы, во время оно, разсуждать о сокращеніи времени переѣзда между Москвою и Петербургомъ.

Одинъ сказалъ бы, что надо выровнять вездѣ хорошенько дорогу, скопать горы, засыпать овраги и устроить мосты.

Другой предложилъ бы, по новому рисунку, ручныя и легкія повозки.

Третій велѣлъ бы держать добрыхъ и сносныхъ лошадей.

Четвертый учредилъ бы строгій надзоръ за ямщиками.

Пятый сократилъ бы прогоны, и т. п.

Всѣ эти совѣты прекрасные и дѣльные, (а сколько бываетъ пустыхъ и нелѣпыхъ), и точно, принявъ и исполнивъ оные въ точности, (что также очень важно), можно бъ было сократить время нѣсколькими часами, даже сутками, и пріѣхать изъ Петербурга въ Москву не въ четверо сутокъ, а въ трое и даже двое.

А есть вѣдь средство пріѣхать въ двѣнадцать часовъ безъ лошадей, повозокъ и ямщиковъ: по желѣзной дорогѣ!

Скажу другую притчу: представимъ себѣ военное совѣщаніе въ средніе вѣка, какъ одержать побѣду надъ непріятелемъ.

Одинъ полководецъ указываетъ мѣстоположеніе крѣпче и выгоднѣе.

Другой собираетъ какъ можно болѣе войска.

Третій хочетъ разставить вездѣ засады.

Четвертый заботится о кованыхъ латахъ,—но что значатъ всѣ сіи дѣйствительныя впрочемъ мѣры предъ порохомъ, ружьемъ и пушкой?

Что же хочу я сказать этими притчами? Не имѣя притязанія ни на изобрѣтеніе паровоза, и еще менѣе на выдумку пороха, тѣмъ болѣе, что они уже выдуманы, я хочу сказать или повторить моими притчами только то, что мы живемъ во время великаго переворота, что мало готовить армію противъ арміи, снаряжать флотъ противъ флота, и писать ноту противъ ноты, и что въ нынѣшнихъ, новыхъ и необыкновенныхъ обстоятельствахъ, должны быть изыскиваемы средства и принимаемы мѣры также новыя и необыкновенныя.

Всѣ мы, сыны девятнадцатаго вѣка, Европейцы и Русскіе, такъ погрязли въ эфемерныхъ газетахъ и журналахъ, такъ предались „дневи и злобѣ его,“ что совершенно позабыли исторію и разучились слушаться ея уроковъ, а она восклицаетъ нынѣ, кажется, громко, заимствуя глубокое слово церкви: двери, двери, премудростію вонмемъ!

Подъ отвратительной поверхностію мелкихъ разсчетовъ, гнусныхъ козней, постыдныхъ страстей, безразсудныхъ уваженій, слѣпыхъ случаевъ, подготовляется судьба великихъ вопросовъ, созрѣвшихъ видно для рѣшенія.

Вопросъ Европейскій объ уничтоженіи варварскаго Турецкаго владычества въ Европѣ, тяготѣвшаго надъ нею къ стыду ея, въ продолженіе четырехъ-сотъ лѣтъ.

Вопросъ Славянскій объ освобожденіи достойнѣйшаго, древнѣйшаго и вмѣстѣ многочисленнѣйшаго племени человѣческаго, Славянъ, отъ чуждаго ига, и возвращеніи ему человѣческихъ, гражданскихъ и Европейскихъ правъ, о воззваніи его къ новой жизни и къ обновленію ветхой жизни Европейской.

Вопросъ Русскій объ увѣнчаніи, совершеніи Русской Исторіи, о заключеніи круга, начатаго первыми ея государями, о рѣшеніи борьбы съ послѣдними ея врагами, объ ея чести и безопасности, объ ея мѣстѣ въ Исторіи человѣчества.

Вопросъ религіозный о церкви восточной и западной, о вознесеніи православія на подобающее ему мѣсто, православія, которое ослѣпленный западъ поносилъ быти ересью: камень, его же небрегоша зиждущіи, сей бысть во главу угла!

Вотъ какія всемірныя задачи въ производствѣ, а премудрая Европа грезитъ только о „восточномъ вопросѣ." По неволѣ вспомнишь слово Писанія: погублю премудрость премудрыхъ, и разумъ разумныхъ уничтожу.

Да! Novus nascitur ordo! Новый возникаетъ порядокъ, новая эра наступаетъ въ исторіи. Двѣ славныя нѣкогда имперіи разрушаются. Двадцать новыхъ государствъ призываются къ жизни. Владычество и вліяніе уходитъ отъ однихъ народовъ и достается другимъ. Средоточія интересовъ переносятся на другое мѣсто. Самые интересы перемѣняютъ, можетъ быть, свою натуру...

Счастливы призванные участвовать въ великихъ событіяхъ и вести ихъ къ высокой цѣли! Горе, стыдъ и срамъ дерзающимъ противиться и мѣшать ея достиженію! Имѣяй уши слышати, да слышитъ.

Мы должны благодарить Бога, что тяжесть упала у насъ на крѣпкія плеча!

И есть кому ихъ поддерживать и помогать! Смотрите—по всему царству какой несется духъ, отъ Петербурга до Якутска, и отъ Архангельска до Тифлиса! Какъ будто чуетъ сердце у всякаго Русскаго человѣка, что великое совершается дѣло, что грозное наступаетъ время, что приходится всей Святой Руси сослужить великую службу.

И чудныя совершаются дѣла! Солдаты и офицеры, другъ передъ другомъ, рвутся на смерть. Послѣдній рядовой готовъ на всякіе геройскіе подвиги. Младшій прапорщикъ, только что вступившій въ службу, есть уже Щеголевъ, и всякой мичманъ обѣщаетъ Козарскаго.

Не привязываются ли у васъ артиллеристы къ пушкамъ? спрашиваютъ удивленные Англичане, не понимая такой сверхъестественной стойкости.

Вонъ идетъ взводъ, по грудь въ водѣ, на противоположную баттарею, и весь ложится рядомъ подъ ея выстрѣлами. Нужды нѣтъ, командуютъ второму: правое плечо впередъ. И второй взводъ крестится, идетъ и валится снопами. А третій все-таки спѣшитъ вслѣдъ за вторымъ, крестится и идетъ впередъ, и баттарея наша подъ Баш-Кадыкларомъ.

А тамъ, за шесть тысячъ верстъ, въ дикой пустынѣ, вдали отъ всякаго поселенія, среди варварскихъ племенъ, четыреста человѣкъ съ пятью пушками разбиваютъ семнадцать тысячъ варваровъ, и отнимаютъ у нихъ весь обозъ, съ Огаревымъ, Шкупомъ и Алексѣевымъ.

Посмотрите, какъ слѣдуютъ солдаты по всѣмъ трактамъ! Какъ встрѣчаютъ и провожаютъ ихъ вездѣ обыватели, въ городахъ и селахъ! Вѣдь это тріумфальное шествіе! Съ какою быстротою производятся рекрутскіе наборы! Сколько вездѣ являются охотниковъ! Это, говорятъ, на дѣло! Демидовъ представляетъ все свое имѣніе, двадцать милліоновъ рублей. Яковлевъ—пять. Юсуповъ снаряжаетъ два баталіона. Карамзинъ становится самъ въ ряды. Долгорукій спѣшитъ съ фельшернымъ ланцетомъ. Свистуновъ изъ статскихъ генераловъ идетъ въ военные офицеры. Блудовъ посылаетъ сына. Студенты во всѣхъ университетахъ готовы хоть поголовно. Профессора разстаются съ дѣтьми. Архіереи, священники,—видишь, кажется,

во всякомъ Пересвѣта или Ослябю. Уголовный преступникъ, въ Сибири, готовъ переродиться и совершить подвигъ.

О, Русскій человѣкъ! Сладко чувствовать, сознавать себя Русскимъ въ такія минуты! Никогда не было ничего подобнаго. Я помню 1812 годъ! Народъ одушевился тогда особенно чувствомъ мести послѣ Московскаго пожара и оскверненія церквей непріятельскими войсками, но нынѣшнее его состояніе несравненно выше, чище, горячѣе и единодушнѣе.

И неужели этотъ священный восторгъ обольется холодной водою? Неужели онъ не получитъ достойнаго направленія? Неужели онъ не достигнетъ благой цѣли?

А Царь не сказалъ еще настоящаго, послѣдняго своего слова! Что же будетъ, если, взявъ за руки четырехъ своихъ сыновъ, всѣ въ солдатскихъ шинеляхъ,—онъ перекрестится передъ народомъ, простится съ женою, дочерьми, невѣстками и внучатами, велитъ дѣтямъ перецѣловаться между собою и воскликнетъ: Братцы! пойдемъ! съ Богомъ!.. Что будетъ тогда съ Россіей?... Нѣтъ, не могу писать больше... Сердце замираетъ. Заключу это свое письмо словами поэта:

Иди, тебя зовутъ народы.
И совершивъ свой бранный пиръ,
Даруй имъ даръ святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай жизни миръ.
Иди, свѣтла твоя дорога,
Въ душѣ любовь, въ десницѣ громъ,
Грозна, прекрасна, ангелъ Бога,
Съ огнесверкающимъ челомъ.

Мая 27. 1854.

VIII.

О Польшѣ.

Мы говорили, въ послѣднемъ письмѣ, о Славянскомъ союзѣ: если долженъ существовать Славянскій союзъ, то мы должны отказаться отъ Польши, которую даже физически нельзя исключить изъ этого союза. А для чего желать намъ держать ее при себѣ? Это болѣзнь на нашемъ тѣлѣ. Это одна изъ причинъ, или, по крайней мѣрѣ, предлоговъ Европейской ненависти къ Россіи. Какую существенную пользу она приносила намъ, и сколько вреда, — кромѣ заботъ, хлопотъ, безпрерывныхъ опасеній и неудовольствій? Ни одинъ Русскій человѣкъ не желалъ никогда этого пріобрѣтенія, ни одинъ Русскій Государь не искалъ его, а Польша пала вслѣдствіе историческихъ причинъ, о которыхъ писалъ я еще лѣтъ двадцать пять назадъ, бросая перчатку самому Лелевелю. Враги Россіи поддоброхотали намъ эту несчастную страну въ знакъ благодарности за услуги, оказанныя Россіей Европѣ освобожденіемъ отъ ига Наполеонова, а мудрые наши дипломаты, не имѣвшіе какъ бы по уставу, понятія о Русской Исторіи, приняли ее, позабывъ про Галицію, чисто Русскую землю, населенную Русскимъ племенемъ, говорящую Руссcимъ языкомъ и исповѣдующую Русскую вѣру·

Россія должна была терпѣть при себѣ Польшу, какъ необходимое зло, а если теперь открывается удобный, прекрасный случай, благопріятная минута обратить это зло въ добро, стереть съ себя пятно, наложенное временемъ, обстоятельствами,

больше всего, самими Поляками, то чего желать лучше? Не прочнѣе ли, не полезнѣе ли намъ, быть въ главѣ двадцати дружескихъ государствъ, нежели питать у своей груди одно враждебное? Обмѣнъ кажется выгодный!

Объявите независимость Польши, и вострепещетъ Австрія, Пруссія и вся Германія, хотя онѣ ратуютъ теперь въ пользу ея, пока она связана съ Россіей, и кричать противъ властолюбія Россіи.—Лордъ Дудлей Стуартъ прикуситъ свой языкъ; легіонъ противнаго общественнаго мнѣнія разсыплется; клеветники лишатся послѣдней своей опоры, и мы привлечемъ на свою сторону весь правый и лѣвый центръ Европы. Турецкія войска лишатся всѣхъ своихъ волонтеровъ, которые могутъ стать въ наши ряды за Славянское дѣло. Страшная диверсія произойдетъ въ нашу пользу.

Славяне, видя наше безкорыстіе, удостовѣрятся въ чистотѣ нашихъ намѣреній, отбросятъ всѣ западные навѣты, освободятся отъ всѣхъ подозрѣній и сомнѣній, и предадутся Россіи окончательно, безусловно, отъ всей души, на жизнь и смерть

Но можетъ ли Польша существовать особо?

Разсматривая внимательно, хладнокровно и безпристрасно Исторію Польши, чувствуешь, что она особо существовать не можетъ, и что послѣдняя катастрофа ея была необходимымъ заключеніемъ всѣхъ предъидущихъ событій. (Этотъ тезисъ предлагалъ и доказывалъ я очень давно въ одной изъ своихъ статей). Обозрѣвая область собственной Польши, ея Географію, приходишь къ тому-же заключенію, которое въ этомъ отношеніи еще сильнѣе и крѣпче историческаго: это есть страна дополнительная, пограничная, и отнюдь не самобытная.

Но въ Польскомъ сердцѣ преобладаетъ чувство независимости, отдѣльности, самобытности, которое сохраняетъ свою

живость и свѣжесть, не смотря ни на какія болѣзни, ни несчастія, готово на всякія жертвы, труды и мученія, и не хочетъ понимать никакихъ, самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ разсудка.

Это чувство даетъ Полякамъ право на уваженіе всякаго безпристрастнаго человѣка и друга добра, человѣческаго и гражданскаго, и заставляетъ позабыть или извинить ихъ племенные пороки, столько несогласные съ Русскою натурою, ихъ выходки, странности, вины и даже преступленія.

Дорого отечество для всякаго благороднаго существа, не погрязшаго въ ежедневной злобѣ, и чѣмъ исторія его несчастнѣе, тѣмъ оно дороже, тѣмъ сильнѣе возбуждаетъ любовь и состраданіе.

Пусть существуетъ Польша! Прекрасный, святой, братскій даръ, достойный и легкаго сердца Русскаго, которое не помнитъ зла, свободу, дадимъ мы Полякамъ за ихъ къ намъ слѣпую ненависть: наслаждайся они ею, какъ хотятъ, до тѣхъ поръ, пока не пожелаютъ сами тѣснѣйшаго союза съ нами.

Я имѣю противъ себя великій авторитетъ Карамзина, котораго голосъ уважаю больше всѣхъ. Въ знаменитой своей запискѣ 1818 года Императору Александру, онъ со всѣмъ своимъ краснорѣчіемъ и силою чувства вооружался противъ возстановленія Польши, которое имѣлъ въ виду великодушный Государь Россіи.

Читая эту горячую записку, и судя по ней о намѣреніяхъ Александровыхъ, удивляешься, какъ далеко ушли мы, или, лучше сказать, какъ самымъ простымъ, естественнымъ, яснымъ понятіямъ трудно бываетъ пробиться сквозь стѣну общихъ мѣстъ и бороться съ силою предубѣжденій, и сколько времени проходитъ прежде, чѣмъ онѣ сдѣлаются общимъ достояніемъ. Историкъ Русскій, трудившійся надъ Русскою Исторіею больше всѣхъ, и знавшій ее лучше всѣхъ, любившій

отечество пламенно, и славнѣйшій Государь, не уступавшій, разумѣется, ему въ этой любви, и перешедшій съ такимъ блескомъ и успѣхомъ чрезъ многочисленнѣйшія и труднѣйшія политическія испытанія, разсуждали объ этомъ Русскомъ, государственномъ предметѣ, точно въ потьмахъ. Вотъ, говорю, какъ далеко мы ушли, и вотъ какъ очистились наши понятія! Не назови никто моихъ словъ дерзостію: при всей моей вѣрноподданической преданности первому, и исторической— второму, я долженъ сказать, что перваго нѣтъ уже тридцать лѣтъ на свѣтѣ, и онъ поступилъ въ область Исторіи, гдѣ, право или неправо,—это дѣло науки—произноситъ и должна произносить судъ она, а предъ вторымъ у насъ въ преимуществѣ столько же лѣтъ новыхъ трудовъ, изслѣдованій и открытій, составляющихъ жизнь науки, которая имѣетъ свои степени и періоды.

Императоръ Александръ думалъ о возстановленіи Польши съ Литвою, Волынью, Подоліею, Бѣлоруссіею,—но развѣ Бѣлоруссія, Волынь, Подолія есть Польша? Это было временное Польское завоеваніе, и если мы захотимъ отказаться отъ новаго своего завоеванія, то есть отъ самой Польши, то развѣ можетъ кто нибудь, съ здравымъ человѣческимъ смысломъ, спрашивать у насъ въ придачу часть Россіи съ Русскими жителями, съ Русскимъ языкомъ, съ Русскою вѣрою?

Карамзинъ нашелъ нужнымъ опровергать это намѣреніе по частямъ, стараясь доказать только, что Государь, хоть и самодержавный, не имѣетъ права на раздробленіе Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ допускалъ принадлежность Галиціи Австріи, и считалъ эту архи-Русскую область законною собственностію Австріи! Онъ только боялся новой войны со стороны Австріи, которая не захочетъ, де, разстаться съ такимъ владѣніемъ добровольно: „Можете ли вы, творецъ Священнаго союза,“ восклицаетъ торжественно Карамзинъ, обращаясь къ Импера-

тору Александру, „объявить ей (за Галицію) войну, противную не только Христіанству, но и государственной справедливости?„ Это доказательство казалось ему даже столько важнымъ, что съ него начинаетъ онъ свои возраженія.

Далѣе онъ соглашался, что Литва, Волынь, могутъ желать королевства Польскаго, забывая о существованіи народа: не народъ желалъ, а помѣщики, которые относятся къ народу, какъ единица къ тысячѣ.

Карамзинъ наконецъ боялся, въ случаѣ рѣшенія Александрова, даже за Кіевъ, Черниговъ и Смоленскъ.

Въ какихъ же предѣлахъ должна быть возстановлена Польша? Отвѣтъ самый простой, ясный, вѣрный и справедливый, — въ предѣлахъ Польскаго языка. Гдѣ говорятъ по Польски, тамъ и Польша, точно такъ, какъ тамъ Россія, гдѣ говорятъ по Русски

Позенъ — о это Польша, возмите его.

Западная часть Галиціи—тамъ говорятъ по Польски, она ваша.

Силезія—разберите, въ какихъ частяхъ ея осталось Польское начало, и вы имѣете полное право возвратить ее себѣ.

Но въ восточной части Галиціи говорятъ по Русски. Это Россія, такая же, какъ Черниговъ, Житомиръ, Полтава.

Въ Галиціи, точно какъ на Волыни, въ Подоліи, Бѣлоруссіи, помѣщики Польскіе. Скупите ихъ имѣнія, чтобъ исполнить требованія справедливости до послѣдней іоты, промѣняйте ихъ на Польскія имѣнія въ Польшѣ, чтобъ не осталось Русскаго духа въ Польшѣ, точно какъ Польскаго въ Россіи, пока эти два племени не поймутъ, что имъ полезнѣе соединиться опять, и составить одно цѣлое. Мы это понимаемъ, но для Поляковъ нуженъ еще опытъ. Впрочемъ, при основаніи Славянскаго союза, и при

покровительствѣ Россіи, съ взаимной помощію всѣхъ Славянкихъ племенъ, Польша, какъ и прочія Государства, можетъ, существовать особо. Это есть единственная сколько нибудь возможная форма ея будущаго бытія. Наша граница есть Нѣманъ и Бугъ, кои, въ стратегическомъ даже отношеніи, выгоднѣе для насъ, кажется, чѣмъ теперешняя западная граница Царства Польскаго, къ Пруссіи.

Россія отдѣлится тогда отъ Европы цѣлою стѣною союзныхъ съ ней государствъ Славянскихъ, и можетъ дѣлать у себя дома, что угодно, пользуясь силами своего союза, и не имѣя нужды въ ежегодныхъ рекрутскихъ наборахъ.

Дѣльное, по тому времени, возраженіе Карамзина состояло въ томъ, что Поляки не удовольствуются первыми уступками, хоть онъ и предполагалъ ихъ уже слишкомъ далеко.

Точно, Польскій характеръ (съ Кельтической или Романской, по моему мнѣнію, лигатурою) можетъ даже и теперь служить сильнѣйшимъ возраженіемъ противъ моего положенія. Полякъ никогда, до сихъ поръ, ничѣмъ не былъ доволенъ. Пріобрѣтя одинъ шагъ, онъ тотчасъ заносилъ ногу на другой, —и пожалуй пойдетъ до Смоленска и Кіева.

Но неужели же Поляки не стали умнѣе?

Неужели долговременные, многочисленные, тяжкіе опыты не научили ихъ ни сколько благоразумію, умѣренности и даже справедливости, или хоть только Исторіи! Неужели они не удостовѣрились, что на Англичанъ и Французовъ надежда имъ самая плохая, ибо въ самыя благопріятныя минуты, даже минуты увлеченія, во время имперіи, точно какъ и во время красной республики, Французы очень мало думали объ нихъ за всѣ ихъ труды и подвиги, а Англичане смотрятъ всегда, какъ на зажигательныя ракеты для Россіи? Дружбу Нѣмцевъ, Австрійцевъ и Прусаковъ, надѣюсь, не нужно мнѣ имъ доказывать.

Доколѣ свiатъ стоитъ свiатомъ, дотолѣ не можетъ Нѣмецъ быть Поляку братомъ. Что восклицали Нѣмецкiе радикалы и демагоги, въ церкви св. Павла, въ минуту своихъ политическихъ оргiй? Позенъ — это Германiя! Довольно одного этого воспоминанiя. Польскiе помѣщики, коварно истребленные въ Галицiи въ 1846 году, посредствомъ Русскихъ своихъ крестьянъ, избавляютъ меня также распространяться объ Австрiйской съ Поляками дружбѣ. Слѣдовательно, единственная надежда Поляковъ должна относиться только къ великодушiю брата Александрова, Императора Николая, и къ помощи Славянскихъ, вмѣстѣ съ Россiею, племенъ, которыя могутъ помочь имъ, чтобъ получить свое, но не имѣютъ права посягать для ихъ прихотей ни на какую чужую нацiональную собственность, одинаково для всѣхъ священную.

Какъ бы я былъ радъ поговорить объ этомъ близкомъ къ Славянскому сердцу вопросѣ съ Лелевелемъ, Мицкевичемъ, — и даже Княземъ Чарторижскимъ, котораго грустно видѣть, до 90 лѣтъ, въ несчастномъ ослѣпленiи, обращеннаго все на западъ вмѣсто востока, гдѣ только можетъ возсiять Полякамъ звѣзда спасенiя.

Несчастный старикъ твердилъ еще недавно, судя по газетамъ, на одномъ Лондонскомъ банкетѣ, о необходимости возстановить Польшу, безъ чего дѣло противъ Россiи не можетъ, де, кончиться успѣшно. Потери Австрiи и Пруссiи, сказалъ онъ, вознаградятся въ этомъ случаѣ сугубо.

Я долженъ замѣтить, что эта мысль можетъ быть нынѣ пущена въ ходъ, можетъ найти многихъ приверженцевъ, можетъ получить даже одобренiе и освященiе со стороны Англiи и Францiи. Если для Турцiи явилось столько Европейскихъ волонтеровъ, то для Польши кольми паче. Въ наше время, какъ я сказалъ въ шестомъ своемъ письмѣ, можно

предполагать все и должно быть готову на все. Тогда, тогда... грозитъ Россіи новая рана, новый ударъ!

А если мы предупредимъ его, и обратимъ его въ свою пользу, какое торжество для насъ и какой ударъ для враговъ! Теперь мы можемъ привлечь Поляковъ на свою сторону, теперь они обрадуются неожиданному счастію, теперь они станутъ въ наши ряды, благодарные и готовые на службу, противъ общихъ враговъ, враговъ Россіи и всего Славянскаго союза, а послѣ—о! это будетъ уже совсѣмъ другое дѣло. Надо ковать желѣзо пока горячо. Что нынѣ за насъ, и можетъ быть употреблено въ нашу пользу, то завтра можетъ обратиться противъ насъ.

Я увѣренъ, что Карамзинъ, прочитавъ мои доводы, и разсмотрѣвъ внимательно новыя обстоятельства Европейскія и Русскія, о коихъ онъ и вообразить не могъ—такъ онѣ странны и удивительны,—согласился бы теперь со мною относительно Царства Польскаго за Нѣманомъ и Бугомъ.

*) Въ первоначальной редакціи этого письма я выразился, винюсь, слишкомъ рѣзко, и, въ нѣкоторомъ отношеніи несправедливо, не уяснивъ себѣ положенія Карамзина, который, видя рѣшимость И. Александра, думалъ только о спасеніи западныхъ губерній Русскихъ, и не могъ поминать о Галиціи, а, напротивъ, употребилъ ее, какъ угрозу, со стороны Австріи, для отвращенія И. Александра отъ его намѣренія. Я же, писавши свое письмо, имѣлъ въ виду необходимость присоединенія Галиціи къ составу Русской Имперіи, взамѣну отчужденія Польши.

Касательно И. Александра также должно сказать, что нельзя судить объ его намѣреніи безусловно, ибо неизвѣстно, на какихъ основаніяхъ думалъ онъ исполнить оное, и какіе имѣлъ дальнѣйшіе виды.

Наконецъ вообще должно сказать, что эта мысль, сказанная въ крайности, получила впослѣдствіи опроверженіе въ дѣйствіяхъ самихъ Поляковъ, а мысль о Славянскомъ союзѣ въ родѣ Рейнскаго, или нынѣшняго Германскаго, отнеслась въ область миѳологіи. *Поздн. примѣчаніе.*

IX.

Посланіе къ Полякамъ.

Старый служитель Исторіи, имѣвшій честь, тридцать лѣтъ тому назадъ, состязаться съ Лелевелемъ, близкій къ Мицкевичу, впродолженіи четырнадцатилѣтняго пребыванія его въ Москвѣ, душею Русскій и Славянинъ, рѣшаюсь я, любезные братья, въ нынѣшнихъ важныхъ, трудныхъ и, можетъ быть, спасительныхъ для всѣхъ Славянъ вообще, и для насъ въ особенности, обстоятельствахъ, обратить къ вамъ искреннее свое слово.

Горячее желаніе добра всѣмъ Славянамъ, сердечное участіе въ вашей горестной судьбѣ, и вмѣстѣ почтеніе къ вашей постоянной, пламенной любви къ отечеству, безпристрастіе, производимое наукою, и вмѣстѣ Русская, наслѣдственная, преданость престолу, внушили мнѣ мысли, кои счелъ я священнымъ долгомъ сообщить вамъ.

Примите ихъ съ тѣми чувствами, съ какими предлагаю ихъ вамъ я, взвѣсьте тщательно всѣ доказательства и возраженія, обсудите ихъ внимательно и хладнокровно, на сколько, по крайней мѣрѣ, способна къ хладнокровію Славянская наша природа, при разсужденіи о такомъ близкомъ къ нашему сердцу вопросѣ.

Не стану теперь я обращаться къ исторіи. Довольно одного настоящаго времени для вразумленія. Когда въ особенности намъ нужно примириться, на что смущать сердце печальными воспоминаніями, болѣе или менѣе тягостными? На что разрывать священныя для насъ могилы и искать тамъ виновниковъ?

Вины были, разумѣется, на обѣихъ сторонахъ, точно какъ обѣ стороры находились попеременно въ счастливыхъ и несчастливыхъ обстоятельствахъ; было время, когда Владиславъ IV избирался на Всероссійскій престолъ, и нынѣ Николай I сидитъ на Польскомъ престолѣ. Вы завоевали у насъ прежде всю страну почти до Москвы, мы возвратили ваше завоеваніе и пошли далѣе. Явленія — обыкновенныя въ исторіи всѣхъ смежныхъ государствъ!

Въ прежнее положеніе, ни вамъ ни намъ, придти нельзя, какъ нельзя никому воротить вчерашняго дня. Опустимъ же завѣсу на все прошедшее, и разсмотримъ настоящія ваши обстоятельства.

Вы раздѣлены, вы страдаете, и не можете возстать безъ чужой помощи. Гдѣ же искать помощи? Обратимся къ Западу.

На Западѣ является намъ прежде всѣхъ Франція. Вы трудились для нея, много пролили вы благородной крови ей на пользу, въ Италіи и Египтѣ, въ Германіи и холодныхъ пустыняхъ Сѣвера. Сколько лѣтъ продолжается ваша безпримѣрная ей служба? Уже подъ семьдесятъ. Три ваши поколѣнія смѣнились подъ Французскимъ знаменемъ. Чѣмъ же Франція выразила вамъ свою признательность за чудеса вашей храбрости, въ продолженіе войнъ Революціи? Что получили вы за всѣ ваши несчетныя жертвы?

Ничего.

А чѣмъ наградилъ васъ Наполеонъ, повелитель всей Европы, который однимъ движеніемъ руки переставлялъ, воздвигалъ и разрушалъ всѣ престолы? Что сказалъ онъ въ вашу пользу, на высотѣ своего могущества, въ Тильзитѣ, Ерфуртѣ, Дрезденѣ, Вильнѣ, Москвѣ, за всѣ ваши удивительные подвиги въ переднихъ рядахъ его армій, на всѣхъ славныхъ сраженіяхъ?

Опять ничего.

Но это былъ деспотъ. Преемники его, Лудовикъ XVIII и Карлъ X, находились въ особыхъ обстоятельствахъ, — а что сдѣлалъ для васъ Лудовикъ Филиппъ?

У Лудовика Филиппа были связаны руки, ну, а красная республика 24 Февраля, у которой развязаны были руки и свободны движенія, чѣмъ красная республика исправила несправедливости первой республики, Наполеона, Бурбоновъ и Луи-Филиппа?

Ни красная республика съ временнымъ своимъ правительствомъ, ни конституціонная республика съ Диктаторомъ Кавеньякомъ и Президентомъ Бонапартомъ, не ступила ни одного шагу въ пользу Польши: вы не получили опять ничего.

Но это все прошло — теперь, теперь что дѣлается для Поляковъ? Обстоятельства, кажется, имъ благопріятствуютъ: вся Европа вооружается противъ Россіи. Франція идетъ впередъ и влечетъ за собою прочихъ — теперь, кажется, полезно для нея возстановить Поляковъ?

Нѣтъ, Франція забыла о Полякахъ. Она заговорила объ нихъ очень двусмысленно при первомъ склоненіи Австріи и Пруссіи на ея сторону, а теперь, когда союзъ Нѣмецкій утверждается, Лудовикъ Наполеонъ не хочетъ и думать объ васъ, какъ будтобъ вы никогда не существовали. Напрасно принцъ Наполеонъ споритъ объ васъ съ Г. Сент-Арно: это просто комедія, коей никто повѣрить не можетъ.

Ясно ли, что вамъ нечего ожидать отъ Франціи? Тридцать правительствъ всякой формы, десять государей и правленій, разнаго духа и рода, въ тысячѣ различныхъ и противоположныхъ обстоятельствахъ, совершенно не сходные между собою по своей натурѣ, сходились всѣ только въ томъ, чтобъ жертвовать вами, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, своимъ временнымъ и даже мнимымъ выгодамъ!

А Французы имѣютъ еще доброе сердце, теплую кровь, способны къ увлеченіямъ, и готовы на жертвы—что же можете вы ожидать отъ холодныхъ, своекорыстныхъ, разсчетливыхъ Англичанъ, къ которымъ теперь по порядку должны перейдти мы? Для Англичанъ вы презрѣнныя орудія, зажигательныя ракеты, которыми по временамъ можно пользоваться для испытанія своихъ видовъ, вчера противъ Австріи, въ пользу Венгріи; нынѣ за Австрію, противъ Россіи. Прочтите послѣдніе разборы Шефильдской рѣчи Кошута въ газетахъ всѣхъ партій, министерскихъ, оппозиціонныхъ и неутральныхъ. Какихъ бранныхъ, поносныхъ прозвищъ не даютъ они вамъ, называя наконецъ „анонимною націей?" Больно вчужѣ слышать объ этихъ гнусныхъ выходкахъ. Лордъ Редклифъ всемогущъ въ Константинополѣ, и не въ силахъ только содѣйствовать учрежденію Польскаго легіона, который можетъ быть непріятенъ Австрійцамъ! Съ какимъ униженіемъ пожертвованы вы Англіей при первой перемѣнѣ обстоятельствъ!

Если отъ Французовъ и Англичанъ нельзя надѣяться вамъ никакой помощи, какъ это теперь осязательно для васъ видно, то объ Германіи и доказывать, кажется, не нужно. Но я скажу нѣсколько словъ вообще о Нѣмцахъ,—не о Нѣмецкихъ правительствахъ и Нѣмецкихъ государяхъ, которые, положимъ, имѣютъ свои разсчеты, а о народѣ, въ минуту его увлеченія и восторга. Что говорили Нѣмцы, богословы, философы, историки, критики, всѣ либералы въ церкви Св. Павла, когда они говорили, что хотѣли, и совѣтовались безъ всякаго опасенія, о новомъ распредѣленіи границъ всѣхъ Европейскихъ государствъ на основаніи справедливости и права?

Я напомнилъ о дѣйствіяхъ Французовъ, Англичанъ, Нѣмцевъ порознь, въ отношеніи къ вамъ: посмотрите теперь на всѣхъ

ихъ вмѣстѣ, обратите вниманіе на Европейскую печать въ продолженіе нынѣшняго года. Ни въ однихъ газетахъ, ни Французскихъ, ни Англійскихъ, ни Нѣмецкихъ, о Польшѣ не упомянуто, кажется, ни разу, ни по какому случаю, какъ будто она изчезла съ лица земли и пропала изъ человѣческой памяти. Неужели вы не замѣчаете этого? Какая кровавая обида можетъ быть оскорбительнѣе для народнаго самолюбія? Вотъ они каковы, западные ваши друзья!

Несчастные братья! Всѣ васъ оставили, и даже Турція не принимаетъ вашихъ услугъ иначе, какъ если вы надѣнете чалму, отречетесь Христа, поклонитесь Магомету, и перемѣните свое Польское имя!

Съ какою же цѣлію пойдете вы на этотъ позоръ, и вмѣстѣ подвергнете себя всѣмъ лишеніямъ? Съ какою цѣлію вы пойдете на вѣрную смерть?

Причинить вредъ Россіи?

Нѣтъ. Россіи вреда большаго не причините ни вы, ни соединенные враги. Россія останется Россіей, какъ бы несчастливо ни кончился нынѣшній походъ, ни даже будущій. Нѣсколько ранъ, которыя скоро заживутъ, нѣсколько потерь, которыя скоро вознаградятся, нѣсколько народа, который скоро народится, не могутъ перемѣнить на долго внѣшнихъ отношеній государства, занимающаго цѣлую часть свѣта, считающаго почти семдесятъ милліоновъ жителей, и богатаго всѣми естественными произведеніями. Даже этого несчастнаго утѣшенія—сдѣлать зло—вы имѣть не будете.

Однимъ словомъ, вы хотите расточать благородную свою кровь опять напрасно, вы хотите умирать даромъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Вы идете на смерть для вѣроломныхъ покровителей и въ пользу государства, искони вамъ враждебнаго, варварскаго, мертвеннаго, противъ единоплеменниковъ,

поднявшихъ оружіе за всѣхъ Славянъ, и идете безъ малѣйшей положительной надежды для себя, — измѣняя вѣрѣ, Исторіи, крови. Можно ли собрать болѣе вопіющихъ противорѣчій воедино?

Никто вамъ даже ничего не обѣщаетъ, и обѣщать не можетъ, по ходу дѣлъ, по союзу Австріи и Пруссіи съ Англіей и Франціей. Западъ нынѣ, какъ прежде, приноситъ Польшу въ жертву своимъ выгодамъ: на Западъ вы должны, по всѣмъ законамъ логики, по всѣмъ правиламъ здраваго смысла, покинуть теперь всякую надежду. —

На Востокѣ, на Востокѣ можетъ только загорѣться для васъ звѣзда спасенія!

О еслибъ вы, несчастные, но любезные братья, по первому звуку этой бранной трубы, которая такъ живо отозвалась во всякомъ Славянскомъ сердцѣ, — о еслибъ вы, со всѣхъ сторонъ, гдѣ томитесь въ неволѣ и плачете, сидя на рѣкахъ Вавилонскихъ, внегда помянути вамъ вашего Сіона, обратились къ Русскому Царю, родному брату и избраннику великодушнаго вашего Александра, попросили его забыть прошедшее, провозгласили общимъ, Славянскимъ отцемъ, предложили родственныя услуги для общаго Славянскаго дѣла, для освобожденія Славянъ отъ чуждаго ига — неужели вы думаете, чтобъ его благородное сердце не тронулось такими благородными чувствованіями? Неужели вы думаете, чтобъ онъ не нашелъ средства, какъ бы ни обратились обстоятельства, въ вашу пользу, или во вредъ, возблагодарить васъ достойно за прекрасный порывъ?

Или вамъ кажется такое движеніе унизительнымъ? Неужели благороднѣе служить Туркамъ противъ Россіи, чѣмъ идти съ Русскими за Славянъ, за Славянъ, которые нынѣ всѣ за Россію и съ Россіей, словомъ, дѣломъ и помышленіями, молитвами и желаніями? Гласъ народа — гласъ Божій!

Вы жалуетесь на Русскаго Царя, но скажите, положа руку на сердце, не подавали ль вы сами повода ко всѣмъ его мѣрамъ? Безчисленные заговоры, которыхъ былъ онъ цѣлію, безпрерывныя измѣны, которыми искусно умѣли пользоваться общіе враги, опредѣлили образъ его дѣйствій, къ собственному его прискорбію. А настоящіе ваши поступки въ Турціи.... ....

Перестанемъ говорить объ этомъ, оставимъ всѣ разсужденія, я не обращаюсь ни къ вашему чувству, ни къ Христіанской религіи, ни къ Исторіи, ни къ понятіямъ о долгѣ и нравственности. Я обращаюсь къ простому здравому смыслу: *всѣ васъ оставили и предали*, ни отъ кого, ничего получить вы не можете, а у насъ получить можете вы много, можетъ быть все, такъ идите къ намъ, а братскія объятія готовы, чтобъ ни случилось. —

Говорю — становясь на ваше мѣсто, на мѣсто Поляка и Славянина. Не скрою отъ васъ, что, стоя на своемъ мѣстѣ, какъ Русскій, я почитаю полезнымъ теперь для Россіи возстановленіе Польши. Разсудите же сами, сколько есть возможности въ этомъ вожделѣнномъ для васъ событіи, если, идя отъ двухъ противоположныхъ сторонъ, приходишь къ одному заключенію? Но для этого вамъ нужно преобразоваться и избирать другой образъ дѣйствій!

Вина новаго не вливаютъ въ мѣхи старые. Прошедшее, умершее, пусть покоится въ своей могилѣ. Оставимъ мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ: нашъ Богъ есть Богъ живыхъ. Помолимся Ему, чтобы Онъ послалъ намъ всѣмъ любовь, а гдѣ любовь, тамъ свобода и жизнь. Путемъ ненависти и злобы можно прійдти только къ смерти. Да здравствуетъ Польша! Да здравствуетъ Россія! Да здравствуютъ всѣ Славяне, — и миръ нашимъ врагамъ!

X.

Настоящая война, въ отношеніи къ Русской Исторіи.

(1854, въ Іюлѣ.)

Исторію честятъ, со временъ Цицерона, учительницею жизни (magistra vitae); а учиться у нея никто не хочетъ, и никому, кажется, въ голову не приходитъ, что она можетъ наказывать, и подъ часъ въ самомъ дѣлѣ наказываетъ жестоко за невниманіе къ ея урокамъ и опытамъ. Мнѣ, какъ старому служителю Исторіи, непростительно было бы разсуждать о нынѣшнихъ событіяхъ, безъ отношенія къ прежнимъ, то есть, не справясь съ Исторіей, и поглощаясь настоящею минутою. Время настоящее есть плодъ прошедшаго, точно также, какъ и сѣмя будущаго. Событія представляютъ рядъ чиселъ послѣдовательныхъ. Что есть теперь, на то залогъ былъ уже данъ, и вмѣстѣ дальнѣйшее указаніе. Вотъ такихъ то указаній и хочу я теперь поискать въ Русской Исторіи, а можетъ быть, мы найдемъ тамъ не только поясненіе настоящихъ событій, но вмѣстѣ получимъ и твердую надежду на благополучное окончаніе, не смотря ни на какія несчастія, препятствія, неожиданные случаи и противныя обстоятельства, путь ихъ замедляющія.

Разсматривая внимательно Исторію Россіи, и приводя себѣ на память всѣ ея войны, нельзя даже избѣгнуть заключенія, что настоящая война съ Турціей есть естественное, непремѣнное ихъ продолженіе, если еще не заключеніе. Императоръ Николай, не смотря на свое миролюбіе, безкорыстіе

и великодушіе, не можетъ долѣе терпѣть владычества Турокъ, не можетъ физически, не только нравственно, точно какъ Владиміръ Святый не могъ терпѣть Печенеговъ, Мономахъ Половцевъ, Иванъ третій Монголовъ, Грозный Татаръ Казанскихъ и Астраханскихъ, а Екатерина Крымскихъ, Екатерина, открывшая и проложившая дальнѣйшій путь къ Константинополю своимъ наслѣдникамъ.

Они, надо сказать правду, подвигались впередъ только по принужденію обстоятельствъ, и обнажали мечь только для собственной защиты, даже до настоящей войны, также оборонительной, кто бы что ни говорилъ,*) какъ и всѣ прежнія, которыми Россія столько распространилась. Напрасно Европейскія державы явились незванныя судить и рѣшать ту борьбу, которая началась у Россіи, почти за тысячу лѣтъ предъ симъ, сперва съ дикими, а потомъ съ магометанскими племенами Востока, и до сихъ поръ только прерывалась по временамъ и никогда не оканчивалась. Всѣ почти страницы Русской Исторіи дымятся кровію, пролитою нашими предками въ продолженіе этой тысячелѣтней борьбы; раны, нанесенныя намъ нашими наслѣдственными врагами, еще не зажили; на нашемъ нравственномъ характерѣ нарѣзаны слѣды варварскаго ига, которыхъ до сихъ поръ еще даже лучшіе изъ насъ изгладить на себѣ не могутъ; на всякомъ шагу Русскій человѣкъ встрѣчается съ самыми тягостными воспоминаніями, которыхъ никто въ Европѣ понять и оцѣнить не въ состояніи. Европейскіе народы не принимали ни малѣйшаго участія въ нашихъ несчастіяхъ и страданіяхъ: Французовъ не было на Куликовомъ полѣ, Англичане не помогали намъ отразить нашествіе Тохтамышево; Австрійцы не приходили разнимать насъ съ Ордами Мехметъ-Гирея, когда грозился онъ поработить вновь наше отечество,

*) Писано, когда мы были еще за Дунаемъ, а теперь наша война упала на эту степень въ самомъ полномъ и для насъ грустномъ значеніи этого слова.

и Пруссаки не выручили насъ при Прутѣ. Знаетъ ли Лордъ Пальмерстонъ, что такое Крымскій бродъ въ Москвѣ? Имѣетъ ли понятіе господинъ Друэнь де Люисъ о крестныхъ ходахъ 21 Маія, 23 Іюня, 26 Августа? Слыхалъ ли графъ Булъ Шауенштейнъ что нибудь о церкви Спаса на Болвановкѣ? Видалъ ли господинъ Мантейфель икону Владимирской Божіей Матери, на которую никто изъ насъ не можетъ взглянуть безъ сердечнаго умиленія?

Да, вы не знаете, милостивые государи, нашей Исторіи, какъ не разумѣете нашего духа, и не могли до сихъ поръ выучиться нашему языку; такъ и не вступайтесь въ наше дѣло. Въ продолженіе нѣсколькихъ сотъ лѣтъ Россія была опустошаема, мучима, и не выпускала изъ рукъ своихъ оружія; она билась до послѣдняго истощенія, оттерпливалась, страдала, молилась, и дождалась до своего времени, когда ударилъ для нея часъ на Спасскихъ часахъ; а вы хотите, чтобъ мы, предъ увѣнчаніемъ всѣхъ нашихъ трудовъ и подвиговъ, выпустили изъ рукъ законную нашу добычу, и въ страхѣ отъ вашихъ дерзскихъ угрозъ смиренно предоставили рѣшить святое дѣло вашимъ барышникамъ и кулакамъ, сообразно съ ихъ грошевыми выгодами и копеечными видами, которыхъ издревле Спаситель выгонялъ изъ храма. Ослѣпленные! За кого вы насъ принимаете? Забыли вы 1812 годъ, когда всѣ вы шли на насъ подъ предводительствомъ не Г. Сентъ-Арно и Лорда Раглана, а перваго военнаго генія въ Исторіи? Съ чего же вы взяли, чтобы нынѣ встрѣтили мы незванныхъ гостей съ лучшимъ почетомъ? Оставьте насъ въ покоѣ рѣшить нашъ историческій споръ съ Востокомъ и Магометомъ. Судъ у насъ съ ними — Божій, а не человѣческій. Оставьте насъ сослужить вамъ эту службу, и стереть въ собственной вашей Исторіи постыдное для васъ пятно. Оставьте насъ исполнить нашъ Европейскій долгъ во имя вѣры, гражданстенности, просвѣщенія человѣчества,

прогресса. Наше счастіе и отнюдь не вина, если съ исполненіемъ священнаго долга соединяются и вещественныя выгоды, и если, по мѣрѣ побѣдъ надъ Востокомъ и Магометомъ, увеличивается наше политическое могущество. Предъявите ваши требованія, испросите соразмѣрнаго участія въ нашихъ выгодахъ, пожелайте условій, полезныхъ для вашей промышленности, обезопасьте вашу торговлю, — а всего лучше предоставьте условія великодушію Русскаго Государя, и, безъ всякаго сомнѣнія, онъ самъ одѣлитъ васъ всѣхъ такъ, какъ ни одна Палата, ни одинъ Парламентъ, и ни одинъ тайный совѣтъ, самый жадный, не придумаютъ, — а Русскіе не погонятся за вашими выгодами: съ насъ немного надо, лишь бы щей горшокъ, да самъ большой...

Представимъ событія въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ, для вразумленія западныхъ нашихъ противниковъ и всѣхъ тѣхъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ.

Русскому народу, выступившему на поприще Исторіи послѣ всѣхъ прочихъ Европейскихъ народовъ, досталась на долю крайняя, восточная часть Европы.

По положенію, по мѣсту жительства, мы должны были войти въ соприкосновеніе съ дикими Азіатскими народами Монгольскаго и Турецкаго племени, которые изъ глубины Азіи, въ началѣ Христіанской эры, понеслись съ огнемъ и мечемъ на Европу.

Стоя на перепутьи, мы естественно должны были первые принимать напоръ дикаго, а послѣ Магометанскаго, Востока на Европу, и давать ей чрезъ то покой, досугъ, средства развивать свои способности и силы физическія, умственныя и нравственыя.

Первые изъ дикихъ восточныхъ племенъ, которыхъ грозу запомнила исторія въ предѣлахъ нашего отечества, были *Авары* или *Обры* въ VI, VII вѣкѣ.

„Обры воевали Славянъ„ [1], говоритъ древняя наша лѣтопись, „и мучили Дулебовъ, творили насиліе ихъ женамъ. Если Обрину случалось куда ѣхать, то онъ не давалъ запрягать коня, а приказывалъ запрягать по три, четыре или по шести женщинъ въ телѣгу, и вести себя. Были Обры тѣломъ велики и умомъ горды; но Богъ истребилъ ихъ, они всѣ померли (моромъ), такъ что не осталось ни одного Обрина, и долго велась на Руси пословица: погибли какъ Обры, отъ которыхъ нѣтъ ни племени, ни остатка.“

За Аварами пришли *Печенѣги*, которые сдѣлались особенно тяжелы въ X столѣтіи, поселясь въ нынѣшнихъ Новороссійскихъ степяхъ, отъ Дона до Алуты. Они погубили Святослава, который тогда еще, за девять сотъ почти лѣтъ, хотѣлъ перенести столицу Русскую на берега Дуная. Отъ нихъ едва спасся подъ мостомъ Владиміръ святый. „Была рать велика безъ перестани“ [2], говоритъ лѣтопись, и уже только сынъ его, великій князь Ярославъ, успѣлъ одержать надъ ними рѣшительную побѣду, въ память которой на мѣстѣ сраженія построилъ Софійскій Соборъ въ Кіевѣ и золотыя ворота, до нашего времени къ счастію сохранившійся.

Мѣсто Печенѣговъ заняло другое Турецкое племя, *Половцы*, которые нѣсколько разъ опустошали самый Кіевъ; „много пострадало народу христіанскаго,“ говоритъ Несторъ [3], „въ алчи и жаждѣ, въ печали, мукахъ и бѣдахъ, съ потускнѣлыми лицами, почернѣлыми тѣлами, языкомъ испаленнымъ; ходили люди нагіе и босые по незнакомымъ странамъ, и кровію означали слѣды свои. Откуда вы? спрашивали они, встрѣчаясь другъ съ другомъ. Я изъ такого-то города, я изъ такой-то веси, отвѣчали спрошенные, поднимая глаза къ небу, вздыхая и обливаясь слезами.“ Мономахъ сокрушилъ силу Половцевъ;

---

[1] Несторова лѣтопись въ полномъ собраніи т. 1. ст. 5.
[2] Тамъ же т. 1. с. 53. 54.
[3] Тамъ же, с. 95.

но долго еще тревожили они наши предѣлы своими разбойническими набѣгами, до самаго XIII столѣтія, когда новые сильнѣйшіе варвары пришли на несчастную Русь, *Монголы.*

Силѣ Монголовъ ничто противустоять не могло. Русскіе князья, бояре и люди, были побиты во многихъ сраженіяхъ, города или крѣпости сожжены, земля пройдена съ огнемъ и мечемъ, и наложено на народъ тяжкое иго. Неизмѣримое пространство Россіи воспрепятствовало Монголамъ наводнить Европу, и они послѣ перваго своего потока до Венгріи и Богеміи, не могли рѣшиться на продолженіе завоеваній, столь отдаленныхъ отъ родины, удовольствовались господствомъ надъ ними. Россія принимала на свою грудь ихъ учащенные удары. Двѣсти пятьдесятъ лѣтъ продолжалось наше злополучное рабство, почти столько, какъ нынѣ Славянское подъ Австрійцами, и нѣсколько меньше Славянскаго подъ Турками, въ продолженіе коихъ, по мѣстамъ, возставалъ народъ, выводимый изъ терпѣнія, по большею частію безуспѣшно.

Только Димнтрій Донской, получивъ благословеніе отъ святаго Сергія, котораго нынѣшняя благородная дипломація и блюстительница законнаго порядка, осуждающая Грековъ и Славянъ за ихъ возстаніе, на предательскомъ языкѣ своемъ, извратившемъ всѣ человѣческія понятія, назвала бы краснымъ революціонеромъ! (Сергій Чудотворецъ красный революціонеръ!) только Димитрій Донской ободрилъ Русскія сердца славною побѣдою на Куликовомъ полѣ (1380), но нашествіе Тохтамыша (1382), Тамерлана (1393) и Едигея (1408) напомнили, однакоже, вскорѣ ужасныя времена Батыя.

Наконецъ, Ивану третьему посчастливилось освободиться отъ раздѣлившейся и ослабѣвшейся орды (1840). Орда, какъ нынѣ Турція, собрала всѣ свои силы, и рѣшилась, нагрянувъ, вновь поработить Россію. Страшно было это нашествіе, — оробѣли самые твердые! Иванъ повелъ свои полки на встрѣчу

грознымъ врагамъ, но страхъ обнималъ его сердце на Угрѣ; ну, если онъ будетъ побѣжденъ, что тогда станется съ Россіей? Плоды многолѣтнихъ трудовъ пропадутъ, кровь снова прольется потоками, иго наложится тяжелѣе прежняго. Простительно, можетъ быть, естественно, было ему опасаться за судьбу отечества, онъ уже готовъ былъ уступить, и согласиться на миръ, хотя унизительный, но все таки предпочтительный неизвѣстной войнѣ, возможному пораженію и игу.

Не такъ думала святая Русь. Вотъ какъ описываетъ тогдашнее положеніе лѣтопись: „Князь велики, съ сыномъ и съ братомъ его и со всѣми воеводами поидоша къ Боровску (отъ Угры), глаголюще: на тѣхъ поляхъ съ ними бой поставимъ, и слушающи злыхъ человѣкъ сребролюбецъ, богатыхъ и брюхатыхъ, и предателей христіанскихъ, а норовниковъ Бесерменскихъ, иже глаголютъ побѣжати и не мочи ними стати на бой, самъ бо діаволъ ихъ усты глаголаше.“*)

Послушаемъ, что писалъ къ нему тогда одинъ Русскій монахъ на берегъ Угры, на которомъ, также какъ нынѣ на Дунаѣ, стояли долго наши полки въ раздумьи, боясь сразиться съ послѣдними полчищами Ахмета.

„Благовѣрному и христолюбивому, благородному и Богомъ утвержденному.... преславному Государю, Великому Князю Ивану Васильевичу всея Русіи, богомолецъ твой Господине, Архіепископъ Вассіанъ Ростовскій, благословляю и челомъ бью. Молю же убо величество твое.. да непрогнѣвается на мое смиреніе, еже первіе дерзнувше ми усты ко устамъ глаголати твоему величеству твоего ради спасенія: наше убо, Государю великій, еже воспоминати вамъ, ваше же, еже послушати,.. Богъ да сохранитъ царство твое и дастъ ти побѣду на твои враги, токмо мужайся и крѣпися....

---

*) Софійская лѣтопись т. II стр. 207, изданіе Строева.

Нынѣ же слышахомъ, яко бесерменину Ахмату уже приближающуся, и христіанство погубляющу, наипаче же на тебе хвалящеся, и на твое отечество, тебѣ же предъ нимъ смиряющуся, и къ нему пославшу, —ему же одинако гнѣвомъ дышущу, и твоего моленія не послушающу, но хотя до конца разорити христьянство.... Пріиде же убо въ слухи наша, яко прежніи твои развратницы не престаютъ шепчуще въ ухо твое льстивы словеса, и совѣщаютъ ти не противитися супостатомъ, но отступити и предати на расхищеніе волкомъ словесное стадо христовыхъ овецъ...... молюся твоей державѣ, не послушай таковаго совѣта ихъ, послушай убо вселенныя учителя Павла, глаголюща о таковыхъ: открыется гнѣвъ Божій съ небеси на всяко нечестіе и неправду человѣкомъ, иже истину въ неправду держащимъ, но осуетишася помышленми своими, но омрачися неразумное ихъ сердце, глаголюще быти мудріи объюродѣша, якоже не искусиша Бога имѣти въ разумѣ, предаетъ имъ Богъ не искусенъ умъ творити не подобная. И паки самому Господу глаголющу: аще око твое соблажняетъ тя, исткни е; или рука или нога, отсѣци ю повелѣваетъ. Не сіюже разумѣвай видимую чувственную свою руку, или ногу, или око, но ближнихъ твоихъ, иже совѣтуютъ ти не на благое, отверзи и далече отгони, сирѣчь, отсѣци и не послушай совѣта ихъ. И что убо совѣщаютъ ти льстивіи сіи и лжеименитіи, мнящіеся быти хрестьяне? Токмо еже повергше щиты своя и нимало сопротивльшеся окаяннымъ симъ сыроядцамъ, предавъ Христьянство, свое отечество, яко бѣгунамъ скитатися по инымъ странамъ. Помысли убо, о велемудрый Государю! отъ каковыя славы въ каково безчестіе сводятъ твое величество, толикимъ тмамъ народа погибшимъ, и церквамъ Божіимъ разореннымъ и оскверненнымъ. И кто каменно-сердеченъ не восплачется о сей погибели? Убойжеся и ты, о Пастырю! не отъ твоихъ ли рукъ тѣхъ кровь взыщетъ Богъ? Не послушай

убо, Государю, таковыхъ, хотящихъ твою честь въ безчестіе, твою славу въ безславіе приложити, и бѣгуну явитися и предателю Христьянскому именоватися, но отложи весь страхъ, и возмогай о Господѣ въ державѣ и крѣпости: единъ убо поженетъ тысящу, а два двигнета тьмы..."

„И аще убо Государю, каешися отъ всего сердца, ... и обѣщаешися всѣхъ умомъ и всею душою своею престати отъ первыхъ своихъ, еже прилучится яко человѣку согрѣшити.... и сотворити судъ и правду посреди земли, любовь же имѣти къ ближнимъ и ненасиловати никому же, и милость показати къ согрѣщающимъ, да милостива обрящеши въ день золъ. Не словомъ же кайся, а въ сердци иная помышляя, (не пріемлетъ бо Богъ такого покаянія), но точію еже словомъ, то и сердцемъ. Аще бо сице покаемся, тако же помилуетъ насъ милосердый Господъ, нетокмо свободитъ и избавитъ. Молю же о семъ Царское твое остроуміе и Богомъ данную ти премудрость, да не позазриши моему худоумію; писано бо есть: дай премудру вину, премудрѣе будетъ," и проч.

Послушаемъ далѣе простосердечный разсказъ лѣтописи объ этомъ важномъ событіи въ исторіи отечества, разсказъ, выражающій ясно, съ какимъ нетерпѣніемъ желалъ народъ свергнуть Монгольское иго, какъ нынѣ желаетъ раздѣлаться съ Турками.

„И яко быстъ (оставившій войско князь) на посадѣ у града Москвы, туже граждане ношахуся во градъ въ осаду, узрѣша Князя великаго и стужиша, начата Князю великому обезстужився глаголати и извѣты класти, ркуще: егда ты Государь Князь велики надъ нами княжишъ въ кротости и тихости, (то есть въ спокойное и мирное время), тогда насъ въ безлѣпицѣ продаешъ, (то есть облагаешь податями), а нынѣча разгнѣвивъ Царя самъ, выхода ему неплативъ, насъ выдаешь Царю и Татаромъ. Пріѣхаже Князь велики во градъ

Москву, и срѣте его Митрополитъ, а съ нимъ Владыка Вассіанъ Ростовскій. Начаже Владыка Вассіанъ злѣ глаголати Князю Великому, бѣгуномъ его называа, сице глаголаше: вся кровь на тебѣ Христьянская, что ты выдавъ ихъ бѣжишь прочь, а бою не поставя съ Татары и не бився съ ними, а чему боишися смерти, не безсмертенъ еси человѣкъ, смертенъ, а безъ року смерти нѣту ни человѣку, ни птицѣ, ни звѣрю, а дай семо вои въ руку мою, коли азъ стары утулю лице противъ Татаръ, (то есть дай мнѣ войско подъ начальство и увидишь, оборочу ли я, старикъ, лицо отъ Татаръ), и много сице глаголаше ему, а граждане роптаху на великаго Князя. Того ради Князь велики необитавъ въ градѣ на своемъ дворѣ, бояся гражданъ мысли злыя поиманія, обита въ красномъ сельцѣ; а къ сыну посылая грамоты, чтобы часа того былъ на Москвѣ. Онъ же мужество показа, брань пріа отъ отца, а не ѣха отъ берега, а христьянства не выда."

Великій Князь рѣшился наконецъ возратиться къ войску. Долго стоялъ онъ на берегу Угры, какъ вдругъ Ахметъ, получивъ вѣроятно извѣстіе о разореніи своей Орды, приготовленномъ распоряженіями Московскаго Князя, долженъ былъ спѣшить къ ней на помощь, и Москва спаслась. Несправедливый можетъ быть ропотъ народный умолкъ. Орда не могла подняться, и вскорѣ была разрушена, но главы этой гирды возрастали безпрерывно, и въ продолженіи XVI столѣтія гнѣздомъ нашихъ враговъ сдѣлалась *Казань*.

Казанскіе Татары были еще вреднѣе для Москвы, если не страшнѣе, по близости ихъ жительства къ Русскимъ предѣламъ. Они начали свои набѣги до уничтоженія Золотой Орды и въ княженіе Темнаго, съ половины XV столѣтія, не проходило почти ни одного года безъ опасности съ ихъ стороны, болѣе или менѣе. Не одинъ разъ подбѣгали они подъ самыя Московскія стѣны. Вспомнимъ одно страшное нашествіе Улу-

Махмета (1439), когда взятъ былъ въ плѣнъ самъ великій Князь, и отпущенъ послѣ за великую сумму денегъ, собранную со всей Россіи. Долго могли мы только защищаться кое-какъ, и отражать ихъ хищные набѣги. Въ княженіе Ивана Васильевича, собравшись съ силами, мы могли начать уже наступательные походы, съ разными успѣхами, а вмѣстѣ принимать и сильнѣйшія оборонительныя мѣры, ставить крѣпости, сыпать валы, и умножать пограничную стражу. Наконецъ намъ удалось принять участіе во внутреннихъ Казанскихъ дѣлахъ: мы получили и потомъ утвердили вліяніе надъ ними, дошедшее мало по малу до участія въ назначеніи хановъ. Измѣны вызывали наказанія, — и Иванъ Васильевичъ Грозный, по совѣту новаго своего правительства, чтобъ положить конецъ томошнимъ смутамъ, вреднымъ для Москвы, долженъ былъ взять Казань послѣ продолжительной упорной осады, которая заняла въ нашихъ лѣтописяхъ мѣсто, равное съ Куликовской битвой. Покровскій Соборъ, извѣстный болѣе подъ именемъ Василія Блаженнаго, увѣковѣчилъ покореніе Казанскаго царства, а другое воспоминаніе о Казанскихъ набѣгахъ, продолжавшихся слишкомъ сто лѣтъ, сохраняется Московскимъ крестнымъ ходомъ 21 Маія. Христіанство немедленно было насаждено нами въ Казани, и три знаменитыхъ іерарха — Германъ, Гурій и Варсонофій, причтенные въ послѣдствіи къ лику святыхъ, положили много трудовъ для его распространенія во вновь покоренныхъ земляхъ.

Какъ Татары Казанскіе начали нападать на наши предѣлы до уничтоженія Золотой Орды, такъ точно *Крымскіе*, помогшіе намъ сперва раздѣлаться съ нею, начали тревожить насъ прежде взятія Казани; они даже соединялись часто съ Казанцами и нападали сообща, такъ что мы по необходимости вошли съ ними въ соприкосновеніе, и должны были озаботиться о своей безопасности съ этой стороны. Крымцы были дальше отъ насъ, и потому дольше могли тревожить насъ, и оставаться безъ должнаго наказанія. Многіе походы ихъ были

губительны: вспомнимъ Сафа-Гирея 1533, Саипъ-Гирея 1547, Девлетъ-Гирея 1571, который требовалъ дани съ Грознаго и возстановленія царствъ Батыевыхъ, Казанскаго, Астраханскаго, опустошилъ всю Россію до Москвы, сжегъ столицу. „Людей погибло невѣроятное множество,“ говоритъ Карамзинъ, основываясь на современныхъ свидѣтельствахъ, — „болѣе 120,000 воиновъ и гражданъ, кромѣ женъ, младенцевъ, и жителей сельскихъ, бѣжавшихъ въ Москву отъ непріятелей, а всѣхъ около осьми сотъ тысячъ.“ [1] Казы-Гирей, 1591, опустошилъ всю Россію и привелъ въ трепетъ Москву.

Что касается до мелкихъ набѣговъ, то имъ счету нѣтъ. Представимъ для примѣра свѣденіе о двухъ, трехъ годахъ.

„Въ 1617 году, Сентября 29, Болховскій воевода, Богданъ Вельяминовъ, доносилъ о боѣ съ Татарами въ Болховскомъ уѣздѣ. Тогоже года, Октября 16, Ливенскіе воеводы доносили о степной битвѣ за тридцать верстъ отъ Оскола; 27 Октября прислалъ вѣсть о боѣ съ Татарами Курскій воевода Иванъ Волынскій; 1618 года, Іюня 8, также о степной битвѣ съ Татарами донесъ Валуйскій воевода Даниловъ; 19 Іюля Оскольскій воевода донесъ о битвѣ съ Татарами за 50 верстъ отъ Оскола. Іюля 21 были донесенія о битвѣ съ Татарами въ Бѣлевскомъ уѣздѣ. Августа 23 бился съ Татарами Ливенскій воевода, князь Черкасскій; 27 Августа Татары бились подъ Мценскомъ; 8 Октября другая битва за 50 верстъ отъ Ливенъ.“

„Изъ росписи Курскаго воеводы Стрѣшнева значится, что въ 1643 году на Курскія мѣста съ 1 Мая по 3 Августа Крымцы сдѣлали 19 набѣговъ, а въ 1644 году восемь.“ [2]

---

[1]) Карамзинъ, Т. IX. стр. 180 и проч.

[2]) См. статью Г. Бѣляева, напечатанную во Временникѣ Москов. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ, кн. IV, стр. 59.

Изъ этого краткаго, за два-три года, свѣдѣнія видно, можно ли было оставлять на волѣ Крымъ, это новое гнѣздо разбойниковъ, поселившихся въ нашемъ сосѣдствѣ. Продолжительную работу задали намъ Крымцы: мы выжигали степи, прорубали засѣки, строили забои на рѣкахъ, сыпали валы и копали рвы, строили крѣпости, заводили городовыхъ казаковъ по границѣ, въ число коихъ принимались вольные люди изъ всѣхъ сословій. Наши разъѣзды проникали въ степь глубже и глубже, точно также линіи крѣпостей, начинаясь съ Оки, выводились одна за другой далѣе и далѣе. Таковы были оборонительныя мѣры, которыя уже лѣтъ чрезъ полтораста, если исключить нѣсколько удачныхъ попытокъ при Грозномъ, замѣнились наступательными точно такъ, какъ прежде противъ Казани.

Памятниками крымскихъ набѣговъ остались: Донской монастырь, основанный въ 1591 году, и Московскій крестный ходъ 19 Августа.

Крымскіе Ханы поддались Туркамъ—и вотъ начало отношеній Россіи и *Турціи*, которыя рано или поздно должны были столкнуться.

Всѣ Европейскія Государства, съ перваго появленія Россіи на поприщѣ дѣйствій, почувствовали и поняли, что ей принадлежитъ задача сломить Турокъ, и во всѣхъ своихъ договорахъ старались убѣдить Русское правительство къ принятію дѣятельныхъ мѣръ противъ общаго врага, котораго нынѣшняя цивилизація, на оборотъ, признаетъ самымъ лучшимъ другомъ и необходимымъ членомъ Европейскаго семейства.

Исчислимъ нѣкоторые примѣчательные въ этомъ отношеніи вызовы,—и начнемъ съ Папъ:

Павелъ II предложилъ руку наслѣдницы Византійскаго престола, царевны Софіи, племянницы послѣдняго Императора Константина, которая вмѣстѣ съ братьями нашла себѣ убѣжище въ Римѣ, Великому Князю Московскому

Ивану Васильевичу (1472). „Папа“, говоритъ Карамзинъ,[1] „надѣялся, во первыхъ, чрезъ царевну Софію, воспитанную въ правилахъ Флорентійскаго соединенія, убѣдить Іоанна къ принятію оныхъ, и тѣмъ подчинить себѣ нашу церковь, во вторыхъ, лестнымъ для его честолюбія свойствомъ съ Палеологами возбудить въ немъ ревность къ освобожденію Греціи отъ ига Магометова.

Такъ точно дѣйствовали и преемники его: Сикстъ IV (1472),[2] Александръ VI (1503),[3] Левъ X.

Этотъ, славный въ исторіи искусствъ и наукъ, Папа писалъ къ Великому Князю Василію Ивановичу (1519), что Константинополь есть законное наслѣдіе Россійскаго Монарха, сына Греческой царевны, . . . что все благопріятствуетъ величію Россіи, и мы станемъ на первой степени державъ Европейскихъ, если, соединясь съ ними противъ Оттомановъ, соединимся и вѣрою . . что онъ желаетъ украсить главу непобѣдимаго Царя Русскаго вѣнцомъ Царя Христіанскаго, безъ всякаго мірскаго возмездія или прибытка, единственно во славу Божію.[4]

Климентъ VII (1526), Климентъ VIII (1595 — 1597) говорили тоже.

Послѣдній писалъ къ Царю Ѳеодору Ивановичу, „что ему легко послать войско въ Молдавію, и взять Султановы города на берегахъ Чернаго Моря, гдѣ ожидаетъ насъ и слава и богатая добыча, что мы лучше узнаемъ тамъ искусство военное, ибо увидимъ, какъ Нѣмцы, Венгры, Итальянцы сражаются и побѣждаютъ Турковъ, что отъ насъ зависитъ присоединить къ Россіи земли, счастливыя благорастворенiемъ воздуха, выгодами естественными, красотою природы, и чрезъ Ѳракію открыть себѣ путь къ самой Византіи, наслѣдственному достоянію Московскихъ Государей.“[5] и проч.

---

1) Т. VI стр. 59. 2) Тамъ же т. VI стр. 63. 3) Тамъ же т. VI стр. 320. 4) Тамъ же т. VII стр. 100. 5) Карамз. т. X. стр. 189.

Императоры Нѣмецкіе смотрѣли на Государей Московскихъ, въ отношеніи къ Туркамъ, съ тойже точки зрѣнія, какъ и Папы, напримѣръ: Максимиліанъ, чрезъ знатнаго своего посла Яна Кобенцеля, говорилъ Ивану Васильевичу, прося о возведеніи Австрійскаго герцога Эрнеста; „Тогда вся Европа христіанская заключитъ союзъ съ тобою, чтобъ однимъ ударомъ на моряхъ и на сушѣ низвергнуть высокую державу Оттомановъ. Вотъ подвигъ, коимъ мы можемъ на вѣкп прославить себя и Россію! Изгонимъ Турковъ изъ Константинополя въ Арабію, искоренимъ вѣру Магометову, знаменіемъ креста снова осѣнимъ Ѳракію, Элладу, и все древнее Царство Греческое на восходъ солнца будетъ твое, о Царь великій! Такъ вѣщаютъ Императоръ, св. Отецъ Папа и король Испанскій.“ [1]

Императоръ Рудольфъ (1593) присылалъ въ Москву сановника Николая Варкоча краснорѣчиво доказывать необходимость единодушнаго возстанія державъ Христіанскихъ на Султана, и требовать отъ насъ денежнаго вспоможенія или мѣховъ драгоцѣнныхъ для войны съ невѣрными. [2]

„Венгерскій воевода Робертъ (1578) молилъ Іоанна, какъ втораго христіанскаго вѣнценосца, быть спасителемъ Европы, обѣщалъ ему знатное вспоможеніе золотомъ и людьми въ войнѣ съ Турками, убѣждалъ взять Молдавію, отказанную Россіи умершимъ въ Москвѣ Господаремъ Богданомъ.“ [3]

Такъ думали о Россіи всѣ Европейскіе Государи въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ.

Подвластныя Туркамъ племена обратили на нее тогда же свои взоры, и начали ожидать отъ нея себѣ избавленія, просить покровительства, предлагать подданство, — Греки, Славяне, Валахи.

Россія, отдаленная отъ Турокъ, могла сначала отвѣчать на общій вызовъ только изъявленіемъ своего участія, сочувствія

[1]) Карамз. т. IV. стр. 240. [2]) Карамз. истор. т. X. стр. 180. [3]) Тамъ же т. IX. стр. 277.

и готовности къ услугамъ Европы, въ случаѣ благопріятныхъ обстоятельствъ; могла доставлять денежныя пособія для предполагаемой войны, какъ напримѣръ, при Царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, мы послали Императору Рудольфу на воинскія издержки: 40360 соболей, 2760 куницъ, 120 черныхъ лисицъ, 337,235 бѣлокъ и 3000 бобровъ цѣною на 44,000 Московскихъ тогдашнихъ рублей. [1]

Ѳеодоръ, разумѣется, по мысли Годунова, предлагалъ Польскому сейму, въ случаѣ избранія на Польскій Престолъ, „воевать лично и всѣми силами Оттоманскую Имперію, низвергнуть Хана Крымскаго, посадить на его мѣсто Сайдетъ Гирея, слугу Россіи, и, заключивъ союзъ съ Цесаремъ, Королемъ Испанскимъ, Шахомъ Персидскимъ, освободить Молдавію, землю Волошскую, Боснію, Сербію, Венгрію отъ ига Султанскаго, чтобы присоединить оныя къ Литвѣ и Польшѣ, коихъ войско въ семъ случаѣ будетъ дѣйствовать вмѣстѣ съ Россійскимъ. [2]

Димитрій Самозванецъ мечталъ о войнѣ съ Турками.

Непосредственныя же сношенія Россіи съ Турціею были мирныя, и имѣли предметомъ преимущественно выгоды торговли. Описывая первое изъ нихъ, Карамзинъ замѣтилъ: „Ни та, ни другая, не могли предвидѣть, что судьба готовитъ ихъ къ ужасному взаимному противоборству, коему надлежало рѣшить паденіе Магометанскаго могущества въ мірѣ и первенство христіанскаго оружія. [3]

Султаны, получивъ власть надъ Крымомъ, простерли свои замыслы далѣе. Поводы къ тому представлялись имъ часто, въ слѣдствіе умноженія точекъ соприкосновенія, не только чрезъ Крымъ, но и Грузію. Послушаемъ Карамзина:

„Русскіе Казаки поселились и укрѣпились на Дону. Они завладѣли сею рѣкою до самаго устья, требовали дани съ Азова,

---

1) Карамзинъ, т. X. стр. 184. 2) Карамзинъ, т. X. стр. 89. 3) Карамзинъ, т. VI стр. 274.

воевали Ногаевъ, Астрахань, Тавриду, не щадили и Турковъ, обязывались служить вдали бдительною стражею для Россіи, своего древняго отечества, и водрузивъ знаменіе креста на предѣлахъ Оттоманской Имперіи, поставили грань Іоанновой державы въ виду у Султана, который доселѣ не занимался нами, но тутъ открылъ глаза, увидѣлъ опасность и хотѣлъ быть дѣятельнымъ покровителемъ сѣверныхъ владѣній магометанскихъ.... Послы Солимановы убѣждали князей Ногайскихъ, Юсуфа и другихъ, соединиться подъ хоругвію Магомета, чтобы обуздать наше властолюбіе. Отдаленіе, писалъ къ нимъ Султанъ, мѣшаетъ мнѣ помогать Азову и Казани. Заключите тѣсный союзъ съ ханомъ Крымскимъ," (1552) и проч. *

Въ 1563 году Солиманъ затѣялъ „соединить Донъ съ Волгою прокопомъ, основать крѣпостъ на переволокѣ, (тамъ, гдѣ сіи рѣки сближаются), другую на Волгѣ, гдѣ нынѣ Царицынъ, третью близъ моря Каспійскаго, чтобы сперва утвердить безопасность своихъ Азовскихъ владѣній, и послѣ взять Астрахань, Казань, стѣснить, ослабить Россію. Главнымъ орудіемъ или дѣйствователемъ надлежало быть Хану, который, (Девлетъ-Гирей) опасаясь Турокъ еще болѣе, нежели Россіи, отклонилъ Султана отъ его намѣренія невозможностію исполнить оное.**

Сынъ Солиманомъ, Селимъ, возвратился къ этой мысли. Онъ хотѣлъ (1569) возстановить царство Мусульманское на берегахъ Астубы, къ чему склоняли Султана Князья Ногайскіе, Хивинцы и Бухарцы, представляя ему, что Государь Россійскій истребляетъ Магометанскую вѣру, и проч. „Не слушая возраженій Крымскаго Хана, Селимъ (весною 1569) прислалъ въ Кафу 15,000 спаговъ, 2,000 янычаръ, и велѣлъ пашѣ Касиму итти къ переволокѣ, соединить Донъ съ Волгою, море Каспійское съ Азовскимъ, взять Астрахань, или по крайней мѣрѣ основать

---

* Карамзинъ, т. VIII. стр. 139

** Тамъ же т. IX. стр. 41.

тамъ крѣпость въ ознаменованіе Султанской державы.“ [1] Этотъ походъ кончился погибелью почти всего Турецкаго войска.

Въ 1571 году Селимъ въ отвѣтъ посламъ царскимъ требовалъ Астрахани и Казани, или того, чтобы Іоаннъ, владѣя ими, призналъ себя данникомъ Оттоманской Имперіи. [2]

Въ 1591 году Турки были подъ Москвою, въ войскѣ Казы-Гирея.

Амуратъ (1592) въ отвѣтъ на жалобы Θеодоровы напоминалъ опять о Казани и Астрахани и требовалъ, чтобъ Царь велѣлъ Донскимъ казакамъ разрушить ихъ крѣпости на Дону и Терекѣ,—иначе „ не только велимъ Хану и Ногаямъ безпрестанно воевать Россію, но и сами пойдемъ въ Москву своими головами, сухимъ путемъ и моремъ, не боясь ни трудовъ, ни опасностей, не жалѣя ни казны, ни крови.“ [3]

Это была, кажется, послѣдняя сильная угроза Турокъ, которые между тѣмъ уже начинали ослабѣвать внутренно.

Начинаются наступательныя движенія съ нашей стороны.

Донскіе Казаки взяли въ 1637 году Азовъ и поклонились имъ Царю Михаилу Θеодоровичу. Царь, считая это дѣло земскимъ, великой важности, созвалъ въ Москвѣ соборъ — сказати всякихъ чиновъ людямъ, что идетъ къ Государю Турской посолъ... говорити объ Азовѣ, и онибъ выбрали изо всякихъ чиновъ, изъ лучшихъ, изъ середнихъ и изъ молодчихъ людей, добрыхъ и умныхъ людей, съ кѣмъ о томъ дѣлѣ говорити. [4]

Дума, по обычаю тогдашнему, состояла изъ высшаго духовенства, думныхъ людей и изъ выборныхъ свободныхъ

[1]) Карамзинъ, т. IX. стр. 127. [2]) Тамъ же т. IX. стр. 179. [3]) Тамъ же т. X. стр. 173.

[4]) Арцыбышево повѣствованіе о Россіи Т. III. отд. 2 с. 74, 79 и проч. См. статью Г. Лохвицкаго въ Моск. Вѣд. 1854 No. 70, изъ коей предлагается здѣсь выписка.

сословій. Духовенство на этой думѣ лично не присутствовало, а прислало свое мнѣніе письменно; думные люди также не подавали голоса, потому что ихъ мнѣніе уже было извѣстно Царю. Число выборныхъ было слѣдующее: 10 стольниковъ, дворянъ 22, стрѣлецкихъ головъ 4, жильцовъ 12, дворянъ и дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ 112, гостей и торговыхъ людей 12, посадскихъ 20, всего 192 человѣка. Имъ роздано было каждому письменно царское предложеніе, которое состояло изъ двухъ вопросовъ: 1, принять ли Азовъ отъ Казаковъ, 2, если принять, то послѣдуетъ разрывъ съ Турціею и Крымомъ, понадобятся многіе ратные люди, и на жалованье имъ деньги, хлѣбные и пушечные запасы не на одинъ годъ, потому что война бываетъ у Турскихъ людей не на одинъ годъ, — гдѣ это все взять?"

Духовенство отвѣчало, что его санъ не дозволяетъ ему разсуждать о войнѣ, но что оно готово жертвовать всѣмъ, когда Царь рѣшитъ быть войнѣ. Всѣ сословія, подавая мнѣнія порознь, объявили намѣреніе жертвовать всѣмъ для войны съ бусурманомъ. Въ сословіи Московскихъ дворянъ самое рѣшительное мнѣніе подали Беклемишевъ и Желябужскій. Высказавъ всѣ клятвопреступленія Крымскаго Хана, его безбожныя нападенія на Россію, они сказали, что ему не надобно посылать даровъ, а лучше объявить войну, „а та его Государева казна пригодится егожъ Государевымъ ратнымъ людямъ на жалованье, которые будутъ противъ ихъ бусурманъ стояти." Азовъ по ихъ мнѣнію необходимо было взять, потому что въ выдержаніи Казаками осады видна особенная помощь Божія, и что Господь Богъ предаетъ этотъ городъ Россіи „въ месть врагамъ, хотя Господь Богъ прославити преславная своя чудеса, и избавити православныхъ Христіанъ отъ варварскаго нахожденія и вѣчныя крови." Кромѣ того Азовъ имѣлъ ту важность, что если онъ останется за Россіей, то „Ногаи большой, и Казыевы и Кантемиревы улусы, и

Горскіе Черкасы, Темрюцкіе и Каненскіе и Бесленѣевскіе и Адинскіе, будутъ всѣ служити Государю, а только Азовъ будетъ за Турки, и послѣдніе всѣ Ногаи отъ Астрахани и Азова откочуютъ.“ Для покрытія военныхъ издержекъ, они предлагали произвесть чрезвычайный налогъ, соразмѣрно состоянію, не исключая ни духовенства, ни дворянства. Для составленія войска предложено ими было собрать даточныхъ людей со всякаго рода вотчинъ, (то есть и съ монастырскихъ) чтобъ „никто въ избылыхъ не былъ.“

Сильный голосъ подали дворяне сѣверныхъ городовъ, (Суздаля, Переяславля-Залѣсскаго, Юрьева, Бѣлаго, Костромы, Смоленска, Новгорода и др.). На вопросъ: принять ли Азовъ? они отвѣчали: И тебѣ благочестивому Государю, Царю и Великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Руси, прося у Всещедраго Бога милости, велѣть Азовъ у Донскихъ Атамановъ и Казаковъ принять, и съ Турскимъ и съ Крымскимъ царемъ велѣть разрывать за ихъ многую предъ тобою Государемъ неправду....., а буде и неизволишь, Государь, Азовъ принять у Донскихъ Казаковъ, и Азовъ будетъ за бусурманомъ, и образъ великаго въ пророцѣхъ Крестителя Господня Ивана Предтечи будетъ у нихъ же бусурмановъ. Не навести бы, Государь, на Всероссійское государство гнѣва Божія, и великаго свѣтильника, и вышняго во пророцѣхъ Крестителя Господня Ивана Предтечи, и великаго Святителя и Чудотворца Николы, которыми изволеніемъ вышняго Бога, поручилъ тебѣ, благочестивому Государю, такой дальный, крѣпкій украйный городъ, безъ твоей Государевой казны, и безъ подъема твоихъ Государевыхъ большихъ ратныхъ людей, такимъ малымъ твоимъ Государевымъ людямъ?... А вѣдомо тебѣ Государю, Царю и Великому князю, учинилось, что Турскаго царя визирь самъ хочетъ итти подъ Азовъ со многою силою и съ Крымскимъ царемъ чтобъ Азовъ осадить, а многихъ воинскихъ людей послать

войною на государство Московское; и тебѣ Государю Царю и Великому Князю Михаилу Θеодоровичу всея Россіи, прося у всещедраго Бога милости и Пречистыя Богородицы и Московскихъ Чудотворцевъ помощи и заступленія, противъ такого нечестиваго бусурмана и посягателя на истинную православную Христіанскую вѣру и на твою Государеву отчину, велѣть рать строить и люди собрать по своему Государеву указу, какъ было при прежнихъ Государяхъ, при Государѣ Царѣ и Великомъ князѣ Θеодорѣ Ивановичѣ всея Россіи и при иныхъ Государѣхъ, какъ они Государи въ походѣхъ были противъ такихъ бусурманъ подъ Казанью, и въ нѣмецкихъ походѣхъ были, и ихъ Государевы бояре съ ними Государи были."

Мѣры денежныя, предложенныя дворянами сѣверныхъ городовъ, были также самыя рѣшительныя. Между прочимъ они предложили: „Вели, Государь, взять Патріархову казну и у Митрополитовъ и Архіепископовъ, и у Епископовъ, и въ монастырѣхъ лежачую домовую казну, для такія скорыя твоей Государевы службы." Относительно сбора ратныхъ людей, они предложили сдѣлать усиленный наборъ даточныхъ, а дворянству идти всему поголовно съ большою службою „и тутъ будетъ вся твоя Государева земля готова противъ такихъ нечестивыхъ бусурманъ нашествія." За себя они сказали: „а мы, холопи твои, рады за домъ Пречистыя Богородицы и Московскихъ Чудотворцовъ, и за истинную сущую православную Христіанскую вѣру, и за тебя благочестиваго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Θеодоровича всея Руссіи, и за твою Государскую великую къ намъ, холопамъ твоимъ, милость, противъ нашествія на твою Государскую землю такихъ нечестивыхъ бусурманъ, *работать головами своими и всею душею.*"

Дворяне южныхъ городовъ, (Рязани, Коломны, Тулы, Калуги, Серпухова и пр.), не испугались предположенія, что

война съ Турціей можетъ продолжаться много лѣтъ, и отвѣчали: „а что, Государь, написано въ росписи, что война бываетъ отъ Турскихъ людей не на одинъ годъ, и то, Государь, въ волѣ Божіей, вольно Богу и въ малѣ времени укротить.“

Словомъ, все военное сословіе обнаружило самое горячее желаніе идти на войну съ Турками.

Люди торговые отвѣчали: „А что, Государь, о Азовѣ городѣ будешь ты, Государь, изволишь Азовъ принять для избавы православныхъ хрестьянъ, и то, Государь, дошло до всей твоей Государевой земли православныхъ хрестьянъ головъ,.. а мы, холопи твои, твои гостишки и гостиныя и суконныя сотни торговые люди, ради тебѣ, Государю, за Царево и Великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Руссіи многолѣтное здоровье, и за православную христіанскую вѣру померетъ.“

Тоже самое объявили и посадскіе люди.

Правительство разсудило уступить Азовъ, кажется, по недостатку средствъ.

Далѣе, въ царствованіе Ц. Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича, никакого столкновенія между Россіей и Турціей не было. Уже въ 1672 году Турки взяли, отъ Поляковъ Каменецъ-Подольскій и приготовляли нападеніе на Чигиринъ, Кіевъ и Украйну.

Царь Алексѣй Михайловичь началъ принимать свои мѣры. По совѣту съ духовными людьми объявилъ тогда въ окружной свой грамотѣ* „что Турской салтанъ желаніе свое исполнилъ, крѣпкую оборону и замокъ государства Польскаго, городъ Каменецъ со многими знатными городами взялъ, и благочестивыя вѣры греческаго закона церкви, пребывающія нерушимы отъ многихъ временъ, разорилъ и учинилъ въ нихъ мечети,

* Собраніе госуд. грамотъ, гр. Румянцева Т. IV. с. 284. 285 и проч.

и всякое церковное украшеніе отъ церквей отлучилъ, и православныхъ христіанъ похитилъ въ плѣнъ и въ расхищеніе, а какое поруганіе святымъ иконамъ, и всему благочестію во время нахожденія своего учинилъ, того подлинно и написать не возможно. И видя то Салтанъ Турскій, что ему въ походѣхъ его учинились всякія находки, возгордѣлся, что ему тою крѣпостію въ многія государства путь учинился, приложилъ въ то дѣло неуклонную мысль, что ему не токмо Польское государство разорить и завладѣть, но и всѣми окрестными христіанскими государствы завладѣть, пачеже тщится на Московское государство войною и разореніемъ, и въ письмахъ своихъ къ окрестнымъ государямъ межъ иными дѣлы явилъ.

. . . .

И мы, Великій Государь, слыша о таковыхъ непріятельскихъ замыслахъ, а о согласной мысли св. Патріарха и Архіереевъ, и всего нашего Государскаго синклита ревнуя, поревновахъ по Господѣ Бозѣ Вседержителѣ, упреждая его злое намѣреніе, прося у Господа Бога милости, и у Пресвятыя Богородицы, крѣпкія надежды и заступницы, помощи, изволилъ за святыя церкви, и за православную христіанскую вѣру и за всѣхъ христіанъ, къ оборонѣ противъ того непріятеля не токмо прибылыми полки на Сѣверѣ промыслъ показать, но для совершеннаго усердія и попеченія о святой Церкви, и о всѣхъ христіанѣхъ, взявъ въ помощь сильное и непобѣдимое оружіе — святый и животворящій крестъ Господень, мы Великій Государь самъ своимъ Государскимъ походомъ, не отлагая идти къ Путивлю со своими силами, или гдѣ Богъ благоволитъ, а напередъ указали мы, Великій Государь, послать своихъ Великаго Государя бояръ и воеводъ со многими ратьми конными и пѣшими полки, не щадя своей Государской казны.“

Война не состоялася, ибо Царь Алексѣй Михайловичъ вскорѣ скончался (1676, генв. 29).

Уже въ 1678 году, по вступленіи на престолъ Царя Θеодора Алексѣевича, Турки старались исполнить свое намѣреніе противъ Чигирина и Кіева, но были разбиты подъ первымъ городомъ царскими войсками съ Гетманомъ Самойловичемъ.[1])

Въ 1680 году, было заключено перемиріе на 20 лѣтъ, по которому съ Турецкой стороны уступлено Россіи Запорожье, и обѣщано не строить крѣпостей въ заднѣпровскихъ пустыняхъ, принадлежащихъ Турціи. [2])

Такъ началось отъ Днѣпра наше наступательное движеніе впередъ.

Срокъ перемирія еще не кончился, какъ война возобновилась, въ слѣдствіе продолжавшихся неистовствъ Татарскихъ, и въ 1687 и 1689 году, по мысли князя Василья Васильевича Голицына, любимца Царевны Софіи, предприняты были два большіе похода въ Крымъ.

Софія, ободренная вызовами Европейскихъ государствъ, думала уже о совершенномъ уничтоженіи всего Турецкаго владычества, „а такого де удобнаго времени, что при помощи Божіей ихъ бусурмановъ нынѣ побѣждать и до конца искоренить, а православныхъ христіанъ изъ подъ ихъ бусурманской неволи свободить, за тысячу лѣтъ не бывало.“ [3])

Царевна Софія принимала живое участіе въ судьбѣ христіанъ „въ Греческой, Роменской и Морейской и Сербской и Болгарской земляхъ.“

Успѣхъ походовъ не соотвѣтствовалъ ея предположеніямъ. Голицынскіе походы были послѣднимъ событіемъ древней Исторіи; въ слѣдующемъ году (1689) на престолъ Россійскаго государства вступилъ шестнадцатилѣтній Петръ.

---

[1]) Арцыбышевъ т. III. кн. 6. с 180.
[2]) Тамъ же с. 184.
[3]) Собраніе государств. грамотъ т. IV. с. 589.

Не мѣсто говорить здѣсь вообще о значеніи Петра Великаго въ исторіи Россіи и Европы. Мы должны разсмотрѣть его только въ отношеніи къ нашему вопросу.

Неудержимая внутренняя сила повлекла пылкаго юношу сначала, по Голицынскому слѣду, при живомъ воспоминаніи о недавнихъ, неудавшихся походахъ, на югъ подъ Азовъ (1695). Югъ и сѣверъ какъ будто тогда открывались предъ нашимъ Петромъ: какую сторону выберетъ онъ поприщемъ своей дѣятельности? Это была рѣшительная пора въ его жизни и жизни Россіи на долгое время. Петръ обратился къ сѣверу. Непремѣнное желаніе, возникшее тогда уже въ его душѣ, преобразовать или объевропить Россію рѣшило этотъ выборъ; на югѣ, какъ ни былъ онъ привлекателенъ, Петръ отдѣлялся отъ любезной своей Европы многими государствами, съ которыми должно бъ было долго воевать ему безъ увѣренности въ успѣхѣ, а на сѣверѣ сообщеніе съ Европою казалось открытымъ: опасная Швеція доставалась новому, молодому государю, отъ котораго не было причинъ ожидать какого нибудь сильнаго сопротивленія. Нашлись союзники съ личными своими видами на Швецію. Они вызвались помочь Русскому Царю и доставить владѣніе на берегахъ Балтійскаго моря, принадлежавшихъ впрочемъ намъ искони. Петръ началъ съ Швеціей войну, которая оказалась не такъ легкою, какъ онъ предполагалъ сначала: Карлъ XII заставилъ его трудиться до пота лица. Двадцать лѣтъ онъ боролся съ Шведскимъ рыцаремъ, то есть почти всю свою жизнь, (1700 — 1721), хотя еще въ срединѣ этого времени одержалъ Полтавскую побѣду (1709), и положилъ краеугольный свой камень въ основаніе новаго, Европейскаго города Петербурга (1703), которымъ началось политическое тяготѣніе наше къ Западу, продолжающееся полтораста лѣтъ, и въ наше время дошедшее до своей крайности.

Эпизодомъ Шведской войны былъ походъ его въ Молдавію

по вызыву господаря Князя Кантемира, гдѣ онъ имѣлъ несчастіе, въ слѣдствіе невѣрныхъ извѣстій, попасться въ затруднительное положеніе на Прутѣ, и принужденъ былъ отказаться отъ Азова (1711).

Судьба Турціи отсрочена была на долго: но Петръ твердилъ Европейскимъ Государямъ при всякомъ случаѣ о необходимости разрушить Турецкую Имперію. Христіанскіе ея обитатели часто обращались къ нему съ моленіями избавить ихъ отъ Мусульманскаго ига, и предлагали ему свое подданство. Славянскія демонстраціи начались съ особенною силою.

Потеря Россіею Азова ободрила Крымцевъ: хищники начали опять нападать на смежныя области, и грозили даже Астрахани: Петръ не успѣлъ наказать ихъ, хотя подъ конецъ своей жизни и совершилъ походъ въ Персію (1722), по просьбѣ Шаха, съ цѣлію устранить Турокъ отъ вмѣшательства въ дѣла Персіи, обезпечить русскую торговлю на Каспійскомъ морѣ, и если возможно проложить ей путь до самой Индіи.*

Крымскіе набѣги, послѣ смерти Петра, продолжались. Турки буйствовали. При Императрицѣ Аннѣ снаряжено было войско, подъ предводительствомъ Миниха и Ласси, которымъ обѣщались содѣйствовать Австрійцы, желавшіе распространить свои предѣлы на счетъ Турціи. Азовъ и Очаковъ были взяты. Подъ Ставучанами Турки были разбиты па голову, и только отдѣльный миръ, заключенный предательски Австрійцами, (какъ рано начали они доказывать намъ свою дружбу!), которые были на всѣхъ пунктахъ разбиты, (въ Сербіи, Босніи и Валахіи), заставилъ насъ вступить въ переговоры, порученные

* Русская Исторія Устрялова ч. II стр. 13. Я нарочно выбралъ эту учебную книгу для извлеченія нѣкоторыхъ историческихъ показаній о новомъ времени, чтобъ удалить всякое подозрѣніе въ натяжкахъ или пристрастіи съ моей стороны.

вслѣдствіе козней Нѣмецкой, то есть Бироновской партіи, Французскому посланнику въ Константинополѣ Маркизу Вильневу. *
Французу простительно было не думать о Русскихъ выгодахъ, какъ Нѣмцамъ думать о своихъ, — и онъ отказался отъ плодовъ блестящаго Минихова похода, такъ что Россія по Бѣлградскому миру получила только страну между Бугомъ и Донцемъ, и Султанъ согласился срыть Азовъ и дозволить Русскимъ купцамъ отправлять товары въ Черное море, но не иначе какъ на Турецкихъ корабляхъ. А Минихъ послѣ Ставучанской побѣды, взявъ Хотинъ, покоривъ Молдавію, которая съ радостію поддалась и согласилась принять отъ насъ Господаремъ Кантемира, Минихъ собрался уже переправляться чрезъ Дунай и идти на разрушеніе Турецкой Имперіи!

Это было за сто слишкомъ лѣтъ до нашего времени. Такъ естественно представлялась эта мысль всякому умному человѣку, которому случалось въ близи видѣть Дунайскія и Турецкія отношенія!

Несчастный фельдмаршалъ долженъ былъ вскорѣ унести эту мысль въ глубину Сибири (1741), и тамъ наслаждаться ея развитіемъ, въ ожиданіи лучшихъ обстоятельствъ для себя и для Россіи.

Вступила на престолъ Императрица Екатерина II (1762). Минихъ былъ возвращенъ и представилъ ей свой знаменитый проэктъ, который онъ обдумывалъ на досугѣ двадцать лѣтъ: завоевать Константинополь и выгнать Турокъ изъ Европы. Но Екатеринѣ нужно было прежде устроить дѣла свои въ Польшѣ,

* Г. Сенъ-Маркъ Жирарденъ, разсуждая о Бѣлградскомъ мирѣ, недавно еще распространялся въ journal des dèbats въ похвалахъ этому дипломату, понимавшему очень хорошо выгоды Франціи. Случалось ли въ какой исторіи подобное явленіе? Препоручить заключеніе мира враждебному или, по крайней мѣрѣ, чужому дипломату, а у насъ такія явленія повторялись безпрестанно!

гдѣ Европейскіе наши враги готовились устроить себѣ средоточіе своихъ кововъ противъ Россіи, начинавшей производить въ нихъ опасенія.

Они возбудили первую Турецкую войну (1768 — 1774), чтобы привести насъ еще въ болѣе затруднительное положеніе,—и вмѣсто того дали прекрасный предлогъ и средство къ усиленію, возвышенію и прославленію Россіи.

Мустафа III не хотѣлъ сначала признать Понятовскаго Королемъ Польскимъ, требовалъ, чтобы мы вывели войска изъ Польши и отказались отъ участія въ дѣлахъ Рѣчи Посполитой, и наконецъ объявилъ войну Россіи, воспользовавшись предлогомъ нашего случайнаго вступленія въ Турецкія границы при преслѣдованіи Барскихъ конфедератовъ. Посланникъ нашъ Обрѣзковъ былъ заключенъ въ семибашенный замокъ. Крымскому хану дано повелѣніе вторгнуться въ наши предѣлы.* „Въ жестокую зиму 1768 года, Татары ворвались въ Новую Сербію и опустошили ее. Между тѣмъ Порта подняла всѣ свои силы. Болѣе 300,000 человѣкъ, подъ начальствомъ визиря, готовились весною 1769 г. вступить въ Польшу для изгнанія оттуда Русскихъ войскъ и для сверженія Станислава Августа съ престола.

Императрица съ своей стороны вооружила двѣ арміи: первая, подъ начальствомъ Князя Голицына, должна была удерживать визиря отъ вторженія въ Польшу, вторая, подъ предводительствомъ графа Румянцева, обороняла южные предѣлы отъ Крымскихъ Татаръ; сверхъ того посланы были отряды на Кубань для развлеченія Турецкихъ силъ, и на Кавказъ для содѣйствія владѣтелямъ Карталиніи, Имеретіи и Мингреліи.“**

* Heerens Handbuch der Geschichte des Europäischen Staatensystems ч. II. стр. 147.

** Русская Исторія Устрялова ч. II. стр. 186.

История войны слишкомъ извѣстна. 1770 года Турки сосредоточили свои силы на лѣвомъ берегу Дуная, между Днѣстромъ и Прутомъ. Русскихъ безъ всякаго сравненія было меньше, но Екатерина написала Румянцеву, что Римляне никогда не спрашивали, сколько противъ нихъ враговъ, а только, гдѣ они.

„Узнавъ, что Крымскій ханъ появился въ окрестностяхъ Бендеръ, осада которыхъ поручена была графу П. И. Панину, и что Турки переправляются чрезъ Дунай для соединенія съ Татарами, онъ повелъ свое войско лѣвымъ берегомъ Прута противъ хана въ намѣреніи разбить его прежде, чѣмъ визирь успѣетъ подать ему помощь. Для ускоренія похода велѣно было оставить обозъ и кинуть рогатки, которыя доселѣ считались необходимыми въ войнахъ съ Турками. — „Огонь и мечъ будутъ вамъ защитою,“ говорилъ Румянцевъ Русскимъ солдатамъ. 7 Іюля онъ увидѣлъ на берегахъ Ларги стотысячную армію Хана Крымскаго, напалъ не нее въ укрѣпленномъ станѣ, овладѣлъ имъ со всею артиллеріею, разсѣялъ Татаръ, и двинулся впередъ на самаго визиря, который съ главнымъ войскомъ шелъ по слѣдамъ хана, и уже достигъ пути Траянова.“

„Здѣсь, на берегахъ рѣки Кагула встрѣтился съ нимъ Румянцевъ. Визирь остановился, чтобъ укрѣпить по обычаю свой лагерь, и дать время Крымскому хану собрать свою орду для нападенія на Русскихъ съ тыла, между тѣмъ какъ самъ онъ намѣревался ударить на нихъ спереди. Положеніе Румянцева было опасное: въ арміи его, ослабленной моровою язвою и отдаленіемъ нѣсколькихъ полковъ для прикрытія подвоза съѣстныхъ припасовъ, находилось не болѣе 17,000 человѣкъ; съ тыла грозили 80,000 Татаръ. Въ такихъ обстоятельствахъ рѣдкій полководецъ сохранилъ бы присутствіе духа. Румянцевъ не оробѣлъ, и, давъ войску нѣсколько часовъ для отдыха, повелъ его въ бой,

Турки были совершенно разбиты. Въ одно время съ Кагульскою битвою сожженъ былъ при Чесмѣ и Турецкій флотъ, 24 Іюня 1770 года. Греки и Славяне возстали, Татары Буджакскіе признали власть Россіи; Крымскіе готовились также, не надѣясь болѣе на покровительство Порты; Мустафа трепеталъ за свою столицу, опасаясь, что Русскіе прорвутся за Дарданеллы, которые успѣли однакожъ укрѣпить Французскіе инженеры, и обратился къ Австріи и Пруссіи съ просьбой о защитѣ. Кауницъ вступился горячо за Турцію, подъ предлогомъ опасности политическому равновѣсію Европы* и предложилъ Фридриху II употребить вооруженное посредничество для примиренія воюющихъ державъ. Фридрихъ не желалъ пользы Россіи, но съ другой стороны опасался потерять дружбу Екатерины какими нибудь рѣшительными дѣйствіями, и потому ограничился только тѣмъ, что извѣстилъ ее о желаніи Султана примириться, и о своей готовности содѣйствовать заключенію мира.—

„Екатерина попросила Фридриха не мѣшаться въ ея дѣла, и посовѣтовать тоже самое Вѣнскому кабинету: для свѣдѣнія же обоихъ дворовъ сообщила Прусскому Королю, что независимость Татаръ и свободное плаваніе Русскихъ кораблей по Черному и Азовскому морю будетъ основаніемъ договора, а присоединеніе Молдавіи и Валахіи къ Россіи вознаградитъ ее за многія пожертвованія."

„Послѣднее условіе встревожило Кауница, который никакъ не хотѣлъ видѣть Молдавію и Валахію во власти Россіи, предполагая со временемъ, при первомъ удобномъ случаѣ

---

* Русская Исторія Устрялова, ч. II. 190. Благоволятъ читатели обратить вниманіе на это выраженіе: вотъ, имъ примѣръ, какъ давно употребляется оно предлогомъ для закрытія совершенно другихъ видовъ. Сколько разъ даже съ 1770 г. всѣ Европейскія государства мѣняли свой вѣсъ, становившись тяжеле или легче, а политика все еще твердитъ о равновѣсіи. Не смѣшно ли слышать этотъ вздоръ, и кого же можно обмануть такою нелѣпицею!

присоединить ту и другую страну къ Австріи. Въ слѣдствіе сего онъ склонилъ Марію Терезію къ заключенію оборонительнаго союза съ Турціею, собралъ многочисленную армію въ Венгріи, и пригласилъ Фридриха дѣйствовать совокупными силами, въ защиту Султану... Фридрихъ II придумалъ средство въ одно и тоже время вознаградить Россію, спасти отъ нея Молдавію и Валахію, поддержать падающую Турцію, успокоить Австрію, и расширить предѣлы собственныхъ владѣній. Средствомъ къ тому служила Польша.*

Предательскій планъ, на который Екатерина имѣла слабость, неосторожность или необходимость, согласиться!

Не извѣстно, какіе у ней были виды на будущее время, но она рѣшилась, съ совѣта своихъ министровъ, (кромѣ Панина), воспользоваться случаемъ возвратить значительную часть древняго Русскаго достоянія, безъ всякаго почти съ своей стороны труда, и ослабить сосѣднее враждебное государство, которое причиняло ей столько заботъ. Она не подумала, что вмѣстѣ съ симъ возвращеніемъ два другія, иноплеменныя, усиливались значительно, и получали даромъ богатыя области, отнимая ихъ у невиннаго предъ ними сосѣда. Наши области возвратились бы къ намъ, такъ или иначе, рано или поздно. Впрочемъ хорошо разсуждать намъ, чрезъ сто почти лѣтъ, а тогда, можетъ быть, нельзя было иначе поступить. Удержимся отъ безполезныхъ, несправедливыхъ порицаній, а будемъ стараться лучше исправить поврежденное. Но это мимоходомъ.

Россія, приэтомъ беззаконномъ раздѣлѣ Польши, въ которомъ виновата больше всѣхъ Пруссія, а за нею Австрія, отказалась отъ требованія Молдавіи и Валахіи, получила только законную свою собственность, древнѣйшую свою область Бѣлоруссію, Австрія—Галицію, также древнѣйшую область Россіи, а Пруссія—Поморанію.

* Исторія Устрялова, ч. II, стр. 191.

Между тѣмъ съ Турками у насъ война продолжалась вслѣдствіе несогласія при переговорахъ, и еще болѣе обѣщанія Франціи прислать флотъ въ Архипелагъ, и возбудить противъ Россіи Шведскаго короля Густава III. Россіи, растревоженной войною, чумой, Пугачевскимъ бунтомъ, при опасностяхъ со стороны Польши, было очень тяжело, но Екатерина не уныла, и, несмотря на неудачный конецъ похода 1772 года, собралась съ новыми силами, уполномочила недовольнаго Румянцева вести войну, какъ онъ заблагоразсудитъ, — и онъ побѣдами своими съ Суворовымъ, Каменскимъ и прочими знаменитыми сподвижниками, принудилъ наконецъ Турокъ согласиться на Куйчукъ-Кайнарджскій миръ (1774).

По этому знаменитому договору Турція обязалась признать независимость Татаръ Крымскихъ, Буджакскихъ и Кубанскихъ, уступить Россіи Азовъ, Керчъ, Еникале и Кинбурнъ, открыть Русскимъ купеческимъ кораблямъ свободное плаваніе изъ Чернаго моря въ Средиземное, предоставить Русскимъ подданнымъ въ Турецкихъ областяхъ всѣ льготы, которыми пользовались Французы и другіе наиболѣе покровительствуемые народы, даровать всеобщее прощеніе Грекамъ, Славянамъ, Молдаванамъ и Валахамъ и проч. Наконецъ Россія получила право покровительствовать своимъ единовѣрцамъ, Греческимъ и Славянскимъ, обитателямъ Молдавіи и Валахіи.*

Такъ кончилась первая Турецкая война, которую возбудили Французы, и въ которой Австрійцы и Прусаки старались всѣми силами мѣшать Россіи, (Англичане были заняты въ Америкѣ), но которая обратилась совершено въ ея пользу, и доставила ей трактатъ, послужившій основаніемъ всѣхъ слѣдующихъ успѣховъ.

„Со временъ Кайнарджійскаго мира распространилась, и не безъ основанія, всеобщая молва о намѣреніи Екатерины II

* Русская Исторія Устрялова, ч. II. стр. 198, 205.

овладѣть Константинополемъ, и на развалинахъ Оттоманской Порты возстановить Греческую Имперію."*

Представителемъ этой мысли явился Потемкинъ. Но отъ подобной мысли до исполненія всегда бываетъ далеко: много періодовъ развитія она должна перейти, много опытовъ неудачныхъ должно бываетъ совершиться. Какъ ни отваженъ былъ Потемкинъ, какъ ни проницательна была Екатерина, но они не надѣялись на свои собственныя силы, а вспомогательныя средства въ нѣдрахъ противной стороны видѣли не ясно, и положили, что, безъ согласія сосѣднихъ государствъ, проэкта своего имъ исполнить не удастся.

Первымъ шагомъ на этомъ пути было присоединеніе Крыма. Въ Крыму, получившемъ себѣ независимость, начались естественно партіи, партія Турецкая и партія Русская. Турки показали участіе, и имѣли неосторожность вступиться въ дѣла своей партіи; намъ не льзя было оставаться праздными зрителями. Турки заняли Таманъ,—и Русскіе полки нагрянули со всѣхъ сторонъ на полуостровъ, раздираемый междуусобною войною: судьба его была рѣшена. Крымъ присоединенъ къ Россіи манифестомъ 1783 года, 8 Апрѣля.

Вслѣдъ затѣмъ Грузинскій Царь Ираклій II, также по старанію князя Потемкина, объявилъ себя подчиненнымъ Россіи.**

Присоединеніе Крыма и подданство Грузіи произвело въ Турціи всеобщій ропотъ: народъ требовалъ войны, но какъ войска наши стояли на южныхъ предѣлахъ въ готовности, а Австрійскій Императоръ Іосифъ II, (привлеченный на нашу сторону надеждою получить Баварское наслѣдство), объявилъ, что готовъ дѣйствовать за одно съ Россіею, то Диванъ призналъ за лучшее вступить въ переговоры, и прибѣгнулъ

---

* Русская Исторія Устрялова, ч. II. стр. 204. Замѣчательно участіе Волтера, см. его переписку съ Императрицею.

** Русская Исторія Устрялова, ч. II стр. 214.

съ просьбою къ дворамъ Англійскому и Французскому, принять участіе въ дѣлахъ Крымскихъ. Императрица не хотѣла слышать ни о какомъ посредничествѣ, и требовала отъ Порты рѣшительнаго отвѣта, признаетъ ли она присоединеніе Крыма къ Россіи.*

Порта уступила (1783 г. Декабря 28).

Мы изложили выше историческія и политическія причины, почему Россіи необходимо было овладѣть Крымомъ. Но посмотрите на карту, спросите географію, и даже геологію, и вы получите тотъ же отвѣтъ, что Крымъ есть одна изъ необходимыхъ оконечностей Русскаго тѣла; вѣтвь, которая не можетъ быть отдѣленною отъ дерева; часть, которая должна принадлежать къ своему цѣлому, безъ нея неполному. Присоединеніе Крыма къ Россіи естъ необходимостъ географическая, также какъ историческая и политическая. А въ формѣ осуществленія идеи, въ формѣ исполненія необходимости, можетъ быть есть что нибудь подвергающееся нареканію, осужденію, согласенъ, да въ чемъ же человѣческомъ этого нѣтъ, и какъ его избѣжать?

Враги Россіи не успокоились, и, стараясь вредить, продолжали служить ей. Видно было, какъ видно и есть, для имѣющихъ очи видѣти, что Крыма для Россіи мало, и что она должна идти дальше.

Англичане и Прусаки возбудили вторую Турецкую войну (1781, 1791). Англичане, мстя за вооруженный нейтралитетъ Императрицы Екатерины, а Прусаки за дружбу съ Австріею. Порта надѣялась возвратить себѣ Крымъ при содѣйствіи преимущественно Англіи.

Исполнилось горячее желаніе Потемкина: „война началась.“ Все предвѣщало Россіи самые блестящіе успѣхи. Увѣренная

* Русская Исторія Устрялова, ч. II. стр. 216.

въ своихъ средствахъ, Екатерина хотѣла освободить отъ власти Султана Молдавію, Валахію, Болгарію и образовать изъ нихъ особое государство подъ именемъ Дакіи.* (Славяне все еще не ясно представлялись въ умѣ). „Потемкинъ стремился далѣе: онъ только и ждалъ разрыва, чтобы исполнить любимую мысль свою — овладѣть Константинополемъ, разрушить Турецкую имперію, и на развалинахъ ея основать Греческое царство.“

Союзники наши, Австрійцы, опять остановлены и вездѣ разстроены Турками; но Русское оружіе покрылось новою славою. Очаковъ былъ взятъ приступомъ. При Фокшанахъ Суворовъ выручилъ Принца Кобургскаго и рѣшилъ побѣду. Разскажемъ одно изъ слѣдующихъ событій словами нашей учебной Исторіи, чтобы представить совопросникамъ нѣсколько пунктовъ для сравненій и сближеній:

„При Фокшанахъ былъ разбитъ только отдѣльный 30,000-ный корпусъ Турецкій арміи; главныя силы подъ начальствомъ самаго визиря, около 100,000 человѣкъ, находились за Дунаемъ. Онъ спѣшилъ отмстить за столь неожиданное нападеніе, перешелъ со всею арміею Дунай, вступилъ въ Молдавію, и расположился на берегахъ Рымника, чтобъ, укрѣпивъ по обычаю лагерь, напасть на Принца Кобургскаго, стоявшаго въ нѣсколькихъ верстахъ отъ занятой Турками позиціи. Принцъ спѣшилъ увѣдомить Суворова о грозившей ему опасности. Суворовъ не замедлилъ явиться, совершивъ самый трудный переходъ скорѣе, чѣмъ ожидали его Австрійцы, и по прежнему отдалъ приказъ готовиться къ нападенію на враговъ. Тщетно представлялъ ему Австрійскій полководецъ, что, при чрезвычайномъ неравенствѣ силы, одно только благовременное отступленіе можетъ спасти ихъ малочисленный отрядъ отъ явной гибели. Суворовъ не хотѣлъ слышать о ретирадѣ, и объявилъ, что если Австрійцы не хотятъ сражаться, онъ и безъ нихъ разобьетъ визиря.

* Русская Исторія Устрялова, ч. II. стр. 219.

Принцъ долженъ былъ уступить его непреклонной волѣ. Бой былъ жестокій и продолжительный. Союзныя войска дружно напали на непріятельскую армію, расположенную въ четырехъ укрѣпленныхъ лагеряхъ. Ни топкія болота, считавшіяся непроходимыми, ни глубокіе рвы, ни отчаянная храбрость янычаръ, ни многочисленная артиллерія, — ничто не могло остановить Суворова, и достойнаго сподвижника его. Поддерживаемый Принцемъ, онъ бралъ лагерь за лагеремъ, выбилъ Турокъ изъ окоповъ, изъ лѣсовъ, разсѣялъ всю непріятельскую армію, и прогналъ ее за Дунай. Визирь бѣжалъ въ Шумлю, и тамъ умеръ съ тоски."*

Англія подготовила намъ новаго врага, Шведскаго Короля Густава III, питавшаго непримиримую ненависть къ Россіи за первенство, которое она присвоила себя на Сѣверѣ.

„Густавъ заключилъ съ Турціею договоръ, обѣщалъ содѣйствовать ей къ возвращенію Крыма, вооружилъ на счетъ ея войско и флотъ, всупилъ въ Финляндію, и объявилъ нашему кабинету, что онъ согласенъ оставить насъ въ покоѣ, если Императрица откажется отъ Крыма, примирится съ Турціею на условіяхъ Бѣлградскаго договора, и уступитъ все, чѣмъ она владѣла въ Финляндіи. Король требовалъ рѣшительнаго отвѣта, да или нѣтъ; давая знать, что онъ не намѣренъ вступать ни въ какія объясненія. Еслибы онъ овладѣлъ Петербургомъ и Москвою, возразила Екатерина, то и тогда не приняла бы я столь унизительныхъ условій, сама выступила бы съ войскомъ, и доказала свѣту, что можно сдѣлать, предводительствуя Русскими."**

Побѣда Чичагова, Нассау-Зигена, Круза, заставили вскорѣ Густава отказаться отъ своихъ замысловъ, и заключиться въ прежнихъ границахъ.

* Русская Исторія Устрялова, ч. II ст. 224.
** Русская Исторія Устрялова, ч. II стр. 225.

„Но прочіе враги продолжали дѣйствовать. Пруссія и Англія условились принудить Россію и Австрію прекратить войну и возвратить Портѣ отнятыя крѣпости. Къ ихъ союзу приступили Голландія и Польша. Назначенъ былъ конгрессъ въ Рейхенбахѣ. Екатерина, поблагодаривъ посредниковъ за доброе стараніе, отвѣчала, что не намѣрена допускать посторонняго вмѣшательства въ свои дѣла, уклонилась отъ участія въ конгрессѣ, и въ то же время предписала Потемкину нанести Туркамъ ударъ рѣшительный.*)

„Въ отвѣтъ на предписаніе взятъ былъ Суворовымъ Измаилъ. Паденіе Измаила поколебало твердость Порты, и вооружило ея союзниковъ. Англія, Пруссія и Польша вооружились. Британскій флотъ готовился идти въ Балтійское море. Прусскія войска двинулись къ предѣламъ Курляндіи, Польскія вступили въ Волынь. Екатерина видѣла опасность своего положенія, но оставалась непреклонною въ намѣреніи кончить споры съ Турціею безъ посторонняго вмѣшательства, и брала свои мѣры къ борьбѣ съ новыми врагами Россіи.**) Твердость ея получила достойную награду, благодаря новымъ побѣдамъ ея полководцевъ: 1791 года Августа 1-го заключенъ былъ въ Яссахъ миръ, (Потемкинъ не за долго предъ тѣмъ скончался), по коему Турція обязалась исполнить всѣ условія Кучукъ-Кайнарджскаго договора, признать господство Россіи надъ Крымомъ, и уступить ей съ Очаковымъ пространство между Бугомъ и Днѣпромъ.“

Условія были выгодны, но онѣ далеко не соотвѣтствовали общимъ предположеніямъ и первымъ надеждамъ. Екатеринѣ надо было отложить Турецкое дѣло, потому что ей грозила опасность со стороны Польши. Тамъ дѣла ея приняли вскорѣ счастливый оборотъ; благодаря побѣдамъ Суворова, она успѣла

---

*) Русская Исторія Устрялова, ч. II стр. 225.
**) Русская Исторія Устрялова, ч. II. ст. 229.

еще возвратить древнюю Волынь и Подолію (1793), и наконецъ Литовскія губерніи и Курляндію (1794). Изъ древней Россіи осталась въ чужихъ рукахъ только Галиція.

Въ последніе годы вниманіе И. Екатерины, уже состарѣвшейся, было отвлечено отъ востока новыми Европейскими явленіями, то есть, Французскою революціею. Турція была почти совершенно оставлена безъ вниманія, и мы отъ востока, при ея преемникахъ, обратились къ западу, и всѣ свои старанія, всѣ свои усилія устремили на чужія дѣла, безъ всякой пользы для себя, о чемъ писано въ пятомъ письмѣ.

Въ промежуткѣ только Наполеоновскихъ войнъ намъ случилось сходить по старой дорогѣ въ Турцію. Эту войну, въ царствованіе Имп. Александра, воздвигла Франція, чтобъ отвлечь насъ отъ пособія Пруссіи (1805). Обстоятельства совершенно намъ не благопріятствовали, хотя мы и одержали по давней привычкѣ нѣсколько побѣдъ: но какъ будто въ исполненіе закона судьбы, — чтобы не оканчивать ни одной войны съ Турціею безъ поступленія впередъ, предъ самымъ нашествіемъ Наполеона, Кутузовъ заставилъ Визиря согласиться на заключеніе мира въ Бухарестѣ, и уступить намъ Бессарабію мая 16 (1812), предоставивъ многія преимущества Сербіи, Молдавіи и Валахіи.

Началась война Россіи съ Наполеономъ. За нею послѣдовали походы 1813 и 1814 годовъ въ Германію и Францію.

Турки, пользуясь сими тяжелыми для Россіи обстоятельствами, не выполняли, подъ разными предлогами, принятыхъ на себя обязанностей.

По сверженіи Наполеона, въ Европѣ возникли новыя отношенія. Опасеніе возбудить общую войну, при шаткомъ и тревожномъ состояніи запада, препятствовало Им. Александру, принявшему на себя званіе блюстителя Европейскаго порядка (см. письмо пятое), настаивать на свои права. Такъ прошло

нѣсколько лѣтъ. Наконецъ и его терпѣніе истощилось. Между тѣмъ возстала Греція (1821), которой, съ прискорбіемъ сознаться должно, сначала мы старались противодѣйствовать, но впослѣдствіи приняли подъ свое покровительство, согласно съ Англіей и Франціей.

Турки, видя надъ собою грозу, вняли нашимъ требованіямъ, и заключена была, уже при Императорѣ Николаѣ (1826), Аккерманская конвенція, въ подтвержденіе Бухарестскаго договора, безъ участія Европейскихъ государствъ, которое было отклонено согласно со всѣми здравыми преданіями Екатерининской политики.

Въ Аккерманѣ не было помянуто о Греціи ни слова. Турки продолжали ея опустошеніе, отвергнувъ, въ своемъ ослѣпленіи, посредничество Англіи и Россіи, къ коимъ пристала и Франція (Лондонскій трактатъ 24 Іюля, 1827 года). Послѣдствіемъ было сожженіе Турецкаго флота при Наваринѣ (8 Октября).

Махмудъ приписалъ и Греческое возстаніе, и Лондонскую конвенцію, и Наваринскій бой проискамъ Россіи, и началъ непріязненныя дѣйствія. Императоръ Николай долженъ былъ принять его вызовъ. Послѣ долгаго ожиданія перемѣны въ образѣ дѣйствій Султана, объявилъ онъ предъ начатіемъ войны, что не хочетъ ничего болѣе Бухарестскихъ и Аккерманскихъ условій, — и всѣ Европейскія державы согласились въ справедливости и умѣренности его требованій. Но судьба влекла Турцію: она не внимала голосу мира, и война началась. Побѣда слѣдовала за Русскими знаменами; впродолженіе двухъ лѣтъ съ половиною взяты Браиловъ, Варна, Силистрія, Рущукъ, Ахалцихъ, Карсъ, Баязидъ, Арзерумъ. Турки разбиты при Кулевчи. Паскевичь разгромилъ Азіатскіе корпуса. Дибичь перешелъ черезъ Балканы и занялъ Адріанополь, въ двухъ дняхъ разстоянія отъ Царяграда. Султанъ принужденъ былъ просить о мирѣ, при ходатайствѣ Европейскихъ державъ, ко-

торыя слѣдили за каждымъ нашимъ шагомъ, и мѣшали намъ на каждомъ шагу. Въ Адріанополѣ подписаны были условія (1829); онѣ были очень умѣренны: чтобы не возбудить еще большей зависти Европейскихъ державъ, мы удержали за собою изъ нашихъ завоеваній только Анапу, Поти, Ахалкалахъ и Ахалцихъ, крѣпости необходимыя для безопасности закавказскаго края. Права Сербіи, Молдавіи и Валахіи были распространены и умножены. Судьба Греціи предоставлена рѣшенію трехъ державъ.

Вотъ краткое обозрѣніе нашихъ отношеній къ Турціи до настоящаго времени. Выведемъ итоги подъ нашими слагаемыми.

Войнъ кромѣ нынѣшней было пять: одна при И. Аннѣ, двѣ при И. Екатеринѣ, одна при И. Александрѣ, и одна при И. Николаѣ.

Всѣ эти войны были съ нашей стороны оборонительныя, то есть, мы должны были принимать вызовъ, а сами никогда войны не объявляли.

Во всѣхъ войнахъ мы подвигались впередъ, и по всѣмъ договорамъ Россія распространяла свои предѣлы, и получала новыя области, сперва за Днѣпромъ, потомъ до Буга, потомъ до Днѣпра, потомъ до Прута, потомъ до устьевъ Дуная.

Во всѣхъ войнахъ, какъ Англичане и Французы, такъ Австрійцы и Прусаки, старались всѣми силами вредить Россіи, и если уступали, то по одной необходимости: въ первой, Екатерининской, только мало участвовали Англичане, потому что заняты были въ Америкѣ, во второй Австрійцы были на нашей сторонѣ потому, что имѣли нужду въ нашемъ согласіи на пріобрѣтеніе ими Баварскаго наслѣдства.

Обстоятельства Европейскихъ государствъ, впродолженіи столѣтняго слишкомъ періода, нами разсмотрѣннаго, были совершенно различныя, но сходились онѣ всегда во враждебной политикѣ къ Россіи; слѣдовательно политика ихъ,

враждебная Россіи, зависитъ не отъ случайныхъ обстоятельствъ, а лежитъ глубоко въ ихъ натурѣ, и нельзя ожидать, чтобъ онѣ перемѣнили свою натуру только для нынѣшней войны. Напротивъ всѣ прежнія темныя ихъ предчувствія теперь уяснились, и онѣ ненавидятъ уже Россію не по чутью, а сознательно: при И. Екатеринѣ Россія не была, напримѣръ, такъ опасна Англіи, какъ теперь, когда она проникла до внутренней Персіи, и стоитъ предъ Бухарой, Хивой и Индіей. Въ прошедшемъ столѣтіи, силы племенъ Славянскихъ не были извѣстны себѣ, не только Австріи, сочувствіе ихъ къ Россіи не безспокоило ея, и она не трепетала за свое существованіе. Европа не имѣла никакого понятія о Славянахъ, а теперь изъ всѣхъ Европейскихъ государствъ не умѣетъ цѣнить ихъ развѣ одна Россія.

О началѣ нынѣшней войны говорить я не стану; она разсмотрѣна въ прежнихъ моихъ письмахъ: скажу только, что Императоръ Николай могъ терпѣть существованіе Турціи, пока она сохраняла какую нибудь самостоятельность, пока царствовалъ тамъ Абдулъ-Меджидъ или Махмудъ, котораго онъ даже спасъ однажды отъ притязаній Египетскаго Паши, но царствованія лорда Редклифа Россія допустить не можетъ: а что въ Константинополѣ царствуетъ теперь этотъ благородный лордъ, то засвидѣтельствовано самимъ Французскимъ посланникомъ Барагей д'Илье.

Дѣла наши пошли очень дурно, въ слѣдствіе тойже несчастной политики, которая заставляетъ насъ испить горькую чашу до самого дна. (О нѣсколькихъ отдѣльныхъ блистательныхъ сраженіяхъ, особенно въ Азіи, оставшихся безъ послѣдствій, говорить нечего). Насъ загнали за Прутъ, въ собственные наши предѣлы, съ другихъ же сторонъ предѣлы обезчещены: многія Азіатскія крѣпости на Кавказскомъ берегу уничтожены и заняты; Крымъ, Одесса, Финляндія и даже

Петербургъ должны опасаться нападенія. Европейскія державы требуютъ ревизіи всѣхъ нашихъ трактатовъ, то есть, хотятъ, чтобы мы отказались отъ всѣхъ правъ, купленныхъ кровію нашихъ предковъ; требуютъ, чтобъ военные ихъ корабли плавали свободно въ Черное море, то есть, чтобы они могли нападать на насъ, когда заблагоразсудятъ; требуютъ, чтобъ мы ослабили свои силы и уравняли ихъ съ Турецкими, то есть, чтобъ мы лишили себя средствъ даже и сопротивляться имъ, дали имъ гарантіи, а отъ нихъ не спрашивали никакой. Однимъ словомъ, онѣ требуютъ, чтобъ мы отказались отъ нашей исторіи и нашей миссіи, и предали себя на ихъ волю.

Требованія невозможныя, отвергаемыя здравымъ смысломъ, не только политикою, исторіею и чувствомъ народной чести. Что сказалъ бы Петръ, что сказала бы Екатерина, что подумали бъ Румянцевъ, Потемкинъ, Суворовъ, Кутузовъ, Державинъ, Карамзинъ, Пушкинъ, еслибъ мы приняли подобныя условія и положили оружіе? . . Россія возлагаетъ твердую надежду на того, кому поручена въ настоящее время судьба ея . . .

Война съ Турціею, въ такомъ положеніи дѣла, необходима; не только какъ исполненіе судебъ историческихъ, продолженіе нашего тысячелѣтняго пути, но какъ защита нашего существованія, нашей жизни, безопасности и нашей чести. Россія принуждена теперь стремиться къ уничтоженію Турціи, не въ исполненіе замысловъ честолюбія или властолюбія, а по требованію обстоятельствъ, по силѣ вещей, какъ она прежде должна была уничтожить власть Крымцевъ, Казанцевъ, Монголовъ, Половцевъ и Печенѣговъ.

Впередъ! Съ нами Богъ, — и пускай Европейскіе дипломаты наши провозглашаютъ торжественно l'intègrité de l'empire ottoman.

Мы разсмотрѣли событія съ точки зрѣнія Русской Исторіи: Россія есть государство не только Русское, но вмѣстѣ и Славянское, какъ мы недавно узнали.

Славянская Исторія, съ своей стороны, влечетъ ее къ той же цѣли, которую имѣетъ она и сама по себѣ, по своей собственной Исторіи.

Европа давно уже испугалась единоплеменности нашей съ Славянами.

Долго раздавались жалкіе вопли и стоны Славянъ. Никто ихъ не слыхалъ, никто ихъ не понималъ, никто не принималъ ихъ къ сердцу. Это былъ гласъ вопіющихъ въ пустынѣ. Невидать было конца ихъ тяжкимъ мукамъ, и только въ лучшихъ благородныхъ сердцахъ таилась надежда, что истина, рано или поздно, возметъ свое. И вотъ наступило настоящее время съ своими страшными уроками. Но возвратимся къ Исторіи.

Всѣ Славянскія государства пали, въ исполненіе какихъ то непостижимыхъ для насъ судебъ историческихъ — Богемія, Моравія, Померанія, Силезія, Кроація, Славонія, Далмація, Боснія, Сербія, Болгарія, Польша. Одна Россія, самое младшее между ними, возникнувъ послѣ всѣхъ, возстала, утвердилась, усилилась, и заняла первое мѣсто въ Европѣ, во всемъ мірѣ. Не лежитъ ли на ней обязанность подать руку помощи угнетеннымъ ея старшимъ братьямъ, у которыхъ испиваемая чаша бѣдствій преисполнилась, и мѣра человѣческаго терпѣнія истощилась? Можно-ли отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно? Такъ въ семействѣ младшій разбогатѣвшій братъ долженъ, какъ будто по опредѣленію Божію, помогать старшимъ разореннымъ братьямъ, сдѣлаться покровителемъ и главою всего семейства.

Первое мѣсто между Славянами, по своему бѣдственному положенію, занимаютъ Турецкіе, которыхъ мы и узнали

прежде всѣхъ, войдя въ непосредственное сношеніе съ Турціей, и имѣвъ множество случаевъ удостовѣриться въ любви и преданности своихъ единоплеменниковъ.

Славянъ въ Турціи 10 милліоновъ, а Турокъ одинъ милліонъ; Славяне работаютъ, Турки ничего не дѣлаютъ; Славяне за свою работу не имѣютъ права даже носить головы безъ выкупа, а Турки наслаждаются блудно плодами ихъ кровавыхъ трудовъ. Имущество Славянъ, ихъ жены и дѣти, все во власти Турокъ, которые могутъ дѣлать съ ними все, что хотятъ: имени другаго нѣтъ имъ кромѣ собакъ. Мученія Славянъ, которые начали наконецъ чувствовать свои силы, вслѣдъ за Греками, превосходятъ всѣ мѣры. Стоны ихъ донеслись сначала до Москвы, потомъ и до Петербурга. Самъ Государь принялъ наконецъ участіе въ Славянской судьбѣ. Спрашивается: обязана ли Россія подать Славянамъ помощь по естественному праву, по человѣческимъ чувствамъ?

Обязана. Никакими софизмами нельзя опровергнуть этой обязанности, ясной какъ день. Обязана, еслибъ они были даже чужіе, только люди и страдальцы, христіане, а они намъ братья, старшіе братья, въ которыхъ течетъ одна кровь съ нашею, и которые говорятъ однимъ съ нами языкомъ. Наши историческія, родственныя обязаности, совершенно совпадаютъ съ человѣческими, христіанскими.

Этого мало. Родные, христіане, Славяне одни исповѣдуютъ христіанскую вѣру одинаково съ нами, и составляютъ одну съ нами церковь. Слѣдовательно церковь благословляетъ насъ на войну, и даже требуетъ ея во имя всѣхъ христіанскихъ обязанностей.

Напрасно Европейцы хотятъ раздѣлять съ нами право покровительства надъ Турецкими христіанами. Это только пустыя слова, или еще хуже, злые умыслы. Примѣръ Греціи показываетъ намъ, какъ они готовы заботиться о Славянахъ,

о которыхъ никогда и не думали. Всѣ предполагаемыя ими мѣры ничтожны и не исполнимы. Они не только не хотятъ добра Славянамъ, но и не могутъ сдѣлать ничего, кромѣ зла, потому что принадлежатъ къ другимъ исповѣданіямъ, называютъ церковь Славянъ—ересью, ненавидятъ ее больше ислама и торжественно проповѣдуютъ войну противъ ея устами даже Парижскаго Архіепископа въ посланіи, которое сочинялъ, говорятъ, ихъ первый, самый кроткій, христіанскій философъ, Аббатъ Боттенъ. Послѣдняя Европейская медаль съ надписью: католицизмъ, протестантизмъ, исламизмъ, подъ покровительствомъ Божіимъ,—яснѣе всѣхъ разсужденій показываетъ отношеніе Западной Европы къ православію. Какъ же можно предоставить Европейцамъ участіе въ покровительствѣ Славянъ въ Турціи. Это есть non-sens. Слѣдовательно мы, и только мы, обязаны защищать и покровительствовать Славянъ въ отношеніи къ ихъ вѣроисповѣданію, какъ единственные, сильные сыны православія. Къ обязанностямъ историческимъ, родственнымъ, христіанскимъ, присоединяются обязанности церковныя, обязаности единовѣрія.

И это еще не все. Вѣру нашу, нашу граматность, наше просвѣщеніе, наше богослуженіе на общепонятномъ для народа языкѣ, то есть, преобразованіе нашей жизни умственной и нравственной, опредѣленіе нашей исторіи, причину, начало, почему Русскій народъ таковъ, какъ есть, мы получили отъ этихъ Славянъ, которые ждутъ теперь нашей помощи. Благодѣяніе, вѣковѣчное благодѣяніе, которое они оказали намъ, во время оно, неизвѣстное нашимъ дипломатамъ, ни съ чѣмъ сравнено быть не можетъ: оно дороже для насъ всего на свѣтѣ: и за такое благодѣяніе, безъ измѣны, безъ предательства, безъ подлости, безъ грѣха, мы не можемъ не явить имъ, на дѣлѣ, своей глубочайшей благодарности. Вотъ еще обязанности наши личныя, нравственныя.

Говорить ли, что во всѣхъ, описанныхъ выше, Турецкихъ войнахъ, Болгаре и Сербы были самыми вѣрными нашими слугами и помощниками, и что послѣ каждой войны должны были тысячами оставлять свои родимыя поля и бѣжать отъ Турецкаго меча, который не могъ имъ прощать никогда привязанности къ Русскимъ. Таковы отношенія Россіи къ Славянамъ.

А долгъ нашъ предъ Европою, за всѣ плоды ея трудовъ, за всѣ ея изобрѣтенія и открытія, за ея науки и искуства,— мы хотимъ помнить только добро,—которыми мы теперь такъ спокойно пользуемся и наслаждаемся? Мы не принимали участія въ ея крестовыхъ походахъ; мы должны теперь совершить свой крестовый походъ, уничтожить владычество Турокъ въ Европѣ,—дѣло оказавшееся для нихъ невозможнымъ, и освободить святыя мѣста изъ-подъ власти невѣрныхъ. Такъ угодно Богу. Это обязанность Россіи, какъ государства, не только Русскаго и Славянскаго, но и Европейскаго!

Человѣколюбіе, родство, единовѣріе, благодарность, присоединяются къ нашей собственной, настоящей, исторической и политической необходимости вести войну съ Турціей, которой посвящено это мое разсужденіе.

Скажите же вы всѣ, въ комъ есть хоть капля теплой крови, въ комъ бьется человѣческое сердце, — вы всѣ, которые родились въ мукахъ изъ чреслъ матерних — Готентоты, Эскимосы, Патагонцы, дипломаты, политики, какая война можетъ быть достойнѣе, человѣчнѣе, святѣе! Впередъ! Съ нами Богъ!

Вотъ наше значеніе Русское, Славянское, Европейское, Христіанское! Какъ Русскіе, мы должны взять Константинополь для своей безопасности.

Какъ Славяне, мы должны освободить милліоны своихъ старшихъ единоплеменниковъ, единовѣрцевъ, просвѣтителей и благодѣтелей.

Какъ Европейцы, мы должны прогнать Турокъ.

Какъ православные христіане, мы должны сохранить восточную церковь, и возвратить Святой Софіи ея вселенскій крестъ.

Возвратимся опять къ Русской собственной Исторіи. Мы разсмотрѣли внѣшнія, такъ сказать, отношенія и обязанности Россіи, ея внѣшнюю Исторію, и вывели изъ нихъ ея историческое назначеніе, ея Европейскую цѣль. Обратимся теперь ко внутренней ея Исторіи, и посмотримъ: соотвѣтствуетъ ли эта открытая нами цѣль ея собственному внутреннему развитію.

Распространяться много въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мнѣ не нужно. Дѣла сами говорятъ ясно.

Я спрошу только, обозрѣвая всю нашу Исторію въ продолженіе тысячи ея лѣтъ, нашла ли Россія центръ своей тяжести? Нѣтъ. Она его ищетъ, но еще не нашла. Центръ тяжести ея зачался сперва въ Новѣгородѣ, но не надолго. Потомъ перекинулся онъ въ Кіевъ. Потомъ двинулся опять назадъ, на сѣверъ, тремя пріемами, во Владиміръ, Москву, Петербургъ. Теперь онъ въ Петербургѣ. Но неужели онъ тамъ останется? Это физически нельзя. Крайня точка пятнадцати-тысячь-верстной линіи не можетъ остаться на долго центромъ! Представьте себѣ маятникъ: его качаніе было отъ Новагорода къ Кіеву, а потомъ отъ Кіева къ Петербургу. Изъ Петербурга размахъ не можетъ остановиться нигдѣ кромѣ Константинополя, къ которому мы подходили выше, въ заключеніе нашихъ разсужденій, о внѣшней Исторіи Россіи.

Но Константинополь вѣдь тоже будетъ на краю, какъ и Петербургъ?

А Славяне-то, которые простираются до Адріатическаго моря, до предѣловъ Рима и Неаполя къ Западу, а къ Сѣверу до Средняго Дуная и Эльбы? Соотвѣтственна ли эта почтенная окружность для новаго нашего центра Константинополя?

И развѣ не тудажъ, какою-то непреоборимою, чуткою силою, тянуло молодую Русь, въ продолженіе первыхъ двухъ сотъ лѣтъ ея существованія, прежде нежели восточныя племена, нами выше изчисленныя, ее совершенно стѣснили? Не Царь-ли Градъ былъ любимою цѣлію древнѣйшихъ князей Русскихъ съ ихъ вѣрными дружинами? Аскольдъ и Диръ, Олегъ, Игорь, Святославъ, Владиміръ, Ярославъ, не тамъ ли добыли славы незабвеннымъ именамъ своимъ, и озарили ею отечество?

На вратахъ Константинополя повѣсилъ свой щитъ, какъ будто ставя намъ цѣль, нашъ вѣщій *Олегъ*, иже нача первѣе въ Кіевѣ княжити.

Къ *Игорю*, на устье Дунайское, присылалъ Константинополь просить мира, и обѣщалъ увеличить дань.

„Тамъ есть средина земли моей, тамъ вся благая сходятся," восклицалъ въ царственномъ вдохновеніи нашъ мужественный *Святославъ*, рѣшаясь утвердить свою столицу на Дунаѣ. Не раздаются ли до сихъ поръ подъ Балканами его безсмертныя слова: „Намъ некуда дѣться! *Волею и неволею мы должны сразиться. Не посрамимъ земли Русской*, и ляжемъ здѣсь костьми. Мертвымъ срама нѣтъ, *а если побѣжимъ, то не спасемся, а срамъ примемъ. Станемъ же крѣпко.*" А что отвѣчалъ онъ на угрозу о всемъ войскѣ, которое собралось на него въ Болгарію изъ Константинополя: „Мы сами придемъ къ вамъ прежде вашего, раскинемъ свои шатры предъ вратами вашей столицы, обнесемъ городъ крѣпкимъ валомъ и тогда выходите на битву. Мы покажемъ, что мы не малыя дѣти, которыхъ можно испугать угрозами, и увидимъ, кому достанется побѣда."

„Возьму градъ вашъ," посылалъ сказать Константинопольскимъ Императорамъ *Владиміръ* „если вы не дадите сестры вашей мнѣ въ замужество."

Туже угрозу повторилъ пылкій сынъ Ярославовъ, которому только ужасная буря воспрепятствовала исполнить свое намѣреніе.

А Черное море! *Черному морю*, которое теперь грозятся отнять у насъ завистливые враги, не было въ древности другаго имени, кромѣ Русскаго. Русскія суда, не пароходы, а лодки душегубки, однодеревки, покрывали сплошь его бурныя воды, служа войнѣ и торговлѣ. Черное море было любимымъ поприщемъ неустрашимыхъ Варяжскихъ витязей, ихъ удивительныхъ трудовъ и подвиговъ.

А Дунай? Ахъ *Дунай* ли мой Дунай, тихій Дунай, свѣтъ Ивановичь Дунай, — слышится до сихъ поръ по всему пространству Русской земли въ любомъ городѣ, и любой деревнѣ.

Но однѣ ли бранныя воспоминанія сопряжены въ древней Русской Исторіи съ Дунаемъ, Чернымъ моремъ и Константинополемъ?

Тамъ, на Востокѣ, начало нашей *вѣры*, которую послѣ перваго похода подъ Царьградъ принесла въ Кіевъ дружина *Аскольда и Дира*.

Туда ходила *Ольга* принять св. крещеніе и знаменательное имя Елены, равноапостольной матери Константиновой.

Оттуда *Владиміръ* получилъ себѣ христіанскою супругою царевну, первое священство и всю церковную утварь.

Оттуда преподобный *Антоній*, прародитель Русскихъ монастырей, ископавшій Кіевскія пещеры, перенесъ благословеніе Святой Горы, и образцы *монашеской жизни*, столь благотворной въ древности.

Наконецъ, — для той несчастной Болгаріи, въ коей послѣ четырехъ-сотъ-лѣтнаго тяжкаго ига только теперь, по новѣйшимъ извѣстіямъ изъ дѣйствующей арміи, раздался первый благовѣстъ, и вознесся первый крестъ, — для той несчастной Болгаріи переведено было сначала Священное писаніе и всѣ

богослужебныя книги безсмертными Кирилломъ и Меѳодіемъ. Присланныя изъ Константинополя, онѣ воздвигли этотъ вѣковѣчный памятникъ *Славянскаго языка,* основаніе нашей граматности и нашего просвѣщенія, нами тогдаже полученный.

Однимъ словомъ, Константинополь былъ средоточіемъ, *столицею Русской Исторіи* въ продолженіе ея первыхъ двухъ сотъ лѣтъ, которыя такъ знаменательно соединяются и сходствуютъ съ нашимъ временемъ, составляя одно цѣлое, одинъ замыкающій кругъ.

Въ началѣ нашей Исторіи заключается сѣмя не только внутренняго ея развитія, но намѣчены и ея будущіе предѣлы.

Даже въ продолженіе среднеи нашей Исторіи, когда восточныя племена всею своею тяжестію налегали на Россію, и не давали ей дохнуть, когда она не могла думать ни о какомъ завоеваніи, а развѣ о сохраненіи своей жизни, — даже и тогда, какъ будто въ ободреніе, на память объ ея славномъ назначеніи, даже и тогда Константинополь прислалъ намъ знаменательный залогъ своего будущаго подданства Россіи, — Софію, наслѣдницу Греческихъ Императоровъ, племянницу послѣдняго Палеолога, принесшую намъ съ собою въ приданое свой Императорскій гербъ, этого двуглаваго орла, который осѣняетъ теперь цѣлую часть свѣта, но которому не достаетъ еще его первоначальнаго державнаго гнѣзда.

И онъ, нашъ славный врагъ, Наполеонъ, размышляя въ глубинѣ своего заточенія о будущихъ судьбахъ того міра, которымъ такъ долго управлялъ онъ по своему произволу, Наполеонъ, съ утесовъ острова св. Елены, устремлялъ взоръ свой на Константинополь, и въ политическомъ своемъ ясновидѣніи, видѣлъ въ немъ столицу Европы, столицу міра.

Кому же должна принадлежать по всѣмъ соображеніямъ Исторіи эта столица, почти одна, въ которой онъ не былъ,

и которую, по собственному сознанію, не могъ взять или имѣть, онъ, великій представитель Запада?

Она должна принадлежать, или лучше, она не можетъ принадлежать никому, кромѣ Востока, а представитель Востока есть Россія.

Прилетай же скорѣе Непирова бомба: намъ нуженъ сигналъ переѣзжать на другую квартиру, промѣнять сѣверныя болота на ту сторону, гдѣ апельсины зрѣютъ и яворы шумятъ. Прилетай Непирова бомба, — ты вѣрно, по закону Немизиды, упадешь въ министерство иностранныхъ дѣлъ! Какъ мы будемъ благодарны тебѣ! Сожги своимъ жгучимъ огнемъ, что засвѣтили Англичане въ аду, сожги всѣ наши ноты съ Вѣнскою включительно, всѣ протоколы, деклараціи, конфиденціальныя отношенія, конвенціи, инструкціи, рапорты, и всѣ наши политическія сношенія съ Европою! Гори все огнемъ! Qui perd gagne!

Мы оставимъ въ Петербургѣ Мѣднаго всадника стеречь устье Невы, и принимать иностранныхъ шкиперовъ съ товарами для сѣверной половины Россіи. Или нѣтъ — онъ соскучится одинъ, и, нахмуривъ брови, вѣрно поворотитъ своего коня къ Золотому Рогу, а церковь Исаака Далматскаго, въ честь его Ангела, мы достроимъ ему на берегахъ Далмаціи, насупротивъ города Бара, гдѣ почиваютъ мощи Николая Чудотворца!

Да, мы возмемъ когда нибудь Константинополь, и это есть убѣжденіе всего Востока: Греки, Турки, Славяне, всѣ равно увѣрены, что Константинополь будетъ взятъ Русскими.

И это убѣжденіе носитъ въ себѣ Русскій народъ, который во время покоренія Константинополя Турками, былъ увѣренъ, что освободитъ его, и теперь, получивъ первое, самое неясное объявленіе о предстоящей войнѣ, воспылалъ такимъ огнемъ, какого не знаетъ его Исторія. Сердце сердцу вѣсть подаетъ, и гласъ народа есть гласъ Божій.

И это убѣжденіе принадлежитъ не одному настоящему вре-

мени, а передается на Востокѣ изъ рода въ родъ, по всѣмъ вѣкамъ, съ перваго появленія Турокъ въ Европѣ. Тогда еще услышались пророчества между Греками и Турками, пророчества, перешедшія къ Славянамъ и помѣщенныя въ нашихъ лѣтописяхъ, объ изгнаніи Турокъ и объ освобожденіи отъ нихъ Константинополя Русскими. Объ этихъ пророчествахъ не могу я представить ничего лучше извѣстія, составленнаго трудолюбивымъ профессоромъ Московской Духовной Академіи Смирновымъ.

„Когда Константинъ Великій, — говоритъ онъ, (по разсказамъ Русскихъ лѣтописцевъ), — „избралъ мѣсто для построенія города, и распредѣлялъ, гдѣ быть стѣнамъ, башнямъ и воротамъ, внезапно выползъ изъ норы змѣй, и поползъ по мѣсту, гдѣ происходило размѣреніе. Но вдругъ съ высоты спустился орелъ, схватилъ змѣя, полетѣлъ съ нимъ въ верхъ, и скрылся на долго изъ глазъ. Однако жъ змѣй, обвившись во-кругъ орла, одолѣлъ его, и оба они пали на землю. Народъ, увидѣвъ это, поймалъ орла, а змѣя убилъ. Послѣ сего царь собралъ мудрецовъ и книжниковъ, и они, поразсудивъ, такъ объяснили знаменіе: орелъ есть знаменіе христіанское, а змѣй знаменіе басурманское. Такъ какъ змѣй одолѣлъ орла: то это значитъ, что басурмане одолѣютъ христіанство, а поелику христіане взяли себѣ орла, и убили змѣя, то напослѣдокъ они одолѣютъ басурмановъ, возмутъ городъ седмихолмный, и въ немъ воцарятся.*) Припомнимъ, чьимъ достояніемъ сдѣлался орелъ Византійскій, вскорѣ по паденіи Греческой Имперіи, и не опустимъ безъ вниманія того обстоятельства въ разсказѣ, что змѣй, и нашимъ предкамъ извѣстный, какъ символъ мусульманства,**) умертвленъ тѣми же христіанами, которыхъ орелъ сталъ достояніемъ. Эта легенда, записанная нашимъ лѣтописцемъ, разъясняется у него далѣе. Въ разсказѣ о взятіи Турками

*) Никон. Лѣтопись, V, стр. 223, 224.

**) Карамзинъ, VI, примѣчаніе 98.

Константинополя, лѣтописецъ приводитъ замѣчательное пророчество, имъ приписываемое Меѳодію Пажарскому и Льву Премудрому, о судьбѣ Царя-града:—Но убо да разумѣеши, аще все преждереченное Меѳодіемъ Патарскимъ и Львомъ Премудрымъ знаменіе о градѣ есть совершися, то и послѣдняя не преидутъ, но тако же совершитися имутъ, пишетъ бо: Русскій же родъ съ прежде созданными всего Измаила побѣдятъ, и седмихолмнаго пріимутъ со преждезаконными его, и въ немъ воцарятся.“*) Это пророчество крѣпко занимало умы Грековъ, и услаждало горечь ихъ бѣдствія надеждою на будущее освобожденіе Византіи отъ ига невѣрныхъ рукою единовѣрныхъ Руссовъ.

„Оно есть буквальный переводъ одного мѣста изъ надписи на гробницѣ царя Константина Великаго. Надпись приведена вполнѣ у Бандури въ исторіи „о разореніи послѣднемъ святаго града Іерусалима, и о взятіи Константинополя“, изданной въ первый разъ при Петрѣ Великомъ въ 1723 году. Лебо представляетъ переводъ этой же надписи изъ одной Грузинской рукописи, написанной царемъ Арчилломъ.**) И Грузинская хроника, и составитель исторіи о взятіи Царяграда, разсказываютъ, что Константій, сынъ Константина Великаго, вступивъ на престолъ, приказалъ торжественно перенести изъ Никомидіи тѣло отца своего, и похоронилъ оное въ церкви св. Апостоловъ. Тогда нашлись нѣкоторые премудрые, освященные и прозорливые мужи, которые на гробницѣ написали Греческія письмена, трудныя для уразумѣнія, ибо онѣ состояли только изъ начальныхъ буквъ, и однѣхъ согласныхъ. Уже въ царствованіе Іоанна Палеолога, Геннадій или Григорій Схоларій, бывшій тогда судіею въ цар-

*) Никон. Лѣт. V. стр. 261. Въ Степенной книгѣ (2,69): съ прежде создательными.... съ преждезаконными.“

**) Lebeau Histoire de Bas-Empire, part. 21 pag. 330. — Banduri Histoire Bysant. tom. 1. par. 21, p. 184.

комъ судилищѣ, а по взятіи Константинополя Патріархомъ Цареградскимъ, разобралъ надпись, и вотъ то мѣсто, которое приведено въ нашей лѣтописи: Τδξϑ γν. αμ. μττ. πρκτρν. ολ. ιμλ. τρπς. τεπτλρ. επρ μττπρνμ. то есть: Τὸ δὲ ξανϑὸν γένος ἅμα μετὰ τῶν πρακτόρων ὅγλον Ισμαὴλ, τροπῶς οὖν τὴν ἑπτάλορον ἐπάρουν μετὰ τῶν προνομίων, то есть, Русскій (Русый) родъ вмѣстѣ съ мстителями покоритъ Измаила, возметъ седмихолміе съ предмѣстіями.*) Замѣчательно продолженіе надписи: „Тогда брань возставятъ междоусобную (ἔμφύλον), свирѣпую даже до пятаго часа. И гласъ возопіетъ трижды: станите, станите со страхомъ, поспѣшите зѣло спѣшно, въ десныхъ странахъ мужа обрящете добля, чудна и сильна, сего имѣйте владыку: „другъ бо мой есть, и, того вземля, волю мою исполняйте."

„Это пророчество въ теченіи вѣковъ было сохраняемо у Грековъ въ народныхъ преданіяхъ, и записываемо въ хроникахъ Византійскихъ.**) Одинъ изъ писателей, жившій въ XI вѣкѣ, говоритъ, что въ его время на Тавpской площади въ Царѣ градѣ стояла мѣдная статуя, привезенная изъ Антіохіи и изображавшая, какъ думаютъ, Беллерофона, возсѣдающаго

---

*) Въ переводѣ Броссе у Лебо читается это мѣсто такъ: les peuples coalisés de la Russie et des environs subjugueront Ismael, prendront les sept collines et tout ce qui les entoure. Выраженіе *μετὰ τῶν πρακτόρων* (у Бандури προχτόρων) переведено въ лѣтописи съ *преждесозданными*, вѣроятно это произошло отъ ошибки въ чтеніи Греческаго текста, — можетъ быть переводчикъ читалъ: μετὰ τῶν προχτητόρων. Слово προνομία переведено буквально и безъ смысла съ преждезаконными. Слова: Русь и русый тождественны по корнесловію, принятому Татищевымъ (Истор. Росс. т. 1. гл. 30 стр. 382). Лiутпрандъ (lib V. cap. 6.) также производитъ названіе Руси отъ тѣлеснаго вида: hanc gentem a qualitate corporis Graeci vocant Russos. Левекъ въ своей исторіи (tom IV pag. 281), говоря о надписи на гробницѣ Константина, прибавляетъ: li y est dit que les Ottomans seront chassés de Constantinople par un peuple roux. См. Banduri t. 2. p. 871. Миклошича Lexic. Ling. Slovenic. 1850. Роусъ. ξανϑός.

**) Исторія о взятіи Царяграда стр. 171.

на Пегазѣ. На базисѣ изображена была исторія будущаго покоренія Царя-града Руссами (ἔχει ἐγγεγραμμένας ἱστορίας τῶν ἐσχάτως μελλόντων Ρώσων πορθεῖν τὴν αὐτήν πόλιν.*)

„У Грековъ пророчественно указано даже время освобожденія Царяграда отъ ига Мусульманскаго. Іеромонахъ Агаѳангеллъ, жившій въ XIII вѣкѣ, имѣлъ откровеніе о будущихъ судьбахъ Царяграда. За 174 года онъ предрекъ о взятіи Константинополя Турками**) и потомъ о послѣдующихъ событіяхъ до нашего времени.

„Вотъ что написано было въ книгѣ, которую повелѣно было читать Агаѳангеллу: Константинъ основалъ, и Константинъ потеряетъ царство Византійское. Но не бойся: какъ древле народъ Израильскій покоренъ былъ Навуходоносоромъ, такъ и народъ Греческій будетъ подъ властію нечестивыхъ Агарянъ до опредѣленнаго времени, и пребудетъ подъ игомъ до исполненія четырехъ сотъ лѣтъ ἕως τετάρτης ὁλοκλήρον ἑκατονταδος.)“ Далѣе неизвѣстный голосъ сказалъ мнѣ: „ὁ τῶν Ρώσων μονάρχης, ὁ νέος Πέτρος (по комментарію и по связи событій, изображаемыхъ въ видѣніи ὁ διαδόχος Ἀλεξάνδρου) σημεῖον καὶ τῶν ἰσμαηλυτικῶν ἀφανίσαι τήν δύναμιν, т. е. Монархъ Русскій, новый Петръ, (преемникъ Александра), возставитъ въ Византіи побѣдоносное знаменіе Христово, и сокрушитъ силу Измаильтянъ (pag. 35.)

„По взятіи Константинополя Турками, золотыя врата, въ которыя во время торжествъ вступали Императоры, были закладены по приказанію Султана, и сіе сдѣлано, какъ гласитъ преданіе, изъ опасенія, внушеннаго пророчествомъ, выраженнымъ въ надписи, на вратахъ, которая читалась такъ: „когда придетъ царь Русый, врата сами собою отворятся.***)

---

*) Memor popul. Stritter. 11 1038.

**) См. Ἑρμηνεία τῶν χρησμων τοῦ Ἀγαθαγγέλου ἐν Ἀθήν. 1841.

***) Constantinopol Christiana du Cange lib. pag. 59. „Scriptum erat in porta avrea: quando veniet Rex flavus, (тоже что ξανθές) ego per me ipsa aperiar.“

„Обратимся опять къ нашему лѣтописцу.

„Прошло столѣтіе со времени паденія Византіи, и надежда на Русь, подкрѣпленная прореченіями, не покидала бѣдныхъ Грековъ. Лѣтописецъ Русскій, писавшій свою хронику въ XVI вѣкѣ, говоритъ о Грекахъ: „и нынѣча Греки хвалятся государствымъ царствомъ Благовѣрнаго Царя Русскаго отъ того взятія Магметова и до *сѣхъ лѣтъ*; а иного христіанскаго царства вольнаго и закону Греческаго нѣтъ." Въ основаніи такихъ убѣжденій лежала идея о православіи, которое въ глазахъ Грековъ давало Руси исключительное значеніе покровительствующаго царства, и предпочтеніе предъ христіанскимъ западомъ Европы, на который Греки смотрѣли неблагопріятно. — „Если," лѣтописецъ нашъ продолжаетъ, „ученые Латиняне въ спорѣ съ Греками станутъ упрекать ихъ, что Богъ выдалъ ихъ Турецкому Царю за ихъ гордость и неправду, то Греки скажутъ имъ: есть у насъ царство вольное и Царь вольный, Благовѣрный Государь, Царь и Великій Князь всея Россіи, и въ томъ царствѣ велико Божіе милосердіе и знамя Божіе, новые Чудотворцы, и отъ нихъ милость Божія такова, какъ отъ первыхъ."

Подобныя предсказанія распространены издавна и между самими Турками, которые носятъ вмѣстѣ и предчувствіе, что Константинополь будетъ взятъ Русскими.

Когда? Пишучи первыя письма, подъ вліяніемъ настоящихъ впечатлѣній, разгоряченный современными явленіями, волнуемый личнымъ нетерпѣніемъ, я думалъ, эта великая минута наступила для Россіи. Теперь, подъ вліяніемъ исторіи, пробѣжавъ мысленно по тысячѣ лѣтъ, охлажденный послѣдними происшествіями, уменьшу свою смѣлость, и скажу, что теперь можетъ быть только есть начало конца. Государь, какъ видно, не хочетъ, или онъ думаетъ, что не можетъ, что не наступила, по его высшимъ соображеніямъ, настоящая

пора. Окажемъ Ему теперь, какъ всегда, нашу Русскую наслѣдственную довѣренность съ полною надеждою, что Онъ, отвѣчая за насъ Богу, исторіи, совѣсти, больше всѣхъ желаетъ намъ добра, заботится о нашей чести и благосостояніи, и знаетъ лучше всѣхъ, что̀ и когда намъ нужно. Потерпимъ. Если онъ отказывается отъ своей славы, если онъ не сдѣлаетъ великаго дѣла, то сдѣлаетъ его сынъ, его внукъ, наши потомки......

Все зоветъ Россію въ Константинополь: Исторія, обстоятельства, долгъ, честь, нужда, безопасность, преданія, соображенія, заключенія, наука, поэзія, родство, благодарность, Вѣра, друзья, враги, память, воображеніе, прошедшее, настоящее,—и даже будущее—и мы будемъ въ Константинополѣ;

Въ волненіи всѣхъ чувствъ своихъ написалъ я эти строки. Такое волненіе не соотвѣтствуетъ спокойству Исторіи. Заключу словомъ Евангелія: „Кая польза человѣку, аще весь міръ пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ!“

Отче нашъ! да будетъ Твоя, яко на небеси и на земли...

1854. въ Іюлѣ.

XI.

Противъ мысли о содѣйствіи войною революціонному движенію въ Европѣ.

(Въ Іюлѣ 1854)

Говорятъ, что главная задержка этой войны заключается въ опасеніи Государя подать поводъ къ Европейской войнѣ, вооружиться противъ консервативнаго государства, и ободрить революціонную партію.

Австрія есть консервативное государство — такъ за чѣмъ же она не осталась съ нами? она сама не боится подать повода къ нарушенію у себя порядка, а мы должны останавливать свои дѣйствія, уступать нападающимъ, для того, чтобъ у нея порядокъ не нарушился. Вѣдь здѣсь смысла нѣтъ! Мы должны заботиться о спокойствіи нашихъ враговъ больше, нежели они сами заботятся о себѣ и приносить въ жертву ихъ спокойствію свои выгоды, между тѣмъ какъ они разоряютъ насъ и хотятъ обобрать, ослабить и унизить.

Государь не можетъ идти, говорятъ, противъ того порядка, который онъ самъ поддерживалъ и установлялъ въ продолженіе тридцати лѣтъ. Но развѣ этотъ порядокъ остался съ нимъ? Этотъ порядокъ измѣнилъ Ему, предалъ Его, вооружился противъ Него, и поставилъ въ такое критическое положеніе Россію, въ какомъ она никогда не бывала, то гладить по головкѣ этотъ законный, Австрійскій порядокъ — противно всякой логикѣ. — Мы должны жертвовать своими обязанностями и выгодами для отвращенія революціи отъ Европейскихъ го-

сударствъ, кои сами ее накликаютъ на себя, даже за нами идучи противъ Россіи. Чертъ съ вами, если вы того хотите! Одинъ человѣкъ бьетъ и грабитъ другаго, да и требуетъ, чтобъ тотъ молчалъ и не оборонялся, а то, говоритъ, со мною случится дурно, и ты будешь виноватъ. Что же? — другой, подъ его ударами, начинаетъ ему въ самомъ дѣлѣ кланяться, опасаясь, чтобъ съ нимъ не случилось чего дурнаго. Не лучше ли бъ простяку сказать: да перестань самъ драться, если боишься, чтобъ съ тобой чего не случилось. Въ такомъ точно положеніи находятся тѣ, кто задерживаютъ войну, изъ опасенія, чтобъ у нашихъ враговъ не поднялась революціонная партія.

Да полно, революціонная ли? Болгаре и Сербы и прочіе Славяне имѣютъ такое же полное и законное право возстать противъ Турокъ, какое имѣли Греки, какое имѣли мы возстать противъ Татаръ. Австрійцы съ Турками имѣютъ только то различіе, что исповѣдуютъ Христіанскую вѣру, а поступаютъ съ своими покоренными Славянами въ отношеніи къ вѣрѣ и языку, то есть, въ отношеніи къ самымъ драгоцѣннымъ и священнымъ чувствованіямъ человѣка, гораздо хуже Турокъ.

Наши политики, если не подкупленные, то близорукіе, пользуясь расположеніемъ и прежнимъ образомъ мыслей, отъ котораго въ политикѣ еще мудренѣе отставать, чѣмъ въ наукѣ (такова сила предразсудковъ, мнѣніе есть часть насъ самихъ), закричатъ, что наша политика перемѣняется! Да она и должна перемѣниться, даже не по нашему выбору, а по собственной винѣ нашихъ враговъ. Еслибъ остались съ нами, такъ были бы цѣлы. Кто же виноватъ?

Но развѣ мы виноваты, если правительства насъ предали, и не хотятъ идти съ нами, и порядокъ, нами утвержденный, обрушили на насъ? Не укрѣплять же намъ его опять себѣ на голову! Намъ ничего не остается больше, какъ обратиться къ народамъ.

И такими то софизмами наши дипломаты удерживаютъ насъ отъ твердаго веденія войны, которую враги наши все-таки ни мало не ослабляютъ.

Хорошъ и Историкъ, Гизо, который стращаетъ Императора Николая революціей во Франціи, забывая, что Русскій Государь долженъ заботиться не о Франціи, а о Россіи, и что въ Россіи есть своихъ 70 милліоновъ жителей. Гизо Французъ...

Европейскою войною мы и можемъ теперь только облегчиться, если не хотимъ на однихъ своихъ плечахъ нести всеобщаго нападенія. Поднять Турцію, поднять Австрію, поднять Грецію, поднять Польшу,—а Италія поднимется сама, можетъ быть и Франція: вы хотѣли войны—такъ вотъ вамъ она: иначе нельзя намъ отдѣлаться, если не хотимъ уступить Крыма, Кавказа, Финляндіи, Польши, да заплатить тысячу милліоновъ рублей военныхъ издержекъ, принять на себя позоръ и уйдти со стыдомъ въ Азію. Выборъ, кажется, не трудный: всю Европу имѣть противъ себя, или поставить одну половину ея на другую? Грѣхъ не на нашей совѣсти. Впрочемъ грѣхъ такой, какой принималъ на свою душу Сергій чудотворецъ, благословляя Московскую рать идти на Куликово поле. Это не грѣхъ, а подвигъ спасенія, священная обязанность, которую только враги, предатели, сатанинскими своими софизмами, стараются представить въ глазахъ великодушнаго Рускаго Царя, или близорукихъ, бездушныхъ дипломатовъ, въ уровень съ неистовствами какой нибудь западной революціи.

Это есть освобожденіе народовъ отъ чуждаго ига.

Какой порядокъ заведутъ они по сверженіи ига? Это не наше дѣло, а ихъ дѣло. Ни Кошута, ни Мадзини, бояться намъ нечего. Разумѣется, возстановленныя государства захотятъ воспользоваться пріобрѣтенною свободою, послѣ столь долгихъ страданій. Свобода гораздо мудренѣе покорности и

бываетъ умнѣе, большею частію, только въ состояніи отрицательномъ, а чуть изъ него выйдетъ, такъ и попадетъ въ страшныя затрудненія: примѣры видали мы на Испаніи, примѣръ видѣли на республикѣ Французской 24 Февраля, да и вообще, на всей Франціи, съ 1789 года. Въ новыхъ государствахъ начнется длинный процессъ опытовъ, которые можемъ мы наблюдать, изучать,—и только!

Но не будутъ ли эти сосѣдніе опыты опасны для насъ? Не будутъ ли учрежденія свободныхъ государствъ подлѣ Россіи соблазнительны для нея самой? Не послужитъ ли ихъ революція примѣромъ для нашей?

Несчастныя опасенія, которыми люди, незнающіе Россіи, хоть и благонамѣренные, смущаютъ Государя и мѣшаютъ ему давно въ его благихъ намѣреніяхъ, въ его прекрасныхъ движеніяхъ, въ его благородныхъ чувствованіяхъ.

Это люди, не знающіе языка (я не исключаю здѣсь Русскихъ, между которыми есть очень мало исключеній), не имѣющіе понятія о Русской вѣрѣ, которая составляетъ сущность Русскаго человѣка, незнакомые съ Русскою исторіею, не знающіе Россіи и всѣхъ ея мѣстныхъ условій. Если нѣкоторые изъ нихъ проѣзжали иногда по той или другой губерніи, то въ приготовленныхъ встрѣчахъ, по исправленнымъ, къ ихъ проѣзду, большимъ дорогамъ, не только нельзя узнать ее, но напротивъ, они должны были получить самое превратное понятіе, а всѣ оффиціальные рапорты есть чистый обманъ, напоминающій басню Крылова объ ершахъ, плясавшихъ на сковородкѣ.

Всѣ наши агенты—люди родились большею частію въ Петербургѣ, учились у Французскихъ гувернеровъ и всю жизнь провели на службѣ: какое же средство есть имъ узнать Россію? Да прибавьте къ тому, что они ничего не читаютъ по Русски,—этого нѣтъ у нихъ и заведенія,—а

по Французски читаютъ только „Indèpendance Belge," составляющую для нихъ и Академію и Университетъ.

Вслѣдствіе сихъ причинъ, о Русскихъ предметахъ, на примѣръ: раскольникахъ, крестьянахъ, уѣздныхъ городахъ и проч., они имѣютъ понятія самыя дикія, и рѣшительно не знаютъ, гдѣ бояться и гдѣ оставаться въ покоѣ.

Всякая революція условливается исторіей той страны, гдѣ происходитъ. Революціи не перенимаются, а происходятъ каждая на своемъ мѣстѣ, изъ своихъ причинъ. Подражанія оканчиваются всегда ничѣмъ. Деспотическая Франція нѣсколько сотъ лѣтъ существовала подлѣ конституціонной Англіи. Древняя Русь и древняя Польша жили одна подлѣ другой, одна съ liberum veto, другая съ восточною безусловною покорностію.. Австрійскія Нидерланды подверглись весьма мало вліянію сосѣдней Голландіи.

Россія представляетъ совершенно противоположное государство Западнымъ. Востокъ есть Востокъ, а Западъ есть Западъ—вотъ какой простой истины не могутъ понять ни западные мудрецы, ни наши ихъ блѣдныя копіи. Сѣмянъ западной революціи въ Россіи не было, слѣдовательно мы не должны были бояться западныхъ революцій; но находятся люди, которые сами, заднимъ числомъ, усердно посѣваютъ теперь ее! Господи, удержи ихъ руку отъ пагубнаго сѣянія!

XII.

Противъ статьи Г. Де ла Героньера объ отреченіи И. Николая.

Французскій языкъ, трудами знаменитыхъ своихъ писателей, достигъ до такой степени зрѣлости и пріобрѣлъ такія опредѣленныя формы, наполнился, вслѣдствіе безпрерывнаго упражненія, у писателей и читателей, такимъ множествомъ общихъ мѣстъ обо всѣхъ предметахъ готовыхъ выраженій и искусныхъ оборотовъ, что по Французски нельзя быть глупымъ, и стоитъ только встряхнуть хорошенько его лексиконъ, или перетасовать его карты, стоитъ только привесть въ небольшое движеніе вашколенную память, какъ и выйдетъ тотчасъ статья объ чемъ угодно. Прибавьте къ этой простой операціи нѣкоторую опытность, ловкость или смѣлость механика, занимательность предмета, стоящаго на чередѣ, и всѣ кофейныя, ресторацін, всѣ мѣщанскіе салоны, преклонятся дня на два предъ глубокомысліемъ и проницательностію автора, хотя онъ есть только галванизированный лексиконъ.

Къ числу статей такого рода принадлежитъ статья Г. Де ла-Героньера объ И. Николаѣ.

Толковать съ подданнымъ Луи Наполеона о равновѣсіи правъ и обязанностей, объ истинной свободѣ и законной власти, было бы смѣшно. Толковать съ нимъ объ Исторіи послѣ того, какъ онъ увидѣлъ въ Александрѣ, Цезарѣ, Карлѣ Великомъ, Карлѣ V, Наполеонѣ, одинакихъ завоевателей, и

смѣшалъ всѣ времена, лѣта и обстоятельства, послѣ того, какъ онъ забылъ, что Цезарь, великій полководецъ, былъ завоевателемъ въ самыхъ тѣсныхъ предѣлахъ, и что Римская Имперія послѣ него увеличилась вдвое, а Карлу V все досталось по наслѣдству, и что онъ не завоевалъ ничего, а раздѣлилъ свои владѣнія,—толковать съ нимъ объ Исторіи еще страннѣе; —но нельзя пропустить его невѣжества и его наглости въ отношеніи къ настоящему времени. Г. Де ла Героньеръ обвиняетъ И. Николая, какъ бы вы думали—за что? За страсть къ завоеваніямъ, по которой и воспоминаетъ ему въ поученіе исчисленныхъ завоевателей. Но гдѣ же, въ чемъ увидѣлъ онъ эту страсть? Въ послѣднемъ монахѣ изъ его подданныхъ безъ всякаго сомнѣнія этой страсти гораздо больше, чѣмъ у него. Не представилъ ли онъ во все свое царствованіе разительныхъ доказательствъ своего отвращенія отъ завоеваній? Что онъ завоевалъ? А съ другой стороны, что могъ онъ завоевать, если бъ захотѣлъ, начиная хоть съ Китая и Персіи? Не стоило ли ему только поманить къ себѣ Славянъ, чтобъ они всѣ давнымъ давно стеклись подъ его покровъ? А Турція—не была ли въ полномъ его распоряженія въ 1848 году? Да и теперь—неужели Г. Де ла Героньеръ думаетъ, что И. Николая останавливаетъ Дунай, Балканы, Австрія, Европа, Г. Сент-Арно, Лордъ Рагланъ? Нѣтъ, увы, нѣтъ! Въ его собственномъ сердцѣ происходитъ внутренняя, отчаянная борьба, внутренній ужасный споръ и сомнѣніе, не поколеблется ли Европейскій порядокъ, какъ онъ представляетъ его себѣ, отъ его намѣренія продолжать войну—вотъ настоящая причина, почему мы стояли годъ въ княжествахъ, три мѣсяца за Дунаемъ, и почему идемъ теперь за Прутъ, въ какой-то страшной нерѣшимости, причина, которой не могутъ оцѣнить поденные публицисты, къ которой не справедливы, можетъ быть, мы сами Русскіе, волнуемые нетерпѣніемъ, и за которую воздать можетъ только Сердцевѣдецъ, и даже не

Исторія. Никогда И. Николай не былъ соединенъ такими кровными узами съ своимъ народомъ, какъ теперь, никогда всѣхъ молитвы не сливались такъ дружно объ немъ, какъ теперь, и никогда не признавался онъ такъ нужнымъ кончить начатое дѣло, какъ теперь.

Г. Де ла Героньеръ считаетъ себя подпорою Французскаго престола, вмѣстѣ съ Амедеемъ, Сезеною, Эмплемъ Жирарденомъ и Гранье де Кассаньякомъ. Онъ ошибается. Луи Бонапартъ стоитъ не на престолѣ, а на баррикадѣ, которая взгромождена только вчера, и за которую никто не поручится на завтра. Изъ подъ этой баррикады Г. Де-ла-Героньеру слишкомъ высоко возноситься къ Русскому престолу, и потому совѣтъ свой И. Николаю отречься отъ престола онъ можетъ взять обратно. Онъ сознается впрочемъ, что эта знаменитая мысль принадлежитъ не ему, а великимъ политикамъ Германіи, которые рѣшили во глубинѣ своей премудрости, что нѣтъ другаго средства покончить войну и удовлетворить Европу безъ униженія Россіи въ лицѣ ея Государя.

О Философія! ты срѣзала меня,

повторимъ мы съ комикомъ и порадуемся, что Германія яснѣе и яснѣе показываетъ себя въ отношеніи къ И. Николаю, въ благодарность за всѣ его милости, съ послѣдними угощеніями Прусскихъ вахмистровъ въ Петербургѣ. Авось наконецъ опротивѣетъ она ему такъ, какъ опротивѣла всѣмъ намъ, его вѣрноподданнымъ.

XIII.

Настоящая война, съ точки зрѣнія Европейской Исторіи.

(1854 въ Іюлѣ.)

Такъ угодно Богу, (Dieu le veut), воскликнула нѣкогда въ Клермонтѣ Европа, воспламененная вѣщимъ, задушевнымъ голосомъ Петра Пустынника, и тысячи благородныхъ сыновъ ея ринулись на Востокъ освобождать Гробъ Господень, избавлять христіанъ отъ ига невѣрныхъ, умирать за святую вѣру.

Двѣсти лѣтъ продолжались крестовые походы (1096—1291). Императоры и Короли, Герцоги и Графы, рыцари и монахи, поселяне и горожане, спѣшили одни за другими въ отдаленную Азію, покидая женъ, дѣтей, удовольствія жизни, готовые на всякія жертвы и лишенія, въ надеждѣ мученическихъ вѣнцовъ. Тысячи погибали, другія являлись на ихъ мѣста съ кликами: такъ угодно Богу.

Но тщетны были усилія Европейскихъ народовъ; не увѣнчались успѣхомъ ихъ великодушные подвиги. Кровь пролилась по напрасну. Христіане не освободились отъ тяжелаго ига. Невѣрные остались господами святыхъ мѣстъ. Не было такъ угодно Богу! Не только невѣрные остались господами святыхъ мѣстъ, но вскорѣ и распространили свои владѣнія. Турки не удовольствовались Азіей. Они переправились въ Европу, и поработили своей власти всю Восточную Имперію, взяли Константинополь, сняли крестъ со Святой Софіи, и подняли тамъ свой полумѣсяцъ, обративъ первопрестольный храмъ Православнаго Христіанства на служеніе Магомету.

Изъ Константинополя Турки устремились во всѣ окрестныя стороны. Потоку ихъ ничто, казалось, противостать не могло. Европа вострепетала отъ нашествія новыхъ варваровъ, возвращенія среднихъ вѣковъ. Вознеслись торжественныя молитвы во всѣхъ христіанскихъ храмахъ объ отвращеніи страшной грозы: начались совѣты между Государями, какъ оборониться отъ общаго врага, и положить предѣлы его властолюбивымъ замысламъ. Всѣхъ ревностнѣе дѣйствовали Папы, боявшіеся за Италію. Они старались устроить союзъ противъ Турокъ,—но безъ успѣха. Европейскія государства были слишкомъ заняты домашними дѣлами, и, увлекаясь ближайшими выгодами, не принимали никакихъ дѣятельныхъ мѣръ противъ отдаленныхъ враговъ, ограничивались безплодными переговорами, желаніями и обѣщаніями. Турки могли спокойно продолжать свои завоеванія. Они распространились по всѣмъ Африканскимъ берегамъ Средиземнаго моря, покорили Славянскія сопредѣльныя области, Пелопонесъ, Греческія острова, Молдавію, Валахію, Трансильванію, Венгрію, и два раза являлись подъ Вѣною, грозя Италіи и Испаніи съ о. Родоса. На другой сторонѣ они стѣснили Польшу, взяли Каменецъ-Подольскъ, собирались на Кіевъ, являлись въ Крымскомъ войскѣ подъ Астраханью, требовали права покровительства надъ Казанью, и обязывались Крымцамъ поставить свои полки противъ Москвы.

При Солиманѣ II (1520—1566) достигли они до высшей степени своего могущества. Послѣ этого славнаго Султана они начали ослабѣвать внутренно, какъ бы повинуясь общему закону въ жизни Азіатскихъ монархій. Но въ самомъ ослабленіи своемъ они долго еще были страшны для Европы, преимущественно для Германіи и Австріи. Побѣдами Принца Евгенія, единственнаго своего полководца, Австрійцы успѣли только возвратить отъ нихъ Трансильванію и Венгрію (Карловицкій миръ 1699 года, Пассаровицкій миръ 1719 года.).

въ дальнѣйшихъ своихъ замыслахъ, разбитые вновь нѣсколько разъ, Австрійцы принуждены были уступить (Бѣлградскій миръ 1739 г.).

И Турки, при окончаніи Австро-Германскихъ войнъ, остались такъ сказать въ безспорномъ владѣніи лучшихъ странъ по берегамъ Чернаго, Мраморнаго и Средиземнаго морей, въ Европѣ, Азіи и Африкѣ, со множествомъ богатѣйшихъ островов, въ благословенномъ климатѣ, съ плодноснѣйшею почвою, обильныхъ всѣми дарами природы, и подчинили своей власти въ одной Европѣ болѣе десяти милліоновъ христіанъ, между которыми первое мѣсто занимали и занимаютъ Славяне, а потомъ Греки, Валахи и проч.

Варварство Турокъ осталось въ Европѣ тоже, что было и въ Азіи. Несчастный христіанинъ не имѣлъ другаго имени, кромѣ собаки, лишенъ всякихъ гражданскихъ и человѣческихъ правъ, и осужденъ на вѣчное рабство и невѣжество. Турки утопали въ роскоши. Христіане должны были на нихъ работать. Европа къ стыду своему переносила всѣ эти дикія неистовства и казни надъ родными своими дѣтьми, и не думала объ ихъ освобожденіи, хотя и не прерывалось никогда убѣжденіе, что Турки не обитаютъ въ Европѣ, а стоятъ только станомъ.

Наконецъ Турція, покончивъ дѣла свои съ Австріей, нашла себѣ сильную противницу, съ другой стороны, въ восточной Россіи, которую еще съ самаго начала утвержденія ихъ въ Европѣ, всѣ государства, съ Папами во главѣ, считали главною преградою для Турокъ и наслѣдницею Восточной имперіи, стараясь безпрестанно убѣждать её къ войнѣ противъ Магомета. Занятая борьбою съ другими восточными варварами, Россія долго не принимала участія въ Европейскихъ дѣлахъ, ни въ крестовыхъ походахъ, ни въ послѣдующихъ предпріятіяхъ противъ Турокъ, и отдаленная отъ Турціи, не могла отвѣчать общему призванію, кромѣ денеж-

ныхъ пособій. Шагъ за шагомъ приближалась она однако же къ Турціи, какъ мы видѣли въ X письмѣ, и наконецъ, по прошествіи трехъ сотъ почти лѣтъ, стала, чрезъ Крымскихъ Татаръ, лицемъ къ лицу съ нею.

Единовѣрные Славяне, и прочіе христіане, составляющіе девять десятыхъ населенія Европейской Турціи, обратили къ ней свои взоры, какъ избавительницѣ, и спасительницѣ отъ несноснаго ига, и звали ее къ себѣ на помощь.

Наступала, казалось, минута, давно ожиданная, прошенная моленная, вожделѣнная для всѣхъ Европейскихъ государствъ, — но нѣтъ, обстоятельства перемѣнились: Турція перестала быть предметомъ страха для нихъ, сдѣлалась предметомъ ихъ жадности. Каждое изъ государствъ Европейскихъ находило свои несчастныя выгоды въ существованіи Турціи, хотя то было и на счетъ десяти милліоновъ христіанъ, осужденныхъ на животное состояніе подъ игомъ невѣрныхъ. Еще болѣе — Европейскія правительства начали, по какому то безотчетному чутью, бояться излишняго усиленія Россіи, которая послѣ Петра Великаго становилась на почетное мѣсто между ними. Они позабыли, что сами вызывали ее на борьбу съ Турками, и старались всѣми силами мѣшать ей, возбуждали войны противъ нея, но Россія, какъ будто во исполненіе высшаго предопредѣленія, разрушала всѣ ихъ замыслы, всякую войну обращала въ свою пользу, и двигалась быстро впередъ.

Досада и зависть увеличивались и скоплялись. Случились другія великія происшествія, по коимъ Россія вознеслась на высокую степень могущества и славы. Побѣдоносная война съ Наполеономъ доставила ей первое мѣсто въ системѣ государствъ Европейскихъ. По успокоеніи отъ грозившихъ опасностей, Европа испугалась ея насильственнаго вліянія. Къ несчастію, наше вмѣшательство въ Европейскія дѣла, о коемъ говорилъ я въ пятомъ письмѣ, дало благовидный предлогъ

правительствамъ, имѣвшимъ свои виды, къ утвержденію Европейскаго общества въ этомъ мнѣніи. Франція и Англія рѣшили начать войну съ нами, и Турецкія наши отношенія подали имъ благовидный предлогъ.

Мы потребовали исполненія или только вниманія, даже на одной бумагѣ, къ прежнимъ договорамъ: нашимъ ничтожнымъ требованіямъ придано, Богъ знаетъ, какое значеніе, нашимъ объясненіямъ, самымъ унизительнымъ, не оказано ни малѣйшаго вниманія, наши уступки отвержены почти съ презрѣніемъ, и намъ объявлена война со стороны ожидавшихъ только предлога, Франціи, Англіи и Турціи, съ такимъ неутралитетомъ Австріи, который для насъ гораздо вреднѣе самой кровопролитной войны. Высланы противъ насъ многочисленныя войска, снабженныя въ обиліи всѣми изобрѣтеніями наукъ и искуствъ, высланы противъ насъ страшные флоты, какихъ не видали еще никакія моря. Все, что есть сильнѣйшаго, опытнѣйшаго, искуснѣйшаго, вреднѣйшаго между вещами и людьми, все обращено противъ насъ. Объявлено торжественно, что Россія должна быть обезсилена, и соотвѣтственно съ сими объявленіями, предложены, все подъ личиною миролюбія, такія условія, которыхъ самъ Іоаннъ Грозный, велѣвшій своимъ посламъ терпѣть побои отъ Баторія и бить челомъ хану въ отвѣтъ на его ругательства самыя поносныя, которыхъ, говорю, самъ Іоаннъ Грозный, въ эпоху своего неестественнаго страха, предъ призраками его подлаго воображенія, не посмѣлъ бы сообщить своимъ подданнымъ, загнаннымъ, застращеннымъ, безмолвнымъ. Разумѣется—какой отвѣтъ враги получили отъ Императора Николая перваго? Россія, послушная первому его голосу, собирается со всѣми своими силами противъ напавшей на нее Европы, и ропщетъ только, почему его голосъ не раздается громче, яснѣе, рѣшительнѣе, чтобъ сердцемъ сердцу вѣсть подавалася. Въ такомъ положеніи находятся теперь дѣла.

Мы объяснили прежде причины, по коимъ Европейскія государства двинулись со всѣми своими силами, чтобъ спасти будто Турцію. Мы объяснили причины, по коимъ Россія, вовсе теперь не думая, должна собраться также со всѣми силами, чтобъ отразить нападеніе. Мы говорили о томъ, какъ Гордіевъ узелъ запутывался и завязывался крѣпче и крѣпче въ тѣхъ рукахъ, которыя хотѣли и надѣялись развязать его, такъ что наконецъ всѣ увидѣли необходимость меча. Кровь пролита и война началась.

Но всѣ эти причины, частныя, личныя, временныя, случайныя, — это только скудельныя формы божественной идеи.

Смѣю ли я выговорить ее? Восточная Европа, т. е. Россія посылается теперь туда, куда послана была западная во время крестовыхъ походовъ. Тогда не принимала она участія, теперь наступилъ, видно, чередъ ея крестоваго похода.

Для чего посылается Востокъ? Для того же, можетъ быть, для чего посылался Западъ, — для пробужденія его спящихъ силъ.

Но зачѣмъ же западъ является здѣсь на сторонѣ того, противъ чего самъ онъ шелъ впродолженіе двухсотлѣтнихъ крестовыхъ своихъ походовъ? Что значитъ эта злополучная вставка?

Западъ обветшалъ, устарѣлъ, повредился и имѣетъ такую же нужду въ обновленіи, какую востокъ имѣетъ въ пробужденіи.

Въ наказаніе за его гордость, жестокость, ему данъ послѣдній предлогъ, не Гробъ Господень освобождать, а Мекку поддерживать, которой разрушеніе неминуемо.

Самый походъ его настоящій съ нелѣпыми своими причинами, это послѣднее слово Европейской политики, служитъ неопровержимымъ доказательствомъ его несчастнаго упадка, печальнымъ градусомъ его политическаго образованія. Про-

свѣщенныя Европейскія государства сочли необходимымъ условіемъ своего существованія и благосостоянія пребываніе въ Европѣ милліона дикихъ варваровъ, которые сверхъ того задерживаютъ десять милліоновъ христіанъ на пути ихъ развитія, подъ игомъ своего жестокаго рабства! Турки необходимы для Европы! Хороша же стала Европа! Высоко просвѣщеніе, для котораго нужно, необходимо варварство! Уменъ тотъ умъ, который ищетъ поддержки въ безуміи!

Вы не хотите отдать Турцію Россіи, такъ раздѣлите ее между собою, поссорьтесь при дѣлежѣ и начните войну съ Россіей, если она не согласится дать вамъ слѣдующую долю; но воевать за Турцію — это верхъ нелѣпости, доказывающей на какую степень упали, какъ опошлѣли самыя умныя головы въ Европѣ! Они не умѣли раздѣлиться въ Турціи, — она такъ мала, — не умѣли увеличить собственныхъ своихъ средствъ, усилиться, разбогатѣть, получить новыя владѣнія!

И съ какой стороны вы ни посмотрите на настоящую войну, вездѣ вы увидите тѣже нелѣпости.

Европейцамъ негдѣ жить — на одну милю приходится въ нѣкоторыхъ странахъ по пяти тысячъ человѣкъ, а въ Турціи цѣлыя области лежатъ впустѣ, другія представляютъ просторъ для двойнаго и тройнаго числа обитателей, и онѣ оставляются въ безспорномъ владѣніи варварскаго племени.

Европейцы загоняются нуждой на пески, на снѣгъ, на скалы, а въ Турціи пропадаютъ даромъ самыя плодоносныя, обильныя всѣми дарами природы области.

Европейцамъ нечего ѣсть, — а Турецкая почва родитъ хлѣба самъ-сто, и можетъ насытить тройное народонаселеніе, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи и въ Африкѣ, — и она оставляется въ запустѣніи!

Европейцамъ грозятъ революціи отъ размножившагося числа пролетаріевъ и нищихъ, ученыхъ и не ученыхъ, а въ Турецкихъ владѣніяхъ найдется занятіе для милліоновъ!

Европейскія Государства всѣ въ неоплатныхъ долгахъ, и стонутъ подъ тягостію налоговъ, которыхъ половина идетъ на проценты, а для веденія безсмысленной войны въ Турціи онѣ находятъ въ годъ по тысячѣ милліоновъ франковъ. Что, еслибы онѣ употребили эти громадныя суммы на основаніе новыхъ государствъ, себѣ подчиненныхъ, въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ, на огромную колонизацію, которая избавила бы нашу часть свѣта отъ излишняго населенія, доставила бы пролетаріямъ цѣлыя области во владѣніе безъ системы коммунизма, или, пожалуй, съ нею, успокоила бы Европу лучше всякихъ полицейскихъ, цензурныхъ, тарифныхъ и инквизиціонныхъ мѣръ, задушила бы революціи въ самомъ ихъ источникѣ, т. е. въ пустомъ желудкѣ, (а не пьяной головѣ), открыла бъ ей новыя пути сообщенія, разлила бы вездѣ довольство, и доставила бъ людямъ возможность пользоваться дарами Божіими, не нарушая ничьего историческаго права?

Ясно ли, что здравый смыслъ помутился въ умнѣйшихъ головахъ Европейскихъ, и они не видятъ ясныхъ вещей, лезутъ съ-пьяна на стѣну, проливаютъ свою кровь, подвергаются всѣмъ нуждамъ, лишеніямъ, и болѣзнямъ, тратятъ свои лучшія силы,—вмѣсто того, чтобъ получать, радоваться и наслаждаться!

И не одна эта война служитъ для меня подтвержденіемъ Европейскаго упадка: Луи Филиппъ, заботясь о династическихъ интересахъ, Гизо, устроивающій Испанскія бракосочетанія, (и пугающій теперь Россію революціей Франціи), Луи Бланъ, предъявляющій право работы, Прудонъ и Кабетъ, основывающіе свои фаланстеріи, Красная Палата 24 Февраля, не представившая человѣчеству ни одной живой мысли, не произнесшая ни одного человѣческаго слова, которое нашло бы путь къ сердцу, не смотря на полную свободу мысли и слова, коею она пользовалась впродолженіе полугода,

Франкфуртское собраніе всѣхъ философовъ, историковъ, богослововъ, натуралистовъ, эстетиковъ и политиковъ Германіи, которое годъ разсуждало о Grundrechte и требовало себѣ Позена и Ломбардіи, умалчивая благородно объ Альзасѣ и Лотарингіи, не представляютъ ли живыя доказательства умственнаго и нравственнаго поврежденія, разслабленія и ослѣпленія? *)

А Вѣра! Вѣра исчезла въ Европѣ, говоря вообще. Штраусъ съ своими преемниками довелъ протестантизмъ, по столбовой его дорогѣ, до крайности, до бездны, то есть, до невѣрія, а неисправимый духъ католицизма выразился въ посланіи Парижскаго Архіепископа, призывающаго побѣду лунѣ Магометовой надъ крестомъ Православія. Въ дополненіе можемъ указать на Французскую медаль съ надписью: Католицизмъ, протестантизмъ, исламизмъ подъ покровительствомъ Божіимъ, и послѣдній тостъ апостолическаго Генерала Графа Коронини „въ честь славнаго полководца (Омеръ-паша,) который снискалъ себѣ безсмертное имя, защищая религію и отечество!“ Омеръ-паша защищалъ религію! Какую? Омеръ-паша защищалъ отечество! Какое?

Представителемъ развратившейся литтературы въ частности можемъ выбрать Ламартина, который обвиняетъ теперь Европу даже за вспомоществованіе, оказанное нѣкогда Грекамъ и возстаетъ противъ „религіозныхъ антипатій“ къ Туркамъ. Эти интересы, говоритъ онъ, блѣднѣютъ предъ интересами цивилизаціи, общими интересами племенъ и общимъ равновѣсіемъ. Несчастная цивилизація! Несчастные интересы! Несчастное равновѣсіе! Несчастный сугубо и ты, Ламартинъ, рыцарь печальнаго образа, доведя до такихъ поносныхъ результатовъ свои Mèditations politiques!

*) Какія побѣдоносныя доказательства въ свою пользу могъ бы извлечь умный консерватизмъ изъ Палаты 24 Февраля и Франкфуртскаго собранія?

А какова журналистика! Для журналистики, Восточная Европа, Славянскія племена, Русскій народъ одпимъ словомъ, сто милліоновъ Европейцевъ, какъ бы не существуютъ, и они видятъ всю Россію только въ нотахъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ Ни одной живой человѣческой мысли не встрѣчаешь на длинныхъ столбцахъ газетъ и въ толстыхъ волюмахъ журналовъ, кромѣ общихъ мѣстъ, набранныхъ по заказу, за деньги. Вездѣ, по выраженію поэта, опіумъ чернилъ, разведенный слюною бѣшеной собаки. Они твердятъ только: надо отодвинуть Россію на двѣсти лѣтъ назадъ. . .

Назадъ! Вы ли это говорите, поклонники и ревнители прогресса? Назадъ! Не ужели это послѣднее слово Европейской цивилизаціи? Назадъ! Но вѣдь насъ 70 милліоновъ. Семьдесятъ милліоновъ человѣкъ вы хотите не только остановить на пути ихъ человѣческаго совершенствованія, но хотите воротить ихъ на 200 лѣтъ къ состоянію ихъ, по вашему мнѣнію, дикости, уничтожить всѣ ихъ труды, и поразить всѣ ихъ успѣхи. Назадъ! Для чего же вы хлопочете столько времени о прекращеніи торга Неграми, употребляете столько милліоновъ для распространенія образованности между черными жителями внутренней Африки? Раздаете съ такимъ усиліемъ Библіи на всѣхъ языкахъ бронзовымъ сынамъ Америки и Австраліи? Назадъ! Но вѣдь мы ваши братья, бѣлокожіе, русоволосые, христіане. Для чего же вы переплываете моря, проникаете пустыни, восходите на горы, чтобъ сообщить дикимъ обитателямъ какіе-нибудь плоды вашей цивилизаціи? Горе вамъ, книжники, фарисеи, лицемѣры, яко преходите море и сушу, сотворити единаго пришельца: и егда будетъ, творите его сына геенны сугубѣйша васъ! И за что вскинулись вы такъ на насъ? Что мы вамъ сдѣлали? Кого мы обидѣли? Французовъ? За сожженную Москву мы сохранили имъ Парижъ въ цѣлости. Англичанъ? Триста лѣтъ мы предоставляли имъ всѣ выгоды торговли, кормили ихъ, обували

ихъ своими кожами, и одѣвали своимъ льномъ и пенькою. И ктоже помогъ имъ избавититя отъ страшной ихъ опасности: Континентальной системы? Нѣмцевъ? Мы спасли ихъ отъ ига Наполеонова. Австрійцевъ? Не хочу и воспоминать о нашихъ несчетныхъ благодѣяніяхъ этому незнающему ни стыда, ни совѣсти, племени. Вонъ его изъ Русской памяти!

Не укоряйте насъ Польшею, которую вы сами предательски намъ подсунули, и которой теперь ничего не хотите сдѣлать. Сосѣднія дѣла не принадлежатъ никакому чужому суду. Пусть Англичане уступятъ прежде свою Ирландію и откажутся отъ Шотландіи. Пусть Французы отдадутъ Нѣмцамъ Альзасъ и Лотарингію, а Туркамъ Алжиръ. Пусть Швеція разлучится съ Норвегіей, и Данія съ Шлезвигомъ и Голштиніей. Пусть Австрійцы уйдутъ изъ Италіи. Пусть возвратятся Гибральтаръ Испаніи и Мальта Италіи. Сравните же, Европейскіе полуученые, одноглазые историки, приращеніе Русскаго государства съ вашими завоеваніями, и потомъ произнесите вашъ приговоръ, котораго мы не боимся предъ трибуналомъ Исторіи, точно какъ и на полѣ сраженія. Одно невѣжество ваше и наше было причиною, что эти вопросы представляли вамъ столько общихъ мѣстъ для вашихъ декламацій, кои мы сами съ подобострастіемъ слушали!

Назадъ! разумѣете ли вы, что вы говорите? Одно это слово свидѣтельствуетъ о вашемъ нравственномъ упадкѣ со всѣми блистательными въ то же время открытіями и произведеніями наукъ, искусствъ, промышленности, торговли и общежитія.

И ни одинъ изъ первыхъ Европейскихъ писателей не возвысилъ своего голоса среди этого вавилонскаго гама, не произнесъ твердаго безпристрастнаго, благороднаго, умнаго слова, которое вразумило бы толпу, разсѣяло мракъ, господствующій теперь даже въ святилищахъ просвѣщенія, облегшій самую западную Церковь! Несчастное положеніе!

О, грустно, грустно мнѣ! ложится тьма густая
На дальнемъ западѣ—странѣ святыхъ чудесъ,
Свѣтила прежнія блѣднѣютъ, догорая,
И звѣзды лучшія срываются съ небесъ.
А какъ прекрасенъ былъ тотъ Западъ величавый!
Какъ долго міръ, колѣно преклонивъ,
И чудно озаренъ его высокой славой,
Предъ нимъ безмолвствовалъ смиренъ и молчаливъ!
Тамъ солнце мудрости встрѣчали наши очи,
Кометы бурныхъ сѣчъ бродили въ высотѣ,
И тихо, какъ луна—царица лѣтней ночи,
Сіяла тамъ любовь въ невинной красотѣ.
Тамъ въ яркихъ радугахъ сливались вдохновенья.
И вѣры огнь живой потоки свѣта лилъ! . . .
О! никогда земля, отъ первыхъ дней творенья,
Не зрѣла надъ собой столь пламенныхъ свѣтилъ!
Но горе! вѣкъ прошелъ и мертвеннымъ покровомъ
Задернутъ Западъ весь! Тамъ будетъ мракъ глубокъ.
Услышь же гласъ судьбы, воспрянь въ сіяньи новомъ,
Проснися, дремлющій Востокъ!

Вотъ для этого-то пробужденія, какъ мы замѣтили выше, и идетъ теперь Востокъ туда, куда посылалъ былъ прежде Западъ!

Неисповѣдимы пути Промысла, по коимъ посылаетъ Онъ народы для ихъ нравственнаго, умственнаго, гражданскаго, человѣческаго воспитанія! Что за таинственное влеченіе увлекало напримѣръ Германію впродолженіе тысячи слишкомъ лѣтъ въ Италію? Какъ удивительно потянуло старую Россію впродолженіе послѣднихъ полутораста лѣтъ на Западъ! А прежде всю западную Европу на Востокъ, или Александра Македонскаго съ Греческимъ образованіемъ во глубину Азіи!

Теперь—Восточная Европа, то есть, Россія убѣдится чрезъ грозное столкновеніе съ Западомъ на Востокѣ въ необходимости образованія, въ истинѣ Петровой пословицы, что ученье—свѣтъ, а неученье—тьма. Во тьмѣ мы упали бы въ пропасть! Нельзя жить въ Европѣ, и не участвовать въ общемъ ея движеніи, не слѣдить за ея изобрѣтеніями и открытіями, физическими, химическими, механическими, финансо-

выми, административными, житейскими. Если Австрія или Пруссія можетъ въ день примчать свои войска къ границамъ Польши, то нельзя намъ волочиться туда два мѣсяца. Если ихъ штуцера берутъ теперь на 2000 шаговъ, то нельзя довольствоваться намъ Тульскими ружьями, и надѣяться на одинъ штыкъ, который уже и не доходитъ до своего мѣста назначенія. Если ихъ коническія пули уходятъ глубже въ тѣло, и производятъ рану смертоносную, то нельзя намъ стрѣлять прежнимъ горохомъ! Если винтъ сообщаетъ ихъ кораблямъ способность двигаться какъ угодно, то нельзя остаться намъ со старыми методами кораблестроенія,—а механика, химія, физика, астрономія позовутъ къ себѣ естественныя науки; естественныя науки приманятъ математику, высшая математика потребуетъ философіи, необходимой и для медицины, а философія спроситъ себѣ грамоту, безъ грамоты въ наукахъ и шагу не ступишь. Науки не такого рода произведенія, чтобы можно было питаться ими въ мѣру, только въ предохраненіе отъ голодной смерти: все или ничего— вотъ ихъ девизъ. Нельзя ограничить число людей образованныхъ извѣстными цифрами, ибо предѣлы этихъ офиціальныхъ цифръ наполняются, по извѣстному закону, посредственностями и пошлостями, а таланты-то всѣ останутся внѣ оныхъ. Правительство увидитъ, или уже увидѣло, въ продолженіе этой войны, необходимость въ тысячахъ людей образованныхъ на мѣстахъ, а ихъ имѣть никакъ нельзя безъ общаго дѣятельнаго, искренняго покровительства всѣмъ наукамъ, всѣмъ искусствамъ, образованію и просвѣщенію вообще, безъ всякаго ограниченія сословій. Ломоносовъ, преобразователь Русской словесности, былъ крестьянинъ. Не стану приводить множества другихъ примѣровъ. Множество услугъ и словесности и просвѣщенію оказано нашими дворянами, духовными,—честь имъ, слава и благодарность отечества! Мы всѣ дѣти одной матери, святой Руси, и тѣмъ отличаемся отъ западныхъ сво-

ихъ братьевъ, что никогда въ самыя темныя времена не питали другъ къ другу зависти и ненависти, не преграждали дороги никому и никуда.

Какъ бы то ни было,—умъ уже приведенъ въ движеніе и самъ собою: общія опасности, личныя скорби, участіе дѣтей и родныхъ, чувство народной чести, ненависть къ неблагодарности союзниковъ, оскорбленное самолюбіе при необходимостяхъ уступить, напрягаютъ всѣ духовныя силы. Множество вопросовъ, о которыхъ прежде и въ голову инымъ не приходило, обращаются повсемѣстно. Новыя мысли зараждаются, плодятся, и по мѣрѣ сообщенія увеличиваются въ своемъ содержаніи. Возникаютъ различныя желанія и надежды. Послышались пѣсни, разыгралась фантазія. Всѣ сословія волнуются одинакими чувствами любопытства и живаго участія: приведу въ примѣръ одно изъ первыхъ моихъ писемъ, которое распространилось въ тысячахъ экземпляровъ, и попало въ такія захолустья, къ такимъ лицамъ, которыя были дальше, чѣмъ отъ своихъ антиподовъ. Духъ народный вездѣ вообще возвышается. А этотъ народъ считаетъ вѣдь единоплеменныхъ пятьдесятъ милліоновъ, а этотъ народъ занимаетъ пространство въ 15 тысячъ верстъ длиною, и восемь шириною. Вообразите же, что за великое явленіе представится въ исторіи, какой запасъ новыхъ силъ прибавится къ Европейскому духовному капиталу, какое движеніе произойдетъ въ области ума, если этотъ даровитѣйшій народъ Европы получитъ полное, искреннее содѣйствіе, ободреніе, поощреніе Правительства на пути къ образованію, и пойдетъ свободно къ священной его цѣли.

Присоедините еще къ этому движенію—тридцать милліоновъ Славянъ, занимающихъ почти всю южную половину средней Европы, отъ Эльбы до береговъ Средиземнаго моря и предѣловъ Италіи. Что можетъ произойти между такими

даровитѣйшими племенами Европы, въ эпоху ихъ освобожденія отъ тягостнаго ига! Какой полетъ можетъ принять умъ даже по одному закону духовной упругости! А соревнованіе между собою, соревнованіе съ Нѣмецкимъ племенемъ! И какое разнообразіе представляютъ эти племена,—однѣ, въ коихъ преимущественно западное начало, другія представители восточнаго; однѣ съ южною кровію, другія съ сѣверною дѣятельностію, обитатели горъ и долинъ, Православные, Католики, Протестанты! Какое множество нарѣчій съ Русскимъ во главѣ, которое непремѣнно должно сдѣлаться общимъ литературнымъ языкомъ для всѣхъ Славянъ, для восьмидесяти милліоновъ! Послѣдствія необозримы!

Смѣю напомнить здѣсь заключеніе моего письма къ Государю Цесаревичу въ Декабрѣ 1838 года, которое по времени занимаетъ первое мѣсто въ этомъ собраніи.

Подведемъ итоги подъ мыслями, изложенными въ этомъ письмѣ:

Настоящая война есть крестовый походъ восточной Европы или Россіи.

Назначеніе ея въ Европейской исторіи:

Возбудить восточную Европу, т. е. Россію, державшую свои таланты подъ спудомъ, къ принятію дѣятельнаго участія въ общемъ ходѣ потомства Іафетова на пути къ совершенствованію, гражданскому и человѣческому, что непремѣнно должно случиться, какъ бы ни кончилась для нея эта война.

Призвать къ умственной и духовной жизни древнѣйшія многочисленныя племена Славянскія, освободивъ ихъ сперва отъ Турецкаго ига, а потомъ и всякаго другаго ига, что непремѣнно должно случиться, если не посредствомъ Россіи, то посредствомъ западныхъ державъ, или посредствомъ собственныхъ силъ.

Изгнать Турокъ изъ Европейскаго стана, уничтожить ихъ владычество, это уже теперь на дѣлѣ, если не на словахъ происходитъ.

Возстановить Патріаршій Константинопольскій престолъ во всемъ его величіи, возвратить восточной Церкви вселенское ея значеніе.—

Обновить обветшалую западную Европу, которая изобрѣла ланкастерскія батареи, Пексановы пушки, и пули Минье, но утратила вѣру, погасила поэзію, лишилась человѣческаго чувства, и, отрекшись отъ Бога, слила златаго тельца себѣ для поклоненія.—

XIV.

Австрія.

(1854, въ Августѣ).

Шлецеръ говорилъ, что надо проходить исторію взадъ и впередъ, вдоль и поперекъ: въ разныхъ своихъ письмахъ я говорилъ часто объ Австріи, по связи ея съ разными сторонами вопроса, занимающаго теперь умы. Въ этомъ письмѣ я хочу соединить всѣ свои мысли въ одно цѣлое, чтобъ яснѣе представить читателямъ въ чемъ дѣло. Съ другой стороны—случились новыя обстоятельства, по коимъ мы становимся совсѣмъ въ другое положеніе.

Австрія есть государство, составленное изъ разныхъ народовъ: Нѣмцы, Италіанцы, Венгеры, Волохи, Славяне различныхъ племенъ, какъ то: Себры, Чехи, Поляки, Русины и проч. Они соединились не естественно, а насильственно, и могутъ содержаться въ совокупности средствами искуственными, а не естественными, ложью и неправдою.

Всѣ эти народы подчинены самому малочисленному между ними—Нѣмцамъ. Этого мало. Австрійскіе Нѣмцы есть самое безталантное племя, и стоитъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи ниже всѣхъ прочихъ, Италіанцевъ и Сербовъ, Венгерцевъ и Чеховъ, Поляковъ и Русиновъ.—

Далѣе—Австрія есть государство, составленное изъ разныхъ религій—католиковъ и православныхъ, уніатовъ и протестантовъ, которые и въ этомъ отношеніи столько же ненавидятъ другъ друга, сколько и въ прочихъ.

Всѣ эти народы достались подъ власть Австріи, преимущественно вслѣдствіе браковъ, придаными. Венгерскій Король Матвѣй Корвинъ давно уже сказалъ:

Bella gerant alii, tu felix, Avstria, nube!

Управлять всѣми этими народами она могла только посредствомъ раздоровъ, естественныхъ и искусственныхъ. Divide et impera,—вотъ что было ея правиломъ, въ которомъ заключалось ея спасеніе. Иначе она существовать не могла. Венгерскіе полки должны были ограждать ей принадлежность Богеміи, Чехи посылались въ Ломбардію, Италіанцы отвѣчали за Русиновъ, за Поляковъ, за Волоховъ, а Волохи за Нѣмцевъ.

Можно судить, сколько злобы должно было питаться во всѣхъ сердцахъ ея подданныхъ, сколько ненависти къ ней накопилось!

Но все таки она могла существовать, пока національности не созрѣли до сознанія. Сознаніе это принадлежитъ къ нашему времени, а именно къ послѣднему двадцати-пятилѣтію.

Изъ всѣхъ Австрійскихъ національностей, живѣе всѣхъ созналась Славянская, можетъ быть потому, что была угнетена всѣхъ долѣе.

Родоначальникомъ Славянскаго движенія должно почитать Добровскаго, хоть занимался онъ древнимъ Славянскимъ языкомъ т. е. нашимъ церковнымъ и прочими нарѣчіями, вовсе безъ политической цѣли, и въ духѣ болѣе Нѣмецкомъ, чѣмъ Славянскомъ. Преемниками его были Коляръ поэтъ, и Шафарикъ историкъ и филологъ, которые своими сочиненіями, особенно первый, положили основаніе будущей Славянской исторіи.

Австрійцы увидѣли опасность этого движенія, потому что Славяне составляютъ почти двѣ трети населенія ихъ имперіи, и своими насильственными мѣрами старались ему воспрепятствовать.

Къ нимъ присоединились Венгерцы, которые хотѣли было омадьярить своихъ Славянъ, по своимъ мѣстнымъ и частнымъ причинамъ.

Духъ народный между Славянами, и вмѣстѣ ненависть къ угнетателямъ, возбудились еще болѣе. Въ такихъ обстоятельствахъ взоры ихъ обратились, разумѣется, къ Россіи, единоплеменной, и со многими изъ нихъ единовѣрной.

Ненависть Австріи къ Россіи, сперва безотчетная, вслѣдствіе соперничества и состязанія, получила основаніе, и обратилась теперь въ систему. Она должна была трепетать за Галицію, чисто Русскую область, за сѣверо-восточную Венгрію, заселенную тѣмиже Русскими, за Сирмію, продолженіе Сербіи, за Кроацію, за все—и политика ея въ отношеніи къ Россіи опредѣлилась по причинамъ естественнымъ, по необходимости. Нѣтъ врага Россіи столь лютаго, какъ Австрія. Съ Англіею мы можемъ сторговаться, съ Франціей сговориться; съ Австрійцами можно кончить дѣло съ бою, т. е. смертью.

Эту вражду она старалась намъ доказывать при всякомъ случаѣ—вольно же намъ ея не видѣть, и даже думать, что интересы наши и Австрійскіе одни и тѣже. Кажется, она, по крайней мѣрѣ теперь, потрудилась сама убѣдить насъ, что интересы наши не одинакіе, а противоположные. Но на прежнее возвратимся.

Прочтите Милютина Исторію Итальянской компаніи Суворова, и вы увидите документально Австрійскую вражду на каждой страницѣ.

Прочтите Данилевскаго исторію походовъ въ 1805, 13 и 14 годахъ, и вы получите новыя ея доказательства, даже во время самой тѣсной дружбы и общихъ выгодъ ея съ Россіею.

За послѣдующее мирное время я имѣлъ въ своихъ рукахъ множество доказательствъ скрытной ея ненависти, какъ, напримѣръ, увеличивались и распространялись въ народѣ извѣстія о нашихъ неудачахъ впродолженіе войнъ Турецкой и

Польской, какъ скрывались и уменьшались извѣстія для насъ выгодныя, какъ возбуждались Поляки въ Галиціи противъ нашего управленія въ царствѣ Польскомъ, и всѣ католики противъ нашихъ притѣсненій при возсоединеніи уніатовъ. Нѣсколько подробностей помѣщено въ моихъ донесеніяхъ 1839 и 1842 годовъ.

Что сказать о Венгерской войнѣ? Укажу только одно обстоятельство: за спасеніе отъ Венгріи Австрійцы не усомнились казнить торжественно тѣхъ несчастныхъ, которые сдались намъ, а не имъ! Больно и воспоминать объ этомъ происшествіи, которое мы могли допустить и оставить безъ наказанія!

Мы удивимъ Европу своею неблагодарностію, сказалъ Шварценбергъ передъ смертію; у насъ пропустилось мимо ушей это искреннее, невольно вырвавшееся признаніе!

И вотъ произошло столкновеніе Россіи съ Турціей.

Австріи представленъ былъ выборъ принять сторону запада или Россіи.

Собственная польза ея требовала, чтобъ она приняла сторону нашу. Принявъ нашу сторону, вмѣстѣ съ Пруссіей и Германіей, она отвратила бы войну всенепремѣнно не отваживаясь ни на что: наши требованія были ничтожны, и она не понеслаб никакого чувствительнаго вреда для себя, тѣмъ болѣе, что, приставая къ намъ, имѣла случай выговорить себѣ разныя преимущества.

Она боялась навлечь на себя мщеніе Запада и преимущественно Франціи, которая, воспользовавшись предлогомъ, не упустилаб напасть на нее въ Италіи. Это правда, но тогда она могла надѣяться на содѣйствіе Россіи вмѣстѣ съ Германіей и Пруссіей.

Неужели Австрія надѣется наслаждаться долго плодами своей измѣны? Неужели она думаетъ, что Франція и Англія,

справясь съ Россiею, оставятъ ее въ поко̀ѣ? Опасности ея тѣже, только съ отсрочкою, а Императоръ Николай поблагонадежнѣе былъ бы въ союзѣ для нея Людовика Бонапарта. Еще выгоднѣйшiя минуты представлялись ей въ Ольмюцѣ, и послѣ принятiя Вѣнской ноты. Нѣтъ — Русскiй Богъ затмилъ ея очи, какъ я сказалъ въ 5-мъ своемъ письмѣ, и она повлеклась къ своей погибели.

Принимая сторону Запада, и содѣйствуя теперь униженiю Россiи, она лишилась навсегда этой вѣрной, благодѣтельной союзницы.

Она причинила намъ много зла, и причиняетъ теперь преимущественно въ слѣдствiе нашего ослѣпленiя, причинитъ и еще, не смотря на прозрѣнiе,—но дни ея сочтены, и скоро Европейская Географiя будетъ говорить уже о бывшей Австрiи.

Послѣднiя ея дѣла, то есть, нынѣшнiя увѣнчаютъ достойно ея исторiю. Потомки съ трудомъ будутъ вѣрить, какъ могла она говорить съ Россiей тѣмъ языкомъ, какимъ она говорила, и какъ Россiя могла слушать этотъ языкъ. Мы скажемъ имъ въ объясненiе, что языкъ Австрiи слушала не Россiя, а Гг. Нессельродъ и Мейсндорфъ, которымъ Россiя не знакомѣе Китая.

Враждебное расположенiе Австрiи очень ясно было при началѣ нынѣшняго переворота, но наша дипломатiя упорствовала въ своихъ несчастныхъ предубѣжденiяхъ, какъ будто празднуя отданiе своей системѣ. Она кланялась Австрiи, исполняла ея желанiя, забывала о Русскихъ капитальныхъ интересахъ, имѣя въ виду даже мелкiе интересы Австрiйскiе, и въ заключенiе имѣетъ удовольствiе услышать о поспѣшныхъ поздравленiяхъ Императора Франца Iосифа съ благополучной высадкой непрiятельскихъ войскъ въ предѣлы Россiи, и наконецъ съ блистальнымъ, хоть и не бывалымъ взятiемъ Севастополя.

Мы теперь принуждены только защищаться, и, благодаря нашему устройству, съ миллiономъ своего войска, находиться всегда въ меньшемъ числѣ противъ ста тысячь, на насъ пришедшихъ, а остальные полки должны стеречь нашъ тылъ, и даже предѣлы, отъ любезныхъ нашихъ союзниковъ Австрiйцевъ.

А еслибъ, съ объявленiемъ намъ войны Францiею и Англiею, вытребовать намъ у Австрiи рѣшительный отвѣтъ, и начать съ нея наши военныя дѣйствiя, какъ различно было бъ теперь настоящее положенiе!

Ужасный плодъ принесли намъ наши дипломатическiя отношенiя послѣдняго года, достойно увѣнчавшiя прежнюю нашу политику.

Отъ войны съ Австрiей мы никакъ не можемъ, какъ и не могли уклониться, а эта война со всякимъ днемъ становилась и становится труднѣе, чего никакъ не хотѣла понять наша дипломатiя. Уклонясь отъ нея, мы только что уменьшали свои средства, и увеличивали свои опасности въ соразмѣрности съ ея усиленiемъ. Что мы выиграли съ ея стороны, впродолженiе года, въ вознагражденiе за всѣ наши уступки? Доброжелательнѣе ли она намъ теперь, чѣмъ въ прошломъ году? Поздравленiя Буоля и самого Императора, равно какъ и тостъ Коронини, освобождаютъ меня отъ обязанности отвѣчать на этотъ вопросъ. А въ какой степени была ея опасность въ прошломъ году, доказываетъ недавнее распущенiе Елачичева корпуса, и безпрерывныя военныя экзекуцiи на военной границѣ въ Трансильванiи, точно также какъ наполненiе Русской церкви въ Вѣнѣ народомъ, не только внутри, но на лѣстницѣ и крыльцѣ въ день тезоименитства Государя Императора.

До чего простирались ея требованiя и условiя, повѣрить будетъ трудно. Наглость ея можно сравнить только съ нашею слабостiю и робостiю, которыя впрочемъ ту и вызвали.

Очистите Молдавію и Валахію, сказали Австрійцы намъ, а не то мы выгонимъ васъ. (Такъ было постановлено и написано въ конвенціи Австрійской съ Турками.) Мы пропустили мимо ушей эту угрозу, и продолжали оставаться въ дружескихъ сношеніяхъ съ Австріей, то есть мы... а они выжидали только времени и искали только мѣста, гдѣ бы ударить насъ побольнѣе.

Очищенія Молдавіи и Валахіи могли они, положимъ, требовать, когда война не начиналась, и не была объявлена: но когда война началась, когда наши собственныя владѣнія заняты непріятелемъ, какимъ же образомъ можемъ мы отказаться отъ своихъ военныхъ преимуществъ? Мы очистимъ княжества,—но пусть и враги очистятъ наши владѣнія: можно ли требовать, чтобъ мы очистили непріятельскія владѣнія, а непріятели продолжали оставаться въ нашихъ и шли далѣе, и даже съ ихъ помощію.—

Занятіе княжествъ мѣшаетъ, говорятъ они, нашимъ торговымъ интересамъ! А наши военные, политическіе интересы развѣ ничего для насъ не значатъ? По Дунаю задержится Нѣмецкихъ товаровъ развѣ на семь рублей съ полтиною, они жалуются, и для этой суммы мы должны оставить княжество, а съ уничтоженіемъ Черноморской торговли, и опустошеніемъ Крыма они поздравляютъ нашихъ враговъ!

Но когда же, гдѣ, въ военное время, двѣ воюющія державы соображались съ видами сосѣднихъ государствъ? Турки разоряютъ наши области, а мы не должны касаться Турецкихъ, въ угоду третьяго неутральнаго государства, потому что это приноситъ для него вредъ!

Австрія воевала съ Турціей—что же? могли мы требовать у нея, чтобъ Австрійцы очистили какую нибудь Турецкую область, потому что ея занятіе было для насъ не выгодно,

Положимъ—у насъ начнется война съ Австріей. Что же? Оставятъ ли тогда Австрійцы Молдавію и Валахію по чьему нибудь требованію, для насъ, какъ мы оставляетъ ее теперь для нихъ? Они насмѣются намъ въ глаза, а Нѣмецкія газеты подведутъ намъ такія справки изъ своихъ руководствъ къ политикѣ и основаній народнаго права, что намъ придется заплатить имъ еще проценты съ рекамбіями.

Не смотря на конвенцію, мы остались друзьями съ Австріей, очистили княжества, а Турки ихъ заняли, вмѣстѣ съ Австрійцами, не оставляя до сихъ поръ. Этого мало—Австрійцы публично говорятъ, и своими дѣйствіями подтверждаютъ, что они никакъ ни берутся мѣшать Туркамъ и ихъ союзникамъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи, напротивъ обѣщаютъ имъ содѣйствовать, сговариваются, принимаютъ живое участіе въ ихъ мнимыхъ успѣхахъ, и торжествуютъ ихъ побѣды, поставляя преграды нашимъ дѣйствіямъ.

Мы очистили княжества по причинамъ стратегическимъ, а не политическимъ. Однѣ другихъ лучше. Что же мы выиграли, очистивъ княжества, равно какъ и возвратясь изъ за Дуная, снявъ осаду Силистріи, послѣ столькихъ потерь!

Турки изъ Молдавіи и Валахіи грозятъ напасть на Бессарабію, а мы должны дожидаться ихъ посѣщенія, и не быть въ состояніи даже устремить свои силы на защиту Крыма.

Мы не могли за Дунаемъ идти впередъ, чтобъ не имѣть Австрійцевъ съ тылу; мы не можемъ двинуться теперь изъ своихъ предѣловъ, чтобы не вызвать войны со стороны Германіи и Пруссіи, не только Австріи. Какая же война хуже этого мира и неутралитета?

И этого мало. Если мы, положимъ, разобьемъ Турокъ въ Бессарабіи, мы не можемъ преслѣдовать ихъ ни на шагъ впередъ, иначе даже Пруссія и Германія скажутъ: а, вы

опять показались въ Молдавіи и Валахіи, мы должны содѣйствовать Австрійцамъ, чтобъ вели съ вами войну!

Гдѣ же позволяется намъ сражаться съ Турками? Только подъ Кіевомъ и Москвою, но вѣдь и тамъ Нѣмецкіе коммиссіонеры могутъ протестовать, что эта война повредитъ ихъ торговымъ интересамъ, и погрозятъ намъ пожаловаться на насъ въ Франкфуртѣ, укажутъ напримѣръ Дона Пачифика, за котораго теперь вся Европа готова вступиться! Графъ Нессельродъ преклонится и предъ такой угрозою?

Недостаетъ только отдѣлить дивизію изъ Меньшикова корпуса въ Крыму, и послать ее на выручку Австрійцевъ въ Италію, еслибъ тамъ началось движеніе противъ нихъ, между тѣмъ какъ они помогаютъ Омеру-Пашѣ напасть на Бессарабію. Вотъ явилось бы великодушіе во всемъ блескѣ, вотъ какъ начали бы прославлять Австрійскія газеты недѣли двѣ добродушіе Русскаго Государя, блюстителя законнаго порядка! Чего добраго! Слава Богу, что случай такой еще не представляется!

Эрцгерцогиня Софія вотъ какъ объ насъ соболѣзнуетъ: Бѣдная Россія! Она исполнитъ теперь все, что отъ нея потребуютъ! Англія и Франція говорятъ, что нужно раздробить и обезсилить Россію для Европейскаго равновѣсія, а Турцію укрѣпить. Пруссія говоритъ: надо оставить ей прежніе предѣлы. Австрія прибавляетъ: до нѣкоторой степени.

Вотъ до чего мы дожили, о Екатерина!

Впрочемъ мѣра терпѣнія даже и нашего исполнилась. Война съ Австріей, говорятъ, скоро объявится. Намъ остается только пожалѣть, что мы потеряли годъ драгоцѣннаго времени и увеличили, по напрасну, свои затрудненія.

XV.

О Русской политикѣ на будущее время.

Въ чемъ должна состоять наша политика? Если о настоящемъ, ближайшемъ времени, т. е. какъ поступать должно теперь, частному человѣку судить иногда бываетъ мудрено: ибо, не зная всѣхъ обстоятельствъ, тайныхъ сношеній, намѣреній и цѣлей, извѣстныхъ только вверху, легко впасть въ ошибки, или покрайней мѣрѣ попасть въ пересыпаніе изъ пустаго въ порожнее,—то прошедшее, положительное, не подвержено случайностямъ; основанное на сущности вещей, открыто для всѣхъ, и по всѣмъ правамъ науки можетъ и должно быть предметомъ ея безпристрастнаго разсужденія. Точно то же должно сказать и о будущемъ, поколику оно происходитъ отъ прошедшаго чрезъ настоящее, котораго, слѣдовательно, кромѣ его случайностей, также обойдти нельзя.

Какими же правилами должна руководствоваться Русская политика вообще?

Правилами, пока, Петра и Екатерины: во всѣхъ отношеніяхъ, войнахъ и переговорахъ,—имѣть въ виду пользу Россіи, принимать пока участіе только въ тѣхъ Европейскихъ дѣлахъ, кои непосредственно до нея касаются, и не мѣшаться ни въ какія прочія.

Разсмотрите всѣ дѣянія Петра и Екатерины и вы увидите, что они принимали участіе въ сосѣднихъ дѣлахъ только по отношенію ихъ къ Россіи, шагу не ступали не нужнаго для Россіи.

Петръ воевалъ со Швеціей, чтобъ имѣть мѣсто на Балтійскомъ морѣ: договоры и союзы его съ Даніей устремлены были для этой же цѣли.

Средоточіемъ дѣйствій Екатерины было намѣреніе возвратить отъ Польши ея старыя завоеванія, для чего и вступала она въ союзъ по временамъ съ Австріей и Пруссіей.

Начавъ, впрочемъ по неволѣ, войну съ Турціей, она воспользовалась случаемъ распространить свои владѣнія, и т. д.

О потребностяхъ, правахъ и обазанностяхъ, желаніяхъ и отвращеніяхъ другаго народа, судить всегда бываетъ мудрено, когда и свой для многихъ часто остается загадкою; недостаетъ времени для настоящей заботы и о собственномъ своемъ государствѣ—гдѣ же тутъ думать о чужихъ! Мѣшаться въ чужія дѣла, по своему усмотрѣнію, рѣдко допустить можно. Притомъ такое вмѣшательство подвергается всегда многимъ ограниченіямъ, условіямъ, исключеніямъ весьма неблаговиднымъ. Франція съ 1789 года перемѣнила девяносто девять конституцій и образовъ правленія,—мы не мѣшались въ ея перемѣны, да и никто! Отъ того, что она сильна и не оставитъ безъ наказанія никакого вмѣшательства! Испаніи также мы не трогаемъ,—а въ несчастную Италію готовы были двинуться войска, когда она начинала шевелиться противъ несноснаго владычества Австрійскаго! Мы хотимъ, чтобъ она страдала, стѣснялась во всѣхъ своихъ движеніяхъ, пребывала въ невѣжествѣ и нищетѣ, владѣя благословеннѣйшею частью Европы. Гдѣ же тутъ справедливость?

Противоположныя правила наказывались и наказываются въ наше время самымъ жестокимъ образомъ.

Павелъ, въ пылу своего великодушія, вознамѣрился сдѣлаться опекуномъ Европы, и Австрійцы, предавъ побѣдоносное войско Суворова, доказали ему свою благодарность, и вмѣстѣ мечтательность его политики.

Съ такою же наградою старался Александръ помогать Пруссіи и Австріи, кои все-таки принуждены были идти на него съ Наполеономъ.

Въ 1813 и 1814 годахъ Россія спасла всю Европу, а въ награду, по непостижимой слѣпотѣ нашихъ дипломатовъ, получила себѣ только болѣзнь—Польшу; другую болѣзнь привила себѣ по доброй волѣ: это священный союзъ, который въ наше время получилъ такую комическую развязку. Политика великодушія и безкорыстія, избранная И. Александромъ, и заботы объ Европейскомъ порядкѣ, благодѣтельныя и спасительныя, можетъ-быть, для Европы, явили свой горькій плодъ для Россіи въ настоящей войнѣ Турецкой, какъ то объяснилъ я въ пятомъ письмѣ своемъ. Австрія, знаменитый членъ священнаго союза, позабывъ объ немъ, точно какъ и о недавнемъ своемъ спасеніи, перешла торжественно на сторону Запада, и повредила Россіи больше всѣхъ. А еслибъ вмѣсто Австріи Россія въ 1814 году заключила договоръ, устроила связь съ побѣжденнымъ Наполеономъ, или хоть съ стѣсненною Франціею? Но что прошло, того не воротишь!

Мы находимся теперь въ самомъ затруднительномъ положеніи, и не можемъ уже пока думать ни о какихъ распространеніяхъ! Дай Богъ только оборониться отъ враговъ! Рѣшеніе дѣла принадлежитъ оружію болѣе, чѣмъ политикѣ, хоть и политика могла бъ еще сдѣлать многое, только, разумѣется, не въ Вѣнѣ.

Почему бы не послать торжественное посольство въ Америку, съ какимъ-нибудь громкимъ именемъ, Княземъ или

Графомъ, засвидѣтельствовать Штатамъ благодарность Россіи за то доброжелательное участіе, какое они ей показали въ настоящей войнѣ?

Если нѣтъ возможности заключить Россіи со Штатами такой союзъ, какой заключила Франція съ Англіей, то одинъ обмѣнъ учтивостей заставилъ бы задуматься западныя государства. Посолъ, разумѣется, умный, могъ бы собрать свѣдѣнія о кораблестроеніи, а можно бы, кажется, и заказать, хоть бы съ лишечками, корабликъ-другой! Учрежденіе прямаго торговаго сообщенія Россіи съ Америкой также не очень вкусно показалось бы Англичанамъ. Экспедиціи въ Индію, хоть только на бумагѣ, въ статьяхъ, письмахъ, проэктахъ, можно причислить къ побудительнымъ средствамъ честнаго мира. Въ нашемъ стѣсненномъ положеніи нельзя пренебрегать и подобными средствами.

А можетъ все и перемѣниться въ одну минуту. Таковы судьбы войны. Была, напримѣръ, кажется, возможность въ Маѣ мѣсяцѣ разбить три Турецкіе корпуса, стоявшіе порознь, Омеръ-Пашу въ Варнѣ, Мустафу въ Силистріи, Измаила въ Калафатѣ, поднять Болгарію и Сербію, и порѣшить всѣ дѣла до прибытія западныхъ союзниковъ. Такъ и теперь, разбей Меньшиковъ высадку, размечи буря Черноморскую непріятельскую эскадру, подбери нашъ флотъ поврежденные карабли, плѣни Горчаковъ Омеръ-Пашу, сожги Нахимовъ остальные корабли въ гаваняхъ, поднимись все Славянское народонаселеніе, не откроется ли тогда возможность пугнуть и Константинополь, занять Дарданеллы?

Тогда, тогда мы потребуемъ отъ западныхъ державъ тѣхъ гарантій, кои они требуетъ теперь у насъ. Мы скажемъ имъ: вы требовали у насъ залоговъ, что бъ мы не нападали на Турцію; дайте намъ залоги, что вы впередъ не будете нападать на насъ. Дайте намъ Дарданеллы и Зундъ!

Вотъ, на будущее время, цѣли внѣшней нашей политики, указанныя намъ теперь самими врагами, цѣли, коимъ посвящается это мое письмо.

Зундъ! Это не такъ странно и не возможно, какъ съ перваго взгляда кажется, хоть мы и отвыкли, подъ ферулою нѣмецкой политики, отъ всѣхъ смѣлыхъ идей, Петровскихъ и Екатерининскихъ, въ личинѣ дешеваго и безопаснаго великодушія.

Зунда можемъ мы желать, искать и надѣяться даже безъ случайностей нынѣшней войны, даже не какъ награду побѣды и условіе мира. Зундъ можемъ мы получить даже и не такъ, какъ Англичане получили Гибральтаръ, хоть и для того всегда мы имѣемъ всѣ средства.

Думали же Шведскіе, Польскіе короли о Сѣверной монархіи за двѣсти лѣтъ до нашего времени, были близки къ ней, имѣя въ пятьдесятъ разъ менѣе силы, чѣмъ теперь Россія. *)

Но замысламъ Польши и Швеціи прошло двѣсти лѣтъ, теперь обстоятельства перемѣнились, и ничего подобнаго произойти не можетъ.

Не можетъ при посредственностяхъ и ограниченностяхъ, при этихъ мѣлкихъ торгашахъ и продажныхъ душенкахъ, которыми полны кабинеты Европейскіе. А явись нынѣ какой нибудь Наполеонъ хоть герцогомъ Мекленбургскимъ, и онъ будетъ завтра Императоромъ Нѣмецкимъ, и угрозитъ Франціи, и возвыситъ голосъ предъ Россіей и ударитъ Англію, и заставитъ слушаться Италію, Испанію, Голландію и всю Европу!

Прошло двѣсти лѣтъ—новое время должно дать только новую форму старой идеи, а форму эту и должна найдти высшая политика.

*) Смотри мои Историко-критическіе отрывки, 1846 г.

Англійскій флотъ сжегъ Копенгагенъ, Англійскій флотъ хозяйничаетъ теперь въ Датскихъ гаваняхъ, располагается зимовать, и въ нужномъ случаѣ ни какъ не отказывается повторить благодѣтельныя явленія 1806 года, — что же? Неужели Данія съ удовольствіемъ угощаетъ у себя незванныхъ гостей?

Угрозы Англійскія и Французскія Швеціи неужели производятъ въ ней пріятнѣйшее ощущеніе, чѣмъ въ Даніи?

А Пруссія, открытая со всѣми берегами своими нападеніямъ союзнаго флота и неимѣющая ни какихъ средствъ отразить высадку,—вѣроятно смотритъ на плаваніе сотни кораблей по Балтійскому морю не совсѣмъ съ спокойнымъ сердцемъ, и Прусскій цольферейнъ не питаетъ никакихъ нѣжныхъ чувствъ къ Англійской промышленности, къ Манчестеру и Бирмингаму; гораздо болѣе къ выгодному транзиту.

Итакъ весь амфитеатръ Балтійскаго моря раздѣляетъ почти одинакія чувства, каждое государство по своимъ собственнымъ причинамъ: соедините эти чувства, вотъ дѣло высшей политики, соедините всѣ ихъ силы, устройте Сѣверный союзъ, какъ Екатерина устоивала вооруженный неутралитетъ. Выгода такого союза для каждаго изъ названныхъ государствъ стоящихъ теперь между двухъ огней, очевидна. Подъ защитою и покровительствомъ Россіи, принесущей имъ всѣ свои силы, они могутъ спокойно жить и дѣлать свои дѣланія. Естественнаго первенства Россіи въ Балтійскомъ или Сѣверномъ союзѣ никто изъ нихъ оспорить неможетъ, и если противъ одного Русскаго флота теперь съ трудомъ могутъ предпринимать что-нибудь Французы и Англичане вмѣстѣ, то что же они могутъ сдѣлать, если всѣ Балтійстія силы соединятся, Шведскія, Датскія, Русскія и Прусскія, займутъ Зундъ и Бельты, и если во всякой гавани будетъ для гостей приготовлена не нынѣшняя почетная встрѣча.

Дайте гарантіи Швеціи, Даніи, Пруссіи, представьте имъ торговыя преимущества, — употребите, если понадобятся, въ благопріятное время угрозы, — какъ поступалъ Наполеонъ, заставьте ихъ понять свои выгоды, если на кого изъ нихъ найдетъ затмѣніе, — и тогда посмотримъ, что могутъ сдѣлать съ нами западные союзники.

Россія, въ этомъ Сѣверномъ или Балтійскомъ союзѣ, должна занимать по естеству вещей первое мѣсто.

Вотъ вамъ одна форма сѣверныхъ отношеній, соотвѣтствующая выгодамъ всѣхъ государствъ, а вотъ и другая:

Русскій Государь есть законный Наслѣдникъ, есть единственный старшій представитель династіи Датской и Шведской изгнанной, уступившей свое мѣсто Французскому маршалу Бернадоту.

Почему же, въ нужномъ случаѣ, нашему Голштинскому Герцогу не предъявить свои династическія права, и не предоставить, напримѣръ, республиканское управленіе Даніи и Швеціи, оставляя себѣ одно Королевское титло? Неужели Данія и Швеція не рады будутъ получить себѣ даромъ въ услуженіе всѣ силы Россіи для своей безопасности, воспользоваться ея могуществомъ для своихъ дѣйствій по всѣмъ морямъ, не тратить ничего на содержаніе своихъ дворовъ, и управляться по собственному своему усмотрѣнію?

Что они потеряютъ при такомъ разпорядкѣ и сколько выиграютъ?

Пруссія должна будетъ тогда и по неволѣ присоединиться къ Россіи, какъ въ первомъ проэктѣ къ Сѣверному союзу.

Дарданеллы и Зундъ! Враги наши своими требованіями указываютъ теперь сами на эти необходимыя для насъ гарантіи, въ случаѣ нашего успѣха, а умнѣйшіе изъ нихъ почуяли еще прежде нашего необходимость этихъ двухъ точекъ для

Россіи. Прежде нежели кто-нибудь осмѣлился думать у насъ о Дарданеллахъ, еще менѣе о Зундѣ, Тьеръ, въ своей Исторіи Консульства и Имперіи, сказалъ, что Европа простись съ своею свободою, если когда нибудь Россія получитъ въ свою власть эти два пролива.

Онъ ошибается. Напрасно боится Тьеръ. Сынъ Запада, онъ не можетъ представить себѣ иначе крѣпости, какъ точкою нападенія. Для Русскаго они нужны только, какъ точки обороны. Западные писатели судятъ по себѣ о восточныхъ дѣлахъ. На Западѣ всѣ учрежденія, какъ замѣтилъ самъ Лямене, основаны на предполагаемой оппозиціи. Нашъ Востокъ они считаютъ такимъ же Западомъ, какой составляютъ сами. Вотъ капитальная ошибка, съ которою смѣшиваются всѣ понятія, и которую мои соотечественники, особенно политики и дипломаты, раздѣляютъ отъ души съ своими братьями Запада. Западъ есть Западъ, и Востокъ есть Востокъ, Западъ не можетъ быть Востокомъ, какъ Востокъ не можетъ быть Западомъ. Россія есть государство распространяющееся, а не завоевательное, чего не понимаютъ ни враги наши, ни друзья, ни мы сами, вмѣняя это себѣ даже въ стыдъ — такъ велико наше невѣжество историческое и политическое!

Вотъ вамъ объясненіе, почему большая часть войнъ Русскихъ, если не всѣ, начинались съ обороны, а не съ наступленія, и Русскій мужикъ, который, провожаемый женою и дѣтьми, съ воемъ и плачемъ вступаетъ въ рекрутское присутствіе, хота на другой день, съ забритымъ лбомъ, дѣлается лучшимъ солдатомъ въ мірѣ, есть вѣрный представитель Русскаго государства.

Слѣдовательно — Европа не должна бояться Русскихъ завоеваній, имѣя впрочемъ всегда для нихъ отпоръ, — вопреки боязливому Тьеру. Франція, Испанія, Италія, Англія, Голландія и Юго-Западная Германія, на одной сторонѣ, а на другой

Россія съ силами Балтійскаго союза на сѣверѣ, т. е. Швеціею, Даніею и Пруссіею, или Сѣверною Германіею, и съ силами Дунайскаго союза на Югѣ, т е. со Славянскими государствами, Венгріей, Молдавіей, Валахіей и Греціей, (смотри письмо 7), вотъ настоящее равновѣсіе, вотъ Западъ и Востокъ лицомъ къ лицу, съ соразмѣрнымъ раздѣленіемъ силъ, — но зачѣмъ, повторяю, предполагать брань? Не пора-ли жить въ мирѣ Востоку и Западу, Сѣверу и Югу? Не пора-ли человѣчеству думать о мирѣ, а не о войнѣ, и употреблять, собирать свои силы, не для того, чтобъ грозить другъ другу, а содѣйствовать для общаго преспѣянія, для достиженія цѣли, предназначенной ему Всеблагимъ Творцемъ.

Стыдъ и срамъ, что проживъ семь тысячь лѣтъ, достигнувъ по всѣмъ отраслямъ знаній такой степени совершенства, оно неумѣетъ еще только управиться съ собою!

Россія, въ томъ положеніи, которое мы сейчасъ представили, должна быть главнымъ орудіемъ такого мира. Совершенно покойная, однимъ своимъ словомъ, мнѣніемъ, или совѣтомъ, духовно, а не вещественно, она будетъ значить тогда въ системѣ даже Западной Европейской политики, гораздо болѣе, нежели теперь стотысячными своими арміями, — поддерживая слабаго, защищая праваго, помогая бѣдному, покровительствуя обиженному, — внимая тому призванію, которое опредѣлилъ ей Богъ, какъ почуялъ поэтъ, въ одну изъ лучшихъ минутъ своего вдохновенія:

Тебѣ Онъ далъ свое призванье
Тебѣ Онъ славный далъ удѣлъ
Хранить для міра достоянье
Высокихъ жертвъ и чистыхъ дѣлъ:
Хранить племенъ святое братство,
Любви живительный сосудъ,
И вѣры пламенной богатство,
И правду, и безкровный судъ.

О! Вспомни свой удѣлъ высокій!
Былое въ сердцѣ воскреси;
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Внимай ему: и всѣ народы
Обнявъ любовію своей,
Скажи имъ таинства свободы:
Сіянье вѣры имъ пролей!...
И станешь въ славѣ ты чудесной
Превыше всѣхъ земныхъ сыновъ,
Какъ этотъ синій сводъ небесный,
Прозрачный Вышняго покровъ.

Все это такъ, скажутъ мнѣ въ отвѣтъ. Ваша поэзія, природа вашихъ свойствъ, ваша исторія, ваша естественная политика, не позволяютъ намъ бояться нападенія съ вашей стороны, — однако-же Елизавета принимала рѣшительное участіе въ семилѣтней войнѣ, Павелъ присылалъ войско завоевать Италію для Австріи, Александръ управлялъ всѣми дѣйствіями Европы по своему усмотрѣнію, и удерживалъ ея движеніе, Николай уничтожилъ Венгрію, не позволилъ Австріи биться съ Пруссіей, удержалъ Голштинію за Даніею....

Это были наши ошибки.

Но кто же поручится, скажутъ въ продолженіе возраженій, чтобъ иной Государь, владѣя Зундомъ и Дарданеллами, безъ вѣдома вашего, не справясь съ Исторіей, вопреки народному характеру, не рѣшился въ одно прекрасное утро на какую нибудь ошибку еще покрѣпче предыдущихъ, которая можетъ быть пагубною для того или для другаго Европейскаго государства или для всѣхъ вообще? Можемъ ли мы допустить это, и въ чемъ состоятъ ваши гарантіи?

На этотъ вопросъ я ничего сказать не могу, развѣ только то, что объ такихъ Европейскихъ гарантіяхъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, можетъ и даже должна заботиться высшая политика, благородная, человѣколюбивая, справедливая,

политика настоящаго прогресса. Такія гарантіи могутъ быть предметомъ общихъ совѣщаній всѣхъ государствъ, даже въ мирное время, не обнажая меча, — совѣщаній на законахъ права, науки и взаимныхъ ихъ отношеній, естественныхъ и историческихъ, — Совѣтъ Европейскихъ Амфиктіоновъ, о которыхъ былъ намекъ въ моихъ Историческихъ афоризмахъ (1836). Эти гарантіи не будутъ, разумѣется, имѣть ничего общаго ни съ разрушеннымъ Севастополемъ, ни съ простреленнымъ Кронштадтомъ, о чемъ такъ хлопочутъ теперь враги. Условія, въ коихъ нѣтъ человѣческаго смысла, скажу кстати, и о коихъ могли разговаривать только такія министерства, какъ нынѣшнія: ибо, съ одной стороны, потребуя Севастополя для обезпеченія Турціи, вы съ одинаковымъ правомъ можете требовать Свеаборга для обезпеченія Швеціи, Динабурга для обезпеченія Пруссіи, и Бреста для обезпеченія Австріи, — когда же кому дѣланы были подобныя требованія? А съ другой стороны, — если бы Россія уступила теперь, — предполагаю невозможное, — ту или другую крѣпость, то кто же остановитъ ее впредь къ нападеніямъ и завоеваніямъ въ другихъ странахъ, если когда нибудь ей то заблагоразсудится? Съ 70 милліонами жителей трудно ли ей всегда идти на Швецію, имѣющую три милліона, Пруссію, имѣющую 15, Австрію, имѣющую 35, изъ коихъ 20 составляютъ самое преданное Россіи населеніе? Кто же остановитъ Россію — кромѣ собственныхъ дипломатовъ, если родъ ихъ не переведется? Слѣдовательно дерзость предположеній равняется только ихъ нелѣпости.

А другихъ предположеній, для себя нужныхъ, западные министры найдти не умѣютъ. Они не могутъ возвыситься надъ мелкими матеріальными, завтрешними выгодами, и довольствуются старыми положительными апоѳегмами, не замѣчая ихъ негодности: не должно допускать это государство до такого-то усиленія, такой-то союзъ страшенъ, надо его раздѣлить, а здѣсь надо устроить entente cordiale, тамъ посѣять

раздоръ и возбудить соперничество! Несчастные игроки играютъ въ ералашъ по копейкѣ, и бьются изъ всѣхъ своихъ силъ, чтобъ обыграть другъ друга рубля на два съ полтиной! У нихъ ли будете вы спрашивать благородства, человѣколюбія, вниманія къ высшимъ потребностямъ человѣчества? Для высокаго полета нужны не восковыя крылья, какъ у этихъ бѣдныхъ Икаровъ!

Западные политики отжили свой вѣкъ, и наука поетъ уже имъ вѣчную память, а Евангеліе напоминаетъ: Вина новаго не вливаютъ въ мѣхи старые!

Но возвратимся къ Русской политикѣ, какъ мы опредѣлили ее выше, касательно Европейскихъ отношеній.

Оставляя въ покоѣ Европу, въ ожиданіи благопріятныхъ обстоятельствъ, мы должны обратить все свое вниманіе на Азію, которую упустили почти совсѣмъ изъ виду, хотя собственно она предназначена намъ по преимуществу, Азію, куда хотятъ, также по какому-то чутью, хоть и не съ добрымъ намѣреніемъ, отбросить насъ наши враги! Что сдѣлали бы Англичане изъ нашихъ мѣстныхъ и прочихъ отношеній къ Азіи! Чего намъ искать въ Европѣ со стороны вещественныхъ выгодъ? Мнѣ приходитъ на память совѣтъ стараго Добрыни, дяди Владимирова и брата Малуши, ключницы Ольгиной. Увидѣвъ одно изъ побѣжденныхъ имъ племенъ въ сапогахъ, онъ сказалъ своему племяннику: нѣтъ, эти не будутъ платить намъ дани; пойдемъ лучше искать дальше лапотниковъ. Этотъ совѣтъ, извѣстный намъ изъ древней лѣтописи, можетъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, приложенъ быть и къ нынѣшней политикѣ. Европейцы ходятъ не только въ сапогахъ, но даже лакированныхъ, и отъ нихъ поживиться намъ нечѣмъ, да и не для чего, не на-что!

Пусть живутъ себѣ Европейскіе народы какъ знаютъ, и распоряжаются въ своихъ земляхъ, какъ угодно, а намъ предлежитъ еще половина Азіи, Китай, Японія, Тибетъ, Бухара,

Хива, Коканъ, Персія, если мы хотимъ, а можетъ быть и должны распространить свои владѣнія, для разнесенія по Азіи Европейскаго элемента, да возвысится Іафетъ надъ своими братьями.

Старые наши Цари, по своимъ обстоятельствамъ, имѣя слишкомъ много дѣла дома, около себя, не могли простирать своихъ видовъ на какія нибудь отдаленныя владѣнія Азіи, не могли искать тамъ союзовъ и желать непосредственнаго участія въ ихъ дѣлахъ, но они принимали съ готовностью всякій ихъ вызовъ, и поддерживали всѣ сношенія, сколько позволяли имъ обстоятельства. Съ другой стороны примѣчательно, что Азіатскія страны, даже самыя отдаленныя, исконы обращались къ Москвѣ съ выраженіемъ своего усердія и готовности. Съ XV столѣтія, съ основаніемъ Русскаго государства, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, являются въ Москвѣ посольства изъ множайшихъ странъ Азіатскихъ, даже самыхъ дальнихъ. Назовемъ для примѣра Персидское (около 1475), Чагатайское (1489), Грузинское (1492), Шамаханское (1499). Бабуръ, основатель Имперіи Великихъ Моголовъ, присылалъ посольство 1533 г. къ Царю Василію Ивановичу; Цари Хивинскій и Бухарскій къ Грозному, по покореніи подъ его власть Астрахани около 1555, и пр. Не стану напоминать о Кавказскихъ многократныхъ сношеніяхъ этого рода. А Петръ? Петръ думалъ и объ Индіи, и о Китаѣ, и о Персіи, и объ островѣ Мадагаскарѣ. Недавно еще найденъ его указъ брать мальчиковъ для обученія Японскому языку!

Проложите дороги въ Азію или отыщите старыя, устройте сообщенія, хоть по слѣдамъ, указаннымъ Александромъ Македонскимъ и Наполеономъ, заведите караваны, опояшьте желѣзными дорогами Азіатскую Россію, пошлите пароходы по всѣмъ рѣкамъ и озерамъ, соедините ее съ Европейскою (ибо владѣя желѣзными рудниками по всему пространству, имѣя свободныя руки,—не можетъ же быть, чтобъ онѣ обошлись

намъ дороже выписываемыхъ изъ Англіи и Бельгіи), повезите Европейскіе товары, хотя транзитомъ, въ Азію, привезите Азіатскіе товары для себя и для Европейцевъ, изъ самыхъ богатѣйшихъ странъ, какъ Китай и Японія, и вы умножите довольство и обиліе по всему земному шару.

Азія, Европа, вліяніе на весь міръ! Какая великолѣпная будущность для Россіи! А что здѣсь невозможнаго?

Странное дѣло! Ни какъ, ни когда, не могу я остановиться на этихъ мысляхъ о силѣ, могуществѣ, богатствѣ, славѣ. Какія бы блестящія картины ни представляло мнѣ воображеніе, не могу я долго любоваться ими, и тотчасъ опускается предъ глазами моими завѣса, ихъ скрывающая. Начну я за здравіе, и сведу всегда какъ будто за упокой, отвлекая свой мысленный взоръ отъ дальняго горизонта къ настоящей минутѣ!

Не сила, не могущество, не слава, не Европа, не Азія, не золото и серебро, не камни самоцвѣтные намъ нужны, дороги и важны! Нужны, дороги и важны сами мы себѣ, наше развитіе, наше усовершенствованіе въ страхѣ Божіемъ, на поприщѣ нравственности, наукъ, искусствъ, управленія, общежитія, воздѣланіе тѣхъ десяти талантовъ, коими въ такомъ обиліи надѣлилъ насъ Богъ, и съ коихъ потребуется лихва. Мы не только не печемся объ нихъ, не только зарываемъ ихъ, но расточаемъ, умышленно губимъ и уничтожаемъ, святые дары считаемъ опасными, все подъ вліяніемъ внѣшней политики, о чемъ я представлю свои мысли въ слѣдующемъ, послѣднемъ письмѣ, чтобъ раздѣлаться наконецъ съ этимъ несчастнымъ вопросомъ, который совершенно случайно отвлекъ меня отъ моей Исторіи, воспламенилъ мое воображеніе, а потомъ цѣлый годъ давилъ по ночамъ, какъ домовой, и мерещился въ глазахъ безпрестанно по днямъ, какъ противное привидѣніе, такъ что я началъ уже бояться, чтобъ не сойдти съ ума.

XVI

О вліяніи внѣшней политики на внутреннюю.

Ни милліоны войска, которые впродолженіи сорока лѣтъ собирались на службу не Россіи, а мнимому Европейскому порядку и Европейской политикѣ, ни милліарды денегъ, употребленныхъ на ихъ содержаніе, ни потеря лучшихъ вещественныхъ и духовныхъ силъ, вынимавшихся насильно изъ внутренняго кругообращенія, не причиняли намъ столько вреда, какъ нравственное вліяніе внѣшней нашей политики на внутреннюю, и управленіе Россіи по западнымъ явленіямъ.

Вниманіе наше обращалось исключительно на Западъ, и все дѣлалось, или лучше, передѣлывалось у насъ по его образцу, все измѣрялось его мѣрою, все обсуждалось по его кодексу, все цѣнилось по его таксѣ, все зависѣло отъ Европейскихъ воззрѣній, все подчинялось Европейскимъ отношеніямъ.

Нечего говорить, что послѣдній бродяга Европейскій, не только министръ, журналистъ, значилъ у насъ больше всякаго высшаго ума отечественнаго, и съ мнѣніемъ его не смѣлъ входить въ состязаніе самый отличный Русскій талантъ. Какъ принятъ былъ Кюстинъ, возблагодарившій достойно за оказанныя ему почести? Русскіе ордена, розданные Австрійскимъ доброжелателямъ, обратились въ пословицу въ Австріи и Германіи. Прусскихъ вахмистровъ, пріѣзжавшихъ въ Петербургъ съ какимъ-то поздравленіемъ, угощали чуть не за гофмар-

шальскимъ столомъ. Недавно Гизо написалъ, говорятъ, какое-то письмо къ Княгинѣ Ливенъ, которое произвело большое впечатлѣніе! Даже во время войны всякое иностранное мнѣніе важнѣе для насъ домашняго, и предъ пустозвонными словами иностранца мы готовы всегда преклонять главу, а своихъ слушать не хотимъ, самыхъ дѣльныхъ, самыхъ вѣрныхъ и благонамѣренныхъ!

Вліяніе внѣшней политики на внутреннюю, на управленіе, было непосредственное и посредственное, прямое и косвенное.

Непосредственное и прямое: для сохраненія въ Европѣ законнаго, такъ называемаго, порядка, для устраненія противной партіи, для поддержанія нашихъ предначертаній, мы должны были держать всегда на готовѣ милліонъ войска.

Милліонъ войска дѣлалъ необходимымъ безпрестанные рекрутскіе наборы, коими истощалось настоящее народонаселеніе, замедлялось естественное размноженіе, и самыя лучшія, крѣпкія силы обращались на безплодное дѣло. Сколько народа народилось бы въ Россіи впродолженіи сорока лѣтъ, еслибы хоть половина рекрутовъ осталась среди своихъ семействъ.

Умалчиваемъ о домашнемъ разстройствѣ и порчѣ нравственности въ разлученныхъ супругахъ, объ уменьшеніи общаго благосостоянія.

Содержаніе милліона войска поглощало половину государственныхъ доходовъ, коихъ потому не могло доставать на удовлетвореніе самыхъ крайнихъ нуждъ, напримѣръ:

1. На умноженіе жалованья низшимъ чиновникамъ, изъ которыхъ большая часть получаетъ до сихъ поръ едва изъ за хлѣба на квасъ, и съ голода должна прибѣгать ко взяткамъ и другимъ беззаконнымъ средствамъ, входящимъ въ привычку, и исказившимъ совершенно нравственность средняго чиновнаго сословія,

2. На учрежденіе дорогъ и путей сообщенія, кои до сихъ поръ представляютъ вездѣ множество затрудненій, несмотря на нѣкоторыя заботы о нихъ въ послѣднее время, не соразмѣрныя съ возросшими внутренными потребностями и развитіемъ сосѣднихъ государствъ. Если желѣзныя дороги и не выгодны для Россіи, то онѣ необходимы потому, что раскинулись по всей Европѣ. О пользѣ ихъ толковать и спорить ужъ нечего, когда 70 тысячъ Французовъ и Англичанъ, вмѣстѣ съ Турками, гдѣ ни нападутъ на насъ, имѣющихъ полтора милліона войска, вездѣ встрѣчаютъ только триста Спартанцевъ, вездѣ берутъ надъ нами верхъ числомъ: подъ Калафатомъ и Ольтеницей, подъ Журжей и Силистріей, въ Крыму и за Кавказомъ. Еслибъ у насъ были желѣзныя дороги, то настоящая война повелась бы иначе, да едвали бы и началась въ такомъ видѣ.

Не стану доказывать значеніе желѣзныхъ дорогъ при неурожаяхъ: кто помнитъ ужасы голодовъ 1843 и 1845 годовъ, не говоря о всегдашней страшной разности по мѣстамъ цѣнъ на хлѣбъ и другія естественныя произведенія, тотъ можетъ прибавить отъ себя, разумѣется, множество доказательствъ о необходимости желѣзныхъ дорогъ для сокращенія нашихъ непроходимыхъ, неизмѣримыхъ пространствъ, затрудняющихъ всякое сообщеніе—(первое условіе успѣха въ большихъ государствахъ).

3. На улучшеніе состоянія Духовнаго сословія, имѣющаго ближайшее вліяніе на народъ. Коснѣя, не смотря на нѣкоторыя хорошія, но недостаточныя мѣры, въ невѣжествѣ, или въ оковахъ схоластическаго ученія, привыкая съ малыхъ лѣтъ, подъ гнетомъ нужды и даже нищеты, къ жадности, завися вполнѣ съ одной стороны отъ начальства, съ другой отъ паствы, не получая почти никакого живаго понятія о своихъ обязанностяхъ, духовенство не столько распространяетъ

образованіе и нравственность, сколько способствуетъ невѣжеству и расколамъ. Духовенство должно быть возвышено духомъ, обезпечено въ нуждахъ, научено какъ обходиться съ народомъ, очищено отъ педантической ржавчины, избавлено отъ Екатеринина мѣткаго свидѣтельства (уменъ Платонъ, а рѣдькой рыгаетъ).

4. На распространеніе въ народѣ образованія, которое никогда не оказывалось столь нужнымъ, кромѣ высшей, священной своей необходимости, какъ теперь: ибо на всякомъ мѣстѣ, самомъ ничтожномъ, образованію безпрестанно открываются случаи оказывать важныя услуги, приносить великую пользу. И на оборотъ, отсутствіе образованія никогда не было столь ощутительно, и вмѣстѣ столь чувствительно, какъ въ наше время: наши пушки не хватаютъ такъ далеко, какъ иностранныя; наши штуцера бьютъ на 200 шаговъ ближе французскихъ; бомбическихъ пушекъ у насъ несравненно меньше; винтовыхъ пароходовъ не бывало; наши корабли оборачиваются медленнѣе; медиковъ недостаетъ нигдѣ; а наличные, поступая на службу до окончанія курса, не могутъ дѣйствовать успѣшно, и лечатъ не на животъ, а на смерть. Надъ многими нашими генералами смѣются сплошь иностранныя газеты, а собственные солдаты отзываются вотъ какъ: заборникъ у насъ хорошъ, столбы-то плохи. Адресы, оффиціальныя извѣщенія, даже реляціи объ важнѣйшихъ событіяхъ, въ коихъ всякое слово заставляетъ биться сердце, пишутся большею частію безграмотно, непонятно, безтолково, и оставляетъ народъ въ недоумѣніи, вмѣсто того, чтобы ободрять или утѣшать его. Исполненіе самыхъ простыхъ распоряженій встрѣчаетъ часто затрудненіе, единственно вслѣдствіе недоумѣній невѣжества. Взгляните на наши дворянскіе выборы, прислушайтесь къ разговору нашихъ клубовъ, собраній, частныхъ обществъ. Сердце обливается кровью, когда подумаешь, въ какомъ глубокомъ, безчувственномъ невѣжествѣ мы погрязаемъ, не

смотря на нѣкоторый наружный лоскъ и даже блескъ, и какія усилія должно было употреблять правительство для распространенія въ народѣ образованія.

Довольно указанія сихъ четырехъ необходимостей, кои правительство должно было или откладывать или удовлетворять самымъ недостаточнымъ образомъ за неимѣніемъ денегъ.

А что сказать о тѣхъ средствахъ, къ коимъ должно было прибѣгать оно для увеличенія своихъ доходовъ, уходившихъ съ такимъ несчастнымъ успѣхомъ на содержаніе войска? Укажу для примѣра въ этомъ отношеніи на винные откупа, или вообще на винную торговлю, которая развращаетъ народъ самымъ гнуснымъ образомъ, уничтожаетъ благосостояніе семействъ, портитъ нравственность, питаетъ невѣжество, зарождаетъ и распространяетъ тѣлесныя болѣзни, губитъ лучшія силы. Кабакомъ меньше, баталіономъ меньше, говаривалъ покойный министръ Канкринъ. Одной этой жертвы, которая приносилась войску впродолженіи сорока лѣтъ, достаточно, чтобъ привести въ омерзеніе нашу западную политику въ глазахъ всякаго друга отечества.

Наконецъ, вниманіе устремленное исключительно на внѣшнія отношенія и на военную часть, оказывалось естественно недостаточнымъ для всѣхъ прочихъ частей управленія. Посвящая свои труды и заботы чужимъ дѣламъ, мы пренебрегли собственными, и привели ихъ въ бѣдственное положеніе. Мы позабыли, что состояніе военное есть исключительное, отрицательное, временное, что оно есть только необходимое пока зло, слѣдовательно, и военная служба есть служба случайная. Мы потеряли изъ виду высшую цѣль благоустроеннаго гражданскаго общества. Современныя происшествія на Западѣ, гдѣ войско дѣйствительно оказалось главною опорою порядка, якоремъ спасенія, утверждали насъ въ этомъ несчастномъ ослѣпленіи.

Перейдемъ къ посредственному и косвенному влiянiю западной политики на внутреннiя дѣла наши.

Непосредственное и прямое влiянiе, сейчасъ нами вкратцѣ обозрѣнное, все еще было не такъ пагубно, не такъ убiйственно для развитiя высшихъ благороднѣйшихъ силъ народа, для достиженiя первѣйшей, священнѣйшей его цѣли, совершенствованiя, какъ влiянiе посредственное и косвенное, о которомъ предлежитъ теперь рѣчь.

Смотря безпрестанно на Западъ, мы и себя почли Западомъ. Принимая къ сердцу разныя его несчастiя, напримѣръ Французскую революцiю, и слѣдовавшее за нею повсемѣстное потрясенiе законнаго порядка, мы испугались, и сочли себя обязанными, среди неусыпныхъ попеченiй о благѣ подданныхъ, принимать дѣятельныя мѣры, чтобъ и у насъ этотъ законный порядокъ не былъ потрясенъ, и у насъ не произошло Французской революцiи.

Ошибиться на первый разъ было легко, даже естественно, потому что Русское государство представляетъ въ своихъ формахъ много сходства съ западными, и Русскiй человѣкъ сохраняетъ признаки близкаго родства съ прочими Европейскими; у насъ тѣ же какъ будто сословiя, тѣ же какъ будто города, тѣ же какъ будто страсти и побужденiя; бѣдность Русская ни чѣмъ не отличается отъ бѣдности Французской или Италiанской; зависть и ревность Русская отъ Англiйской или Нѣмецкой; значенiе власти вездѣ, кажется, одно и тоже. Одинакiя причины должны производить и одинакiя слѣдствiя. Если Западъ захотѣлъ свободы съ такою силою, то и Востокъ, рано или поздно, будетъ искать ее, и по особымъ своимъ свойствамъ можетъ увлечься до крайностей, еще болѣе ужасныхъ.

Перспектива грозная,—и сама Екатерина, умная, проницательная, добрая и опытная, поддалась оптическому обману,

и подъ конецъ своего славнаго царствованія убоялась страха, идѣ же не бѣ страха.

Опасенія начали водворяться въ правительствѣ.

Нѣкоторыя, случайныя явленія, по временамъ у насъ обнаружившіяся, оправдывали какъ будто новыя опасенія правительства, и содѣйствовали къ утвержденію его системы, которая оказалась наконецъ соотвѣтственною и личному характеру. Таковы суть: возмущеніе Семеновскаго полка (происшедшее отъ излишней взыскательности полковаго камандира); мятежъ 14-го Декабря (занесенный гвардіей изъ Парижа, и укрѣпленный неистовствами Аракчеевскими); возмущеніе Польши (произведенное или возбужденное отчасти, распоряженіями бывшаго намѣстника).

Наши иностранные друзья-предатели старались содержать насъ въ этомъ несчастномъ заблужденіи съ умысла, имѣя въ виду только собственную пользу, то есть устроеніе изъ Россіи самой твердой крѣпости для своихъ враговъ, нарушителей ихъ порядка, которою можно бы всегда было ихъ пугать, въ которой всегда надѣялись бы они имѣть безопасную точку опоры, и на которую, въ случаѣ нужды, удобно было имъ слагать вины предъ своими оппозиціями. Пресловутые ихъ министры, предъ которыми мы обыкновенно преклоняемъ главу свою, и награждаемъ даже пенсіями за вредъ намъ причиняемый, на примѣръ Меттернихъ, не смотря на отъявленную и засвидѣтельствованную ненависть его къ Россіи, толковалъ намъ съ этою цѣлью, что Россія есть такое же государство, какъ и прочія Европейскія государства, и должна опасаться такихъ же болѣзненныхъ судорогъ, какія обнаружились на Западѣ, и предвѣщаютъ его политическую кончину: слѣдовательно мы должны, пока зло не возрасло до западныхъ размѣровъ, поражать его въ самомъ зародышѣ.

Собственные наши, такъ называемые, государственные люди, выходцы и слуги Царской милости, большею частію мало-

свѣдущіе, что касается до Русской Исторіи и до народнаго знанія, охотно слушали предательское шептаніе, (забывая народную пословицу, что Нѣмцу, то есть Европейцу, смерть, то Русскому здорово). Повторять и развивать ихъ доказательства было даже очень пріятно и выгодно для этихъ лѣнивыхъ децемвировъ, которые могли, при сей вѣрной оказіи, доказывать дешевымъ образомъ свою преданность и безкорыстіе. Что за дѣятельность открылась въ правительствѣ! Какая дальновидность, предусмотрительность, распорядительность! Взбѣсились на Западѣ народы, давай сажать насъ на цѣпь. Тамъ распространяются пожары,—отнять у насъ зажигательныя спички, и мы высѣкай огонь опять такъ, какъ высѣкали еще циклопы, дѣти Вулкановы. Тамъ оказалось расположеніе къ простудѣ,—и насъ завертываютъ въ хлопки, хоть наши молодцы норовятъ изъ бани, съ полка, да въ прорубь. У нихъ воспаленіе въ мозгу, а у насъ почечуй, требующій движенія, а держать насъ на привязи, какъ горячечныхъ, значитъ призывать ударъ.

Между тѣмъ за эти мудрыя государственныя мѣры сыпались звѣзды, ленты, кресты, чины, деньги, а намъ то и на руку! Дѣятельность увеличивалась по всѣмъ инстанціямъ.....

И не находилось порядочныхъ людей сказать ослѣпленнымъ: помилуйте, что вы дѣлаете? Западъ катится съ горы, а намъ надо еще взбираться на гору, и какую гору?—такъ зачѣмъ вы стараетесь тормазить наши колеса? ихъ надо подмазывать. Пока нѣтъ холеры, зачѣмъ курить удушливыхъ хлоромъ? Пока нѣтъ Французскихъ и Англійскихъ болѣзней, зачѣмъ намъ здоровымъ, цвѣтущимъ-кровь съ молокомъ, отравляться каломелью? Смотрите—пагубный ядъ, ни дай, ни вынеси за что, разливается у насъ по всему тѣлу, тлѣютъ кости, лезутъ волосы, вываливаются зубы.....

А ларчикъ открывается просто! Стоитъ только понять, что Западъ есть Западъ, а Востокъ есть Востокъ! Что каза-

лось бы яснѣе этой непреложной истины, и между тѣмъ она остается непонятною загадкою для нашихъ механиковъ, и приводитъ ихъ потому въ самое затруднительное и ложное положеніе. Удалившимся отъ природы простое мудренѣе всего, и они ни какъ не хотятъ согласиться, что не можетъ солнце всходить на западѣ, точно какъ не можетъ закатываться на востокѣ; что смѣшно подавать тамъ свѣчи, гдѣ еще свѣтло, и безразсудно оставаться въ потемкахъ, когда солнце сѣло.

Произнося эту простую истину равную другой: дважды два четыре, что Востокъ есть не Западъ, я оказываю можетъ быть важнѣйшую услугу правительству, если оно захочетъ вникнуть поглубже въ ея значеніе, и употребить ее въ дѣло. Эту истину провозглашалъ я съ младыхъ лѣтъ впродолженіи всей своей литературной и ученой дѣятельности, но здѣсь кстати протолковать ее пообстоятельнѣе и представить понагляднѣе. Съ этой цѣлью я долженъ прихватить нѣсколько исторіи, покрайней мѣрѣ, сколько позволятъ предѣлы письма, и показать противоположность Русской исторіи съ исторіею западныхъ государствъ, совершенно одинаковую съ географическою противоположностію Востока и Запада.

Европейскія государства произошли завоеваніемъ, а наше добровольнымъ призваніемъ, повторявшимся нѣсколько разъ въ теченіи вѣковъ совершенно одинаково. Всѣ западныя государственныя учрежденія основаны на законѣ оппозиціи, какъ замѣтилъ самъ Лямене, а коренныя Русскія учрежденія предполагаютъ совершенную полюбовность. Тамъ все подчиняется формѣ, и форма преобладаетъ, а мы терпѣть не можемъ никакой формы. Всякое движеніе хотятъ тамъ заявить и заковать въ правило, а у насъ открытъ всегда свободный путь измѣненію по обстоятельствамъ. Они ищутъ конституцій, хоть и не находятъ ихъ надолго, а Русскій народъ не помышляетъ ни о какихъ конституціяхъ и какія имѣетъ, навязанныя сверху, отъ тѣхъ старается всѣми силами уклоняться.

На Западѣ господствуетъ подозрѣніе и опасеніе, у насъ довѣренность. Западныя сословія питаютъ одно къ другому ненависть, а наши не имѣютъ никакихъ сословныхъ предубѣжденій. Западное дворянство по преимуществу родовое, а наше по преимуществу служебное. Тѣ гордятся своимъ вѣковымъ происхожденіемъ, а наши происходятъ, такъ сказать, ежеминутно, и гордости не могутъ имѣть никакой, кромѣ глупой. Самые документы на свои права жжетъ оно само, а объ остальныхъ не прилагается ни малѣйшей съ его стороны заботы. Переворотъ государственный, революцію, коей нигдѣ подобной не было, все вверхъ дномъ, начинаетъ у насъ первый Императоръ, и продолжаютъ его преемники, а консерватизмъ выражается народомъ, и крайнюю, лѣвую сторону консерватизма, составляющаго вмѣстѣ и оппозицію, представляетъ собою Преображенскій раскольникъ, для котораго одинъ изъ главныхъ вопросовъ состоитъ въ томъ, какъ складывать пальцы для крестнаго знаменія, между тѣмъ какъ на Западѣ нѣтъ и помину о Богѣ, развѣ для формы, и Христіанская религія снизходитъ на степень малочисленной секты. Довольно противоположностей по всей исторіи, приведенныхъ мною въ поясненіе простаго положенія, что Востокъ есть не Западъ.

У насъ другой климатъ съ Западомъ, другая мѣстность, другой темпераментъ, характеръ, другая кровь, другая физіономія, другой взглядъ, другой образъ мыслей, другія вѣрованія, надежды, желанія, удовольствія, другія отношенія, другія обстоятельства, другая Исторія, все другое, а наше правительство ждало и боялося только революціи одинакой!

Всѣ свои дѣйствія и распоряженія соединяетъ оно въ одномъ фокусѣ, и направляетъ къ одной цѣли, чтобъ не допустить революціи въ Россіи, какая происходитъ на Западѣ. Вникая тщательно въ причины и источники бѣдствій западныхъ, оно, въ жару своего рвенія, начало заботиться о мѣрахъ, какъ

ихъ предупредить у себя дома, и, видя тамъ болѣзни, начало искать лекарствъ самыхъ дѣйствительныхъ. Мы были въ этомъ отношеніи счастливѣе, можетъ быть, самаго Запада, потому что попали на самыя лучшія мѣры и открыли самыя вѣрныя лекарства, по пословицѣ: чужую бѣду по водѣ разведу....

Революціонный духъ поддерживается, питается и усиливается на Западѣ свободою книгопечатанія, распространеніемъ образованія, уничтоженіемъ власти. Слѣдовательно, разсуждалось у насъ, для предупрежденія революціи, надо препятствовать распространенію образованія въ народѣ, и ограничивать его однимъ сословіемъ, надо стѣснять печать, и не допускать ни малѣйшаго разсужденія о власти, а на случай возможныхъ покушеній всего лучше учредить строгій тайный надзоръ.

Съ несчастнаго 1848 года эта убійственная система, плодъ Европейскаго воззрѣнія, вѣроломныхъ совѣтовъ и домашнихъ недоразумѣній, возымѣла преимущественно свое дѣйствіе, на пагубу Россіи.

Число студентовъ въ университетахъ ограничено тремя стами громовой ударъ для Русскаго просвѣщенія, возбудившій страшное негодованіе во всемъ образованномъ сословіи. Люди, самые умѣренные, самые спокойные, поколебались въ довѣріи къ благонамѣренности правительства. Голову свою не подумалъ бы я минуту положить на плаху, лишь бы удержать Государя отъ подписанія бумаги. Дѣйствительно съ какой стороны ни смотрѣть на этотъ несчастный указъ, онъ не выдержитъ суда, самаго снисходительнаго. Если университетское образованіе вредно, то за что-жь приносить ему, какъ алчному минотавру, по триста невинныхъ юношей въ годъ? Если университетское образованіе полезно, то за что жъ лишать его остальныхъ? Не конечную ли цѣль гражданскаго общества составляетъ высшее образованіе?

Ограничивая число студентовъ, Правительство показало свое нерасположеніе къ образованію, и у профессоровъ опустились вездѣ руки, прильпнулъ языкъ къ гортани; студенты лишились необходимаго побужденія. Сотвѣтственныя явленія произошли и въ гимназіяхъ: электричество положительное и отрицательное сообщаются одинаково чрезъ всѣ концы длинной цѣпи. Въ самой публикѣ уменьшилось расположеніе учиться даже безъ всякой соразмѣрности съ ограниченнымъ числомъ ваканцій; страхъ не попасть въ университетъ съ такими затрудненіями отгонялъ молодежъ въ другія стороны.

А экзамены при недостаточномъ количествѣ охотниковъ ослабли, и университеты потеряли не только въ отношеніи къ количеству, но и качеству студентовъ.

Вредное вліяніе на распространеніе образованія имѣло еще двѣ мѣры: обложеніе учащихся податьми въ гимназіяхъ и университетахъ, чрезъ что бѣдные, (всегда лучшіе ученики), лишились возможности учиться, и затрудненіе вступать въ Университетъ изъ податныхъ сословій, чрезъ что право учиться предоставилось по преимуществу дворянству, и закрыты для многихъ.

Ученое начальство вслѣдствіе сихъ и другихъ обстоятельствъ, обратило исключительно вниманіе на внѣшнюю сторону своихъ заведеній, что для него, разумѣется, легче, на форму, на такъ называемую нравственность, то-есть наружность, страдательную покорность. Всякое отклоненіе отъ правила казалось ему страннымъ и преслѣдовалось; дарованія не ободрялись, а унижались. Объ ученьѣ, за которое не случалось взысканіе, перестало оно заботиться: лишь бы комнаты были чисты, и ученики тихи, не подавали-бъ повода ни къ какимъ, такъ называемымъ, исторіямъ. Безпечность, лѣность и посредственность ободрились, и невѣжество съ гордостію подняло голову, ученье упало, и начали выходить изъ всѣхъ нашихъ учеб-

ныхъ заведеній люди, не воспитанные, а дрессированные, машины, лицемѣры, такіе исполнители, которыхъ достаточно было на обыкновенное время, а чуть обстоятельства стали помудренѣе, такъ и не сыскалось ни въ которомъ вѣдомствѣ, за кого взяться, даже въ военномъ, бывшемъ предметомъ всѣхъ попеченій; безъ настоящаго образованія, оно показало всю свою жалкую несостоятельность.

Въ уваженіе всѣхъ сихъ несчастныхъ мѣръ, внѣшнее наблюденіе ввѣрялось безъ разбору людямъ, пожалуй, нравственнымъ или благонамѣреннымъ, но не просвѣщеннымъ въ надлежащей степени, и не имѣвшимъ понятія, что такое народъ, государство, наука, ученіе, что такое время, духъ времени и его требованія. Близорукими и пристрастными своими распоряженіями они довершили разстройство, и въ пять-шесть лѣтъ довели его до крайней степени. Нельзя безъ горести смотрѣть на наши университеты, хоть и богатые познаніями и талантами всѣхъ родовъ, и наши гимназіи, помѣщенныя въ великолѣпныхъ чертогахъ, особенно для директоровъ, инспекторовъ и экономовъ.

Литература послѣ своихъ Петербургскихъ оргій, заслуживавшихъ дѣйствительное осужденіе, подвергалась такому же гоненію. Предписаніе за предписаніемъ, и въ Высочайшихъ уставахъ не осталось ни одной живой строки. Ни о какомъ предметѣ богословскомъ, философскомъ, политическомъ, нельзя стало писать. Никакого злоупотребленія нельзя стало выставлять на сцену, даже издали; никакой мысли, которую можно бы приложить къ настоящему времени, въ похвалу или порицаніе,—все равно,—не пропускалось. Самые легкіе намеки подвергались страшному нападенію. Цѣлые періоды Исторіи исключены, а о настоящихъ сословіяхъ, вѣдомствахъ и думать было страшно. Довольно сказать, что старые писатели подвергались новой строгой цензурѣ: и какіе же писатели? Кантемиръ, Державинъ, Карамзинъ и Крыловъ. Классики: Платонъ,

Эсхилъ, Тацитъ, не избѣгли запрещенія,—и литература упала, ограничась только посредственными или гадкими повѣстями, гдѣ позволялось еще попирать подчасъ все священное, точно какъ и въ Французскихъ водевиляхъ и драмахъ, кои такъ любитъ нашъ большой свѣтъ, столько уважающій приличія. Книжная торговля въ послѣднія пять лѣтъ представляетъ одни банкротства. Самая публика пропиталась цензурнымъ духомъ, и всякое сочиненіе, по какой бы то части ни было, лишь бы показывало въ сочинителѣ самобытность, должно было подвергаться всѣмъ возможнымъ кривымъ толкованіямъ, такъ что порядочные люди рѣшились молчать, и на поприщѣ словесности остались одни голодные псы, способные лаять или лизать.

Печатать стало ничего нельзя, а говорить еще менѣе, ибо незванныхъ слушателей даже больше, чѣмъ привилегированныхъ цензоровъ. Малѣйшій знакъ неудовольствія вмѣнялся въ преступленіе, за которое могъ всякій, кто захотѣлъ, привлечь наказаніе или непріятность. Во всякомъ незнакомомъ человѣкѣ предполагался шпіонъ, и печатью молчанія запечатались всѣ уста. Да и говорить не о чемъ: о политикѣ не нужно, о правленіи нельзя, о словесности нечего, о театрѣ скучно,— и зеленые ломберные столы замѣнили всѣ каѳедры и трибуны, а карты, карты, единственное утѣшеніе, драгоцѣнный предметъ глубокихъ размышленій и горячихъ преній, сладчайшее занятіе, единственное искусство, покровительствуемое Правительствомъ, сдѣлались для благороднаго Русскаго дворянства самымъ важнымъ препровожденіемъ времени, дороже всѣхъ Хартій и Конституцій, настоящій Habeas corpus въ буквальномъ смыслѣ слова!

Тайная наша полиція, со времени своего основанія, ввѣрялась людямъ большею частію добродушнымъ, и въ 30 лѣтъ найдутся не многіе примѣры страдальцевъ отъ ея дѣйствій,

кромѣ нѣсколькихъ молодыхъ людей, болѣе или менѣе виноватыхъ по легкомыслію или невѣжеству, но вредна и пагубна идея ея существованія, удушливъ страхъ, хоть и не основательный, ею внушаемый! Филиппъ II давно истлѣлъ въ гробѣ; но духъ его носится тягостной мглой надъ несчастной Испаніей, и она не можетъ приподняться нравственно послѣ его инквизиціоннаго угнетенія. Вотъ что значатъ учрежденія въ исторіи государствъ!

Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о богопочитаніи, которое Правительство хочетъ внушить народу передъ властію. Власть нужна и священна, но злоупотребленіями своими власть ослабляется гораздо больше, нежели свободными сужденіями объ ея дѣйствіяхъ. Злоупотребленій не скроешь отъ тѣхъ, кого онѣ касаются. Увидя ихъ, напримѣръ, на сценѣ, страдающіе развѣ увидятъ что нибудь для нихъ новое? Нѣтъ, указаніе злоупотребленій можетъ послужить пособіемъ власти, которая, принимая оное къ свѣдѣнію, подвергая гласности, сложитъ тѣмъ съ себя часть вины, докажетъ свою благонамѣренность, и вмѣстѣ твердость. А безъ гласности, разумѣется, въ предѣлахъ благоразумной осторожности, всякая ложь, неправда, обманъ, получаютъ право гражданства въ государствѣ, чему примѣръ и доказательство мы видимъ въ нашихъ оффиціальныхъ отчетахъ, по которымъ Россія благоденствуетъ, Россія — на дѣлѣ алчущая, жаждущая, тоскующая, незнающая, что дѣлать съ своими силами, расточающая блудно Божіи дары.

Невѣжи славятъ ея тишину, но эта тишина — кладбища гніющаго и смердящаго, физически и нравственно. Нѣтъ! О такой тишинѣ не выгодно отзовется безпристрастная Исторія! Рабы славятъ ея порядокъ. Нѣтъ! Такой порядокъ поведетъ ее не къ счастью, не къ славѣ, а въ пропасть!

Государь, очарованный блестящими отчетами, не имѣетъ вѣрнаго понятія о настоящемъ положеніи Россіи. Ставъ на

высоту недосягаемую, онъ не имѣетъ средствъ ничего слышать: никакая правда до него достигнуть не смѣетъ, да и не можетъ; всѣ пути выраженія мыслей закрыты, нѣтъ ни гласности, ни общественнаго мнѣнія, ни аппеляціи, ни протеста, ни контроля.

Въ какомъ положеніи находится онъ, въ такомъ и всѣ его Министры, всѣ начальники, изъ которыхъ каждый представляетъ собою въ своемъ вѣдомствѣ самодержавнаго государя, и также не имѣетъ никакой возможности узнать правды о своей части; никто ему не скажетъ ея, и никто не смѣетъ сказать, боясь попасть на замѣчаніе, возбудить подозрѣніе. Всякій думаетъ только о снисканіи благосклонности начальника предусмотрѣніемъ его мыслей и желаній, предугаданіемъ его намѣреній. Одуренному безпрерывнымъ кажденіемъ лести, развращенному мнимыми успѣхами, въ лентахъ и звѣздахъ, ему естественно уже счесть себя геніемъ, непогрѣшительнымъ, подобно Далай-Ламѣ. Всякое затмѣніе онъ вскорѣ уже считаетъ личнымъ для себя оскорбленіемъ, неуваженіемъ власти, злоумышленіемъ либерализма. Кто не хвалитъ его, тотъ безпокойный человѣкъ. Не давать ему ходу. А бездарностямъ, подлостямъ, посредственностямъ, то и на руку: какъ мухи на медъ налетаютъ они въ наши канцеляріи, а еще охотнѣе въ комитеты, гдѣ скорѣе, безъ всякаго труда, награждаются за отличіе. Всѣ они составляютъ одну круговую поруку, дружеское, тайное, масонское общество, чуютъ всякаго мыслящаго человѣка, для нихъ противнаго, и поддерживая себя взаимно, поддерживаютъ и всю систему, систему бумажнаго дѣлопроизводства, систему взаимнаго обмана и общаго молчанія, систему тьмы, зла и разврата, въ личинѣ подчиненности и законнаго порядка.

А между тѣмъ дѣла становятся часъ отъ часу мудренѣе; отношенія сложнѣе; умнѣйшихъ людей стараго, даже недавно

прошедшаго времени не достаетъ для новыхъ обстоятельствъ, (Луи-Филиппъ, Гизо, Тьеръ, Одильонъ Барро, Ледрю Ролленъ, Луи-Бланъ, Англійское министерство талантовъ служитъ тому доказательствомъ), а мы хотимъ пробавляться не только старыми людьми, но и старыми формами, которыя обветшали даже просто отъ времени, точно какъ изнашивается платье, съ начала прекрасное, щегольское, дорогое, а подъ конецъ повислое въ лохмотьяхъ.

О народѣ, который трудится, проливаетъ кровь, несетъ всѣ тягости, страдаетъ, и между тѣмъ дышетъ любовію, самою чистою преданностію къ Царю и отечеству, ни у кого и мысли нѣтъ. Народъ какъ будто не существуетъ нравственно, извѣстный только по вѣдомостямъ Казенной Палаты!

Таково ужасное состояніе Россіи! Я разсматривалъ его только съ нѣкоторыхъ сторонъ, а что было бы, если бы обозрѣть всѣ:—судопроизводство, жизнь духовенства, дворянское воспитаніе, столичную роскошь, взяточничество подъ всѣми его видами, проникнувшее до самаго престола?

Страшная представилась бы картина! Лукавіи рабы и невѣрніи, что сдѣлали мы съ своими десятью, съ своими десять разъ десятью талантами! И все это преимущественно вслѣдствіе ложнаго страха имѣть западную революцію!

. . . . . Революція произошла на западѣ изъ своихъ сѣмянъ. Этихъ сѣмянъ не было брошено исторіею въ начало нашего государства, какъ онѣ были брошены на западѣ, и потому революціи такой у насъ не будетъ, да и не можетъ быть. Мы испугались ее понапрасну. Мы убоялись страха, идѣже не бѣ страха. Напрасно мы начали останавливать у себя образованіе, стѣснять мысль, преслѣдовать умъ, унижать духъ, убивать слово, уничтожать гласность, гасить свѣтъ, распространять тьму, покровительствовать невѣжеству.

Напрасно потому, что образованіе принесло бы намъ существенную пользу, мысль увеличила бы нашу силу, а тьма привела насъ на край пропасти, на которой мы теперь и дрожимъ, не смѣя смотрѣть, ни вверхъ, ни внизъ, съ собственными болѣзнями, (а чужія впереди), безъ присмотра, на рукахъ у пустыхъ, легкомысленныхъ и необразованныхъ, неприготовленныхъ подлекарей и фельдшеровъ, которые отъ роду не слыхали никакихъ курсовъ, не читали никакой книги, не держали никакого экзамена, не умѣютъ написать никакой строки, не только рецепта, не имѣютъ ни какого понятія о медицинѣ, а лечатъ только усердіемъ, какъ Гоголевъ Земляника, да небережливостію.

Объ этихъ болѣзняхъ я почитаю обязанностію сказать нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что враги, сами по себѣ, или надоумленные друзьями, могутъ воспользоваться ими къ конечному пораженію России.

Къ вамъ обращу я рѣчь свою Милостивые Государи, глубокомысленные наши политики, тайные и дѣйствительные, тайные и явные совѣтники и кавалеры, прошу прислушать:

Мирабо для насъ не страшенъ, но для насъ страшенъ Емелька Пугачевъ. Ледрю Ролленъ со всѣми коммунистами не найдутъ у насъ себѣ приверженцевъ, а передъ Никитой Пустосвятомъ разинетъ ротъ любая деревня. На сторону къ Маццини не перешатнется никто, а Стенька Разинъ лишь кликни кличь! Вотъ гдѣ кроется наша революція, вотъ откуда грозятъ намъ опасности, вотъ съ которой стороны стѣна наша представляетъ проломы,—перестаньте же возиться около западной, почти совершенно твердой, и принимайтесь чинить восточную, которая почти безъ присмотра валится и грозитъ паденіемъ!

Не приведи Богъ видѣть Русскій бунтъ, безсмысленный и безпощадный, сказалъ Пушкинъ, котораго государственныя

способности не умѣли оцѣнить близорукіе и тупые современники, думавшіе, что онъ только стишки писать, да шутить умѣетъ.

Казенный крестьянинъ живетъ у насъ такъ, удѣльный иначе, помѣщики же управляютъ по своему крѣпостными крестьянами, всякой молодецъ и немолодецъ на свой образецъ. Добрымъ людямъ до сихъ поръ не приходитъ еще въ голову спросить: да отъ чего же намъ всѣмъ не ровная жизнь? А можетъ быть имъ въ самомъ дѣлѣ всѣмъ ровная жизнь: всѣмъ худо! Помѣщичье спасеніе въ дурномъ управленіи Государственныхъ имуществъ, которое впрочемъ одно, въ пополненіе нашихъ противорѣчій, заботится объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ, чтобъ перевести ихъ изъ огня да въ полымя! Но улучшись жизнь казеннаго крестьянина—будьте увѣрены что этотъ вопросъ въ самой нелѣпой, можетъ быть, формѣ представится какому нибудь безсрочно-отпускному Окопелю, и заварится каша крутая. Да и теперь не убиваютъ ли ежегодно до тридцати помѣщиковъ—искупительныя жертвы за право тиранства остальныхъ? Вѣдь это все мѣстныя революціи, которымъ недостаетъ только связи, чтобъ получить значеніе особаго рода! Онѣ усмиряются порознь, но несчастные крестьяне, которые, выведенные изъ терпѣнія, берутъ ножъ въ руки, и подвергаются за то кнуту и каторжной работѣ въ сибирскихъ рудникахъ, неужели не заслуживаютъ лучшей участи? Вѣдь это тѣ же самые люди, что теперь священнодѣйствуютъ въ Севастополѣ съ такимъ мужествомъ, съ такимъ самоотверженіемъ, и спасаютъ не только Русскую честь, но даже наше значеніе, нашу будущность!

Мы говорили о великой Россіи, а въ какомъ положеніи находится западная граница? Въ Бѣлоруссіи крестьяне томятся въ нищетѣ и всю свою жизнь только борятся съ голодомъ и холодомъ: ребятишки, прыгая на станціяхъ около коляски путешественника, кричатъ: завтра воскресенье, съ солью ядуць.

Волынь и Подолія, Кіевская область, стонутъ подъ игомъ католиковъ, Поляковъ и жидовъ. Безпрестанно встрѣчаются такія обстоятельства, кои приводятъ правительство въ затрудненіе или фальшивое положеніе, и заставляютъ принимать мѣры безчеловѣчныя. Напримѣръ нѣсколько тысячь крестьянъ, чтобы избавиться отъ помѣщиковъ, вызвались недавно въ Кіевской губерніи идти въ казаки, чтобъ умереть за отечество, и были разогнаны пушками, преданы военному суду, и сосланы за великодушный вызовъ на поселеніе.

Другіе ждали свободы, по завѣщанію покойнаго Гусударя Николая Павловича, и отказались работать на помѣщиковъ, за что, разумѣется, были наказаны.

Сколько горючаго вещества по всей западной границѣ, съ которой въ сосѣдствѣ Малороссія! Когда нибудь терпѣнію будетъ конецъ, попадетъ одна несчастная искра, и все вспыхнетъ! Вспомните Коліевщину, вспомните послѣдніе ужасы въ Галиціи! А исторія военныхъ поселеній! Не надо забывать, что теперь могутъ являться люди подученые, подготовленные за границею для произведенія всякихъ замѣшательствъ. Есть кому сочинить ихъ и подсылать: западная пропаганда дѣятельна! Не надо забывать, что Поляки разсыпаны въ Россіи вездѣ, и знаютъ коротко наши отношенія Были же опыты зажигательства по всей Россіи, которыхъ не могла никакъ развѣдать наша полиція. Представьте себѣ вторженіе напримѣръ хоть со стороны Бессарабіи, а есть и другія стороны открытыя!

Обнаруживаются иногда намѣренія и благія, напримѣръ въ особомъ управленіи для казенныхъ крестьянъ, въ постановленіи объ обязанныхъ крестьянахъ, инвентари, но это только порывы, бѣглыя мысли, случайности, которыя приносятъ больше вреда, чѣмъ пользы, представляясь второпяхъ, изъ частныхъ видовъ, недозрѣлыя, недопеченыя, необдуманныя, необсуженныя со

всѣхъ сторонъ, а главное неподверженныя критикѣ, о которой въ правительствѣ у насъ помину еще меньше, чѣмъ въ литературѣ. Онѣ составляютъ обыкновенно предметъ личныхъ распрей, въ коихъ первоначальная цѣль и общее дѣло вскорѣ упускаются изъ виду и пропадаютъ.

Вторая болѣзнь, вторая опасность грозитъ Россіи со стороны раскольниковъ. Ихъ можетъ быть найдется до семи милліоновъ, и они умножаются безпрестанно. Появляются безпрестанно новыя секты, одна другой нелѣпѣе и враждебнѣе, возбуждаясь алчбой необходимой народу духовной пищи, (которой онъ не получаетъ ни отъ духовенства, ни отъ правительства, ни отъ общества, ни отъ печати),—питаясь и укрѣпляясь общимъ невѣжествомъ. Казаки, Сибирь, новая Россія, Кавказъ, предлагаютъ имъ вѣрныя и спокойныя убѣжища. А въ послѣднее время явилась Австрія съ архіерейскою каѳедрою для раскольниковъ! Наше духовенство, слишкомъ мало въ высшемъ смыслѣ улучшающееся, несоразмѣрно съ возрастающими быстро потребностями времени, духовенство, которое дѣлается, можетъ быть, книжно ученѣе, но не жизненно образованнѣе, и потому отдѣляется еще болѣе отъ простаго народа, презираемаго имъ по семинарскимъ своимъ понятіямъ, духовенство, жадное по происхожденію, въ крайней нуждѣ и заботахъ о тягостной будущности, подаетъ своими притѣсненіями и послабленіями, своимъ поведеніемъ и невѣжествомъ, новые поводы къ отпаденію, которыми старые раскольники умѣютъ пользоваться. Земская полиція содѣйствуетъ вездѣ расколу, потому что всякій раскольникъ есть ея оброчный мужикъ и всякая секта—самая выгодная статья. Мѣстные начальники, даже высшіе, по тѣмъ и другимъ причинамъ представляли вездѣ затрудненія для исполненія послѣднихъ мѣръ правительства возсоединить раскольниковъ съ единовѣріемъ.

Недавно сдѣлано было нѣсколько хирургическихъ операцій, можетъ быть, удачныхъ, но онѣ тотчасъ были испорчены не

только противниками, но самими операторами по недостатку вѣрныхъ понятій и по шаткости системы.

Всѣ раскольники, если не ненавидятъ правительства, по крайней мѣрѣ такъ расположены и настроены, что легко могутъ быть обращены противъ него, видя въ немъ своего притѣснителя.

Между раскольниками есть множество крѣпостныхъ. Придайте же тому бунту, котораго такъ страшился Пушкинъ, характеръ религіозный, что будетъ? Явись въ какой нибудь Архангельской или Вологодской глуши Шамиль, Пугачевъ или Разинъ: онъ можетъ пройдти, проповѣдуя, тріумфальнымъ маршемъ нѣсколько губерній и надѣлать правительству больше хлопотъ, чѣмъ бунтъ Екатерининскаго времени.

Третья естественная наша болѣзнь и опасность со стороны Польши. Побесѣдуйте откровенно съ лучшимъ и добрѣйшимъ Полякомъ, воспитаннымъ на счетъ правительства въ Русскомъ университетѣ или корпусѣ, лѣтъ десять проживавшемъ въ Россіи, женатымъ, пожалуй, на Русской, и имѣющимъ православныхъ дѣтей,—и если вы имѣете хоть малую долю здраваго политическаго смысла, то удостовѣритесь послѣ такого разговора, что оставить Польшу въ настоящемъ положеніи не возможно, не должно, не выгодно, опасно. Я предположилъ добраго, честнаго, благороднаго Поляка, а прочіе?

Таковы наши внутреннія язвы, которыя, повторяю, могутъ быть развережены, и при помощи общаго разстройства, произведеннаго ложною системою, соединиться съ внѣшнею грозою, на пагубу Россіи.

Враги, надо отдать имъ честь, выбрали самое благопріятное для себя время, чтобы нагрянуть на Россію, не допустить ее до постиженія своихъ преимуществъ, и благаго употребленія удивительныхъ своихъ силъ, чтоб остановить ее на пути ея побѣдъ и величія, оттолкнуть назадъ, какъ говорятъ они, на двѣсти

лѣтъ и лишить надежды на перемѣну къ лучшему: умъ притуп ленъ, воля ослабѣла, духъ упалъ, невѣжество распространилось, подлость взяла вездѣ верхъ, слово закоснѣло, мысль остановилась, люди обмелѣли, страсти самыя низкія выступили наружу, и жалкая посредственность, пошлость, бездарность взяла въ свои руки по всѣмъ вѣдомствамъ бразды управленія. Священный союзъ между Царемъ и народомъ потрясенъ!

Тяжкое время,—но живъ Богъ Русскій! На него надѣемся и не постыдимся. Силенъ Онъ укрѣпить ослабѣлое и поднять низпадшее! Добро не угасло на Святой Руси. Тамъ, въ глуши, въ захолустьяхъ, въ пещерахъ, въ пустыняхъ, мерцаютъ святыя искры. Да и въ насъ, развращенныхъ, на днѣ нашихъ душъ, онѣ еще не погасли, онѣ могутъ возгорѣться!...

Опасности вызовутъ ихъ наружу, и святой огонь загорится, и благодатный свѣтъ просіяетъ и озаритъ тьму, и просвѣтимся и увидимъ!

Покаяніе, терпѣніе, вѣра, надежда, любовь!

Законовъ вдругъ не сочинишь, людей вдругъ не отыщешь, злоупотребленій не уничтожишь, пороковъ не искоренишь, съ привычками вдругъ не разстанешься: на все нужно время!— Опрометчивая ломка причинитъ еще больше вреда! Сначала довольно стать на новую точку, посмотрѣть на вещи съ другой стороны и объяснить себѣ цѣль.

А лекарство на первой случай легкое, удобное и безопасное, общее, специальное для облегченія, если не для исцѣленія всѣхъ болѣзней, естественныхъ и искуственныхъ, своихъ и наносныхъ, для борьбы съ внѣшними врагами, войною и неутралитетомъ, для борьбы со внутренними врагами, которые для насъ гораздо опаснѣе и вреднѣе, есть *гласность*, то есть, то лекарство, которое подъ угрозою казни запрещала намъ западная наша политика.

Посредствомъ гласности будутъ вразумляться начальники, посредствомъ гласности будетъ пріобрѣтать, со всѣхъ сторонъ, лучшія и вѣрнѣйшія свѣдѣнія правительство, посредствомъ гласности будутъ дѣлаться извѣстными способнѣйшіе люди, казниться злоупотребленіе, посредствомъ гласности возродится и утвердится общественное мнѣніе!

Второе общее лекарство, или лучше другое первое, образованіе. Образованіе основательное, пространное, прикладное, дѣловое, благочестивое, проведенное жолобами по всѣмъ удоліямъ общества, даже до послѣднихъ земли, въ глубочайшіе рудники каторжной работы, безъ всякихъ исключеній, ограниченій, стѣсненій по званіямъ, а по одному святому правилу: душа— мѣра, кто сколько по своимъ силамъ и желаніямъ получить его можетъ. Такое образованіе, проникая во всѣ должности, воздѣйствуетъ благотворнѣе всякихъ узаконеній, будетъ постепенно исправлять зло, и сѣять добро.

Одинъ образованный, усердный, дѣятельный начальникъ,— и цѣлая часть, ввѣренная его попеченію, при системахъ гласности устроенная, помогаетъ прочимъ примѣромъ, порядкомъ и подготовленіемъ чиновниковъ! Одинъ губернаторъ съ такими видами,—и пятидесятая часть Россіи благоденствуетъ, а другой третій —и всѣ люди не узнаютъ себя, тѣ же, да не тѣ станутъ въ такомъ общемъ движеніи.

И въ блестящемъ свѣтѣ представляется будущее! А можетъ быть, это только не сбыточныя мечтанія! Можетъ быть и мы осуждены на такое же безплодное исканіе, какъ и Западъ, который предъ нашими глазами ищетъ тщетнаго исцѣленія своихъ болѣзней, и попадаетъ большею частію на такія лекарства, которыя увеличиваютъ еще болѣе ихъ ярость! Такова судьба Государствъ: въ мукахъ родится человѣкъ, въ страданіяхъ живутъ общества; подъ всѣми формами правленія одинаковы несчастія! Можетъ быть, и мы, недовольные настоящимъ порядкомъ вещей, видящіе ясно всѣ его недостатки,

накличемъ на своихъ дѣтей новыми своими мѣрами, кои кажутся намъ столь вѣрными и дѣйствительными, полезными и благотворными, еще больше зла, чѣмъ сколько испытали сами. Можетъ быть, мы новыми своими дѣйствіями увеличимъ только число несчастныхъ опытовъ, въ утвержденіе вѣчной истины, провозглашенной откровеніемъ, и дознаваемой искренними размышленіями, что все земное есть ложь,—и человѣкъ и государство, что Исторія представляетъ однѣ преходящія формы, и что этому треволненному свѣту вѣрное пристанище на небѣ, гдѣ всѣ наши поиски приведутся къ одному знаменателю.

Что будетъ, то будетъ. По крайней мѣрѣ непреложный долгъ совѣсти велитъ человѣку искать истины, дѣйствовать по своимъ убѣжденіямъ, и сообщать собратіямъ, что̀ ему въ извѣстную минуту представляется полезнымъ.

Вотъ куда завлекла меня мысль по пути моихъ политическихъ разсужденій о политикѣ внѣшней и внутренней.

Остановлюсь и объясню здѣсь кстати ихъ происхожденіе.

Начались онѣ случайно, по вызову одной доброй, любящей отчизну женщины. Слово за слово, мнѣ захотѣлось послужить кстати любезнымъ своимъ единоплеменникамъ Славянамъ, которыхъ судьба съ младыхъ лѣтъ возбуждала сердечное мое участіе. Потомъ увидѣлъ я самое удобное время для убѣжденія въ предательскихъ дѣйствіяхъ Австріи, коротко мнѣ извѣстныхъ, и въ отношеніи къ Славянамъ, и въ отношеніи къ Россіи Текущія событія меня возбуждали, какъ возбуждали и весь народъ, вышедшій какъ будто изъ долговременнаго сна: я услышалъ толки о политикѣ отъ такихъ людей, которые вовсе не имѣли понятія, что такое политика,— и почелъ долгомъ сообщить моимъ соотечественникамъ то, что я зналъ по моимъ отношеніямъ о разныхъ важныхъ предметахъ, и чего не знаютъ другіе. Событія совершавшіяся утверждали меня въ моихъ убѣжденіяхъ. Мои предсказанія сбывались, я почувствовалъ смѣлость. Общее сочувствіе, выражаясь

самымъ лестнымъ для меня образомъ, ободряло меня еще болѣе, и я продолжалъ писать. Разгорячаясь болѣе и болѣе, я думалъ, что наконецъ наступило время исполненія моихъ самыхъ задушевныхъ, завѣтныхъ надеждъ. Вся Русская Исторія, казалось мнѣ, стремится къ своему увѣнчанію. Мысли толпились въ головѣ моей и я хотѣлъ высказать все.

Послѣдніе вопросы о внутренней политикѣ я имѣлъ въ виду еще прежде настоящей войны изложить въ особомъ сочиненіи, и представить на благоусмотрѣніе Правительства по окончаніи моей Исторіи, которая, надѣялся я, сообщитъ моимъ мнѣніямъ болѣе вѣса: но ей нужно еще, можетъ быть, лѣтъ пять, а событія, одно другаго важнѣе, слѣдуютъ безпрерывно, и всякая минута можетъ перемѣнить ходъ, даже лице всего дѣла.

Сановники наши молчатъ, всѣ тѣ, которые имѣли бы не только право, но даже обязанность говорить — и Орловъ, и Киселевъ, и Воронцовъ, и Ермоловъ, и Блудовъ, и Филаретъ. Чего боятся они, имѣя по 70—80 лѣтъ и занося уже ногу въ могилу, — это знаютъ они. Неужели сказать правду въ минуту опасности не позволительно, страшно, не возможно безъ возбужденія подозрѣній въ злоумышленіи? Они позабыли всю Русскую Исторію, они позабыли, что даже недавно, на ихъ памяти, говорили Александру, — и кто же? Шишковъ, Толстой, Аракчеевъ, Балашевъ, Волконскій: оставьте армію, вы здѣсь мѣшаете, ваше мѣсто теперь въ столицѣ, — и Государь ихъ послушался. Шишковъ не былъ однакожъ краснымъ революціонеромъ, Аракчеевъ не принадлежалъ къ партіи коммунистовъ, Толстой не имѣлъ понятія о масонскихъ ложахъ, Балашевъ не отличался стремленіемъ къ гуманному прогрессу, и Волконскій не славился любовью къ словесности, не умѣя, вмѣстѣ со всѣми почти прежними государственными людьми, двухъ строкъ написать правильно по Русски. Слѣдовательно

можно осуждать и спорить, безъ всякихъ заднихъ мыслей, руководствуясь одною любовію къ отечеству.

Я рѣшился перемѣнить прежній планъ, и сказать немедленно свое мнѣніе и о внутренней политикѣ, покрайней мѣрѣ поколику она зависѣла отъ внѣшней. Картина вышла, разумѣется, неполная, ибо всѣ отрасли управленія тѣсно соединены между собою, и если однѣ страдаютъ подъ вліяніемъ внѣшней политики, то и другія, самыя отдаленныя, терпятъ; но распространяться о нихъ я считалъ теперь неумѣстнымъ и безвременнымъ, тѣмъ болѣе, что и ближайшія соприкосновенности представляютъ довольно для размышленія. Разумѣется, я могъ и могу ошибаться, увлекаться и заблуждаться — не имѣю притязанія на непогрѣшительность, но смѣло могу сказать, что говорилъ свое мнѣніе искренно, по долгу присяги, въ желаніи добра отечеству, какъ православный Русскій человѣкъ, вѣрноподданный, служитель науки.

Слишкомъ лестно мнѣ, хоть и прискорбно сдѣлаться гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Часто выражалъ я открыто свои мысли о внѣшней нашей политикѣ. Государю Императору угодно было выслушивать ихъ не только съ благоволеніемъ, но даже благодарностію за мою вѣрноподданическую искренность, не смотря на грубую часто форму, которой я не заботился сглаживать, обращая вниманіе на дѣло, а не на слово. (Ясное доказательство, что вина преступнаго молчанія падаетъ большею частію на его приближенныхъ.) Смѣю надѣяться, что и настоящее мое письмо обратитъ на себя вниманіе, какъ плодъ многолѣтнаго размышленія. Карамзина и Пушкина призываю въ свидѣтели искренности моихъ словъ, Карамзина, который передъ кончиною благословилъ меня на историческое дѣланіе, Пушкина, который раздѣлялъ и ободрялъ мои убѣжденія.

Отцы и братія! Примите съ любовію представляемое съ любовію, воспользуйтесь дѣльнымъ, отбросьте недѣльное, и не помяните меня лихомъ!

XVII.

Миръ или война—что лучше?

Положимъ, скрѣпя сердце на эту пору: миръ лучше войны.

Но мира честнаго, даже сноснаго, намъ не даютъ, не дадутъ, не хотятъ, да и едвали могутъ.

Четырьмя гарантіями враги только закрывали свои намѣренія, въ твердой надеждѣ, что мы ихъ отвергнемъ, и они останутся на долго въ глазахъ газетной публики великодушными рыцарями чести и безкорыстія. Съ четырьмя гарантіями они розыгрывали ту же комедію, что съ Вѣнской нотою, которую лишь только приняли мы, какъ они объявили намъ войну.

Мы согласились теперь на четыре гарантіи, хотя недавно еще считали ихъ невозможными и безчестными,—враги начнутъ, по прежнему, переговоры, чтобъ выиграть время, продержать насъ безъ дѣйствія въ напрасныхъ ожиданіяхъ, и не допустить до надлежащихъ приготовленій, а между тѣмъ сами будутъ собираться съ новыми силами, чтобъ ударить на Россію со всѣхъ сторонъ, какъ можно рѣшительнѣе, сквозь душу ея «провести оружіе».

Они проговаривалися даже прежде въ подобной цѣли своихъ переговоровъ, чего мы какъ будто не слыхали; такъ и теперь предполагаемъ кончить дѣло полюбовно, на нотахъ! Чтобъ не пришлось безъ нотъ запѣть другимъ голосомъ.

Въ гарантіяхъ нѣтъ ничего существенно полезнаго для Англіи и Франціи: по Дунаю суда ихъ не плаваютъ, Черное море было для нихъ открыто всегда; въ военное время оно отпирается и безъ трактата, какъ нынѣ, а въ мирное военнымъ кораблямъ дѣлать тамъ нечего; отъ покровительства Молдавіи и Валахіи не будетъ ни тепло, ни холодно, какъ не было отъ общаго съ Россіей покровительства Греціи; общее покровительство христіанъ, въ прежнемъ смыслѣ, исполнялось уже отчасти, а другой смыслъ, т. е. западная пропаганда, всегда можетъ дать предлогъ къ войнѣ. Что же онѣ выигрываютъ? Ничего.

Такъ неужели Англія и Франція воевали даромъ? Можетъ ли быть, чтобъ онѣ напрягали всѣ свои силы, приносили чрезвычайныя жертвы, подвергались ужаснымъ потерямъ, лили свою кровь только для интереснаго препровожденія времени? За спасибо или даже безъ спасиба мы могли спасти Австрію, или избавить Султана Махмуда отъ притязаній Египетскаго паши, а Франція и Англія не такъ просты, или не такъ великодушны!

Для Австріи и Германіи четыре гарантіи напротивъ важны и существенно полезны. Онѣ во снѣ не могли ихъ никогда видѣть, мечтать объ нихъ онѣ не смѣли. Унизивъ насъ до крайности, довольныя натасканными изъ огня каштанами, онѣ, можетъ быть, удовольствуются ими, и будутъ стараться о заключеніи мира.

Да старанія-то ихъ останутся безуспѣшными и онѣ будутъ принуждены насильно пристать къ той или другой сторонѣ.

Разумѣется, по всѣмъ предыдущимъ отношеніямъ и дѣйствіямъ, по сатанинскому духу, ими управляющему, выборъ ихъ, преимущественно ослѣпленной Австріи, склонится по прежнему къ западу.

Зимою Австрійцы будутъ манить насъ льстивыми обѣщаніями, дружественными увѣреніями, довѣренными посольствами, собственноручными письмами, — а придетъ весна, такъ и явятся непремѣнно вмѣстѣ съ прочими врагами, приславъ, пожалуй, трогательное объясненіе, что они продолжаютъ любить насъ по прежнему, отъ всей души принимаютъ сердечное участіе въ нашемъ тягостномъ положеніи, желаютъ намъ выйдти изъ него съ наименьшими потерями, чему рады въ свое время содѣйствовать, а теперь принуждены уступить необходимости, общему мнѣнію, духу времени, требованію обстоятельствъ, собственной опасности, и тысячи общихъ мѣстъ, кои всегда найдутся, какъ захочешь оправдаться въ зломъ дѣлѣ. И мы будемъ имѣть къ веснѣ противъ себя волей или неволей, раньше или позднѣе, такъ или иначе, всю Европу безъ исключенія.

Эту мысль должны мы ни на минуту не выпускать теперь изъ виду, точно какъ не должны были выпускать ее никогда и прежде, хоть враги наши твердили безпрестанно о мирѣ, и дипломаты наши, какъ будто въ заговорѣ съ ними, ласкали насъ безпрестанно надеждами на миръ.

Миръ, Миръ! «Егда бо рекутъ миръ и утвержденіе, тогда внезапу нападетъ на нихъ всегубительство, яко же болѣзнь во чревѣ имущей, и не имутъ избѣжати. Вы же, братіе, нѣсте во тьмѣ, да день васъ яко же тать постигнетъ».

Всѣ наши уступки не принесли намъ ничего больше, кромѣ ужаснаго вреда и ужаснаго стыда.

Чѣмъ больше будемъ мы уступать, тѣмъ больше будутъ съ насъ требовать. Если нынѣ нужны врагамъ Севастополь и Черноморскій нашъ флотъ для обезпеченія Турціи, то завтра понадобятся Свеаборгъ и Балтійскій флотъ для обезпеченія Швеціи, и такъ далѣе. Чѣмъ больше будемъ мы

унижаться, тѣмъ пуще будутъ бить насъ, а и такъ уже кровь льется у насъ изъ носу, изъ ушей и изо рта—платковъ не наготовимся.

Давно ли мы должны были оправдываться въ Синопской побѣдѣ послѣ того, какъ у насъ былъ выжженъ и занятъ фортъ С.-Николая и вырѣзанъ мучительски весь гарнизонъ? Давно ли должны были оставить осаду Силистріи, подъ которою пролито столько крови Русской? Давно ли воротились мы изъ за Дуная въ угоду Австріи, оставивъ кресты, тамъ воздвигнутые? Давно ли вышли мы изъ Молдавіи и Валахіи, въ уваженіе Германскихъ интересовъ, между тѣмъ какъ нашъ собственный Крымъ подвергся разоренію, а Севастополь, важнѣйшая точка Имперіи, нападенію, какихъ не бывало въ лѣтописяхъ войны? Давно ли враги осмѣливались спрашивать отъ насъ залоговъ, чтобъ мы не нападали впредь на Турцію, а намъ не только не давали залоговъ, что не будутъ сами нападать на насъ, но еще требовали, чтобъ мы уничтожили собственныя свои силы, кои моглибъ когда нибудь противопоставить ихъ нападеніямъ?

Наконецъ они захотѣли, чтобъ мы уступили имъ, волкамъ, покровительство надъ православною церковью на востокѣ, а что они тѣ же волки въ отношеніи къ восточнымъ христіанамъ, какіе были во время крестовыхъ походовъ, и что католикамъ православные ненавистнѣе магометанъ, съ которыми они и сдружились, то доказываютъ послѣднія посланія ихъ духовенства, ничѣмъ не отличныя отъ посланій Иннокентія III; то доказываютъ торжественныя ихъ молитвы о ниспосланіи побѣды Лунѣ надъ Крестомъ. Россія теперь для запада въ этомъ отношеніи тоже, что была во время крестовыхъ походовъ Византія, которую онъ желалъ подчинить себѣ гораздо больше, чѣмъ освободить Гробъ Господень отъ невѣрныхъ. Для нашихъ дипломатовъ, по большой части протестантскаго

исповѣданія, религіозная сторона вопроса, основаніе Русскаго человѣка и Русскаго государства, условіе нашей силы и успѣха, настоящій предметъ войны, не существуетъ. Одинъ изъ нихъ говоритъ, напримѣръ, что Россію губить—Господи помилуй! Не думаетъ ли онъ, что спасительнѣе для насъ будетъ новая молитва: чортъ возьми! Для такихъ дипломатовъ общее покровительство, разумѣется, ничего не значитъ. А Русскій человѣкъ тотъ, который умираетъ не охая въ Севастополѣ, въ Камчаткѣ, и на берегахъ Бѣлаго моря, разсуждаетъ иначе, вотъ какъ; Іуда продалъ Христа за тридесять сребренниковъ, а враги наши хотятъ, чтобъ мы предали имъ Его церковь даромъ, совершая дѣло Іуды, мы, главные и единственные представители и защитники православія, отданнаго намъ какъ бы на руки самимъ Богомъ. А что сталося съ Іудою? «И повергъ сребренники въ церкви, отъиде и шедъ удавися».

И вотъ мы приняли четыре гарантіи!

Дипломаты наши превзошли всѣ самыя смѣлыя ожиданія враговъ! Они не пугаются никакихъ жертвъ, лишь бы сохранить миръ съ Нѣмецкими государствами, въ коихъ находятся, по ихъ мнѣнію, необходимыя подпоры Русскаго престола. Такъ и слышится иностранный докторъ Елисей Бомелій, который неотступно совѣтывалъ Іоанну Грозному готовить себѣ на всякой случай убѣжище въ чужихъ краяхъ. Они не помнятъ, кажется, что Нѣмецкія подпоры давно уже ушли на баррикады; не понимаютъ, что не надеженъ тотъ престолъ, для котораго подпоры надо искать въ чужихъ странахъ, и караулъ держать изъ вольно-опредѣляющихся наемниковъ. Русскій престолъ былъ твердъ безусловною довѣренностію и преданностію Русскаго народа, а вы начали колебать, можетъ быть, и безъ умысла, даже эти священныя историческія подпоры!

Всѣ униженія, повторяю, напрасны: война Россіи съ Европой неизбѣжна, и отъ этой войны нельзя намъ никакъ уклониться.

Но воевать со всей Европой нѣтъ никакой человѣческой возможности: какъ ни крѣпка Русская грудь, какъ ни силенъ Русскій духъ, но бороться со всѣми не достанетъ у насъ ни силъ, ни средствъ.

Война для насъ невозможна и миръ невозможенъ! Что же намъ дѣлать?

Отводить удары, на насъ направленные, въ другія мѣста, и стараться о перенесеніи войны на другую сцену. Заварить общую кашу. Европа хотѣла войны—такъ вотъ тебѣ она: tu l'as voulu!

Изложите въ краткихъ и ясныхъ чертахъ исторію Русской политики, впродолженіе нынѣшняго столѣтія, сочтите всѣ жертвы, кои принесла Россія въ пользу такъ называемаго законнаго порядка; всѣ услуги, какія она ему оказала; всѣ уступки, которыя сдѣлала въ послѣднее время для сохраненія мира, даже въ ущербъ народной чести, и заключите, что преданная Государями, преданная консервативными правительствами, за кои распиналася, не только оставленная въ совершенномъ одиночествѣ, но даже подверженная общему нападенію, она находится принужденною измѣнить свою политику. Изъявите такъ или иначе, громко или тихо, даже молча, свое согласіе на возстановленіе Польши, Венгріи, Италіи, Греціи, Славянскихъ странъ, словомъ на устройство государствъ по языкамъ, какъ предсказывалъ Наполеонъ, размышляя на островѣ Св. Елены о судьбахъ Европейскихъ.

(А эти новыя государства призовутъ къ себѣ непремѣнно Русскихъ Великихъ Князей).

Какъ?

Да нечего какъ! Иначе нельзя! Впрочемъ въ этомъ необходимомъ образѣ дѣйствій, въ единственномъ исходѣ нашего спасенія, едва ли есть худо!

Неужели законнѣе, чтобъ въ Италіи господствовала Австрія или Франція, а не Италія?

Неужели Критомъ или Кипромъ справедливѣе владѣть Туркамъ, чѣмъ Грекамъ?

Неужели Австрійцы имѣютъ неоспоримое право угнетать Славянъ и притѣснять православныхъ?

А Кошутъ, Маццини, Ледро-Ролленъ? Это не наше дѣло, а дѣло Венгріи, Франціи и Италіи. Пусть они вѣдаются между собою, какъ знаютъ, а наше дѣло сторона. Свои собаки грызутся, чужая не приставай: умная пословица, которую мы къ несчастію позабыли.

До Кошута и Маццини настоящая война не касается. Не революціонеры собственно воюютъ теперь съ консерваторами, а консерваторы между собою. Революціонеры только въ подкладкѣ. Австрійцы консерваторы, и Нѣмецкіе Государи также. Самъ Лудовикъ Бонапартъ не красный республиканецъ, и Англійская аристократія терпѣть не можетъ коммунизма. Консерваторы идутъ на Россію, главную свою подпору. Ясно, что не консерватизмъ и революція въ войнѣ, а Россія и Европа, Востокъ и Западъ. Такъ выбросимъ изъ головы эти пустыя слова, кои сбиваютъ съ толку и въ настоящихъ обстоятельствахъ не имѣютъ смысла. Выкинемъ изъ головы эти Европейскія раздѣленія и понятія. Сами Европа мы себѣ. У насъ свой умъ, и свой разсудокъ, и свой языкъ, котораго Западъ, а за нимъ и наши поклонники и воспитанники его, правые и лѣвые, красные и бѣлые, не понимаютъ сугубо, ни по формѣ, ни по духу. Россія есть, и будетъ, и должна быть не краснымъ, не консервативнымъ, не революціоннымъ, не деспотическимъ, не аристократическимъ, не демократическимъ, не республиканскимъ государствомъ, а Русскимъ. Что же такое Русское государство? Это особь-статья, о которой здѣсь не мѣсто и время разсуждать. Маццини, Кошутъ,

Бруно, Бауеръ пишутъ и говорятъ противъ союзниковъ. Тѣмъ лучше. Хоть бы песъ, да яйца несъ! Справимся сперва съ любезными друзьями консерваторами, а прочее впереди.

Италія и Венгрія не преданы сполна Кошуту и Маццини. Помоги имъ Россія словомъ или дѣломъ всѣмъ получить законную свободу изъ подъ чуждаго беззаконнаго ига, и онѣ сами откажутся отъ временныхъ своихъ диктаторовъ, и законный порядокъ, благоговѣйно ею чтимый, утвердится въ Европѣ гораздо тверже, нежели каковъ онъ былъ по злоупотребленію словъ. Вотъ назначеніе Россіи, котораго звонъ она слышала, да ошибалась откуда!

Поступи она такъ, и запляшетъ Нѣмецкій союзъ, который теперь такъ высоко поднялъ носъ, что даже Гг. фонъ-Пфордтенъ и фонъ-Бейстъ сдѣлались важными людьми, какъ будтобъ Андреевскими кавалерами;—поступи она такъ, и запоетъ самъ Императоръ Австрійскій de profundis, перебираясь въ свое наслѣдственное эрц-герцогство, призадумаются благородные лорды Пальмерстонъ и Руссель, а Лудовикъ Бонапартъ—Лудовику Бонапарту откроется блестящій случай, если онъ будетъ умѣть имъ воспользоваться, выйдти изъ своего мучительнаго, неестественнаго положенія, оборотить спину Англичанамъ, привлечь къ себѣ остальное большинство Французской публики, во имя Европейской свободы, столько для нихъ по имени дорогой и любезной, и помириться съ тѣнью своего дяди, которая все-таки вѣрно давитъ его часто во снѣ.

Мы поступали иначе—что же вышло? Не говоря о старыхъ временахъ, которымъ посвящены были другія мои письма, вспомнимъ прошедшій годъ.

Гоняясь сперва за славою умѣренности и великодушія, а потомъ за неутралитетомъ Австріи, мы дали союзникамъ время собраться съ силами, вооружить войска, перевезти ихъ на

поприще дѣйствія, укрѣпиться на берегахъ Дарданельскаго пролива, овладѣть Константинополемъ, занять Шумлу, Варну и Дунайскія крѣпости, прогнать насъ изъ за Дуная по причинамъ политическимъ, вытѣснить съ безчестіемъ изъ Молдавіи и Валахіи по причинамъ стратегическимъ, отнять у насъ Кавказскій берегъ,—наконецъ, о верхъ посрамленія!—напасть на Крымъ, угрозить Севастополю, и повѣсить на волоскѣ спокойствіе всей имперіи, такъ что у всякаго Русскаго человѣка три мѣсяца сердце остается не на мѣстѣ....

Это еще не все. Гоняясь за тѣнью Австрійскаго неутралитета, мы охладили единственныхъ своихъ союзниковъ—Славянъ, мы поразили ихъ въ самое чувствительное сердце, лишивъ ихъ надежды, коею они жили, уронили себя въ ихъ мнѣніи, и открыли къ нимъ путь всѣмъ враждебнымъ вліяніямъ, подкрѣпляемымъ теперь нашимъ отсутствіемъ, какъ прежде холодностію и бездѣйственностію.

Нечего говорить о томъ, что въ этотъ несчастный годъ Австрія успѣла поставить на военную ногу пять сотъ тысячь человѣкъ, а Германія и Прусія сдѣлать предварительныя приготовленія.

А Русская кровь, пролитая даромъ подъ Калафатомъ и Ольтеницей, подъ Четати и Силистріей? А Корниловъ, а Шильдеръ, а Соймоновъ, Орловъ?...

Вотъ какой ужасный итогъ оказывается по сведеніи нашихъ годичныхъ счетовъ. Тяжко, грустно, горько даже до смерти! Но все это было бы еще ничего, все могло бы поправиться,—то бѣда, что мы всѣ и вездѣ продолжаемъ, кажется, жить по прежнему, въ ожиданіи курьеровъ и телеграфическихъ извѣстій: день прошелъ и до насъ дошелъ! Мы продолжаемъ по прежнему приближаться къ пропасти, нарочно зажмуривая глаза, вѣря предателямъ, и со всякимъ днемъ положеніе наше становится затруднительнѣе; всякій день, всякій часъ, наши

потери и нагубы становятся опаснѣе, смертоноснѣе, проигрыши крупнѣе: что ни карта, то милліонъ; что ни партія, то милліардъ; что ни ударъ, то не въ бровь, а прямо въ глазъ, въ високъ, или подъ сердце!

Вѣдь за Аландскими островами чередъ придетъ на весну къ Свеаборгу, надъ которымъ господствуетъ, говорятъ, Гельсингфорсъ.

Вѣдь отъ Кронштата находились враги въ десяти верстахъ въ нынѣшнемъ году, а теперь море у нихъ промѣрено, вѣтры узнаны, пути изслѣдованы, гранитъ испытанъ.

Вѣдь въ Перекопѣ могутъ они съ достаточными силами отрѣзать у насъ весь Крымъ съ невзятымъ, положимъ, Севастополемъ включительно.

Вѣдь Закавказскій нашъ корпусъ можетъ быть поставленъ между двухъ и даже трехъ огней, и тогда поминай его, какъ звали, а Шамиль пожалуетъ между тѣмъ въ Тифлисъ.

А если встанетъ Польша съ согласія Австріи и Пруссіи, кои получатъ себѣ вознагражденіе въ другихъ мѣстахъ за свои участки?

А если Швеція принуждена будетъ отнимать себѣ Финляндію?

Представьте же себѣ, что въ одно время вдругъ Англія приступитъ къ Петербургу, Швеція нападетъ на Финляндію, Австрія на Бессарабію, Франція на Крымъ, Персія, Турція и Шамиль на Грузію, Германія съ Пруссіей и революціонерами всей Европы на Польшу, которая подниметъ еще Литву и всѣ западные города наши.

Скажутъ — этого не можетъ быть. Это безразсудныя предпріятія. Эти предположенія доходятъ до нелѣпостей!

Отвѣчаю: невозможнаго нынѣ нѣтъ ничего: на сумасшедшія и отчаянныя выходки должно быть намъ готовыми; здравый

смыслъ и правильныя соображенія давно уже изгнаны изъ круга дѣйствій; чередъ естественнаго и обыкновеннаго миновался, теперь всякой день вы видите сверхъестественное и необыкновенное; теперь нельзя ошибаться больше, какъ предполагая логику.

Мы думали, что Луи Бонапартъ не можетъ двадцати тысячъ войска выслать изъ Франціи, а онъ выслалъ сто, приготовляетъ еще сто, а слухъ пошелъ уже о полумилліонѣ

Мы не воображали, чтобъ въ Крымъ могло когда нибудь попасть иностранное войско, которое всегда, де, можемъ закидать шапками, потому оставили сухопутную сторону Севастополя безъ вниманія, а тамъ явилось сто тысячь, которыхъ мы не можемъ выжить изъ лагерей, укрѣпленныхъ ими въ короткое время до неприступности.

Мы не могли представить себѣ высадки безъ величайшихъ затрудненій, а ихъ семьдесятъ тысячь сошло на берегъ, какъ одинъ человѣкъ черезъ лужу по дощечкѣ переходитъ.

Кто могъ прежде повѣрить, чтобъ легче было подвозить запасы въ Крымъ изъ Лондона, чѣмъ намъ изъ подъ боку, или чтобъ можно было строить въ Парижѣ казармы для Балаклавскаго лагеря?

Чортъ ихъ знаетъ, что они еще къ веснѣ выдумаютъ: духъ злобы изобрѣтателенъ, а простота хуже воровства. Можетъ быть, по дну морскому проберутся до Петербурга. Вонъ слышатся какія-то пловучія баттареи, какія-то новыя плоскодонныя суда....

Неужели для menu-plaisirs Франція и Англія занимаютъ еще тысячу милліоновъ? Неужели лордъ Пальмерстонъ пріѣзжалъ въ Парижъ только для того, чтобъ познакомить свою супругу съ Императрицей Евгеніей—а первое лицо, которое

пригласилъ для бесѣды съ нимъ Бонапартъ, былъ Князь Чарторижскій?

Но это все еще внѣшнія опасности. А внутри—то что? Не думаете ли вы, что внутри нѣтъ горючаго вещества, нѣтъ опасностей? Онѣ есть, только не тамъ, гдѣ вы ихъ остерегаетесь, и эта ошибка увеличиваетъ и умножаетъ ихъ въ десятеро.

Враги, посылая корабли и пушки въ Камчатку за 15 тысячь верстъ, сожигая Колу, на краю обитаемой земли, въ сосѣдствѣ съ сѣвернымъ полюсомъ, бросая бомбы въ Соловецкій монастырь, разсыпая фальшивыя монеты на Кавказѣ, произведя столько удачныхъ опытовъ зажигательства по всей Россіи, неизвѣданныхъ ни на волосъ нашими полиціями, явными и тайными, неужели они не подумаютъ, а есть кому и надоумить,—о нашихъ раскольникахъ, теперь растревоженныхъ здѣсь, и столько лелѣемыхъ въ Австріи? Ну, если они обратятъ вниманіе на крестьянъ, и попытаются сочинить имъ въ какомъ нибудь захолустьѣ Емельку Пугачева или Петра III, который еще и не умиралъ, по мнѣнію многихъ? Чтобъ не пришлось сказать тогда въ другой разъ: вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день!

Въ какомъ духѣ отступало войско отъ Силистріи, переправилось назадъ по Дунаю, выходило изъ Княжествъ? Что теперь думаетъ оно о Крымѣ?

Есть множество людей, и людей порядочныхъ, умѣренныхъ, въ среднихъ и высшихъ сословіяхъ, которые желаютъ тайно паденія Севастополя, надѣясь, что съ паденіемъ его падетъ и нынѣшняя система. Я пріѣхалъ нынѣ въ Петербургъ черезъ годъ, и не узналъ Петербурга; воротился черезъ мѣсяцъ въ Москву, и не узналъ Москвы! Вотъ какъ скоро все измѣняется и зрѣетъ въ наше время.

Что же подумаетъ, почувствуетъ, скажетъ весь народъ, всѣ сословія, если, чего оборони Боже, Россія подвергнется

какому нибудь безчестію при окончаніи настоящихъ обстоятельствъ? Не однѣ дѣйствія, но и мысли, чувства и слова имѣютъ свою силу,—хоть и не для всѣхъ очевидную.

А наша тайная полиція думаетъ, что въ Россіи опаснаго есть только могила Гоголя, да Мертвыя его души. Мертвыя души точно опасны и вредоносны, да не Гоголевы!

У страха глаза велики, но я неспокоенъ и за дворецъ. Слова, сказанныя мнѣ однимъ Бельгійцемъ въ 1839 году, и переданныя мною въ моемъ тогдашнемъ отчетѣ Министру народнаго просвѣщенія, невольно приходятъ на умъ....

Таковы наши внѣшнія опасности, таковы наши внутреннія опасности; можемъ ли мы медлить, колебаться, безмолвствовать, не принимать никакихъ мѣръ рѣшительныхъ?...

Возстань Русскій Царь! Вѣрный народъ Твой Тебя призываетъ! Терпѣніе его истощается. Онъ не привыкъ къ такому униженію, безчестію, сраму. Ему стыдно своихъ предковъ, ему стыдно своей Исторіи. Ты видишь, какъ дерутся всѣ солдаты, всѣ офицеры, всѣ генералы,—предъ Твоими глазами и за глазами, гдѣ кому случится поддержать честь Русскаго имени, въ Камчаткѣ и Одессѣ, и подъ Севастополемъ и на Соловецкомъ островѣ, у Силистріи и за Кавказомъ. Созови ополченіе. Напиши грамоту, которую понялъ бы всякій Русскій человѣкъ, и отъ которой у всякаго Русскаго человѣка поворотилось бы сердце. Вели поставить кружку у Успенскаго собора. Послѣднюю рубашку скинетъ съ плечь и отдастъ Тебѣ всякій. Повѣрь своему народу, который преданъ Тебѣ всею душею, и готовъ пролить за Тебя послѣднюю каплю крови. Бросься къ нему на шею, и онъ упадетъ къ ногамъ Твоимъ. «Ложь тлетворную» отгони далече отъ Твоего престола, и призови суровую, грубую истину. Отъ «безбожной лести» отврати Твое ухо, и выслушай горькую правду. Повѣрь намъ, мы всѣ твои дѣти, и мы Тебя не обманемъ, а

иноплеменники Тебя обманываютъ. Какое имъ дѣло до нашей чести? Вѣдь сердце ихъ не бьется при глазахъ Русской вѣры. «Чортъ возьми» для нихъ вонъ лучше, чѣмъ «Господи помилуй!» Вѣдь они не знаютъ нашего языка, съ которымъ соединена наша жизнь, наша слава, наша радость; вѣдь они не связаны никакими узами ни со Святой Ольгой, ни съ Владимиромъ, ни съ Александромъ Невскимъ, ни съ Димитріемъ Донскимъ, а намъ такъ и Иванъ Васильевичъ дорогъ, мы и за Ивана Васильевича служимъ панихиды! Такъ могутъ ли они безъ вѣры, безъ языка, безъ исторіи, судить о Русскихъ дѣлахъ, какъ бы ни были они умны, честны, благородны и лично преданы Тебѣ или Твоему жалованью? Составь около себя постоянный на это время верховный совѣтъ, какъ составляла Екатерина въ первую Турецкую войну, на который бы возложились всѣ попеченія о ходѣ дѣлъ военныхъ и политическихъ, съ отвѣтственностію предъ отечествомъ. Одному всего сдѣлать нельзя, все усмотрѣть, все упомнить, все предупредить, и вездѣ приготовиться. Ты трудишься столько, сколько и подумать другой человѣкъ испугается, да ужъ такая работа приходитъ не подъ силу и Тебѣ съ Твоимъ желѣзнымъ организмомъ. Вспомни, что Тебѣ уже подъ шестьдесятъ лѣтъ, прожитыхъ какъ день одинъ, не на гулянкахъ. Что Ты надрываешься? Работая такъ, Ты утомляешься по напрасну, и тратишь свои силы, для насъ драгоцѣнныя. Въ Англіи собралось министерство изъ первыхъ талантовъ всѣхъ партій, которому помогаютъ два парламента, гдѣ говоритъ всякій, что хочетъ, да неограниченная печать. Во Франціи у Луи Бонапарта есть сотня клевретовъ, которыхъ судьба связана съ его судьбою, и которые держатъ ухо вострѣе его самаго. Гдѣ же одному человѣку справиться съ такимъ легіономъ и легіонами, поспѣвая и на всѣ домашнія дѣла, рѣшая всѣ тяжбы, утверждая всѣ покупки, назначая всѣ постройки, наказывая всѣ вины, награждая всѣ подвиги,

и входя во всѣ подробности управленія военнаго и гражданскаго, осматривая всѣ петли и пуговицы? Голова Твоя въ такихъ страшныхъ обстоятельствахъ должна быть свободна, чтобъ рѣшать дѣла первой важности, приготовленныя и представленпыя на Твое Высочайшее воззрѣніе, какъ Богъ Тебѣ на сердце положитъ, а захламащивать ее теперь всякими мелочами есть даже гражданское преступленіе. Разсѣй лучами милости и благости эту непроницаемую атмосферу страха, скопившуюся впродолженіе столькихъ лѣтъ, чрезъ которую и непридворные льстецы не могутъ къ Тебѣ проникнуть. Войди въ соприкосновеніе съ народомъ. Призови на работу всѣ таланты,— мало ли ихъ есть на святой Руси? На всякое дѣло найдется изъ 70 милліоновъ не по одному знающему и благонадежному человѣку! Освободи отъ излишнихъ стѣсненій печать, въ которой не позволяется теперь употреблять даже выраженіе «общаго блага». Печать и въ обыкновенное время не можетъ нигдѣ принесть столько пользы, и причинить столь мало вреда, какъ въ Россіи, а въ настоящее время, подъ умнымъ надзоромъ, она должна бы замѣнить многія другія учрежденія. Не книги опасны, а событія, которыя возговорили теперь яснѣе, громче всякихъ книгъ, журналовъ и газетъ, и которыя читаются и толкуются теперь всячески самыми безграмотными, безъ цензуры. Печатной артиллеріи Европейской мы должны отвѣчать также, какъ и осаднымъ Пексанамъ Севастополя, а намъ не позволяютъ рта разинуть въ защиту родной земли. Европа должна бы узнать общее мнѣніе Россіи, и она вѣрно призадумается, когда услышитъ, какъ мы заговоримъ человѣческимъ языкомъ. Вели раскрыть настежъ ворота во всѣхъ университетахъ, гимназіяхъ и училищахъ; дай средства намъ научиться лить такія же пушки, штуцера и пули, какими бьютъ теперь враги нашихъ милыхъ дѣтей, сверхъ обыкновенной опасности войны,—а безъ образованія, безъ покровительства всѣмъ наукамъ, нельзя намъ имѣть и медицыны достаточной. Мы

отстали во всѣхъ познаніяхъ: военныя, физическія, механическія, химическія, финансовыя, распорядительныя мѣры, — тѣ ли у насъ теперь, что у нихъ? Не свѣтъ опасенъ, а опасна тьма! Духа не угашайте, изрекъ Апостолъ.

Какъ бы то ни было — рѣшительность и твердость, даже *безъ вышеупомянутаго изъявленія,* доставятъ намъ добрый миръ, можно быть увѣрену, скорѣе всякихъ уступокъ, переговоровъ, ласкательствъ, просьбъ и униженій, — доставятъ, если миръ на верху написанъ!

Но сдается мнѣ, старому служителю Исторіи, что миръ не находится въ опредѣленіяхъ высшихъ. Не Пальмерстонъ, не Руссель, не Лудовикъ Бонапартъ, не Австрійская подлость, не Прусская шаткость, — Богъ мира не даетъ!

Я думалъ прежде и мечталъ: мы возмемъ Константинополь, перенесемъ туда столицу, выгонимъ Турокъ, освободимъ Славянъ и Грековъ, возстановимъ Восточную Имперію — человѣческія мечтанія!

Война — это наша служба, которой требуетъ у насъ Богъ. Западъ пришелъ на помощь къ Магомету и его корану противъ Евангелія. „Яко откуду есте вы, и откуду дѣло ваше? Отъ земли мерзость избра васъ. Азъ же возставихъ, иже отъ сѣвера, и иже отъ востокъ солнечныхъ, прозовутся именемъ Моимъ.“ Можетъ быть, Богъ посылаетъ и насъ на Востокъ окреститься кровію и омыться послѣ въ банѣ пакибытія. Такъ угодно Богу, восклицалъ нѣкогда Западъ. Такъ угодно Богу, приходится воскликнуть и Востоку! А что въ самомъ дѣлѣ Ему угодно, не намъ знать, — откроютъ событія.

Боже, Царя Храни!

Ноября 27.
1854 г.

1. P. S. Не успѣлъ я подписать своего имени, какъ читаю въ газетахъ извѣстіе о договорѣ Австріи съ Франціей и Англіей, вслѣдъ за дополнительной статьей Прусской конвенціи. Предсказаніе мое исполнилось прежде назначеннаго срока: видно дѣла Франціи и Англіи въ Крыму, или дома, такъ худы, что имъ надо, во что бы ни стало, кончить дѣло скорѣе. Рѣшительная минута приближается.

Господи, Господи, спаси Россію!

Декабря 3.

2. Если Пруссія удержится съ нами, и мы отобьемся подъ Севастополемъ, то миръ in statu quo попадетъ въ число возможностей. Въ случаѣ такого мира, уроки, полученные нами и употребленные въ пользу, могутъ вознаградить насъ съ лихвою за издержки войны. Но, повторяю, едвали можетъ состояться миръ: при оборотѣ дѣлъ въ нашу пользу, враги примутъ непремѣнно тѣ мѣры, кои описалъ я выше, и начнется настоящая Европейская, Наполеоновская война, потяжеле нынѣшней Турецкой. Мы потеряемъ тогда Польшу. Богъ бы съ нею,—но мы наживемъ многихъ новыхъ враговъ — и конца перемѣнъ не видать! Лучше, благороднѣе и полезнѣе принять починъ на себя (инициативу), и не давать въ чужія руки того оружія, которое въ нашихъ рукахъ приметъ *совсѣмъ другое значеніе*.

Декабря 8.

3. Камень преткновенія—чтобъ не содѣйствовать революціонному движенію! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Напрасно нѣкоторые смѣшиваютъ необходимое движеніе, предполагаемое мною, съ революціоннымъ. Русскимъ свергнуть иго Татаръ развѣ было непозволительно, революціонно? Точно также непозволительно и революціонно Славянамъ свергнуть иго Турокъ? Европа позволила Бельгійцамъ отдѣлиться отъ Голландіи: почему же

отдѣленіе Венгріи, Богеміи, Кроаціи и Ломбардіи отъ Австріи не позволительно и революціонно? Во всѣхъ нашихъ войнахъ съ Турціей мы пользовались движеніемъ тамошнихъ христіанъ: почему же нынѣ только считаемъ эти движенія революціонными? Безъ необходимости такой образъ дѣйствій не имѣлъ бы ничего предосудительнаго; а въ необходимости, въ какой мы теперь поставлены врагами, отвергать его, подставляя одну свою собственную грудь,—есть совѣтъ чуждаго навожденія!

Эту записку мою я не написалъ: она написалася сама собою, однимъ духомъ. Теперь прошло уже три недѣли. Перечитываю и убѣждаюсь болѣе и болѣе, что даже молчанія нашего достаточно. Довольно, если всѣ угнетенные народы, то-есть, Славяне, Венгерцы, Ломбардцы, поймутъ, что Россія отдѣлилась отъ Австріи, — и они сами скоро сдѣлаютъ свое дѣло, пока мы съ твердостію будемъ стоять на своихъ границахъ и защищать ихъ до послѣдней капли крови, готовые подать имъ въ благопріятныхъ обстоятельствахъ руку братской помощи.

XVIII.

КЪ Ѳ. И. Тютчеву.

Хотите вы знать, что показываетъ мой политическій барометръ, который, хоть и не изъ мастерской Фрауенгофера или Уцшнейдера, обманывалъ меня рѣдко, судя по задамъ. Извольте—я скажу вамъ свои наблюденія, какъ ни скучно мнѣ подъ часъ становится толочь воду и вопіять въ пустынѣ, то есть на Дѣвичьемъ полѣ!

Барометръ мой показываетъ миръ, а инстинктъ предвѣщаетъ все-таки войну.

Послѣднее письмо свое, отъ 27 Ноября, писалъ я подъ вліяніемъ страха, трепетавшій за весну, ожидавшій ужаснаго нападенія на Россію со всѣхъ сторонъ.

Многія обстоятельства съ тѣхъ поръ оборотились въ нашу пользу. Богъ простиралъ часто тьму предъ глазами нашихъ враговъ, и они средь бѣлаго дня падали какъ будто въ ямы, неизвѣстно кѣмъ вырытыя. Дѣло видимо валилось у нихъ изъ рукъ. Они продолжаютъ дѣйствовать, но не дружно, у всякаго есть свое на умѣ, и потому ни въ чемъ имъ покуда не спорится. Такого союза, какой представлялся моему испуганному воображенію, слава Богу, не существуетъ.

Далѣе — Англія оказалась несостоятельною въ такой степени, о какой никто на твердой землѣ и подумать не могъ. Сіяніе, окружавшее ея главу, поблѣднѣло и разсѣялось. Она предста-

вляется другою не только Америкѣ, Франціи, Германіи, но даже Испаніи и Турціи! Конституція ея трещитъ, и новому Карѳагену не долго будетъ ждать третьей Пунической войны. Благородные лорды кусаютъ вѣрно себѣ локоть, но не достанутъ. Вотъ самое важное явленіе новой исторіи, не только послѣдней минуты, самое важное, неожиданное, Европейское слѣдствіе новой войны, въ коемъ таятся зародыши великихъ переворотовъ. Миръ для Англіи въ такомъ положеніи необходимъ.

Австріи давно уже грозила развязка еще страшнѣе, и только ложное наше опасеніе прошлаго года начать съ ней войну отсрочило ея гибель—впрочемъ на короткое время. Въ настоящемъ положеніи также она рада миру, даже потому, что войною можетъ она только проиграть всѣ выигрыши мирныхъ своихъ ковнодѣйствій, а выиграть еще что-нибудь войною она не надѣется, да и не привыкла.

Германіи и Пруссіи нѣтъ никакихъ причинъ желать войны послѣ полученныхъ уступокъ.

Представлять затрудненія миру могутъ только Франція и Россія.

Франція—потому, что миръ съ четырьмя гарантіями не вознаградитъ ее за принесенныя жертвы, не удовлетворитъ требованіямъ народной чести, а главное осудитъ на долгое бездѣйствіе, гибельное для новой династіи, которая можетъ ловить рыбу только въ мутной водѣ.

Сопротивленіе Франціи понятно, но-какъ можетъ Россія затруднять заключеніе договора, если она согласилась на принятіе четырехъ гарантій и даже ближайшее ихъ толкованіе?

Да, она согласилась, и должна была бъ принять ихъ въ назначенномъ смыслѣ, еслибъ война не продолжалась. А такъ какъ война продолжается, то веденіе переговоровъ и

толкованіе главныхъ основаній зависитъ совершенно отъ ея превратностей. Враги объявляли не обинуясь нѣсколько разъ въ палатскихъ рѣчахъ, въ министерскихъ нотахъ и разныхъ офиціальныхъ статьяхъ, что ихъ дальнѣйшія условія будутъ зависѣть отъ ихъ военныхъ успѣховъ. Если они возьмутъ Севастополь, сожгутъ нашъ флотъ, разобьютъ наши войска, то они не останутся при четырехъ гарантіяхъ, и потребуютъ распространенія ихъ смысла въ свою пользу. Такъ точно и Россія, отбившись отъ Севастопольской осады, уничтоживъ союзныя войска, открывъ себѣ дорогу далѣе, будетъ имѣть полное логическое право ослабить старыя условія, или даже предложить новыя.

Для чего же, иначе, мы деремся не на животъ, а на смерть, подъ Севастополемъ, если всѣ наши побѣды не могутъ принести намъ никакой пользы для ведомыхъ переговоровъ? И что бъ это было за странное безпримѣрное положеніе, въ которомъ побѣда равна пораженію?

Не побѣдивъ насъ, потерявъ болѣе, чѣмъ выигравъ, союзники предлагаютъ, слышно, какія то новыя условія, не имѣющія никакого отношенія къ четыремъ гарантіямъ, а мы, получая безпрестанно лишнія выгоды, будемъ добровольно стѣсняться ветшающими ежеминутно обязанностями!

Обстоятельства всѣхъ договаривающихся сторонъ слишкомъ ясны, и посланники такъ и ведутъ, безъ сомнѣнія, переговоры на конференціяхъ, въ исполненіе требованій простаго здраваго смысла, независимо отъ хитростей дипломатики и политики. Австрія старается всѣми силами о скорѣйшемъ заключеніи мира (и вѣрно поставляетъ намъ это на видъ, чтобы мы радовались и благодарили!). Пруссія и Германія готовы споспѣшествовать ея усиліямъ. Англія молча соглашается съ нею, или для вида предлагаетъ какія нибудь незначительныя возраженія, чтобы сохранить приличіе и

закрыть какъ нибудь свое нетерпѣливое, горячее желаніе мира. Франція, какъ кошка, играющая съ мышами, задаетъ тонъ и предлагаетъ разныя несбыточныя требованія, чтобы затянуть дѣло, а Россія не соглашается и представляетъ свои доказательства, выжидая оборота еще болѣе благопріятнаго обстоятельствъ въ ея пользу, чтобы парализировать или обезвредить четыре гарантіи, если не болѣе.

Ключь положенія, слѣдовательно, въ рукахъ Франціи и Россіи. Судьба Европы зависитъ отъ этихъ двухъ государствъ, которыя силою вещей и движеніемъ обстоятельствъ поставлены теперь насильно лицемъ къ лицу, и должны непремѣнно войти въ переворы между собою и объясниться.

Выгодъ общихъ или спорныхъ предметовъ у нихъ нѣтъ, а съ ними нѣтъ причинъ расири и ненависти. Пользу могутъ онѣ принести другъ другу безконечную, а вредить не изъ чего. Присоедините характеръ народный, представляющій многія черты соотвѣтственныя.

Гораздо легче и удобнѣе сговориться съ однимъ такимъ государствомъ, чѣмъ съ пятью, изъ коихъ каждое имѣетъ свои особенные виды и выгоды, и, независимо отъ обстоятельствъ, питаетъ къ намъ внутреннюю, сердечную, ничѣмъ непреодолимую вражду.

Но благороденъ ли будетъ такой образъ дѣйствія?

А что же здѣсь неблароднаго, спрошу я въ свою очередь? И о какомъ благородствѣ здѣсь можетъ быть рѣчь? Какое благородство было въ виду у Англіи и Франціи, когда онѣ присоединились къ Турціи? Какимъ благородствомъ руководствовалась Австрія, взявъ сторону Англіи и Франціи противъ Россіи? Какимъ благородствомъ одушевлялась вся Европа, предавая Россію, вопія противъ Русскаго варварства въ пользу Турецкой цивилизаціи?

Мы ищемъ себѣ союзниковъ, и вибираемъ тѣхъ, которые кажутся намъ выгоднѣе—это такъ просто и естественпо, что никто съ здравымъ смысломъ не можетъ на минуту усомниться въ справедливости такого образа дѣйствій.

И какія обязанности къ другимъ государствамъ могутъ насъ удерживать теперь отъ союза съ Франціей?

Англія возбудила противъ насъ войну, старалась всѣми силами вредить намъ и грозилась насъ обобрать, ослабить, унизить.

Австрія, членъ Священнаго союза, не только позабыла объ немъ, но позабыла даже свое недавнее спасеніе Россіей, и, взявъ, сверхъ всякаго ожиданія, сторону западныхъ державъ, поставила насъ въ самое затруднительное положеніе, и была причиною всѣхъ нашихъ утратъ.

Пруссія и Германія поступали съ нами нѣсколько умѣреннѣе и благопристойнѣе, но отнюдь не доброжелательнѣе, отнюдь не дружелюбнѣе. Пруссія только меньше виновата, но все таки виновата, ибо не сказала твердаго слова Россіи при началѣ настоящихъ обстоятельствъ, чѣмъ могла бы отклониться война (см. письмо 5); впродолженіи войны дѣйствовала нерѣшительно, двусмысленно, и подавала Западу не только надежду, но даже увѣренность, чѣмъ ободрялась его настойчивость. Да и въ заключеніе какое же благодѣяніе она оказала намъ? Неутралитетъ, если мы очистимъ Княжества, возвратимся въ свои предѣлы, откажемся отъ всѣхъ намѣреній, предоставимъ Дунай Германіи, согласимся на всѣ требованія западныхъ державъ, то есть примемъ четыре ими назначенныя гарантіи, въ опредѣленномъ или первоначальномъ смыслѣ. Ей нечего и желать больше! Она позволила намъ защищать свои предѣлы, и то съ условіемъ, чтобы мы не преслѣдовали враговъ за границу, еслибъ даже они вторгшіеся были разбиты нами дома. Благодѣяніе очень умѣренное.

Неужели, связавъ человѣка по рукамъ и ногамъ, взявъ отъ него себѣ, что нужно, запретивъ ему шевелиться, какіе побои ни потерпѣлъ бы онъ, неужели могу я спрашивать у него горячей благодарности за то, что самъ не стану бить его вмѣстѣ съ прочими? Да и для насъ ли такъ дѣйдѣйствовала Пруссія? Нисколько. Она точно также хотѣла и хочетъ ослабить и унизить Россію, но не до конца, потому что конечное униженіе и ослабленіе Россіи увеличитъ ея собственную опасность со стороны Франціи. Присоедините еще матеріальныя выгоды неутралитета, весьма значительныя. Россія на Пруссію, а съ нею на Германію, (я говорю не объ династіяхъ), полагаться не можетъ, развѣ въ чемъ соединится ихъ польза. Это ясно для самыхъ слѣпыхъ. Довольно почитать нѣсколько мѣсяцевъ Нѣмецкія газеты, чтобъ удостовѣриться, какимъ духомъ оттуда вѣетъ. Справедливость требуетъ сказать однакожъ, что обвинить и жаловаться за это на Пруссію и Германію мы не можемъ: своя рубашка къ тѣлу ближе, и онѣ смотрятъ на дѣло съ своей точки зрѣнія; точно такъ и мы должны смотрѣть съ своей.

Заключаю: отношенія наши ко всѣмъ Европейскимъ государствамъ, враждебнымъ и неутральнымъ, таковы, что мы можемъ себѣ выбирать союзниковъ, кого случится, и договариваться съ ними, какъ сочтемъ для себя за лучшее,—съ Франціей или Германіей, Австріей, Англіей, или Пруссіей.

Но есть ли намъ надежда сойтиться съ Франціей?

Отвѣчать на этотъ вопросъ можно только пословицей: спросъ не бѣда.

Неизвѣстно, до какой степени продалъ Бонапартъ душу свою Англичанамъ или —дьяволу, и что замышляетъ онъ во глубинѣ своей души, или безднѣ своего бездушія.

Нельзя только не предположить, нельзя не согласиться, что онъ уменъ, и состояніе Европы, цѣну обстоятельствъ, видитъ яснѣе всѣхъ.

А если онъ видитъ, то и понимаетъ силу Россіи, испытанную дядюшкой, отвѣданную и племянничкомъ.

Понимая же, онъ долженъ быть радъ союзу съ нею, который развяжетъ ему руки дѣйствовать и воевать тамъ, гдѣ война и вліяніе можетъ принести настоящую пользу, а не отвлеченную, какъ въ восточномъ вопросѣ.

Это естественныя причины союза, лежащія въ натурѣ вещей, но есть много случайныхъ, лежащихъ въ совокупности обстоятельствъ.

Помириться съ тѣнью дяди, которому онъ все-таки обязанъ скипетромъ, а дядя пророчески завѣщалъ ему ненависть къ Англіи.

Выйдти изъ фальшиваго положенія, слишкомъ продолжительнаго, даже въ отношеніи къ своему народу, который можетъ когда нибудь образумиться и спросить: да за что же мы воюемъ? А если дѣло затянется подъ Севастополемъ, или еще испортится хуже? Французы долго спокойны быть не могутъ. То и дѣло открываются заговоры во всѣхъ углахъ Франціи. Чего добраго, а въ одно прекрасное утро, не смотря на всю бдительность Гг. Піетри и Персиньи, ему можетъ понадобиться фіакръ, какъ Людовику Филиппу, или въ Гамской квартирѣ опять отворятся двери, на что намекнулъ впрочемъ онъ и самъ тамошнему консіержу, при посѣщеніи замка съ Императрицей.

На союзъ, разумѣется, Наполеонъ согласится не даромъ, но условія его, сколько ихъ предвидѣть можемъ, никакъ не коснутся собственно Русскихъ выгодъ, ибо ему не надо ни Севастополя, ни Бессарабіи. Владѣній въ Азіи Франція не имѣетъ, по Дунаю суда Французскія не плаваютъ, и до Славянъ нѣтъ никакого дѣла Французамъ. Условія Бонапартовы могутъ касаться только до Западныхъ дѣлъ и отношеній; такъ что намъ до нихъ за дѣло? Пусть они

вѣдаются, какъ хотятъ и знаютъ. Друзей у насъ тамъ нѣтъ, и обязанностей никакихъ. Тамъ у насъ только враги и предатели, о чьихъ выгодахъ намъ заботиться не нужно. Мы можемъ предоставить ему Западъ, а себѣ выговорить Востокъ!

Это уже maximum требованій со стороны Наполеона, а можетъ быть, онъ спроситъ и меньше. Во всякомъ случаѣ есть виды поторговаться, и выговорить какія нибудь выгоды или пощады Пруссіи за ея неполную вражду, и Неаполю, который поступалъ, кажется, благороднѣе всѣхъ въ отношеніи къ намъ.

Можетъ быть, даже Наполеонъ самъ предложитъ намъ союзъ. О,— въ такомъ случаѣ положеніе наше будетъ еще гораздо легче! Обрадуясь союзу внутренно, мы спросимъ у него условій, и дѣломъ дипломаціи будетъ рѣшить, какія условія должно намъ отвергнуть и какія принять, въ какихъ формахъ, и въ какихъ выраженіяхъ.

Это союзъ сепаратный и тайный между Франціей и Россіей. А какъ дѣйствовать намъ открыто?

Государь дастъ Европейскій манифестъ, въ коемъ скажетъ: Вступивъ на престолъ Россійскій, Я желаю мира, котораго желалъ и покойный мой родитель, вопреки всѣмъ клеветамъ, злонамѣренностью на него взнесеннымъ. Я согласился на всѣ уступки, имъ сдѣланныя, не смотря на значительное улучшеніе обстоятельствъ Россіи, отраженіе союзниковъ отъ Севастополя, разстройство союзныхъ армій, ослабленіе Турціи, внутреннее замѣшательство Англіи. Вѣнская конференція однакожъ, по пути имъ предназначенному, въ слѣдствіе различныхъ antécédents не обѣщаетъ скораго успѣха, а переговоры затягиваются и теряются въ подробностяхъ, и со всякимъ извѣстіемъ съ поля сраженій измѣняется смыслъ переговоровъ, такъ что они дѣлаются совершенно безполезными и лишними. Силы истощаются, жертвы даромъ приносятся, финансы вездѣ разстрои-

ваются, благосостояніе общее уменьшается, мы всѣ терпимъ, какъ и терпѣли, мы всѣ дѣлали много ошибокъ, мы всѣ раздѣляемъ вины, мы всѣ находимся въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, болѣе или менѣе. Чтобы прекратить это неопредѣленное положеніе и удовлетворить желаніе Европы, алчущей мира, я рѣшаюсь сдѣлать новое предложеніе.

Россія соглашается на свободное плаваніе по Дунаю, въ уваженіе выгодъ Австріи, Германіи и Пруссіи, и предоставляетъ очищеніе его устья имъ самимъ.

Россія соглашается на свободное плаваніе Европейцевъ по Черному морю, котораго ключь впрочемъ находится не въ ея рукахъ.

Россія, убѣдившись въ неограниченной преданности жителей Царства Польскаго, рѣшается дать имъ конституцію, согласную съ ихъ желаніемъ, объявляетъ полную амнистію для всѣхъ изгнанниковъ. Она очень рада открывшейся для нея возможности принять эту мѣру, пріятную для Европы, по ея участію въ судьбѣ Поляковъ, мѣру, которой не могъ принять покойный Императоръ Николай Павловичъ по своему исключительному положенію, не смотря на свое всегдашнее желаніе.

Россія, желая дать Европейцамъ средства познакомиться ближе съ ея обитателями, ихъ желаніями и требованіями, позволяетъ у себя разсужденіе о внѣшней политикѣ, коими дополнится общее такъ называемое Европейское мнѣніе, и предохранится отъ тѣхъ ошибокъ, за кои платила и платитъ такъ дорого.

Дѣлая такія новыя уступки, безъ всякой съ своей стороны необходимости, ибо двухлѣтняя компанія соединенныхъ силъ противъ нея, продолжавшаяся до сихъ поръ, не имѣла успѣха, Россія предлагаетъ прекратить войну, всѣмъ воюющимъ державамъ войдти въ прежнее относительное положеніе, что было

до войны, и всѣ будущія дѣла предоставить ихъ естественному теченію, или суду Европейскихъ Амфиктіоновъ, если государства сочтутъ такое учрежденіе нужнымъ. Согласятся Европейскія державы на такое предложеніе—и храбрые полки Французскіе и Англійскіе примутся въ распростертыя объятія Севастопольскимъ гарнизономъ, получатъ всѣ пособія, житницы Одесскія откроются, и проч. и проч.

Наполеону ловко, кажется, принять такое предложеніе, и онъ скажетъ прекрасной Франціи:

Удостовѣрясь изъ дѣйствій и объявленія Императора Всероссійскаго, что онъ избираетъ политику свободную, столько любезную и драгоцѣнную для Франціи, (!) возстановляетъ Польшу въ правахъ ея, чего долго желала и тщетно домогалась Франція, ей много обязанная, оставляетъ первыя свои требованія, изъ-за которыхъ началась нынѣшняя несчастная война, Императоръ Французовъ принимаетъ его условія. Миръ, желаемый и ожидаемый Европою, возвращается, благодаря усиліямъ Франціи.....

Клевреты Бонапартовы возопіютъ въ газетахъ: Франція дала миръ Европѣ. Никто не сдѣлалъ для Европы столько, какъ Императоръ Наполеонъ. Quel grand homme, quelle grande nation! Wive la liberté!!! Wive l'Empereur!

Будетъ Наполеонъ на нашей сторонѣ, и никто не осмѣлится спорить противъ такого предложенія, всѣ умолкнутъ и согласятся. А если-бъ кто вздумалъ противорѣчить, то мы получили бы съ Наполеономъ средства и право начать дѣйствія, кои иначе начались бы въ Европѣ позднѣе, по естественному теченію дѣлъ.

Какія же дѣйствія начались бы иначе въ Европѣ позднѣе, по естественному теченію дѣлъ?

А вотъ какія:

Болгары и Босняки скажутъ: мы разорены, мы содержали на свой коштъ цѣлыя арміи; съ насъ взяты подати за

десять лѣтъ—насъ семь милліоновъ, мы требуемъ обезпеченія нашихъ правъ и дарованія намъ земскаго устава, подобнаго Сербскому.

Сербы скажутъ: мы сохранили вѣрность Турецкому правительству во время всѣхъ смятеній, и требуемъ удаленія Турокъ изъ своихъ городовъ согласно съ прежними договорами.

Наши посланники и консулы другаго духа, чѣмъ прежніе, или съ другими инструкціями, зная нарѣчія и находясь въ живомъ сношеніи съ племенами, а не чрезъ переводчиковъ, какъ то, къ стыду нашему, было прежде, будутъ поддерживать ихъ требованія, содѣйствовать своими совѣтами къ внутреннимъ распорядкамъ, и между тѣмъ сообщать свѣдѣнія во всѣ Европейскія газеты о насиліяхъ Турокъ и о препятствіяхъ, какія христіане получаютъ безпрестанно на пути своего преспѣянія: ну, вотъ, мы говорили, можно ли надѣяться на Турокъ и ихъ обѣщанія и проч. и проч.

Съ Австрійскими Славянами сношенія ученыя, литературныя и церковныя завѣдутся, поддержатся и распространятся, какъ я подробно доносилъ Министру Народнаго Просвѣщенія двадцать почти лѣтъ назадъ. Если католическая церковь со всѣхъ концовъ міра для разсужденія о conception immaculée, то почему православной церкви не созвать своихъ Архіереевъ для произнесенія, на примѣръ, суда о нашихъ расколахъ? Прежняя наша дипломація не осмѣлилась бы и подумать о такой мѣрѣ, но спрашивается, какъ посмѣетъ Австрія не пустить на этотъ соборъ своихъ епископовъ, съ которыми можно поговорить между тѣмъ о другихъ предметахъ? Подъ какимъ предлогомъ она можетъ запретить полученіе Русскихъ книгъ, газетъ и журналовъ въ своихъ владѣніяхъ, когда мы дозволяемъ у себя свободно всѣ Австрійскія? Одно такое запрещеніе можетъ всегда подать поводъ къ войнѣ, а между

тѣмъ пушки у насъ льются, штуцера выдѣлываются, порохъ работается, солдаты учатся стрѣлять, офицеры учатся военному искусству, корабли поспѣваютъ,—ударитъ часъ, —и мы готовы не такъ, какъ нынѣ.

Вотъ что будетъ происходить на Востокѣ по естественному теченію дѣлъ; на Западѣ Наполеонъ. разумѣется, будетъ сидѣть не склавши руки. А намъ что за дѣло! Затѣетъ онъ что нибудь въ Ломбардіи, или на лѣвомъ берегу,—мы сохранимъ неутралитетъ, и, платя за Молдавскій визитъ Австріи, выставимъ на границахъ Галиціи и Трансильваніи по порядочному корпусу.... Пруссаки не должны опасаться, чтобы мы заняли Берлинъ, пока они будутъ бороться на Рейнѣ.

Что же видно на дальнемъ горизонтѣ?

Русскіе Великіе Князья на престолахъ Богеміи, Моравіи, Венгріи, Кроаціи, Славоніи, Далмаціи, Сербіи, Болгаріи, Греціи, Молдавіи, Валахіи,—а Петербургъ въ Константинополѣ, гдѣ выстроится для вдовствующей Императрицы дворецъ поудобнѣе и теплѣе Палермскаго!

Корона Нѣмецкаго Императора на главѣ Прусскаго Короля.

Рейнъ — граница Франціи.

Наполеониды въ Италіи.

Австрійская и Турецкая имперіи не существуютъ.

Англія—торговая контора, съ платежомъ гильдейской повинности Бонапарту!

Изъ другихъ остатковъ Турецкой Имперіи въ Азіи, Африкѣ, Европѣ, можно еще сдѣлать и создать многія государства.

Если Европейскій миръ заключится, при сепаратномъ союзѣ Россіи и Франціи, то эти событія неминуемы по естественному ходу вещей, а если Австрія, Германія и Пруссія не согласятся на такой миръ, то Россія и Франція вызовутъ эти событія гораздо простѣе и скорѣе, не имѣя нужды ожидать никакихъ новыхъ предлоговъ, поводовъ и обстоятельствъ.

Вотъ перспектива — при союзѣ Россіи и Франціи!

А если Бонапартъ ни самъ не предложитъ, не приметъ нашего союза, вслѣдствіе другихъ своихъ тайныхъ плановъ, тогда что намъ дѣлать?

Попытаться на коалицію, чтобъ идти на Парижъ, соединенными силами Германіи, Пруссіи, Австріи, Англіи и Россіи, какъ въ 1812 году?

Коалиція представляется теперь въ числѣ возможностей болѣе другихъ. Европа вѣрно чуетъ, что l'Empire ce n'est pas la paix! Европа вѣрно чуетъ, что Бонапартъ такая ей заноза, отъ какой ей не поздоровится. Англія оборотитъ прежде всѣхъ внимательное ухо на такое предложеніе. Австріи пріятнѣе будетъ отправить во Францію графа Шамбора, чѣмъ даже гробъ Герцога Рейхштадскаго. Германія и Пруссія рады будутъ застраховать Рейнъ. Коалиція вѣрно существуетъ въ душахъ всѣхъ дипломатовъ, если никто изъ нихъ и не смѣетъ ее выговорить. А въ Парижѣ десять партій, которыя рады будутъ ей больше, чѣмъ Талейранова партія во время оно желала низверженія Наполеонова: радикалы, конституціонисты, соціалисты, легитимисты, Орлеанисты! (Мы можемъ даже пугнуть Наполеона коалиціей, привлекая его къ своему союзу!)

Изчисленныя партіи такъ значительны во Франціи, что Фридрихъ II или Суворовъ, даже безъ общаго союза, съ силами Пруссіи и Россіи изъ Люксембурга рѣшились бы напасть на Парижъ, и низвергнули бъ правленіе.

Это все предположенія, возможности, вѣроятности, мечтанія! Можетъ быть нельзя ни склонить Наполеона къ союзу, ни устроить коалицію, всего менѣе ударить на Парижъ съ силами одной Пруссіи и Россіи. Тогда что дѣлать?

Чтобъ заключить миръ честный, хоть близкій къ in statu quo, защищаться и драться изъ всѣхъ силъ, Поляковъ и вообще

Европейское мнѣніе привлечь амнистіей, видами конституціи въ Царствѣ, свободной печатью о внѣшнихъ отношеніяхъ въ Россіи. (Пруссія говорила напримѣръ: мы рады бы объявить себя за Россію тверже, но это противно народу; Англійское правительство могло сказать: мы не хотимъ войны, но народъ ея хочетъ: для чего же и намъ не имѣть въ запасѣ подобныхъ предлоговъ)?

Стараться объ устроеніи Балтійскаго союза между Даніей, Швеціей, Пруссіей и Россіей, о которомъ я писалъ въ одиннадцатомъ письмѣ.

Снарядить блистательное посольство въ Американскія Штаты съ выраженіемъ благодарности за доброжелательное участіе.

Распустить слухи и частныя статьи о снаряжаемыхъ экспедиціяхъ въ Азію, даже оффиціальныя порученія о составленіи проэктовъ съ Кавказа, изъ Оренбурга, изъ Восточной Сибири.

Одушевить народъ Русскій и всѣхъ Славянъ выраженіемъ участія къ ихъ судьбѣ. Теперь одушевленія нѣтъ нигдѣ, ибо первая священная цѣль войны потерялась изъ вида, а изъ пустяковъ кому охота нести въ жертву свою жизнь?

А между тѣмъ, можетъ быть, Бонапартъ свернетъ себѣ шею. Туда ему и дорога! Чорту баранъ! Останется Франція, съ которою при Генрихѣ V или Орлеанахъ, мы заключимъ союзъ на тѣхъ же условіяхъ, разумѣется, искреннѣе — пожалуй хоть съ республикой, сестрой Американскихъ Штатовъ. Наши посланники могутъ всегда подавать благіе и человѣческіе совѣты кому бы то ни было и уравновѣшивать страсти даже среди революціонныхъ оргій.

Перечитавъ свое письмо, я улыбнулся и вспомнилъ о политическихъ проэктахъ Герца, который хотѣлъ возвратить блескъ державѣ Карла XII, и Альберони, который, послѣ Утрехтскаго мира, пытался возвратить Испаніи всѣ прежнія

владѣнія. Можетъ быть, и вамъ придетъ въ голову это сравненіе. Предупрежу его опроверженіемъ. Вотъ какая разница между мною и этими знаменитыми проэктерами: они видѣли въ своихъ проэктахъ единственное спасеніе, и готовы были настаивать на приведеніе ихъ въ дѣйствіе, во что бъ ни стало. Мнѣ возразятъ, что я не могу настаивать, потому что я не Министръ. Министръ я или нѣтъ — это все равно. Дѣло въ силѣ убѣжденія. Герцъ и Альберони были убѣждены въ непреложности своихъ проэктовъ, а для меня мои проэкты — опытъ рѣшенія историко-политической задачи на грифильной доскѣ. Этого мало. Я убѣжденъ теперь такъ, какъ не былъ убѣжденъ никогда, что человѣкъ предполагаетъ, а Богъ опредѣляетъ (L'homme propose et Dieu dispose). Чье-то высшее участіе въ событіяхъ примѣчается даже и простыми глазами: какое самое важное явленіе въ исторіи послѣдняго времени?

Униженіе Англіи и обнаруженіе ея существенныхъ болѣзней, кои не позволятъ ей болѣе занимать прежнее высокое мѣсто въ системѣ Европейскихъ государствъ.

Кто же унизилъ ее, кто обнаружилъ ея болѣзни, кто нанесъ ей смертельный ударъ?

Она сама. Вступаясь за Турцію, коей достоинство, видите, унижалось принятіемъ какого-то несчастнагѣ сонеда, предложеннаго Россіей, она сама упала въ грязь, изъ коей подняться ей уже мудрено, если не невозможно!

Въ чье управленіе случилось это политическое самоубійство?

Въ управленіе Министерства талантовъ умнѣйшихъ, опытнѣйшихъ, геніальныхъ людей изъ всѣхъ партій, такого министерства, котораго всякій почти членъ былъ способенъ управлять и управлялъ государствомъ. Думали ль эти первые, гордые собою люди какую перспективу они открываютъ, какую судьбу они готовятъ своему надменному отечеству? Они забо-

тились изъ всѣхъ силъ о вліяніи своемъ на востокѣ, а дома подавали поводъ вскрыться аневризму. Премудрость премудрыхъ погублена. Я опять вспомню стихи Хомякова 1842 г. Онъ написалъ мало, но къ нему именно можно примѣнить Латинскую поговорку: non multum, sed multa!

Островъ пышный, островъ чудный:
Ты краса подлунной всей,
Лучшій камень изумрудный
Въ голубомъ вѣнцѣ морей!
Грозный стражъ твоей свободы,
Сокрушитель чуждыхъ силъ,
Вкругъ тебя широко воды
Океанъ сѣдой разлилъ.—
Онъ бездоненъ и просторенъ,
И враждуетъ онъ съ землей;
Но смиреленъ, но покоренъ
Онъ любуется тобой.
Для тебя онъ укрощаетъ
Свой неистовый набѣгъ;
И ласкаясь обнимаетъ
Твой бѣлѣющійся брегъ.

Дочь любимая природы,
Благодатная земля!
Какъ кипятъ твои народы,
Какъ цвѣтутъ твои поля!
Какъ державно вадъ волною
Ходитъ твой широкій флагъ!
Какъ кроваво надъ землею
Мечь горитъ въ твоихъ рукахъ!
Какъ свѣтло вѣнецъ науки
Блещетъ надъ твоей главой!
Какъ высоки пѣсенъ звуки
Міру брошенныхъ тобой!
Вся облита блескомъ злата,
Мыслью вся озарена,
Ты счастлива, ты богата,
Ты роскошна, ты сильна.
И далекія державы,
Робко взоръ стремя къ тебѣ,
Ждутъ, какіе вновь уставы
Ты предпишешь ихъ судьбѣ.

Но за то, что ты лукава,
Но за то, что ты горда,
Что тебѣ мірская слава
Выше Божьяго Суда:
Но за то, что Церковь Божью
Святотатственной рукой
Приковала ты къ подножью
Власти суетной, земной...
Для тебя, морей царица,
День придетъ, — и близокъ онъ, —
Блескъ твой, злато, багряница,
Все пройдетъ, минетъ, какъ сонъ:
Громъ въ рукахъ твоихъ остынетъ,
Перестанетъ мечь сверкать,
И сыновъ твоихъ покинетъ
Мысли ясной благодать.
И забывъ твой флагъ державный,
Вновь свободна и грозна,
Заиграетъ своенравно
Моря шумная волна.

И другой странѣ смиренной,
Полной вѣры и чудесъ,
Богъ отдастъ судьбу вселенной,
Громъ земли и гласъ небесъ.

Неожиданное униженіе Англіи неужели человѣческое дѣло, а не Божье? Для чего это случилось такъ, знаетъ Богъ.

А собраніе Европейской силы въ руку какого-то пройдохи, вѣнчаніе висѣльника Императорскою короною, неужели можно объяснить естественно?

Наполеонъ 1 изъ поручиковъ сдѣлался Императоромъ: но онъ защитилъ Тулонъ, онъ покорилъ Италію, онъ завоевалъ Египетъ, онъ одержалъ побѣду при Маренго, онъ шелъ своею дорогою, и на своей дорогѣ нашелъ корону. Здѣсь чуда нѣтъ. А какъ изъ Булонской и Стразбургской арлекинады, чрезъ Гамскую тюрьму, съ репутаціею пустаго и полоумнаго человѣка попасть на престолъ Франціи, скрутивъ сотню Тьеровъ,

Гизо, Беррье, Ламорисіеровъ, Одильоновъ Барро, Шангарнье, Ледро Ролленей и Блановъ,—вотъ это чудо!

Внезапная кончина Императора Николая, здороваго, крѣпкаго, сильнаго, послѣ кратковременной болѣзни, начавшейся легкою обыкновенною простудою, принадлежитъ также къ числу событій, внушающихъ невольное удивленіе.

Удивительны даже многія и частныя событія нашего времени, напримѣръ: оборона Одессы, оборона Соловецкаго монастыря, оборона Камчатки, спасеніе на первыхъ порахъ Севастополя и Свеаборга! Что мы оставляли почти безъ защиты, то спасалося блистательно, куда устремляли все свое вниманіе, тамъ не было никакого успѣха!

При такихъ въ очью нашу совершающихся чудесахъ, не лучше ли всѣмъ намъ, Царямъ и подданнымъ, правительствамъ и народамъ, дѣлать свое дѣло, по чистой совѣсти, въ страхѣ Божьемъ, каждому на своемъ мѣстѣ, и предоставлять остальное Провидѣнію, нисколько не помышляя о достиженіи своихъ человѣческихъ бренныхъ цѣлей? Цѣли достигнутся, можетъ быть, совсѣмъ не тѣ, о которыхъ мы мечтали въ пылу страстныхъ надеждъ,—которыхъ ожидали по математическимъ разсчетамъ и соображеніямъ. И вотъ я, скажутъ, въ области мистики. Можетъ быть,—но мистика соединяется съ Исторіей во времена апокалиптическія!

Занимая мѣсто посторонняго наблюдателя, не зная въ подробности всѣхъ обстоятельствъ и разныхъ тайныхъ пружинъ, я писалъ свои письма подъ вліяніемъ впечатлѣній минуты, иногда подъ вліяніемъ негодованія, досады, страха, иногда въ восторгѣ, но къ заключенію я обыкновенно успокоивался, что гдѣ-то и замѣтилъ. А теперь, съ начала нынѣшняго царствованія, я сталъ еще спокойнѣе, и счастливъ, что раздѣляю это спокойствіе съ самимъ Государемъ, въ которомъ

видѣлъ, когда Онъ былъ еще Великимъ Княземъ, совершенное убѣжденіе, что нынѣшняя война, рано или поздно кончится непремѣнно во благо и славу Россіи. Такъ я сталъ спокоенъ, что недѣль семь не читалъ даже газетъ и работалъ надъ окончаніемъ «Изслѣдованій о древнемъ удѣльномъ періодѣ» съ жаромъ первой молодости. Только на дняхъ, кончивъ нужныя для меня главы, я обратился къ настоящему времени, пробѣжалъ послѣднія газеты и написалъ къ вамъ это письмо, съ единственною цѣлью выбросить изъ головы запалыя невольно мысли. Завтра принимаюсь за сочиненіе записки о настоящемъ состояніи просвѣщенія въ Россіи и мѣрахъ для его содѣйствія, о которой говорилъ мнѣ нашъ Министръ во время послѣдняго моего пребыванія въ С.-Петербургѣ, и за которую я не могъ до сихъ поръ приняться изъ-за политики и изслѣдованій. Дѣло Русскаго просвѣщенія для меня дороже, любезнѣе, знакомѣе и ближе политики, и я надѣюсь изложить свои мысли скоро, хоть и не придумалъ еще формы.

Апрѣля 7.

PS. Удивительное время! Опять не успѣлось переписаться письмо, какъ открылись новыя обстоятельства и признаки. Королева Викторія подвязала подвязку Бонапарту S'inclinant gracieusement, Англичане не подсыпали ему порошка ни въ супъ, ни въ хересъ, и онъ возвратился благополучно въ Парижъ, не задѣтый даже пулею на берегу. А между тѣмъ въ Константинополѣ войска его укрѣпляются больше. Не хочетъ ли онъ, пока посланники въ Вѣнѣ спорятъ о гарантіяхъ, водвориться тамъ, прельстясь словомъ дяди, который сказалъ, что господство надъ Европою принадлежитъ владѣльцу Константинополя? Военные скажутъ, что онъ не можетъ удержаться тамъ вопреки Россіи, Австріи, Англіи, Пруссіи. А я скажу: ну, а если онъ изъ Константинополя объявитъ себя главою Славянскаго движенія, и вмѣстѣ Польскаго, Венгерскаго, Италіанскаго?

Я скажу это впрочемъ не въ первый разъ: на такую возможность указывалъ я нѣсколько разъ,—указанія только пропускались и забывались въ потокѣ рѣчи и происшествій ежедневныхъ. О дѣйствіи своихъ писемъ я никогда не заботился, вы знаете, представляя ихъ только къ свѣдѣнію, но право, перечитывая ихъ и сравнивая обстоятельства, я могъ бы предъявить притязаніе на аттестацію: хоть не пророкъ, но угадчикъ.

Еще мысль мелькаетъ у меня иногда въ головѣ: нѣтъ ли у этого адьютанта сатаны, какъ назвалъ бы его нашъ покойный Никифоръ Евтроповичъ, какого нибудь адскаго, плана къ которому принадлежитъ и произвольное, можетъ быть, замедленіе подъ Севастополемъ и брошюра Жеромова, и обвиненія Австріи въ послѣднихъ статьяхъ?

А можетъ быть, онъ спѣшитъ ослѣпленный на казнь въ Константинополѣ?

Ну, не лучше ли, вмѣсто такихъ треволненныхъ размышленій и противоположныхъ предположеній, заниматься Древней Исторіей? Прощайте же—до новаго искушенія.

XIX.

Царское время.

Время Царское дороже всего на свѣтѣ. Оно должно быть сберегаемо и соблюдаемо до послѣдней минуты, для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ государственныхъ, для размышленія о существенныхъ предметахъ управленія.

Занимать Царя частностями и подробностями, развлекать формами и церемоніями — есть величайшее гражданское преступленіе.

Петръ I, отличавшійся отъ природы особенной дѣятельностію, жаловался часто на недостатокъ времени. А у него въ управленіи было только 10 милліоновъ. Теперь Русское государство считаетъ до 70 милліоновъ жителей, слѣдовательно число дѣлъ умножилось всемеро по естественному приращенію народонаселенія, въ семдесятъ разъ по вновь возникшимъ, разнообразнымъ отношеніямъ между гражданами, неимѣющимъ сравненія съ прежними. Въ такой же соразмѣрности всѣ дѣла стали сложнѣе, мудренѣе и труднѣе для рѣшенія. Войско Петра I едва равнялось одному нынѣшнему отдѣльному корпусу. Что такое была торговля, внѣшняя и внутренняя, финансовая часть, при немъ, и что онѣ при насъ! О печати ему нечего почти было думать, между тѣмъ какъ для современнаго Государя печать есть одинъ изъ самыхъ важныхъ предметовъ заботы. Сравните число служащихъ чиновниковъ,

которыхъ надо руководствовать, наблюдать, награждать и наказывать! А донесенія объ особыхъ происшествіяхъ со всѣхъ концевъ Имперіи, оффиціальные пріемы, осмотры, путешествія, проэкты, доносы, жалобы мнѣнія! Присоедините множество дѣлъ, назову ихъ искусственными, — дѣлъ пустыхъ и ничтожныхъ, коимъ придается иногда важность для полученія лишней аудіенціи, для сообщенія докладу разительности, причемъ запутываются понятія, и должны напрягаться умственныя способности, съ заблужденіемъ часто въ награду!

Мы не воворили еще о внѣшнихъ отношеніяхъ, кои ограничивались при Петрѣ I сосѣдними государствами. Нынѣ къ Русскому Царю везутся депеши изъ всѣхъ пяти частей свѣта, изъ Европы и Азіи, Африки, Америки и Австраліи. Политика отдаленнѣйшихъ государствъ со всѣми ея превратностями, связь ихъ между собою, требуютъ неусыпнаго вниманія. До какихъ же колоссальныхъ размѣровъ достигло количество дѣлъ, подвергаемыхъ на высочайшее воззрѣніе, рѣшеніе, утвержденіе! Мысль цѣпенѣетъ!

И вотъ Русскій Царь дѣлается первымъ труженикомъ своего Царства, несчастнѣе послѣдняго батрака, у котораго послѣ тяжкихъ ежедневныхъ трудовъ, остается все-таки нѣсколько времени для беззаботнаго отдохновенія. У Русскаго Царя нѣтъ этого времени — для вознопенія своего духа къ Богу и теплой сердечной молитвы, нѣтъ времени для вкушенія тихихъ радостей въ кругу своего семейства; Ему некогда подумать о Себѣ, о важнѣйшихъ человѣческихъ вопросахъ и задачахъ земной жизни; Ему некогда заглянуть въ книгу и освѣжить свою мысль, свое чувство. Предъ Его глазами мелькаютъ безпрестанно длинные списки текущихъ обязанностей, и встаютъ грознымъ привидѣніемъ высокія груды безконечныхъ дѣлъ, подъ которыми онъ долженъ проводить свои черты, груды, кои завтра смѣняются новыми и такъ далѣе, безъ конца. . . . Сизифова работа!

Есть ли физическая, не только умственная возможность заниматься ими, съ перерывами и отвлеченіями, еще болѣе тягостными, безъ противуестественнаго напряженія, безъ неизбѣжнаго утомленія, безъ разслабленія всѣхъ силъ, иногда медленнаго, но всегда гибельнаго, не зародивъ во глубинѣ своего сердца этого страшнаго внутренняго червя тоски, досады, неудовольствія, который подточитъ самое крѣпкое тѣлесное здоровье, и истомитъ самую твердую душу? Какое зрѣніе не притупится отъ однихъ взглядовъ, бросаемыхъ по заказу на всю эту пестроту?

Несчастная система, низведшая во гробъ, вмѣстѣ со внѣшними неожиданными ударами, покойнаго Императора Николая Павловича! Въ порывѣ неограниченнаго своего усердія ко благу Отечества, Онъ хотѣлъ дѣлать все самъ, работалъ въ продолженіи тридцати почти лѣтъ, не думая о себѣ, и палъ наконецъ жертвою царственнаго долга, самимъ на себя возложеннаго. Увлекшись блистательнымъ примѣромъ предка, онъ не подумалъ, что со временъ Петра I обстоятельства перемѣнились, и что Петровское дѣланіе, перенесенное въ наше время, становится оптическимъ обманомъ, что большая часть дѣлъ, не смотря на видимую непосредственную зависимость отъ Государя, обращаются такимъ образомъ въ добычу частнаго произвола, застрахованнаго Священнымъ Царскимъ именемъ, и потому безнаказаннаго, или дѣлается, такъ сказать, сама собою по установленному порядку, вопреки часто Его желанію, въ ущербъ общей пользѣ, въ противоположность Россіи по бумагамъ съ Россіею въ натурѣ.

Первая, по моему мнѣнію, задача Государственному Совѣту въ наше время — разобрать и опредѣлить, — какія дѣла должны быть представляемы на Высочайшее воззрѣніе, и какія, безъ малѣйшаго нарушенія Самодержавной власти, могутъ быть рѣшаемы разными отдѣльными высшими вѣдомствами.

Вторая задата — опредѣлить, въ какой степени можетъ быть допущена гласность, въ видахъ предохраненія Правительственныхъ и прочихъ рѣшеній отъ произвольности и учрежденія надъ ними новой необходимой инстанціи—бдительнаго общаго мнѣнія, безъ котораго само Правительство остается часто во тьмѣ.

Эта гласность, въ предѣлахъ благоразумной осторожности, доставитъ еще Государю и Его ближайшимъ сотрудникамъ средства узнавать людей, которыхъ при прежней системѣ узнавать было невозможно, а въ тѣсномъ кругѣ приближенныхъ мудрено дѣлать и выборъ. Даръ выбирать людей, впрочемъ очень рѣдкій въ Исторіи всѣхъ Государствъ, лишился нынѣ почти своей цѣны и значенія, потому что Государь по ходу дѣлъ не можетъ быть въ такомъ близкомъ общеніи съ народомъ, въ какомъ быль Петръ I и Екатерина II. Этотъ случайный даръ долженъ замѣниться дѣйствіями гласности и общаго мнѣнія.

Государь освободясь изъ подъ бремени гнетущихъ Его, часто безъ нужды и пользы, дѣлъ, облегчась, такъ сказать, во всѣхъ своихъ движеніяхъ, войдя въ свои человѣческія права, возможетъ посвящать полное вниманіе на дѣла, достойныя Его высокаго сана, употреблять свое время на спокойныя размышленія о великой Царской обязанности, обращать свой умъ, куда заблагоразсудится, и вести Богомъ вверенный Ему народъ къ великой его цѣли, по избранному пути такъ, какъ Богъ ему на сердце положитъ. Господи! Вразуми Его, спаси, сохрани и помилуй!

Апрѣля 17
1865 г.

XX.

Потребности минуты.

Отечество въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, если еще не въ опасныхъ: союзниковъ благонадежныхъ мы не имѣемъ; друзья насъ выдали, враги напираютъ со всѣхъ сторонъ; всѣ внутреннія дѣла давно уже пришли въ страшный безпорядокъ. Не видать никакого порядочнаго выхода. Европа выслала противъ насъ сто тысячь, и мы, имѣя подъ ружьемъ полтора милліона героевъ, не можемъ управиться съ ними въ продолженіи двухъ лѣтъ, и уступаемъ вездѣ въ количествѣ; не можемъ выжить ихъ даже изъ своихъ предѣловъ, не смотря на помощь болѣзней, бурь и ихъ ошибокъ. Припасы наши истощаются по напрасну, безпрестанные наборы ослабляютъ населеніе, опустошаютъ землю, торговля остановилась, золото Сибирское расточается дурно, а что всего хуже, правда вышла изъ общаго употребленія, какъ ненужная ассигнація, и замѣнилась вездѣ всепроникнувшею ложью, которая со всякою минутою покрываетъ тьмою глаза правительства гуще и гуще.

Какое заключеніе съ перваго взгляда выведетъ посторонній наблюдатель, обозрѣвая настоящее положеніе? Старыя формы распоряженій, отношеній, назначеній, отчетовъ, всего дѣлопроизводства обветшали, оказываются недостаточными, и въ новыхъ обстоятельствахъ должны быть пріискиваемы новыя средства спасенія. Платье износилось, если и было сначала

хорошо и красиво: нельзя ходить въ лохмотьяхъ, хоть и парчевыхъ, бархатныхъ, атласныхъ.

Къ числу такихъ новыхъ средствъ осмѣливаюсь напомнить на одно самое старое—земскую думу: пусть велитъ Государь прислать къ нему „изъ большихъ, среднихъ и мелкихъ людей, добрыхъ и умныхъ людей, съ кѣмъ о земскомъ дѣлѣ говорити, — и всѣ Русскіе люди авось подымутъ поникнувшую свою голову, разверзутъ уста, прильпнувшія къ гортани, посовѣтуются между собою искренно и любовно, и представятъ Царю по древнему обычаю откровенныя мнѣнія о всѣхъ современныхъ вопросахъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, а Царь рѣшай, какъ Богъ ему на сердце положитъ. Не можетъ быть, чтобы изъ семидесяти милліоновъ народа, столько даровитаго, не нашлось на всякое дѣло по нѣскольку умныхъ совѣтниковъ и добросовѣстныхъ исполнителей. Нашелся же въ 1612 году Генералъ Интендантъ для дѣйствующей арміи Нижегородскій мѣщанинъ Козьма Мининъ, который управлялъ своимъ дѣломъ лучше всякаго нынѣшняго Коммисаріатскаго Департамента. Нашелся же въ осажденномъ городѣ Капитанъ Тотлебенъ, который съумѣлъ защитить до сихъ поръ городъ землею отъ всѣхъ вновь изобрѣтенныхъ бомбъ, картечь и пуль, со стороны оставленной безъ вниманія многими полными генералами.

Вѣрно найдутся на общемъ совѣтѣ и по мірскому приговору новые, способные главнокомандующіе, генералы и офицеры, и въ гласѣ народномъ послышится гласъ Божій.

Вѣрно найдутся также разныя облегчительныя мѣры для продовольствія и снабженія войскъ всѣми нужными вещами; укажутся новые источники доходовъ, откроются средства для содѣйствія обращенію денегъ.

Мы всѣ теперь упали духомъ, ослабѣли, опошлѣли, притупѣли, испортились, развратились, отвыкли отъ участія въ

общемъ дѣлѣ—и лжемъ безъ всякаго милосердія! Когда новый Царь, встрѣченный съ такою любовью, произнесетъ великое слово, и призоветъ къ жизни Русскій народъ, онъ вѣрно возродится, встанетъ, какъ одинъ человѣкъ, стряхнетъ съ себя оковы всѣхъ пороковъ, наслѣдственныхъ и благопріобрѣтенныхъ, будетъ готовъ на всѣ пожертвованія, и оставитъ всякіе мелочные разсчеты

Мы представляемъ теперь трупъ, вспрыснутый уже мертвою водою; насъ надо вспрыснуть живою водою,—и Европа удивится, можетъ быть, Русской силѣ.

Невѣжи, злоумышленники, подлецы будутъ пугать правительство Французской революціей, которая произошла изъ assemblée nationale—нелѣпыя опасенія! Революція во Франціи возникла изъ сѣмянъ, брошенныхъ Исторіей еще въ началѣ государства, которыхъ у насъ не было, а потому не можетъ быть и ихъ несчастнаго плода.

Мы соберемся въ думу съ любовію, въ духѣ преданности къ Государю, не питая ни къ кому ни злобы, ни ненависти, желая отъ души пособить правительству въ его мудреномъ и трудномъ положеніи, нашимъ словомъ и дѣломъ, какъ до сихъ поръ были съ нимъ за одно своимъ помышленіемъ. Народъ во Франціи требовалъ почти насильно собранія, а у насъ едва ли есть десять человѣкъ, которымъ приходитъ въ голову Земская Дума, какъ средство, могущее вывести насъ сколько нибудь изъ труднаго положенія. Я самъ, пишучи эти строки, предлагаю такую мѣру, какъ частное, личное мнѣніе, и отнюдь не приписываю ей исключительно необходимости. Пусть придумаютъ другую мѣру, если не нравится эта, напримѣръ: позволеніе, хоть на извѣстный срокъ, выражать всякому печатно свое мнѣніе о внутреннемъ и внѣшнемъ положеніи государства, и средствахъ для содѣйствія общему благу. Не понравится и эта мѣра, пусть правительство постарается

всѣми, зависящими отъ него, средствами узнать способныхъ, честныхъ и дѣятельныхъ людей по всѣмъ сословіямъ и по всѣмъ вѣдомствамъ, коихъ оно могло бы употребить по усмотрѣнію, ибо все, все и все зависитъ отъ выбора людей. Найдите средство такъ или иначе угадать ихъ, и все пойдетъ хорошо. Только не останавливайтесь въ старыхъ колеяхъ, съ прежнею системою. Прежняя система отжила свой вѣкъ. Самъ Богъ, взявъ съ поприща дѣйствій покойнаго Государя, показалъ намъ, что для Россіи нужна теперь другая система. Если бы достаточно было прежней, то Онъ оставилъ бы покойника управлять такъ, какъ онъ управлялъ уже тридцать лѣтъ. Предавъ управленіе въ другія руки, Онъ Самъ явилъ очевидно Свою волю. Намъ остается внять высшему глаголу и исполнить высшее повелѣніе, ясно выраженное, чтобъ не велѣлъ Онъ ввергнуть неключимыхъ рабовъ въ тьму кромѣшную: ту будетъ плачь и скрежетъ зубомъ!

Мая 16.
1855 года.

XXI.

Подобно древней Кассандрѣ считаю я своимъ злополучнымъ долгомъ возносить по временамъ голосъ и сообщать во всеуслышаніе то, что представляется мысленнымъ моимъ взорамъ среди безпрерывныхъ тщательныхъ наблюденій надъ текущею Исторіей.

Это второе зрѣніе, это историческое чутье обманывало меня рѣдко, (на что могу представить много осязательныхъ доказательствъ изъ прежнихъ моихъ политическихъ писемъ). и потому заслуживаетъ довѣрія.

Говорю такъ, разумѣется, съ тою единственно цѣлью, чтобъ *привлечь* сколько нибудь *вниманія* къ содержанію настоящей моей записки, дабы она не проскользнула безъ дѣйствія, доставивъ одно занимательное чтеніе.

Преданность моя престолу извѣстна Государю Императору съ давнихъ лѣтъ, и Онъ знаетъ, что перомъ моимъ водитъ одна искренняя любовь къ Отечеству, которой, не смотря на грубость иногда ея выраженія, отдавалъ справедливость самъ покойный Его Родитель.

Обстоятельства такъ важны и страшная развязка приближается такъ быстро, подобно евангельскому жениху, что судьба пяти дѣвъ—юродивыхъ должна приводить въ трепетъ всякаго истиннаго сына отечества, кольми паче сановниковъ, находящихся при кормилѣ правленія.

Общее вниманіе Европы, Россіи, правительствъ, народа устремлено теперь на Севастополь и Кронштадтъ. Точно подъ Севастополемъ разыгрывается страшная драма, надъ Петербургомъ восходитъ грозная туча; но рѣшеніе великаго вопроса происходитъ не тамъ. Это только занавѣсы, за которыми совершается главное дѣйствіе, кровавогромовые отводы вниманія, и предметы для разговоровъ праздной Европейской публики.

Не для Севастополя, котораго враги удержать не могутъ, если и возьмутъ, не для Кронштадта, котораго разрушеніе съ самимъ Петербургомъ причинитъ только временный убытокъ (и, можетъ быть, вѣковѣчную пользу), употребляютъ Франція и Англія ежегодно по милліарду, приносятъ въ жертву сотни тысячь войска, истощаютъ свои силы и ставятъ на карту свою судьбу!

Они хотятъ раздѣлить между собою Турцію, точно какъ въ прошедшемъ столѣтіи раздѣлена была Польша, съ тою разницею, что мы отстраняемся отъ законнаго участія въ наслѣдствѣ, теряемъ плоды столѣтнихъ усилій, подвиговъ и побѣдъ, отталкиваемся съ презрѣніемъ отъ того вѣнца, до котораго прикасались уже рукою.

Эта цѣль обнаруживается теперь такъ ясно, что для ея усмотрѣнія не нужно даже втораго зрѣнія, а достаточно первое, лишь бы не закрывалось оно туманомъ.

Уже въ газетахъ говорится о требованіи союзниками проливовъ Константинопольскаго и Дарданельскаго, въ обезпеченіе Турецкаго займа.

Сильнѣйшія укрѣпленія воздвигаются ими на всѣхъ важнѣйшихъ пунктахъ Чернаго моря, не исключая Крымскихъ береговъ.

Да, передъ нашими глазами враги *берутъ во владѣніе* Турцію. Константинополь, Египетъ, Аравія, Малая Азія, острова,

а вани въ Синопѣ, Батумѣ, Трапезунтѣ, Варнѣ, чего добраго въ Еникале, Аамышѣ, вознаградятъ ихъ съ лихвою за принесенныя жертвы, и покроютъ съ излишкомъ всѣ ихъ долги, прошедшіе, настоящіе и будущіе.

Молдавія и Валахія, по старинному плану Талейрана, отдадутся, можетъ быть, Австріи, если это искаріотское Государство, находится съ ними *въ тайномъ заговорѣ*, въ чемъ едва ли и сомнѣваться можно.

Изъ Славянскихъ странъ-Болгаріи, Сербіи, Босніи, образуются свободныя государства, которыя рады будутъ получить себѣ политическую независимость отъ кого бы то ни было, и примутъ съ благодарностью Западное покровительство.

А мы? Мы отсидимся на развалинахъ Севастополя, озаренные славою неустрашимости и твердости, оправданные предъ Европою въ приписанныхъ намъ замыслахъ властолюбія, доказавшіе торжественно свою невинность и простосердечіе!

Но не долго продолжится и это спокойствіе! Польша встанетъ непременно, ободренная и возбужденная врагами, которымъ захочется ослабить насъ вдосталь. Мы должны будемъ спѣшить на Западную границу, и отстаивать грудью родные предѣлы....

Не минуемо нападеніе и съ прочихъ сторонъ, которое можно предвидѣть, по нравоученію басни Крылова о Львѣ въ старости.

Вотъ тогда-то отодвинется Россія въ самомъ дѣлѣ на двѣстѣ лѣтъ назадъ, въ исполненіе Западной похвальбы, которую мы слушали съ такою улыбкою презрѣнія, какъ нѣчто нелѣпое и невозможное, вотъ тогда-то вздрогнутъ и застонутъ въ своихъ глубокихъ могилахъ кости Петра, Екатерины, Александра, и самаго Николая Павловича.

Въ мудреныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ принимаетъ Государь свою державу, разстроенную въ то же время и внутри, хоть ослѣпленные льстецы и славятъ ея благоденствіе!.... Какое презрѣніе достанется на долю всѣхъ допустившихъ и допускающихъ подобные ужасы....

А они грозятъ намъ—это вѣрно! *Пусть всякій читающій эти строки*, скажетъ, положа руку на сердце, могутъ ли они случиться съ нами, или нѣтъ?

Если могутъ, такъ.... такъ подумайте,—какъ ихъ отвратить!

Скажутъ: есть Богъ, который событіямъ полагаетъ предѣлъ, его же не прейдеши.

Противъ этого положенія никто спорить не станетъ, но нельзя спорить и противъ другаго, что люди, съ своей стороны, должны дѣлать свое дѣло,—предаваясь въ волю Божію, отъ коей всегда зависитъ исходъ.

Другое возраженіе: предположенія вѣроятны,—но все таки, по тѣмъ или другимъ причинамъ, могутъ не исполниться, и въ случаѣ ихъ неисполненія всякое новое наше движеніе можетъ причинить вредъ въ настоящихъ обстоятельствахъ.

Въ томъ-то и мудрость политики—выбрать такое положеніе, найдти такія средства, принять такія мѣры, кои, во всякомъ случаѣ, застраховывая потерю, обезпечивая пользу, не моглибъ причинить намъ никакого вреда, какъ бы ни оборотились обстоятельства.

Не стану ихъ указывать теперь, чтобъ не отвлекать вниманія отъ главной цѣли моего письма, которая есть—показать, по долгу званія своего и присяги, историческое *значеніе минуты*, возбудить, уяснить *сознаніе опасности* великой, какой не бывало еще въ Руской исторіи, ни на Куликовомъ полѣ, ни подъ Полтавою, ни въ Бородинѣ, —опасности, тѣмъ болѣе страшной, что она во все какъ будто не примѣчается.

Какъ бы то ни было, настоящее письмо мое послужитъ, чего оборони Боже, *обвинительнымъ актомъ* нашихъ государственныхъ людей предъ судомъ исторіи и предъ судомъ потомства, если они, не возвышаясь *надъ формами и формальностями*, оставятъ молодаго Государя, удрученнаго скорбію, смущеннаго страшной отвѣтственностію, волнуемаго мудреными ежеминутно-новыми обстоятельствами,—безъ дѣятельнаго, ревностнаго, всесторонняго своего содѣйствія, и не постараются облегчить Его бремени, превышающаго человѣческія силы.

PS. Въ званіи историка долженъ присовокупить я здѣсь, что отечественная исторія представляетъ одинъ, впрочемъ разительный, примѣръ—для ободренія. Въ 1600 годахъ вся Россія доставалась Сигизмунду III, но онъ хотѣлъ взять прежде Смоленскъ,—и далъ время перемѣниться обстоятельствамъ, спастися Россіи! Не будетъ ли теперь *задержка* подъ Севастополемъ имѣть подобное значеніе? О если-бы! Во всякомъ случаѣ темная надежда не должна ослаблять дѣятельности.

30 Іюля.

Политика нашего времени измѣняется, какъ погода. Барометръ поднимается и падаетъ безпрестанно. Послѣднія извѣстія съ Запада говорятъ въ нашу пользу: между врагами замѣчается несогласіе, Лордъ Руссель вопіетъ противъ иностранныхъ войскъ въ Италіи, газеты ругаютъ Австрію, и вѣроятіе темнаго заговора уменьшается. Тѣмъ лучше! Во всякомъ случаѣ осторожность не помѣшаетъ, и новыя, сильныя, разнообразныя мѣры, обезпечатъ только успѣхъ нашего праваго и святаго дѣла.

7 Августа.

XXII.

Намѣренія нашихъ враговъ обнаруживаются яснѣе и яснѣе: они сожгли нашъ флотъ, разрушили Севастополь, уничтожили всѣ Черноморскія крѣпости, и все таки продолжаютъ войну съ прежнимъ ожесточеніемъ, напрягаютъ еще болѣе силы, вооружаютъ новые союзы.

Чего же хотятъ они? Съ какою цѣлью тратятся занимаемые съ нуждою милліарды, высылаются на убой и болѣзнь свѣжія арміи, приносятся всякія жертвы? Цѣль должна соотвѣтствовать усиліямъ.

Поддержать Турцію? Она кончается въ ихъ объятіяхъ. Овладѣть Турціею? Нельзя, имѣя въ сосѣдствѣ противъ себя сильную Россію. Слѣдовательно для нихъ необходимо ослабить Россію, то есть, привести ее въ такое положеніе, чтобы она не могла не только мѣшать имъ въ исполненіи ихъ намѣреній относительно Турціи, но и лишилась бы средствъ на будущее время поправить свои обстоятельства, возвратить потерянное, возстановить свое могущество и стать на то мѣсто въ системѣ Европейскихъ государствъ, съ котораго теперь низводится.

Какъ же можно ослабить Россію?

Отнятіе у Россіи одной какой бы то ни было области не принесетъ врагамъ никакой пользы, потому что ослабитъ ее

весьма мало, а ихъ будетъ изнурять постоянно необходимостію содержать многочисленное войско для охраненія, съ перспективою потерять ее при первомъ случаѣ съ безчестіемъ.

Не могутъ они предполагать, что бы мы уступили имъ что нибудь равнодушно, и не стали стараться о возвращеніи, не смотря ни на какія обязательные трактаты, всегда удобные для толкованій произвольныхъ.

Оставленіе Россіи въ настоящихъ ея предѣлахъ, хотя бы были возложены на нее другія тягостныя условія, будетъ мѣшать всегда вліянію враговъ на Востокѣ, препятствовать ихъ дѣйствіямъ и распоряженіямъ, держать ихъ въ безпрестанномъ страхѣ, грозить жестокимъ наказаніемъ за настоящій ударъ, нанесенный ей въ то время, какъ она не думала ни о какихъ завоеваніяхъ.

Ослабить Россію замышляютъ они очевидно лишеніемъ всѣхъ западныхъ областей и ссылкою насъ за Днѣпръ. Бессарабія присоединится къ Молдавіи и Валахіи, и изъ нихъ образуется особое государство для отдѣленія насъ отъ Славянъ; Южные Славяне, можетъ быть, также составятъ другое независимое государство; Царство Польское, съ присоединеніемъ смежныхъ областей, составитъ третье государство, враждебное Россіи, загораживающее ее отъ Европы; Остзейскія губерніи, вмѣстѣ съ Финляндіею, должны будутъ усилить Швецію, а Закавказье отойдти къ новымъ владѣльцамъ Азіатской Турціи и Персіи. Вотъ передѣлка Европейской карты, которая впрочемъ уже давно повторяется въ газетахъ. Мы останемся въ предѣлахъ Царя Михаила Ѳедоровича, изъ которыхъ, разумѣется, уже вновь выйдти будетъ мудрено. Вотъ цѣль Англо-Французскаго союза, для которой приносятся такія жертвы, и къ которой, что вы ни говорите, они постепенно придвигаются. Ни какой другой предположить нельзя,

ибо всякая другая не можетъ принести имъ прочной пользы, а развѣ постоянный вредъ. Иначе всѣ труды ихъ потеряны и всѣ жертвы принесены даромъ!

Могутъ ли единоборцы довольствоваться тѣмъ, что у того или другаго ушибена будетъ въ бою одна рука или одна нога, или даже отсѣченъ тотъ илъ другой палецъ, проломлена голова? Нѣтъ, такія раны только раздражаютъ, усиливаютъ злобу, возбудаютъ жажду мести. Борцы хотятъ повергнуть другъ друга на землю, привести въ такое положеніе, чтобъ нельзя было встать на ноги, начать новую борьбу, или искать случая отмстить такъ или иначе. Убить соперника до смерти, или, по крайней мѣрѣ, связать ему руки и ноги, выколоть глаза, приковать къ позорному столбу, что-бъ онъ не смѣлъ и шелохнуться.—Вотъ чего хотятъ смертельные враги!—Вотъ что хочетъ сдѣлать и съ Россіею остервенившійся Западъ!

И надо согласиться, что шагъ за шагомъ, но идутъ враги неукоснительно, безостановочно, впередъ къ своей цѣли, не смотря ни на какія встрѣчаемыя трудности. Для нихъ все какъ будто равно, успѣхи или неудачи, побѣды или пораженія, счастье, несчастье, ничего не существуетъ! Дальше, дальше! Вотъ что ихъ только занимаетъ и наполняетъ. Они останавливаются, задерживаются на своемъ пути, принуждены бываютъ употреблять болѣе назначеннаго времени, денегъ, людей, какъ то случилось подъ Севастополемъ, подъ которымъ простояли они одинадцать мѣсяцевъ, вмѣсто дней, какъ то случилось на Балтійскомъ морѣ, гдѣ они въ два года успѣли еще не много,—по это однѣ временныя отсрочки и промедленія. Они все таки идутъ, идутъ впередъ! и хотятъ во что бы ни стало, достигнуть предполагаемой цѣли, которая видно по ихъ разсчетамъ вознаградитъ ихъ съ лихвою за все.

Взгляните на ихъ положенiе, вспомните, отдуда они пошли, и посмотрите, куда уже они непримѣтно пришли; подумайте, какiя открываются передъ ними новыя поприща. Сперва отняли они у насъ Черное море, потомъ Азовское, укрѣпились, говорятъ, неприступно на главныхъ пунктахъ Крымскихъ береговъ, разрушили Севастополь, твердыню, воздвигавшуюся пятьдесятъ лѣтъ, сожгли Керчь, Таганрогъ, Бердянскъ, и прочiе приморскiе города, выгнали насъ изъ Анапы, и заставили оставить всѣ Кавказскiя береговыя крѣпости, оставить Камчатку, загородили устья Днѣпра, Буга и Дона, уничтожили нашъ Черноморскiй флотъ, заперли Балтiйское и Бѣлое моря, обезоружили Аландскiе острова, сдѣлали опытъ надъ Одессою и Свеаборгомъ. Теперь гроза виситъ надъ Николаевымъ и Кронштадтомъ. Можетъ быть, высадятся они въ Азiатской Турцiи, Бессарабiи, Курляндiи, откуда подвергнется опасности Польша, Литва, Подолiя или Закавказье. Союзниковъ у насъ нѣтъ. Наши неутральные друзья держатся не любовью къ намъ, не участiемъ къ нашей судьбѣ, а только страхомъ, чтобъ опасность не увеличилась для нихъ съ другой стороны, безъ нашей contrepoids; а когда увидятъ, что мы не можемъ устоять и принуждены будемъ уступить, тогда налягутъ на насъ вмѣстѣ съ прочими, и даже Европейскiе зайцы, откуда ни возмутся и потянутъ за ухо. Узнаемъ мы и ослиныя копыта!

Угрозы, кои мы считали хвастовствомъ, упоенные мыслiю о нашемъ могуществѣ, начинаютъ сбываться къ нашему удивленiю, стыду и горести. Будущее помрачено новыми опасностями. А прошедшее какъ будто уже и не бывало: слѣды Екатерининскiе пропали, воспоминанiе о требованiхъ Князя Меньшикова, о правомъ и святомъ дѣлѣ, существуетъ только въ старыхъ газетахъ, съ которыми никто не справляется.

А между тѣмъ негоціаціи продолжаются, то одно посредничество принимается, то другое; повѣренные разъѣзжаютъ отъ двора ко двору;—это, во первыхъ, вѣрное средство содержать насъ въ неопредѣленномъ положеніи, между страхомъ и надеждою, сномъ и бдѣніемъ, маня ожиданіями, не допускать до рѣшительныхъ мѣръ, кои могутъ затруднить ихъ еще болѣе;—во вторыхъ, это пособіе занимать праздную Европейскую публику и наполнять газетные столбцы. Наконецъ это запасное средство, на случай какого нибудь внезапнаго несчастія, потери большаго сраженія, признаковъ внутренняго неудовольствія, перемѣны мыслей, изнуренія, утомленія,—превратностей, которыхъ нельзя предвидѣть въ военное время. Тогда, затаивъ въ сердцѣ злобу, враги, разумѣется, принуждены будутъ остановиться на своемъ пути, отложить свои задушевныя желанія, и, смотря по обстоятельствамъ, уменьшить свои требованія, впредь до благопріятнѣйшаго времени.

А пока ихъ нѣтъ, то есть, пока нѣтъ для нихъ существенной необходимости уступить, до тѣхъ поръ всѣ разговоры—пустая болтовня.

Вспомнимъ, что мы пронадѣялись кончить войну Вѣнскою нотою, потомъ принятіемъ четырехъ гарантій; нынѣшнія предложенія содержатся втайнѣ.

Многіе говорятъ теперь: лучше бъ согласиться намъ было прежде на ограниченіе флота четырьмя кораблями, сгорѣли же они всѣ. Пустое и безполезное раскаяніе! Если бы мы согласились имѣть тогда только четыре корабля, то у насъ спросили бы, пожалуй, пяти крѣпостей и другаго чего. Мы унизились бы тогда понапрасну, безъ всякой пользы и безъ всякихъ видовъ для себя; понапрасну унижаемся и теперь, дѣлая ту или другую уступку, потому что со всякою новою уступкою мы завлекаемъ враговъ дальше и дальше на ихъ

пути, вызываемъ только наружу новыя требованія, однѣ за другими, на кои въ заключеніе мы все таки не можемъ согласиться, и безъ коихъ они въ свою очередь не оставятъ насъ въ покоѣ.

Опредѣленность цѣли—вотъ ихъ сила.

Неопредѣленность—вотъ наша слабость.

Соотвѣтственно съ цѣлью у нихъ есть точная система, а у насъ—безпрерывная шаткость, измѣнчивость, и потому неуспѣхъ.

Планъ ихъ долженъ быть колоссальный, на нашу пагубу, начертанный вѣроятно съ самаго начала войны вполнѣ, во всѣхъ подробностяхъ, и только для Европейской толпы, для нашего усыпленія, раздѣленный на пріемы, черезъ часъ по ложкѣ. Наша первая бѣда, наша злосчастная роковая ошибка, что мы всякую ложку, впродолженіи двухъ лѣтъ, считали и теперь еще считаемъ за послѣднюю, а сосудъ полонъ опта! Наша пагубная вина, что мы сражались и теперь еще сражаемся съ настоящею минутою, а все будущее, то есть, всю судьбу свою, (не говорю уже судьбу своего племени), оставляемъ по Русски на авось! Мы защищали Севастополь, теперь стараемся удержать Крымъ, укрѣпляемся въ Николаевѣ и Кронштадтѣ, готовимся встрѣтить въ Бессарабіи, и забываемъ, что дѣло идетъ не о Севастополѣ, не о Крымѣ, не о Петербургѣ, а дѣло идетъ о спасеніи Россіи, о судьбѣ Славянскаго міра!

Планъ колоссальный, которому надо отдать честь, смотря съ ихъ точки зрѣнія! Не въ пустыхъ головахъ могъ онъ зачаться! Не подъ гладкими черепами и узкими лбами могъ онъ помѣститься! Духомъ всего Запада породился онъ! Европа увидѣла, почувствовала, почуяла опасность и поднялася! Вопросъ не восточный рѣшается, а всемірный: быть или не быть

Россіи? Не быть, излиха вопіютъ враги. Быть — молится, надѣется и вѣруетъ Русское сердце.

Страшный замыселъ! А нѣтъ, въ немъ много и такого, чего не видятъ враги, чего не видимъ мы, что откроется въ событіяхъ, нѣмъ лице всего дѣла измѣнится, и посрамятся люди, и прославится Господь! Тайны Божія неисповѣдимы: намъ-ли предоставлено видѣть, что доступно для глазъ, слышать, что раздается въ ушахъ, судить по законамъ непреложнымъ ума, и дѣлать во всякую минуту по совѣсти, на основаніи положительныхъ данныхъ, свое дѣло?

Этотъ умъ и эта совѣсть повелѣваютъ намъ отложить ту систему, которая привела насъ на край гибели. Этотъ умъ и эта совѣсть повелѣваютъ намъ избрать другую систему, которая могла бъ открыть намъ исходъ спасенія. Съ послѣдователями прежней системы объясниться легко:

Вы не хотѣли брать Константинополя, чтобъ не воевать съ Европой, ну, вотъ Константинополь заняли Французы и Англичане, а война все таки на вашихъ плечахъ, да еще гдѣ, подъ Петербургомъ, въ Крыму, и предъ сердцемъ Россіи.

Вы не хотѣли ласкать Славянъ, чтобъ не возбудить ни чьей подозрительности, — и охладили ихъ, а Австрійцы и Англичане все таки за мнимыя козни налегли вамъ на шею, да и придавили такъ, что дохнуть вамъ трудно.

Вы гонялись за славой великодушія и безкорыстія, и закалали ей въ жертву ежедневно по сту воловъ и тысячѣ барановъ, а во всей Европѣ раздается анаѳема вашей алчности и низости.

Ясны ли вамъ слѣдствія, совершенно противоположныя вашимъ намѣреніямъ и цѣлямъ? Въ добавокъ — самое могущественное государство въ мірѣ виситъ въ эту минуту по вашей милости на волоскѣ, и должно трепетать за свое прошедшее, за свое

настоящее, и за свое будущее. Союзниковъ у васъ нѣтъ, друзей не бывало, враги кругомъ и предатели за всѣми углами, ну, такъ скажите, хороша ли была ваша политика?

Станемъ же искать другую! Разберемъ все порядкомъ, по суставамъ, пойдемъ, какъ въ математикѣ, отъ извѣстнаго неизвѣстному, приведемъ дѣло въ ясность, и потомъ опредѣлимъ дѣйствія, поставимъ цѣль, поищемъ средствъ.

Изъ предложеннаго разсужденія явствуетъ, что враги положили между собою—унизить, разслабить, обобрать и поразить Россію.

Можемъ ли мы допустить это? Пусть, положа руку на сердце, отвѣчаетъ Царь, правительство, народъ.

Царь не задумается ни на минуту отвѣчать рѣшительно: нѣтъ! На тронѣ предателей не бываетъ, сказалъ Карамзинъ. При самомъ вступленіи на престолъ онъ объявилъ намъ свои чувствованія, и мы ему повѣрили.

Всѣ члены Царскаго семейства думаютъ безъ всякаго сомнѣнія одинаково. Честь Россіи для нихъ священна. Какія угодно жертвы они готовы принести для ея спасенія, и съ другой стороны ни за какія на свѣтѣ блага не посягнутъ на ея оскорбленіе въ жизненномъ вопросѣ, такъ поставленномъ нынѣ судьбою.

Нѣтъ,—подастъ голосъ съ того свѣта и Онъ, покойникъ, который вѣрно согласился бы лучше умереть еще двадцать разъ въ жесточайшихъ мученіяхъ, чѣмъ допустить за знамо униженіе Россіи. Мы увѣрены въ томъ всѣ теперь, увѣрены были и при его жизни, какъ ни тяжело было его время, вслѣдствіе ошибочной системы.

И всѣ наши сановники, составляющіе правительство, на которыхъ мы столько жаловались и жалуемся, справедливо

и несправедливо, не усомнятся ни мало дать отрицательный отвѣтъ. Личные разсчеты, соображенія, двусмысленности, заднія мысли умолкнутъ, забудутся и исчезнутъ. Составится одно мнѣніе, рѣшительное и благородное, когда дѣло дойдетъ до роковаго выбора.

Единодушіе умилительное и вмѣстѣ могущественное! Въ его истинѣ никто изъ насъ ни сколько не сомнѣвается, и въ этомъ убѣжденіи находимъ себѣ утѣшеніе и ободреніе.

Рѣшивъ такимъ образомъ вопросъ между собою въ высшей сферѣ, пусть правительство сообщитъ все дѣло народу, потому что жизненный вопросъ относится къ нему сполна.

Объясните ему исторію войны по порядку, коротко, ясно и откровенно, какъ довлѣетъ Русскому толку, съ которымъ предлежитъ вамъ разсужденіе, не прибѣгая ни къ какимъ натяжкамъ и украшеніямъ.

Вотъ чего потребовали мы съ Турокъ съ начала, согласно съ нашими правами, по такимъ то договорамъ. Мы получили отказъ, и, что бы понудить къ исполненію нашихъ требованій, заняли Дунайскія княжества, подъ нашимъ покровительствомъ издавна находящіяся. Морскія державы воспользовались этимъ случаемъ, неосторожно нами, хотя и безъ умысла, поданнымъ, чтобы нанести намъ войну, замышленную впрочемъ гораздо прежде, какъ теперь по всѣмъ обстоятельствамъ дѣла открывается. Ни мало не приготовленные къ войнѣ, о коей намъ и въ голову не приходило, застигнутые въ расплохъ, мы приведены были въ самое затруднительное положеніе. Покойный Гогударь вывелъ войско изъ княжествъ, дѣлалъ всевозможныя уступки,—ни что не помогало, и онъ палъ наконецъ жертвой этихъ непредвидѣнныхъ имъ обстоятельствъ.

Чѣмъ болѣе мы уступали, тѣмъ болѣе враги возвышали свои требованія, обвиняя насъ между тѣмъ предъ Европою

во властолюбіи и честолюбіи, то есть, сводя съ больной головы на здоровую.

Вотъ что наконецъ они намъ объявили, а на умѣ держатъ еще гораздо болѣе. Турцію содержатъ они въ полномъ своемъ распоряженіи, и Султанъ безъ спроса не смѣетъ сдѣлать шагу, хотя война начата яко бы за покушеніе на его права; Греціей, находящейся по трактатамъ подъ нашимъ покровительствомъ, консулы ихъ помыкаютъ, какъ вздумаютъ; Молдавія и Валахія, равно какъ и всѣ укрѣпленныя мѣста по берегамъ Чернаго, Мраморнаго и Средиземнаго морей, заняты военною силою. Этого мало,—хозяйничая такъ въ предѣлахъ своей несчастной союзницы, они вторглись въ наши предѣлы, опустошаютъ всѣ берега, даже до отдаленной Камчатки и Америки, укрѣпились на многихъ важныхъ пунктахъ, погубили нашъ флотъ, разрушили Севастополь, и собираются разрушить Николаевъ и Кронштадтъ, напасть на западныя границы. Однимъ словомъ,—враги показали ясно свое непремѣнное намѣреніе стереть съ лица земли Россію, ту Россію, которая спасала нѣсколько разъ Европу, и гремѣла доселѣ славою въ свѣтѣ, а вмѣсто нея поставить Россію другую, имъ подчиненную, которая не могла бы даже распоряжаться своими средствами по усмотрѣнію, имѣла бы урочное число кораблей и крѣпостей, которая не могла бъ ступить шагу безъ ихъ позволенія, и, вздумая помолиться въ Іерусалимѣ, прибѣгала бы къ католикамъ съ просьбой дать ей ключи и отперетъ двери отъ гроба Господня.—Православные! Какъ вы мекаете, можно ли согласиться на такія условія?

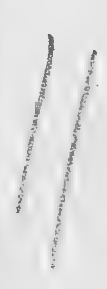
Все дѣло, повторяю, должно быть растолковано хорошенько, въ ротъ, что называется, положено, какъ любитъ Русскій человѣкъ, языкомъ живымъ, теплымъ, задирающимъ за живое, проникающимъ душу, безъ общихъ мѣстъ, безъ нелѣпыхъ камуфлетовъ, и безсмысленныхъ гатигамаюновъ, коими испе-

щрены ваши странныя реляціи и ноты.—Ярославскій половой долженъ понять, что не удастся уже ему заработывать въ Петербургѣ столько, какъ прежде, для исправленія своихъ повинностей; Малороссійскій чумакъ долженъ понять, что не придется ему уже наживать въ Крыму столько, какъ прежде, отъ рыбы и соли; Бѣлорусскій крестьянинъ долженъ понять, каково будетъ ему терпѣть отъ католиковъ и жидовъ. Словомъ—весь православный людъ, купцы и мѣщане, чиновники и попы, солдаты и крестьяне должны, почесавъ затылокъ, вымолвить въ одинъ голосъ: нѣтъ, такъ это уже врется вамъ!

Въ предстоящей борьбѣ нужно общее дѣятельное участіе, живое сознаніе, котораго у насъ въ народѣ еще не достаетъ. Причины войны, отношенія наши къ врагамъ, ихъ намѣренія, угрозы и замыслы, все это покрыто туманомъ, все предоставлено догадкамъ, и о настоящемъ критическомъ положеніи яснаго понятія не имѣетъ никто. Чувствуется кое гдѣ мѣстная боль, а что эта боль можетъ кончиться антоновымъ огнемъ или параличемъ, никому въ голову не приходитъ. Всѣ бродятъ, какъ слѣпые, ощупью.

Самое ополченіе, собранное казеннымъ, а не сердечнымъ образомъ, среди переговоровъ о мирѣ на Вѣнскихъ конференціяхъ, не имѣетъ почти никакого значенія, и истощаетъ государственныя силы почти даромъ. Московское дворянство получило за него выговоръ, но рвенія нѣтъ нигдѣ.

Все валится вездѣ, какъ черезъ пень колода, все дѣлается какъ будто изъ подъ палки, по старой системѣ, а надо, чтобы все одушевлялось, все закипѣло, и все взыграло! Душу живую надо вдохнуть въ эту онѣмѣвшую, оглохшую, ослѣпшую толпу, живой водой надо вспрыснуть помертвѣлое тѣло. Въ послѣднее время самое преданіе о духѣ пропало, и духъ

пошелъ ни почемъ, не принимаемый въ соображенiе, а всѣ дѣла рѣшались числами на счетахъ счетчиками, которые впрочемъ далѣе трехъ считать не умѣютъ.

Прочь всѣ счеты, справки и отношенiя, въ печку всѣ канцелярскiя бумаги, долой всѣ колодки, тормасы, вериги, кандалы! Пусть раздается и дѣйствуетъ только живое народное слово!

Графъ Растопчинъ говорилъ съ народомъ очень посредственно, (для нашей иноязычной знати и то было въ диковинку), а какое дѣйствiе производили его афишки! Что же будетъ, если заговорить съ народомъ отъ сердца къ серцу его настоящимъ языкомъ и коснуться, умѣючи, всѣхъ тонкихъ струнъ его сердца? Вотъ когда весь народъ встанетъ, какъ одинъ человѣкъ, силы ваши усотерятся, и тогда вы можете дѣлать съ нимъ что хотите, вести куда угодно, и спрашивать сколько нужно.

Дѣлать, вести, спрашивать,—но прежде нуженъ примѣръ съ высоты для пожертвованiй всякаго рода....

И придворная контора сохранитъ половину суммъ въ уменьшенiе государственныхъ расходовъ.

Царедворцы, министры, приближенные, получающiе по пяти жалованiй съ разныхъ вѣдомствъ, сверхъ единовременныхъ безсчетныхъ награжденiй, должны отказаться хоть на половину отъ своихъ чудовищныхъ окладовъ. Богатымъ не грѣхъ принесть свои излишки для пополненiя государственныхъ кассъ, прочiе должны отказаться по крайней мѣрѣ отъ надежды платить изъ казны свои блудные долги.

Всѣ увеселенiя, празднества на время войны должно отложить, чтобъ Фанни-Черито не поднимала болѣе ногъ на сценѣ Императорскаго театра за сто тысячъ рублей, нужныхъ ра-

ненымъ, и чтобъ пѣвцы Италіанской оперы отправились услаждать слухъ веселой Европы, а Россіи въ одеждѣ скорби гораздо назидательнѣе и полезнѣе слушать иныя пѣсни съ церковныхъ клиросовъ.

Нелѣпо разсужденіе, что мы не должны показывать унынія Европѣ: Европа лучше нашего знаетъ наше положеніе, и вѣрнѣе нашего понимаетъ, больше ли намъ причинъ радоваться, чѣмъ скорбѣть, а высокими антрашами заѣзжей балансерки, или игривыми руладами сборныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, можемъ мы обмануть только себя, въ чемъ большой надобности не состоитъ, при полномъ успѣхѣ очарованія. Откажемся отъ всѣхъ произведеній западной холодной изобрѣтательности. Чтобъ ни одна нога не заносилась въ иностранные магазины: полно платить намъ по десяти четвертей пшеницы за одну пару башмаковъ или перчатокъ, и по сту пудовъ сала или пеньки за одну вышитую косынку. Полно бросать золото и серебро за вѣтротлѣнныя ткани и букетныя вина. Обречемъ себя на лишенія и нужды, хоть на голодъ и холодъ, впродолженіе двухъ-трехъ лѣтъ, будемъ всѣ терпѣть, страдать, трудиться, служить, гдѣ кому сподручнѣе, кто въ чемъ больше разумѣетъ, сколько у кого хватитъ силъ. Такая жизнь во всякомъ случаѣ принесетъ намъ пользу получше того плотоугодія и чревонеистовства, въ которомъ мы, подъ музыку законнаго порядка, столько лѣтъ растлѣвались душевно.

А если наши труды увѣнчаются успѣхами, какая слава, какая будущность!

Твердите объ этихъ мѣрахъ во всѣхъ газетахъ Русскихъ и иностранныхъ. Описывайте всѣ приготовленія, исчисляйте всѣ ополченія. Повторяйте въ разныхъ формахъ извѣстія о пожерт-

ванiяхъ, о всеобщемъ пылкомъ желанiи продолженiя войны. Снарядите нѣсколько экспедицiй въ Индiю, хоть на бумагѣ: чрезъ Персiю, чрезъ Хиву, со стороны Кавказа. Толкуйте о покоренiи Китая и Японiи, о союзѣ съ Америкою. Сотворите цѣлую литтературу, которая нашла бъ отголосокъ въ Европѣ.

Если быть миру, такъ только вслѣдствiе такого рѣшенiя. Европа остановится въ задумчивости предъ восторгомъ семидесяти милліоновъ народа, который рѣшится твердо побѣдить или умереть, и вытянетъ по своимъ границамъ пять-шесть линiй войска,—извольте пробиваться!

Севастополь, обошедшiйся ей такъ дорого, дастъ понятiе, чего будетъ стоить компанiя, принимающая такiе размѣры.

Вся партiя мира схватится за новое извѣстiе и возопiетъ о необходимости прекратить войну, которой конца не предвидится.

А вы доставьте ей опору, привлеките себѣ общественное мнѣнiе, разсѣйте опасенiя—оглашенiемъ новой своей политики, для которой, де, Россiя созрѣла, и въ которой увидѣла необходимость. Понимая желанiе Европы, она готова идти съ нею рука объ руку, исправлять прежнiя ошибки, свои и чужiя, пользоваться прiобрѣтеннымъ опытомъ, и, содѣйствуя до сихъ поръ утвержденiю законнаго порядка, содѣйствовать теперь къ утвержденiю вездѣ законной свободы.

Свобода! Вотъ слово, которое должно раздаться на высотѣ самодержавнаго Русскаго престола! Вотъ слово, которое соберетъ подъ знамя Русскаго Царя всю усталую и разстроенную Европу. Числа управляютъ мiромъ, говорилъ Платонъ. Слова господствуютъ надъ нашимъ временемъ,—и во главѣ этихъ могущественныхъ, очаровательныхъ словъ, звучитъ вожделѣнное—свобода! На Западѣ оно износилось, обветшало, опошлѣло, осквернилось богохульными устами кровожаднаго раз-

врата и остервенившагося голода. Вездѣ потеряло оно свой смыслъ: въ Германіи стало отвлеченностію, во Франціи шуткою, въ Англіи юродствомъ. У насъ, доселѣ неслышное, и только теперь провозглашенное торжественно неограниченною властію, найдетъ оно отголосокъ во всей Европѣ, возбуждая сочувствія, и взыграетъ надежда радощами во всякомъ благородномъ сердцѣ!

Мои письма обвинялись въ поэзіи. Смѣю похвалиться теперь, что оказывались онѣ часто математически вѣрными, ибо многія мои предположенія оправдывались событіями. Прочтите ихъ, и вы удостовѣритесь. Могу снять здѣсь съ себя и другую укоризну — въ пристрастіи къ однажды принятому мнѣнію: впродолженіи трехъ лѣтъ, я указывалъ разныя средства, смотря по ходу обстоятельствъ.

Первымъ моимъ паролемъ при началѣ войны былъ: Константинополь.

Когда мы перешли Дунай, я воскликнулъ: Славяне!

Когда Австрійцы заключили договоръ 2 Декабря, я совѣтывалъ обратиться къ національностямъ.

Когда скончался Государь Николай Павловичъ, я напоминалъ о дружескомъ соглашеніи съ Франціей.

Всякое новое происшествіе измѣняетъ лицо вопроса. Намъ теперь нечего думать о Константинополѣ: онъ закрылся облакомъ. Мы не можемъ войти въ непосредственное сношеніе съ Славянами: они отлучены отъ насъ далеко. Поднимать прочія Европейскія національности нельзя, чтобы не раздражить Австріи и Пруссіи, которыя могутъ привести насъ въ положеніе еще болѣе затруднительное.

Намъ остается дома возстать всѣми силами, и въ Европѣ пріобрѣсти сильнаго союзника въ свободѣ!

Какъ бы желалъ я растолковать нашимъ государственнымъ людямъ, что эта свобода не уменьшитъ ни сколько силы правительства, а увеличитъ, укрѣпитъ и утвердитъ ее; что она не можетъ причинить никакого вреда, а доставитъ многообразную пользу; не подвергнетъ насъ никакимъ новымъ опасностямъ, а отвратитъ многія старыя.

О еслибъ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить!
Почто въ груди моей горитъ безплодный жаръ,
И не данъ мнѣ въ удѣлъ витійства славный даръ!
Увижу ль, о друзья, народъ освобожденный,
И рабство падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли наконецъ прекрасная заря!

Слово и дѣло, говорили наши предки.

Слово должно сопровождаться дѣломъ, для убѣжденія Европы въ искренности и дѣйствительности новаго рѣшенія.

Дайте Полякамъ конституцію, то есть, позвольте имъ сочинить себѣ конституцію, которую они уже имѣли, и которую вѣрно будутъ сочинять нѣсколько лѣтъ.

Провозгласите амнистію всѣмъ Полякамъ, которые принесутъ къ вамъ капиталы, знанія, способности, опыты, и лишатъ Французскія, Англійскія и Турецкія войска значительной помощи.

Простите нашихъ политическихъ преступниковъ, которые вѣрно возвратятся тихими агнцами и провозвѣстниками порядка и спокойствія.

Объявите твердое намѣреніе освободить постепенно крестьянъ, опредѣляя ежегодно извѣстную сумму изъ государственныхъ доходовъ, для выкупа ихъ по жребію, или въ награду за хорошее поведеніе, по вѣрнымъ свидѣтельствамъ міра, которое успокоитъ крестьянъ надолго, возбудитъ дѣятельность, дастъ силы для терпѣнія, утѣшитъ поднятые безъ

толку толки, а исполниться оно может въ неопредѣленное время, безъ малѣйшаго ущерба дворянству, по полюбовнымъ соглашеніямъ.

Дайте право пріобрѣтать землю: кому угодно, съ обязанными крестьянами, что вдругъ освободитъ ихъ множество.

Облегчите цензуру, подъ заглавіемъ любезной для Европы свободы книгопечатанія, которая, безъ всякаго ущерба власти, обогатитъ васъ нужными свѣдѣніями, надѣлитъ разнообразными совѣтами, доставитъ полезные предлоги для будущихъ внѣшнихъ отношеній, и приведетъ въ движеніе Русскій умъ, упавшій почти до точки замерзанія. Вотъ вамъ содержаніе всемилостиваго манифеста, еще небывалаго въ лѣтописяхъ Русской Исторіи, который одушевитъ Россію, и выиграетъ генеральное сраженіе въ Европѣ, не обнаживъ шпаги, однимъ почеркомъ пера.

Касательно внѣшнихъ отношеній объявите систмему невмѣшательства: пусть всѣ народы идутъ свободно, кто какъ желаетъ, къ своимъ цѣлямъ. Покайтесь въ вашихъ ошибкахъ предъ всѣми, что примиритъ васъ съ Венгріей, Италіей и всею лѣвою стороною Европы.

Пригласите всѣ правительства покровительствовать національностямъ: и вы тѣмъ докажете безкорыстіе вашей новой политики, и пріобрѣтете благодарность и любовь національностей, которыя будутъ видѣть въ васъ нравственныхъ покровителей, и, опираясь на васъ, будутъ предъявлять свои права.

А отъ Исторіи не отказывайтесь: если Днѣпръ и Донъ текутъ въ Черное море, то поворотить ихъ въ другую сторону нельзя, и если судьба повлечетъ насъ въ Константинополь, то противъ рожна прати не возможно: пусть будетъ, что угодно Богу!

Покойному Государю мудрено было мѣнять чрезъ тридцать лѣтъ свою систему. Онъ скончался послѣднимъ самодержцемъ Европы, и скончался истинно по царски, согласно съ своею ролею. Миръ его праху. Почтимъ его послѣдней искупительной самозаклавшейся жертвой самодержавія. Его сыну предлежитъ новая эра въ Исторіи Россіи, въ Исторіи Европы, въ Исторіи человѣчества. И какой благопріятный случай предлагаетъ ему судьба при вѣнчаніи на царство! подними онъ съ достоинствомъ это знамя, не красное, а прекрасное, и Людовикъ Бонапартъ, держащій теперь, что ни говорите, судьбу Европы въ своихъ рукахъ, поникнетъ невольно главою! Слышите — къ заутрени звонятъ, долой со сцены лицедѣевъ, пойдемъ въ церковь молиться Богу. Воскресни Боже, суди землю!

3 Января,
1856 года.

XXIII.

Къ Ѳ. И. Тютчеву.

Миръ упалъ къ намъ, какъ снѣгъ на голову. Никакъ не ожидали мы, да и едвали въ Европѣ ожидалъ его кто нибудь такъ скоро.

У меня, какъ будто у оракула, спрашиваютъ объ этомъ мнѣнія.

Сообщаю вамъ мои впечатлѣнія, мои мысли, и прошу передать письмо общимъ нашимъ знакомымъ, которые слѣдили за курсомъ моихъ писемъ о настоящей войнѣ, а въ публику пускать его не надо.

Въ первую минуту я обрадовался миру, какъ нельзя болѣе — обрадовался потому, что мои опасенія доходили до крайностей, и горизонтъ нашъ предъ моими глазами облагался со всѣхъ сторонъ самыми черными тучами, сквозь которыя едва мерцалъ одинъ лучь..... Сердце мое ныло и духъ томился, какъ поется въ пѣснѣ. Ни какъ не помышлялъ я, чтобъ враги дали намъ миръ на такихъ выгодныхъ для насъ, сравнительно съ обстоятельствами, условіяхъ. Война, казалось мнѣ по всѣмъ соображеніямъ, завязалась не на животъ, а на смерть.

Успокоившись послѣ перваго пріятнаго впечатлѣнія, я началъ разсуждать:

Нѣтъ ли и теперь какого нибудь подвоха? Не хотятъ ли враги проманить насъ надеждой на миръ, чтобъ остановить наши приготовленія, и не допустить насъ до рѣшительныхъ мѣръ, точно какъ было то съ Вѣнской нотой и конференціями?

Нѣтъ, всѣ газеты провозглашаютъ торжественно миръ, и вездѣ въ Европѣ дѣла приняли новый оборотъ.

Что же могло быть причиною такого крутаго переворота?

Погадаемъ.......

Франція и Англія истощились и ни какъ не могутъ продолжать войны?

О—въ такомъ случаѣ мы не захотѣли бы заключать мира, и изъ послѣднихъ силъ постарались бы протянуть войну, хоть на короткое время, чтобъ не только не оставить прежнихъ уступокъ, все таки чувствительныхъ и не привычныхъ, но еще получить какое нибудь возмездіе и ступить хоть на два шага впередъ. Дипломаты наши, провинившіеся столько своею слѣпотою въ послѣднее время, не видавшіе, что происходило предъ ихъ глазами—(союзъ Франціи и Англіи, расположеніе къ нимъ Австріи, перемѣну въ Турецкихъ дѣлахъ и проч.) вѣрно смотрѣли теперь въ оба глаза, и донесли объ этомъ положеніи противниковъ правительству, которое въ свою очередь, съумѣло бы имъ воспользоваться.— Нѣтъ, враги могли еще продолжать войну! Невѣроятно, чтобъ не возможность вести обнаружилась у нихъ внезапно, чтобъ вчера они рвались на проломъ, а нынѣ вдругъ уви-

дѣли, что у нихъ не осталось ни какихъ средствъ, и они очутились, какъ раки на мели!

Второе предположеніе: мы не могли продолжать войны, и должны были стараться о прекращеніи войны, во что бы то ни стало? La paix à tout prix!

И это предположеніе не выдерживаетъ критики.

Еслибъ было такъ, то враги, зная наши положеніе, можетъ быть, лучше насъ самихъ, ни какъ не ограничились-бы такими маловажными для нихъ условіями, которыхъ существенная польза достается Австріи, Германіи и Турціи, и налегли бы на насъ еще тяжеле, чтобъ ослабить болѣе и принудить къ уступкамъ позначительнѣе.

Нѣтъ возможность продолжать войну хоть и съ великими жертвами, есть, очевидно, у обѣихъ сторонъ. Чтоже побудило ихъ заключить миръ?

Они достигли своей цѣли:

Русскій флотъ сожженъ,—но развѣ нельзя его выстроить вновь, купить, заказать?

Крѣпости разрушены,—но развѣ нельзя ихъ соорудить, починить, подгодовить?

Турція сохранена, (убитъ боберъ!)—но развѣ не можемъ мы еще гораздо легче покорить Персію, и явиться вдругъ на границахъ Индіи и пріобрѣсти Океанъ?

Трактатъ предотвращаетъ новую войну,—но развѣ бывалъ когда нибудь недостатокъ въ предлогахъ нарушать миръ у тѣхъ государей и народовъ, которымъ хотѣлось войны!

Покровительство Турецкихъ христіанъ представлено всѣмъ Европейцамъ,—но развѣ могутъ Европейцы ихъ покровительствовать, считая ихъ по своимъ догматамъ еретиками, достойными тьмы кромѣшной? Политически покровительствуй они, пожалуй, намъ же лучше и легче, а по вѣрѣ, Православные — наши, пока впрочемъ не совратились съ пути истиннаго.

Вліяніе Русскихъ въ Константинополѣ уменьшено—вліяніе зависитъ отъ лицъ: чей министръ будетъ умнѣе и тверже, тотъ и возметъ всегда верхъ надъ прочими—Французскій, Англійскій или Русскій.

И такъ чтоже выиграли Анличане и Французы?

Неужели для фразъ ведена была война? Неужели для фразъ истрачены милліарды, положены въ могилу тысячи и тысячи храбрыхъ, оставлялись всѣ внутреннія дѣла, предпринимались такіе труды, приносились такія жертвы? Достиженная цѣль соотвѣтствуетъ ли средствамъ? А они умны! Такъ отъ чего же миръ?

Вѣрно случилось что нибудь ни думаное, ни гаданое, въ отношеніяхъ между собою Европейскихъ государствъ, которое вдругъ переворотило все.

Ключь положенія находился въ рукахъ Бонапарта, слѣдственно Бонапартъ повернулъ его къ миру.

Чтоже могло съ нимъ случиться?

Не случилось, а видно таковъ былъ его первоначальный планъ, о которомъ никто не имѣлъ свѣдѣнія—привести дѣло именно въ это положеніе и заключить наконецъ союзъ съ Россіею, т. е. исполнилось то, что я предполагалъ въ своемъ письмѣ къ вамъ отъ 7 Апрѣля прошлаго года, вскорѣ по кончинѣ И. Николая. Повторяю нѣсколько строкъ оттуда:

„Нельзя не предположить, нельзя не согласиться, что Бо„напартъ уменъ и состояніе Европы, цѣну обстоятельствъ, „видитъ яснѣе всѣхъ. А если онъ видитъ, то и понимаетъ „силу Россіи, испытанную дядюшкой, отвѣданную и племян„ничкомъ. Понимая же, онъ долженъ быть радъ союзу съ „нею, который развяжетъ ему руки дѣйствовать и воевать „тамъ, гдѣ война и вліяніе можетъ принести ему настоящую „пользу, а не отвлеченную, какъ въ Восточномъ вопросѣ.

„Это естественныя причины союза, лежащія въ совокуп„ности обстоятельствъ: помириться съ тѣнью дяди, которому „онъ все-таки обязанъ скипетромъ, а дядя пророчески за„вѣщалъ ему ненависть къ Англіи.

„Выйдти изъ фальшиваго положенія, слишкомъ продолжи„тельнаго, даже въ отношеніи къ своему народу, который „можетъ когда нибудь образумиться и спросить: да за что „же мы воюемъ? А если дѣло затянется подъ Севастополемъ, „или еще испортится хуже? Французы долго спокойны быть „не могутъ. То и дѣло открываются заговоры во всѣхъ углахъ „Франціи. Чего добраго, а въ одно прекрасное утро, не „смотря на всю бдительность Гг. Піетри и Персиньи, ему „можетъ понадобиться фіакръ, какъ Лудовику Филиппу, „или въ Гамской квартирѣ опять отворятся двери, на что „намекнулъ впрочемъ онъ и самъ тамошнему консіержу, при „посѣщеніи замка съ Императрицей.

„На союзъ, разумѣется, Наполеонъ согласится недаромъ, „но условія его, сколько ихъ предвидѣть можемъ, никакъ „не коснутся собственно Русскихъ выгодъ, ибо ему не надо „ни Севастополя, ни Бессарабіи, владѣній въ Азіи Франція не „имѣетъ, по Дунаю Французскія суда не плаваютъ, и до Сла„вянъ нѣтъ никакого дѣла Французамъ. Условія Бонапартовы „могутъ касаться только до западныхъ дѣлъ и отношеній, „такъ что намъ до нихъ за дѣло? Пусть они вѣдаются, какъ

„хотятъ и знаютъ. Друзей у насъ тамъ нѣтъ, и обязанностей „никакихъ. Тамъ у насъ только враги и предатели, о чьихъ „выгодахъ намъ заботиться не нужно. Мы можемъ предста- „вить ему Западъ, а себѣ выговорить Востокъ!

„Это уже maximum требованій со стороны Наполеона, а „можетъ быть, онъ спроситъ и меньше. Во всякомъ случаѣ „есть виды поторговаться и выговорить какія нибудь выгоды „или пощады Пруссіи, за ея неполную вражду, и Неаполю, „который поступалъ, кажется, благороднѣе всѣхъ въ отно- „шеніи къ намъ.

„Можетъ быть даже Наполеонъ самъ предложитъ намъ „союзъ. О, въ такомъ случаѣ положеніе наше будетъ еще „гораздо легче! Обрадуясь союзу внутренно, мы спросимъ „у него условій, и дѣломъ дипломаціи будетъ рѣшить, какія „условія должно намъ отвергнуть, и какія принять, въ какихъ „формахъ и въ какихъ выраженіяхъ".

Вотъ что я писалъ въ прошломъ году, вскорѣ по кончинѣ Императора Николая, и кажется, это исполнилось, слава Богу, теперь. Кажется, Людовикъ Наполеонъ сдѣлалъ пред- варительное соглашеніе съ Россіей, и убѣдилъ ее согласиться снисходительно на предложенныя Австріей условія, чтобы только развязать затянутый узелъ, и доставить воюющимъ и прочимъ державамъ полную свободу для будущихъ дѣйствій.

О, въ такомъ случаѣ я радъ еще болѣе миру, который образумитъ нашу политику, и откроетъ намъ ясно всѣ наши Европейскія отношенія, въ дополненіе къ полученнымъ уро- камъ и перенесеннымъ опытамъ, и опредѣлитъ образъ нашихъ дѣйствій къ существенной пользѣ отечества, а не отвлеченной.

О, въ такомъ случаѣ я радъ еще болѣе миру, и согла- сенъ на всѣ уступки въ полной увѣренности, что онѣ воз- снаградятся сторицею!

О, въ такомъ случаѣ я радъ еще болѣе миру, который дастъ намъ досугъ заняться внутреннимъ устройствомъ, что и приводитъ причиною нашей уступчивости самъ Графъ Нессельродъ въ циркулярѣ къ дипломатическимъ агентамъ!

А что скажутъ Англія и Австрія? Безъ сомнѣнія, это громовой ударъ для Англіи, котораго она не ожидала. И если Наполеонъ не получитъ апоплексическаго удара, подобно Императору Павлу, то плохо ей, и ништо!

А Австрія? Объ Австріи впродолженіи двадцати лѣтъ я писалъ столько, что могу теперь и умолчать; кажется она достала послѣдніе свои каштаны. Англія и Австрія будутъ стараться подъ рукою мѣшать миру, или по крайней мѣрѣ портить его, но безъ содѣйствія Франціи имъ нечего сдѣлать, ils feront la bonne mine au mauvais jeu.

Среди этихъ радостныхъ ощущеній я былъ смущенъ только нѣсколько Московскимъ слухомъ объ уступкѣ Измаила, огражденнаго, казалось, навсегда тѣнью Суворова, и объ отдачѣ Болгарскихъ колоній въ Бессарабіи. Болгаре бѣжали къ намъ въ 1829 и 1830 годахъ отъ мучительства Турецкаго; безпримѣрнымъ своимъ трудолюбіемъ и дѣятельностію, въ продолженіи 30 лѣтъ, привели они свои поселенія въ цвѣтущее состояніе, и, разумѣется, согласятся скорѣе умереть, чѣмъ возвращаться подъ ненавистное иго. И какое впечатлѣніе произвело бы въ остальныхъ Турецкихъ Болгарахъ,— (а ихъ семь милліоновъ), подобная награда страдальцевъ за всѣ принесенныя ими жертвы? Смѣю думать, что Московскій слухъ не имѣетъ никакого основанія, и общая радость о мирѣ не должна смущаться никакими слишкомъ тягостными опасеніями.

Предадимся съ довѣренностію нашему любезному Царю, которому Богъ помогъ вывести насъ изъ затруднительнѣйшаго

положенія такъ скоро и легко! Заря занялась уже во многихъ внутреннихъ распоряженіяхъ, кои для насъ всего важнѣе и дороже. Мы дышемъ свободнѣе. Литература оживилась. Университеты открыты. Многіе умные и достойные люди явились на поприщѣ дѣйствій.......

Укрѣпи Его, Господи, во всѣхъ благихъ Его намѣреніяхъ, и посылай Ему достойныхъ сотрудниковъ и помощниковъ болѣе и болѣе!

Января 21.

XXIV.

Я прочелъ трактатъ, и вотъ впечатлѣнія, имъ во мнѣ произведенныя: Турція несуществуетъ болѣе въ Европѣ, она раздѣлена, и оставляется только на время въ газетахъ, пока окажется возможность договорившимся державамъ привести въ исполненіе междустрочныя условія и вступить во владѣніе якобы—благопріобрѣтеннымъ имуществомъ.

Ктоже новые владѣтели?

Объ нихъ можно только догадываться.

Франція и Россія.

Франція, Россія и Англія.

Франція, Россія, Англія и Австрія.

Франція и Англія.

Франція, Англія и Австрія.

Каждая изъ этихъ возможностей имѣетъ за себя и противъ себя различныя соображенія.

Разберемъ ихъ одну за другою.

Турцію раздѣлили Франція и Россія, потому что онѣ сильнѣе прочихъ государствъ, и могутъ удержать свою добычу, не смотря ни на какія сопротивленія. Раздѣлить вдвоемъ удобнѣе

и выгоднѣе, нежели втроемъ или четверомъ, и Бонапартъ умнѣе всѣхъ. (Случай описанный въ письмѣ шестомъ и подробнѣе въ XVIII).

Францiя и Россiя могутъ удержать свою добычу, сказалъ я, но все таки удержанiе будетъ имъ стоить великихъ усилiй и жертвъ, при сопротивленiи Англiи, Австрiи, и слѣдовательно Германiи, и конца войнѣ, враждѣ, не видать. Такое тревожное владѣнiе не слишкомъ привлекательно, и третiй выдѣлокъ изъ Турецкихъ обширныхъ владѣнiй лучше ихъ всѣхъ обезпечитъ. Слѣдовательно вторая возможность — съ Англiей, сильной своими флотами, капиталами и связями, вѣроятнѣе первой.

Прiобщенiе Англiи можетъ быть временное, если Бонапартъ читаетъ Корсиканскую вендетту, а кто его знаетъ! Война съ Англiей можетъ быть начата имъ когда нибудь и по раздѣленiи Турцiи, съ полною надеждою на успѣхъ, при содѣйствiи Россiи, и, пожалуй, Америки.

А Австрiя? Можетъ быть, получила что нибудь изъ милости на первыхъ порахъ, а вѣроятнѣе отстранена; ибо дѣйствiя въ Италiи показываютъ, что союзники къ ней не расположены, и сочувствiя она не имѣетъ нигдѣ. Слѣдовательно четвертая возможность имѣетъ менѣе всего въ свою пользу.

А что имѣетъ за себя пятая возможность, т. е. раздѣленiе Турцiи между Францiей и Англiей.

Проницательность Англiйскаго правительства, которое безъ сомнѣнiя видѣло свои опасности, и не могло начать войны, не могло предложить Наполеону такое дѣятельное содѣйствiе, не застраховавшись вполнѣ на всѣ возможные случаи. Можетъ быть, они сковались между собою, и Англiя, закоренѣлый врагъ и соперникъ Россiи, вспомоществуемый духомъ Запада, увлекаетъ Наполеона съ собою, не смотря на естественныя выгоды его съ Россiею.

Какъ-бы то ни было, піеса еще не вся: опустился занавѣсъ по окончаніи только одного дѣйствія. Игра не прекратилась, а игроки послѣ партіи обмѣнялись между собою мѣстами, и разсѣлись иначе, ожидая новой здачи. Вопросъ восточный нерѣшенъ: продолженіе впредь!

Настоящій миръ есть во всякомъ случаѣ временный, перемиріе вслѣдствіе истощенія средствъ у воюющихъ державъ, по обороту общественнаго мнѣнія, или по другимъ внутреннимъ обстоятельствамъ и признакамъ, коихъ мы, посторонніе наблюдатели, ни замѣтить, ни оцѣнить не можемъ.

Правительство и общество, и всѣ мы, прельщаемся мыслію о союзѣ съ Франціею, союзѣ естественномъ и выгодномъ; но благоразуміе велитъ намъ смотрѣть въ оба глаза и стоять бдительно на стражѣ, потому что на карту положится много, очень много, и вопросъ быть или не быть (см. письмо XXII), остается во всей своей силѣ, хотя, разумѣется, съ бóльшею надеждой на спасеніе.

Не слишкомъ ли мудрены всѣ эти предположенія? Не заходитъ ли здѣсь умъ за разумъ? Не простѣе ли происходятъ дѣла? Всѣ устали, а цѣль войны Англіей и Австріей достигнута: Русской флотъ истребленъ, крѣпости уничтожены, границы отодвинуты отъ Славянъ и даже Дуная, вліяніе Русское на Востокѣ потрясено, наконецъ оффиціальные соглядатаи, консулы разсыпаны по всюду—довольно пока, а впередъ что Богъ дастъ, то и будетъ. Apres nous le deluge!

Нѣтъ—этого не можетъ быть: тысячи людей и милліарды денегъ, не можетъ быть, чтобъ были положены Франціей для одной славы, для препровожденія времени, въ угоду Англіи и Австріи. Игра не стоила для нея свѣчъ! Что нибудь да кроется другое, къ чему и должны мы быть готовы.

Обратимся теперь къ настоящему трактату.

Настоящій трактатъ, безъ тайныхъ соглашеній, между кѣмъ-бы то нибыло, не имѣетъ ни какого смысла, и заключаетъ въ себѣ для Россіи непремѣнное побужденіе къ войнѣ.

Трактатомъ закрывается входъ въ Черное море военнымъ судамъ. Да объ этомъ и говорить было нечего: въ мирное время какая нужда военнымъ судамъ ходить по Черному морю. Военныя суда опасны въ военное время, а въ военное время можетъ всегда пустить ихъ Турція, какъ это теперь и случилось,—и тогда чѣмъ же вы прикажете Россіи защищать свои берега, безъ флота, безъ крѣпостей, безъ арсеналовъ?

Турціи она можетъ не опасаться, но кто-же поручится за Морскія державы, чтобъ онѣ не повторили когда нибудь нападенія по тѣмъ или другимъ причинамъ? Есть-ли тутъ человѣческій, не только политическій смыслъ? Береговъ своихъ Россія, ни какое другое государство, открывать не можетъ, принимать мѣры для своей обороны по народному праву и по естественному инстинкту самосохраненія должно, и по отношеніямъ къ своему народу обязано. Какое государство во всей исторіи налагало на себя руку? Укрѣпляетъ же Англія свои берега, не смотря на entente cordiale съ Франціей. Мы должны разрушить у себя Севастополь, а они могутъ утверждаться въ Гибральтарѣ, Мальтѣ и Корфу! Мы не смѣй строить судовъ, а Австрія основываетъ флотъ „для предстоящей борьбы на Востокѣ“!

Если Россія согласилась на противоположную мѣру, то развѣ только временно, по соглашенію съ Франціей, или безъ соглашенія, по невозможности продолжать войну.

Возвращаемся къ трактату. Россія и Турція обязаны имѣть по шести военныхъ судовъ въ Черномъ морѣ. А если Турецкіе корабли уведетъ какой нибудь новый Капитанъ паша въ Александрійскую гавань, на поклонъ Египетскому пашѣ, или сожжетъ по неосторожности, сгноитъ по небреженію, тогда что дѣлать Россіи? Не должна ли она будетъ уничтожить свои суда? Иначе съ шестью пароходами она будетъ опасна для Турціи также, какъ прежде съ неограниченнымъ своимъ флотомъ.

Хорошо — Турція безопасна со стороны Россіи, а со стороны Западныхъ державъ, со стороны даже Египта, Греціи, Іоническихъ острововъ? Всѣ они могутъ дѣлать съ Турціей, что вздумается, имѣя флоты, которымъ противопоставить нечего.

Если Турція можетъ имѣть флотъ на Средиземномъ морѣ, или Египтѣ, то она опасна для Россіи.

Если не можетъ имѣть тамъ ничего больше, то, обезпеченная со стороны Россіи, она будетъ отдана произволу любой морской державы. По какому-же это праву, если ея самостоятельность составляетъ главную задачу и главное условіе всей Европейской политики?

Турція предохранена со стороны Россіи; но почему же приносятся Россіи въ жертву Швеція, Данія и Пруссія, на кои она всегда нападать можетъ, имѣя неограниченное число кораблей на Балтійскомъ морѣ?

Католики и протестанты, принявшіе на себя покровительство, и отстраняющіе до сихъ поръ Россію отъ участія въ устроеніи судьбы Турецкихъ христіанъ, (равно какъ и въ устроеніи княжествъ), считаютъ ихъ исповѣданіе ересью и ненавидятъ сильнѣе ислама. Спрашивается, какимъ образомъ они могутъ покровительствовать Православію?

Съ какой стороны вы ни посмотрите на трактатъ, со стороны науки, или со стороны политики, онъ не выдерживаетъ самой снисходительной критики, и надо удивляться, какъ Европейскіе министры, въ 19-мъ столѣтіи, могли подписать такую безсмысленную бумагу, предъ глазами исторіи, — и даже орлинымъ перомъ.

На этомъ мѣстѣ моего письма застало меня извѣстіе о сепаратномъ мирѣ между Англіей, Франціей и Австріей, въ обезпеченіе цѣлости Оттоманской имперіи противъ возможныхъ покушеній Россіи.

Это что за событіе? Кто кого обманываетъ? Насъ или мы? Былъ-ли этотъ трактатъ нечаянностію для нашей дипломатіи, или она была предупреждена первоначально о трактатѣ, какъ о средствѣ успокоительномъ на время для Англіи, Австріи и Турціи? Не вѣрится, чтобъ въ просакъ попали Англичане, а не мы. Воровство искони у нихъ, простота за нами!

Между тѣмъ Англійскіе и Французскіе консулы, согласные между собою, возбуждаютъ вездѣ христіанъ, о чемъ я имѣю даже подлинныя письма изъ Болгаріи, кромѣ газетъ, — значитъ они хотятъ овладѣть Турціей, въ отношеніи къ чему мы должны принимать, не теряя минуты, свои мѣры.

Во всякомъ случаѣ это, по моему мнѣнію, благодѣяніе Русскаго Бога, и вотъ въ чемъ именно состоятъ великія Его новоявленныя милости:

1. Священный союзъ, столько для Россіи пагубный, уничтоженъ не ею, а самою Австріею.

2. Мы получили торжественное, осязательное и ясное удостовѣреніе, что друзей Россія въ Европѣ не имѣетъ, и полагаться ни на кого не должна, кромѣ единоплеменныхъ Славянъ и единовѣрныхъ Грековъ.

Наконецъ 3. Мы избавляемся отъ унизительной все-таки опеки Наполеона, котораго соблазнительное рожденіе 2 Декабря съ прочими романическими и мелодраматическими похожденіями не слишкомъ возвышаетъ честь ему сопутствовать и раздѣлять его судьбу, хотя и со звѣздою Наполеона, которому вѣрить страшно. Timeo Danaos atque dona ferentes!

А вотъ выгоды, кои мы можемъ извлечь изъ главнаго трактата:

Мы можемъ принимать живое и дѣятельное участіе въ судьбѣ Славянъ въ Турціи, къ которымъ боялся прикоснуться покойный Графъ Нессельродъ со всѣми своими раболѣпными агентами, чтобъ не возбудить подозрѣній. Мы можемъ по преимуществу, если сами Французы и Англичане дѣйствуютъ въ этомъ смыслѣ, а наше участіе всегда будетъ имѣть болѣе довѣренности и болѣе значенія.

Польша обойдена Европейскими державами во все, какъ будто-бы не существовала, и слѣдственно поданъ Русскому правительству прекрасный случай сблизиться съ нею и примириться.

Мы можемъ разослать также вездѣ консуловъ, между Славянами на Востокѣ, въ Турціи, Персіи и даже Индіи, консуловъ дѣловыхъ, знакомыхъ, съ языками, которые способны были-бы высматривать всѣ обстоятельства, вступаться во всѣ дѣла, устроивать всякія связи.

Мы имѣемъ время примириться съ умѣренною и лѣвою стороною Европы, посредствомъ свободныхъ мѣръ, и сообщенія свѣденій о нашемъ бытѣ.

Вотъ польза мира, въ дополненіе къ урокамъ войны о необходимости образованія и несостоятельности всей нашей прежней политики.

Слѣдовательно образъ нашихъ дѣйствій теперь опредѣленъ, соединились ли мы съ Франціей, или остались одни.

Съ Франціей Россіи легче, выгоднѣе.

Одной Россіи—честнѣе, чище, хотя труднѣе и опаснѣе.

Мы заключили новый Тильзитскій миръ, и должны помнить во всякомъ случаѣ, что Ерфуртская дружба кончилась нашествіемъ двадесяти языкъ. Какъ Парижскій трактатъ постыднѣе и тягостнѣе Тильзитскаго, такъ и новаго нападенія (если то будетъ) должно ожидать гораздо сложнѣе, грознѣе, обманчивѣе: всѣ происшествія выходятъ теперь, какъ будто вторымъ изданіемъ, seconde édition, revue, corrigée et augmentée. Севастопольская экспедиція должна служить образчикомъ, чего и въ какомъ видѣ слѣдуетъ ожидать намъ впереди.

Какъ-бы то ни было, медлить нечего, а надо приниматься тотчасъ за дѣло. Самое время спѣшитъ; въ одинъ годъ происходитъ то, на что не доставало прежде ста лѣтъ, и постепенными улучшеніями довольствоваться нельзя. На ловлю ѣхать, собакъ кормить поздно. Пожалуютъ вдругъ гости, такъ не успѣешь раскинуть лагеря даже при Дриссѣ. Надо вдругъ приниматься за все: за дороги, желѣзныя и каменныя, за оружейные, пушечные и пороховые заводы, за медицинскіе факультеты и госпитали, за кадетскіе корпуса и училища мореплаванія, за гимназіи и университеты, за промыслы и торговлю, за крестьянъ, чиновниковъ, дворянъ, духовенство, за воспитаніе высшаго сословія, да и прочія не лучше, за взятки, роскошь, пенсіи, аренды, за деньги, за финансы, за все, за все.

Выбирай всякой занятіе по силамъ и способностямъ, не прячься съ талантами въ уголъ, а выступай впередъ, предлагай свои услуги, жертвуя своимъ самолюбіемъ. Аще и гуменце у кого пострижено, не оставайся безъ дѣла, склавши руки.

Конституція намъ не нужна, а дѣльная, просвѣщенная, диктаторская власть необходима. Зло пустило у насъ такой корень, что безъ хирургической операціи подъ часъ ничего не сдѣлаешь. Всѣ мѣста обросли какимъ то дикимъ мясомъ формъ, привычекъ, беззаконныхъ доходовъ, преданій гнусныхъ, освященныхъ давностію, даже въ глазахъ порядочныхъ людей.

Надо признаться во всѣхъ своихъ недостаткахъ, ошибкахъ, промахахъ, и воспользоваться полученными тяжелыми уроками; надо оплакать униженіе, до котораго дошли, и напрячь всѣ свои силы, чтобъ снова возстать.

Но гдѣ взять людей? Обыкновенная пустая отговорка! Не люди не находятъ людей, а человѣкъ всегда найдетъ человѣка. Придворный персоналъ, переизвѣстный и переиспытанный, заматорѣвшій въ лѣтахъ зрѣлыхъ, не можетъ, разумѣется, доставить дѣятелей на всѣ мѣста. Вина новаго не вливаютъ въ мѣхи старые. Но изъ семидесяти милліоновъ молодаго, свѣжаго, даровитаго народа, найдется на всякое мѣсто по благопотребному мастеру и съ подмастерьями. Кликните кличь!

Въ другомъ письмѣ я писалъ о средствахъ отысканія людей. Здѣсь скажу только, или лучше, повторю, что гласность, гласность и гласность, образованіе, образованіе и образованіе, дѣльное, существенное, а не форменное, парадное, отвлеченное, представляютъ два главныя существенныя средства управиться намъ сперва со врагами внутренними и потомъ внѣшними, и вообще два главныя средства для преуспѣянія гражданскаго и человѣческаго.

Первое лицо въ Европѣ—это Людовикъ Бонапартъ. Онъ уменъ, смѣлъ, и счастливъ—въ этомъ надо согласиться. Но онъ не пользуется уваженіемъ ни у себя дома, ни за гра-

ницею. Правительства смотрятъ на него съ подозрѣніемъ, а народы не питаютъ довѣренности къ благородству его сердечныхъ убѣжденій. Русскій Государь, умѣючи, можетъ привлечь себѣ общественное мнѣніе, и самый могущественный союзникъ для него—законная свобода, законному порядку измѣнившу. (См. письмо XVII).

Имѣя на своей сторонѣ этого союзника, мы приготовимся встрѣтить грозящую бѣду, и съ высшею помощію опять воскликнемъ, какъ восклицали отцы наши послѣ нашествія 1812 года: Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ! Ты еси Богъ, творяй чудеса!

Мая 8.
1856 г.

ОГЛ ВЛЕНІЕ

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Защита политики России и положенія, принятаго ею въ Европѣ. *)

Il faudrait de longs développements pour analyser de point en point le coup d'oeil historique, qu'a jeté M. Pogodin sur notre politique d'un demi-siècle, et réduire à leur juste valeur ses aperçus toujours passionnés, souvent inexacts et incomplets.

On se contentera de résumer ici sa thêse génerale et les consequences, qu'il en tire.

L'auteur de la lettre cherche à établir, que la politique de la Russie a fait fausse route depuis plus de 50 ans, et que, comme, en soutenant le principe conservateur en Europe, elle n'a réussi qu'à s'aliéner les peuples sans s'attacher les gouvernements, il est évident, que cette politique est avorté et qu'il faut en adopter une autre.

Cela donnerait lieu de supposer, que durant ce long espace de temps le cabinet Impérial aurait été libre de choisir un autre principe et d'autres alliances.

*) Этотъ мемуаръ, приписываемый Графу Нессельроде, (говоритъ Редакторъ Русской Старины, помѣстившій переводъ его Е. П. В. 1873 г. № 11-й, Ноябрь, с. 800), былъ вызванъ одною изъ записокъ М. П. Погодина: «о восточномъ вопросѣ», во множествѣ списковъ распространившеюся въ обществѣ въ 1854—55 годахъ. М. П. Погодинъ, между прочимъ, толкуетъ о тѣхъ затрудненіяхъ, въ которыя была вовлечена Россія своею не Славянскою, не національною политикою.

Il est pourtant aisé de se convaincre, que ce principe, et ces alliances ont été au contraire des choses non de choix, mais de nécessité. S'il en eut été autrement, comment se fait-il, qu'un système identique ait été suivi invariablement durant 3 règnes consécutifs sous des monarques et des hommes d'Etat différents?

Or c'est celui—l'auteur en convient,—qu'intimèrent tour à tour à leurs divers Ministres les Empereurs Paul, Alexandre et Nicolas.

L'Impératrice Catherine elle-même, sur la fin de son règne, au moment ou la révolution française vient faire succéder tout à coup les questions sociales aux affaires d'interêt purement politique, s'était vu contrainte à jeter tout le poid de ses forces dans la balance du principe de l'ordre.

Moins qu'aucun de ses predécesseurs Sa Majésté l'Empereur Nicolas pourrait adopter un autre.

Il avait commencé par avoir à écraser en Russie même une formidable insurrection.

Cinq ans plus tard il eut à dompter en Pologne une insurrection bien plus grave, bien plus acharnée encore.

Dès ce moment sa marche politique lui a été nettement tracée.

Les Etats voisins, l'Autriche, la Prusse, l'Allemagne, étant le foyer ou le but d'entreprises révolutionnaires du même genre, Il a du, de nécessité faire alliance avec les souverains et leur offrir contre l'anarchie l'appui de ses forcos matérielles.

Par un effet de la même cause son appui moral appartenait à tous les autres souverains, à quelque distance qu'ils fussent de nous, pour peu, qu'ils eussent à lutter contre cette anarchie, ennemie commune de tous les trônes.

En suivant cette politique, en y subordonnant ses alliances, l'Empereur ne faisait point de choix, Il obéissait forcément non à ses prédilections personnelles, mais aux exigences, que lui criait son propre interêt de conservation.

La situation précaire de la Pologne, les menées de l'émigration lui en faisaient une loi impérieuse.

Il n'entrait pas bénévolement, suivant l'expression de l'auteur, *au service* de l'Autriche et de la Prusse. Il ne sacrifiait nullement la Russie à des interêts prussiens ou autrichiens; il écartait la flamme de son propre toit, en éteignant l'incendie chez les autres.

Tel est le point de vue réel, pratique, sous lequel il faut envisager le principe d'action de notre politique. Il explique suffisement l'attitude, que l'Empereur a prise en Europe, et plus particulièrement les services, que Sa Majésté a rendu à l'Autriche, moralement en Italie, matériellement en Hongrie.

Cette politique a pu avoir ses inconvéniens: quelle politique humaine n'en a pas? Elle a pu ne pas prévaloir toujours, et partout au même degré dans telle ou telle circonstance; mais la question est de savoir, si elle a prévalu en masse, si, consolidant au dedans le repos de la Russie, elle a su accroitre au dehors son crédit et sa puissance morale. Or qui niera, que depuis 1815, depuis 1848 surtout, l'influence de la Russie n'ait grandi considérablement? Qui contestera, que jusqu'au moment, où la crise actuelle est venue subitement bouleverser tous les rapports et changer toutes les situations, la Russie en son Souverain n'ait rempli le rôle dominant en Europe?

Mais ce rôle, pour être reconnu, pour être accepté par l'Europe, imposait à la Russie des ménagements, une

modération, un désinteressement continuel, et de-là, plus d'un sacrifice d'amour-propre ou d'ambition même, nécessaire, pour que l'intérêt majeur de sa politique ne fut point subordonné à des considérations secondaires.

Dans le vaste espace de temps, dont l'auteur a fait l'analyse, il lui a été facile de saisir, pour les groupper ensemble, quelques faits isolés et distants, les uns des autres, dans le but de prouver, que le triomphe de nôtre principe n'a jamais été complet. Mais on peut lui demander, s'il existe dans l'Histoire un seul exemple du triomphe absolu et universel d'un principe?

Peut-on dire, qu'une politique a échoué parceque, à 15 au 20 ans d'intervalle, elle a vu renaître des dangers, qu'elle avait vaincus une première fois; et qu'importe, qu'on ait eu à lutter de nouveau, si chaque fois ces nouvelles luttes se sont terminées au profit de l'ordre.

Pouvait il dépendre de nous, que Charle X, Louis Philippe, la République et l'Empire ne vinssent pas à se succéder en France? Prétend-on, que la Russie doive et puisse exercer à distance dans ce pays une action irresistible sur la marche des esprits et du gouvernement?

S'il a plu à l'Angleterre de reconnaitre Napoléon III, elle, qui n'avait jamais reconnu Napoléon I, ni son fils, si elle s'est résignée de force à donner pareil démenti à l'Histoire et à ses antécédents, pourrons nous imposer à l'Angleterre plus d'amour-propre et de dignité, qu'il ne lui a convenu d'en avoir?

Cependant, à entendre l'auteur, pour que notre politique fut efficace, il aurait fallu, qu'elle réussit à prévenir et empécher tous ces événements.

Il s'indigne, qu'on ait donné à la Grèce un Monarque de race Allemande. Eut-il préféré un roi Fran-

çais ou Anglais? Car pour un prince Russe, il doit se dire, qu'à moins d'une guerre générale, un résultat aussi contraire aux vues des adversaires de notre influence politique en Orient, n'était pas à obtenir. Si la marche du gouvernement Grec, si l'esprit de ses institutions n'ont pas toujours été conformes à ce que nous aurions voulu, on ne saurait le trouver étrange, à moins de faire entièrement abstraction de l'existence de deux Puissances, qui par leur position géographique, par leurs forces maritimes, par l'action de leurs livres et de leurs journaux, ont mille moyens de contrebalancer en Gréce l'influence purement religieuse qu'y exerce la Russie.

Encore une fois, c'est dans l'ensemble, et non pas sur des faits isolés, qu'il faut juger les résultats d'une politique, et jusqu'à ce dernier temps, durant le régne actuel surtout, celle, qu'on accuse d'avoir échoué, avait fait certes jouer à la Russie un rôle imposant en Europe.

Mais dès l'instant, que les interêts consolidés ou assurés momentanément font place aux questions politiques, les alliances que les premiers nous avaient données par nécessité, cessent de répondre aussi complètement aux besoins que nous créent les secondes. C'est ce qu'on a vu chaque fois, que la question d'Orient a reparu sur le tapis. Chaque fois, que nous avons eu avec la Turquie des démêlés, nous avons vu l'Autriche se refroidir et se refuser à suivre nos vues, si elle ne pouvait y mettre obstacle.

La politique hostile, qu'elle suit aujourd'hui par entrainement, elle en avait pris volontairement l'initiative en 1828, sauf notre alliance d'alors avec la France de Charles X, alliance, que l'origine de l'affaire des Saints lieux et tant d'autres circonstances ont rendue, cette fois, impossible.

L'Autriche a, ou croit avoir, des interêts différents des nôtres en Orient; et les idées mêmes, que l'auteur de la lettre émet au sujet de 30 millions de Slaves, dépendants de l'Autriche comme de la Turquie, ne seraient guère propres, si elle les connait, à la persuader du contraire. Cette raison ne justifie certes point la maniére, dont elle se conduit envers nous, ni l'ingratitude, dont elle paie des services, que nous lui avons rendus dans une occasion si récente. Mais si la conscience du gouvernement Autrichien a de sanglants reproches à se faire, il ne s'en suit pas pour cela, que la Russie doive se condamner à ses propres yeux.

La situation actuelle n'empêche pas, que l'Empereur n'ait eu raison de soutenir l'Autriche dans une autre situation, où les interêts de l'Autriche étaient identiques aux nôtres. Elle ne prouve nullement, que la politique adoptée par la Russie, quand l'insurrection Hongroise, alliée à l'émigration Polonaise menaçait notre propre sécurité, ait été une fausse politique.

Quant à la Prusse et au reste de l'Allemagne, le souvenir de nos services n'y est point encore aussi complètement éffacé, que le croit l'auteur, de l'esprit des gouvernements. Les principaux états de la Confédération Germanique sentent, combien il leur importe de conserver pour l'avenir l'appui, qu'ils ont trouvé en nous. La faiblesse de leur position les empêche seule encore de parler ou d'agir plus ouvertement dans le sens de la Russie. Mais il n'est pas dit, qu'il faille dès aujourd'hui désespérer de leur résistance à la pression, qui s'exerce sur leur attitude, encore moins les ranger parmi nos ennemis déclarés.

Il était inévitable, qu'une politique fondée sur le main-

tien de l'ordre en Europe s'attirât la haine des facteurs volontaires ou non du desordre.

En somme, où l'auteur veut-il en venir, et quelles sont ses conclusions?

Car il ne suffit pas de prétendre qu'une politique a été mauvaise et qu'il est nécessaire d'en changer. Il faudrait de plus indiquer, quelle doit être la nouvelle politique.

L'auteur remercie la Providence de nous avoir enfin *délivrés de nos amis*. Mais comme à moins de déchoir et de renoncer à toute influence, la Russie ne saurait pourtant à jamais demeurer dans l'isolement, ce bienfait nous sert de peu tant qu'à la place des amis, dont le ciel nous a délivrés, nous n'en aurons pas trouvé d'autres.

Ces nouveaux amis quels sont-ils? Serait-ce Kossuth ou Mazzini? Et puis que les gouvernements conservatives nous ont fait défaut, devons nous conclure pacte avec parti contraire?

Comme telle n'a pu être assurément la pensée de l'auteur, le but de sa lettre peut se réduire à cette vérité plus simple: que l'état présent des choses étant différent de celui, auquel était applicable la politique suivie jusqu'ici, c'est par des moyens différents, qu'il faudra pourvoir à cette situation nouvelle.

Mais il n'en résulte nullement, que les moyens, employés pour d'autres circonstances, aient été mauvais dans le temps, ni surtout que ce soit à ceux-ci, qu'il faille attribuer l'état présent des choses.

L'erreur de l'auteur est de s'attacher trop exclusivement dans son examen historique au moment actuel, qui n'est dans nos relations politiques qu'un état de crise accidentel, transision incertaine, un point fugitif du présent,

destiné à se modifier peut être demain, et de se prévaloir des inquiétudes et des précautions, qu'il inspire, pour incriminer tout un passé, qui remonte à plus de 50 ans, et passer indistinctement condamnation sur la politique glorieuse de 3 règnes. Ce moment est grave, il est vrai, mais, protégée par la main de Dieu, la Russie n'en est pas à sa première épreuve. Ce ne serait point la première fois, qu'elle aurait vu ses alliés lui faire défaut ou même se tourner contre elle. En cas qu'il en arrive encore ainsi la vicissitude de la crise et le développement imprévu, qu'elle prendra, lui montreront plus tard où elle doit chercher de nouvelles alliances.

Si ce déplacement de relations est destiné alors à servir de châtiment à la faiblesse ou au nouveau vouloir du gouvernement autrichien, il sera temps de décider lequel des deux avait fait acte de mauvaise politique: ou de nous en lui rendant des services, ou de lui en les oubliant.

En attendant sachons nous garder de tout brusque revirement de conduite; gardons-nous surtout de tout moyen, qui serait un démenti trop éclatant aux principes de conservation, où gît le nerf de notre force, armes funestes, compromettantes dont...*) tôt ou tard finit par blesser les gouvernements qui s'en servent.

Пришлось бы вдаться въ разсужденія, слишкомъ пространныя, чтобы разобрать по пунктамъ историческій обзоръ нашей полувѣковой политики, сдѣланный Г. Погодинымъ, и оцѣнить по достоинству его воззрѣнія, всегда пристрастныя, часто не точныя и односторонния.

Достаточно будетъ краткаго изложенія его главнаго тезиса и выводовъ, изъ него дѣлаемыхъ.

*) Два слова не разобранныя въ рукописи.

Авторъ письма старается доказать, что политика Россіи въ теченіи болѣе пятидесяти лѣтъ шла ложнымъ путемъ; и такъ какъ она поддерживала въ Европѣ начало консервативное, то и успѣла только въ томъ, что народы противъ себя возстановила, не привязавъ къ себѣ правительствъ, изъ чего и явствуетъ, что таковая политика оказалась несостоятельною, и что ее слѣдуетъ замѣнить иною.

Можно подумать, что въ этотъ долговременный періодъ Императорскій кабинетъ былъ воленъ въ выборѣ инаго принципа и иныхъ союзовъ.

Легко однако убѣдиться, что и этотъ принципъ, и эти союзы, были напротивъ дѣломъ не выбора, но необходимости. Если-бы это было иначе, то какимъ образомъ могло случиться, чтобы подобной системѣ неизмѣнно слѣдовали въ теченіе трехъ царствованій, при различныхъ монархахъ и различныхъ государственныхъ людяхъ?

Между тѣмъ, самъ авторъ сознается, что эту систему предписывали своимъ министерствамъ Императоры: Павелъ, Александръ и Николай. Даже Императрица Екатерина, въ послѣдніе годы своего царствованія, въ ту минуту, когда Французская революція внезапно замѣнила вопросами общественными дѣла чисто политическія, была принуждена направить всю тяжесть своихъ силъ на поддержаніе принципа порядка.

Его Величество Императоръ Николай, менѣе нежели который изъ его предшественниковъ, могъ принять иную систему.

Царствованіе свое началъ онъ подавленіемъ въ самой Россіи грознаго бунта. Черезъ 5 лѣтъ ему пришлось укрощать возмущеніе въ Польшѣ, болѣе опасное и ожесточенное.

Съ этой минуты его путь явственно былъ ему начертанъ.

Сосѣднія державы: Австрія, Пруссія, Германія, были средоточіемъ или цѣлью революціонныхъ предпріятій, подобныхъ предыдущимъ, и онъ по необходимости былъ принужденъ заключить союзъ съ государями, и матеріальными силами поддерживать ихъ противъ безначалія.

Вслѣдствіе этой же самой причины на его нравственную опору могли полагаться и всѣ прочіе государи, какъ бы они ни были отдалены отъ насъ, если только вступали въ борьбу съ безначаліемъ—общимъ врагомъ всѣхъ престоловъ.

Слѣдуя этой политикѣ, и подчиняя ей свои союзы, Императоръ не дѣлалъ выбора: онъ невольно повиновался не чувствамъ личнаго предпочтенія, но требованіямъ, внушаемымъ ему чувствами самохраненія.

Ненадежное положеніе Польши, происки эмиграціи, вмѣняли ему это рѣшеніе, и онъ поставилъ его себѣ въ непреложный законъ. Государь не добровольно, какъ выражается авторъ, служилъ Австріи или Пруссіи. Онъ только отстаивалъ свой собственный домъ, утушая пожаръ у сосѣдей.

Вотъ настоящая, практическая точка зрѣнія, съ которой должно смотрѣть на принципъ дѣйствія нашей политики. Она достаточно выясняетъ положеніе, принятое Императоромъ относительно Европы, и въ особенности тѣ услуги, которыя Его Величество оказалъ Австріи нравственно въ Италіи, и матеріально—въ Венгріи.

Эта политика могла имѣть свои неудобства, но какая же человѣческая политика ихъ не имѣетъ? Она могла не всегда превозмогать препятствія, не вездѣ въ одинаковой степени, въ томъ или другомъ случаѣ; но вопросъ въ томъ: удалась-ли она вообще? Упрочила-ли она внутреннее спокойствіе Россіи, ея значеніе и нравственную силу Россіи извнѣ? Никто, конечно, не станетъ отрицать, что съ 1815, а тѣмъ болѣе съ 1848 года, вліяніе Россіи значительно усилилось. Кто станетъ оспаривать, что до послѣдняго кризиса, разстроившаго всѣ прежнія отношенія и измѣнившаго всѣ положенія, Россія, въ лицѣ своего Государя, занимала преобладающее положеніе въ Европѣ? Но такое положеніе требовало отъ Россіи уступчивости, умѣренности и постояннаго безкорыстія, и вслѣдствіе этого не одну жертву не только со стороны самолюбія, но даже личнаго честолюбія, лишь бы высшій интересъ ея политики не подчинялся второстепеннымъ соображеніямъ.

Разбирая событія, ознаменовавшія долгій періодъ времени, автору легко было для группировки выхватывать факты единичные, одинъ отъ другаго отдѣльные, съ цѣлью доказать, что торжество нашего принципа никогда не было полно. Но его можно также спросить: есть-ли въ исторіи хотя одинъ примѣръ всецѣлаго и всемірнаго торжества какого-либо начала? Справедливо-ли утверждать, что такая-то политика потерпѣла неудачу, потому что въ промежутки 15-ти или 20-ти лѣтъ подавленная-было опасность снова возникала, и что приходилось снова бороться, когда каждый разъ борьба оканчивалась въ пользу порядка? Отъ насъ-ли зависѣла во Франціи смѣна Карла X, Людовика-Филиппа, республики и имперіи? Не думаютъ-ли, что Россія желаетъ, или что она въ состояніи издалека вліять съ неотразимою силою на направленіе умовъ и на правительство въ этомъ государствѣ?

Если Англія, никогда не признававшая Наполеона I., ни его сына, рѣшилась признать Наполеона III; если она покорилась необходимости идти въ разрѣзъ историческимъ преданіямъ;—имѣли-ли мы поводъ предписывать Англіи болѣе честолюбія и чувства собственнаго достоинства, нежели она сама сочла нужнымъ выказать? А между тѣмъ, по словамъ автора, наша политика должна была въ доказательство своей силы предупредить и отвратить всѣ эти событія.

Онъ негодуетъ на то, что Греціи дали короля изъ Нѣмцевъ. А развѣ онъ предпочелъ бы Француза, или Англичанина? Авторъ долженъ сознаться, что, въ случаѣ выбора Русскаго князя, не обошлось-бы безъ всеобщей войны—выбора, несовмѣстнаго съ видами нашихъ противниковъ въ дѣлѣ нашей восточной политики. Если правленіе въ Греціи и духъ его учрежденій не всегда согласовались съ цѣлями нашихъ желаній, этому удивляться нечего, если принять въ соображеніе существованіе двухъ державъ, которыя, благодаря своему географическому положенію, своимъ морскимъ силамъ,

своимъ книгамъ и журналамъ, располагаютъ тысячею средствъ перевѣшивать въ Греціи чисто религіозное вліяніе Россіи.

Еще разъ повторяемъ: въ цѣломъ, а не по одиночнымъ событіямъ политики, надобно судить объ ея результатахъ; и до послѣдняго времени, особенно въ настоящее царствованіе, та именно политика, которую обвиняютъ въ неудачѣ, давала Россіи высокую роль въ Европѣ. Но съ той минуты, когда сложившіеся и обезпеченные интересы уступаютъ мѣсто политическимъ вопросамъ,—съ той минуты и союзы, заключенные въ духѣ первыхъ интересовъ, перестаютъ соотвѣтствовать видамъ, возникающимъ изъ послѣднихъ. Мы видѣли подтвержденіе этому каждый разъ, когда восточный вопросъ всплывалъ наружу. При каждомъ столкновеніи нашемъ съ Турціей, Австрія начинала относиться къ намъ холодно, и если не въ силахъ была препятствовать нашимъ видамъ, то по крайней мѣрѣ, отказывалась слѣдовать имъ.

Она могла бы ту враждебную политику, которою увлекается нынѣ, начать еще въ 1828 г., несмотря на нашъ союзъ съ Франціей Карла X, союзъ, который вслѣдствіе возникшаго вопроса о святыхъ мѣстахъ, и многихъ другихъ обстоятельствъ, сдѣлался невозможнымъ. У Австріи есть—или она воображаетъ, что у нея есть,—свои интересы на Востокѣ, не тождественные съ нашими. И самыя тѣ мысли, которыя авторъ письма излагаетъ относительно 30 тысячъ подвластныхъ Австріи и Турціи Славянъ, не способны были бы разубѣдить Австрію въ противномъ. Эта причина, конечно, не оправдываетъ ни образа дѣйствія ея въ отношеніи къ намъ, ни ея неблагодарности въ отплату за наши недавнія услуги. Но если на совѣсти Австрійскаго правительства лежатъ великіе грѣхи, то изъ этого не слѣдуетъ, что Россія сама себя осудила.

Настоящее положеніе дѣлъ не можетъ быть помѣхою тому, чтобы Императоръ не былъ правъ, оказавъ поддержку Австріи въ другомъ случаѣ, гдѣ ея интересы были тождественны съ нашими; это же положеніе не есть доказательство ложной политики Россіи во время

венгерскаго возмущенія, союзнаго съ Польскою эмиграціей, когда они грозили нашей собственной безопасности. Что же касается до Пруссіи и до остальной Германіи, то память о нашихъ услугахъ, въ этихъ правительствахъ, вовсе такъ не изгладилась, какъ полагаетъ авторъ. Главныя государства Германскаго союза чувствуютъ, какъ важно для нихъ сохранить въ будущемъ нашу защиту. Одно только безсильное ихъ положеніе препятствуетъ имъ откровенно говорить и дѣйствовать въ духѣ Россіи. Но этимъ еще не сказано, что должно нынѣ-же потерять надежду на ихъ сопротивленіе гнету, которому они подвержены, еще того менѣе причислять ихъ къ нашимъ отъявленнымъ врагамъ. Политика, основанная на поддержаніи порядка въ Европѣ, неизбѣжно должна была навлечь на себя ненависть, какъ вольныхъ, такъ и невольныхъ дѣятелей смуты.

Наконецъ, чегоже хочетъ авторъ и какія его заключенія? Недостаточно указать, что такая-то политика дурна, и что необходимо ее перемѣнить; слѣдуетъ еще указать: какая же должна быть новая политика?

Авторъ благодаритъ Провидѣніе — за то, что оно, наконецъ, избавило насъ отъ нашихъ друзей. Но такъ какъ Россіи нельзя оставаться одинокой,—если только она не хочетъ отказаться отъ всякаго вліянія, — то и это благодѣяніе приноситъ намъ мало пользы, покуда взамѣну однихъ друзей, отъ которыхъ насъ избавило небо, мы не найдемъ другихъ.

Кто же эти новые друзья? Кошутъ или Мадзини? Развѣ потому, что консервативныя правительства намъ измѣнили, слѣдуетъ заключить договоръ съ противною партіей? Авторъ, навѣрное не думалъ объ этомъ; оттого цѣль его письма и сводится къ слѣдующей простой истинѣ: Настоящее положеніе дѣлъ, отличаясь отъ того, къ которому примѣнялась дѣйствовавшая донынѣ политика, требуетъ и отличнаго отъ прежняго образа дѣйствія.

Но изъ этого нисколько не слѣдуетъ, чтобы средства, употреб-

ленныя при другихъ обстоятельствахъ, были дурны въ свое время, или что эти средства породили настоящее положенiе дѣлъ.

Ошибка автора заключается въ томъ, что онъ въ своемъ историческомъ обзорѣ слишкомъ исключительно придерживается настоящей минуты, тогда какъ она въ нашихъ политическихъ сношенiяхъ есть только случайный кризисъ, положенiе переходное, неопредѣленное, способное неожиданно измѣниться. Авторъ ссылается на опасенiя и предосторожности, внушаемыя этою минутою, обвиняетъ все прошедшее, объемлющее перiодъ времени въ 50 лѣтъ, и безразлично осуждаетъ славную политику трехъ царствованiй.

Минута серьезная, спору нѣтъ; но для Россiи, покровительствуемой дланью Божiей, испытанiя — дѣло привычное. Не впервые придется ей видѣть измѣну союзниковъ и даже ихъ возстанiе противъ нея. Если бы что нибудь подобное повторилось, то оборотъ и исходъ кризиса укажутъ ей, гдѣ надобно ей искать союзниковъ.

Если эта перестановка отношенiй послужитъ къ наказанiю малодушiя и недоброжелательства Австрiйскаго правительства, то еще будетъ время рѣшить, кто изъ насъ повиненъ въ дурной политикѣ: мы-ли, оказавъ ему услуги, или оно, забывая оныя?

До тѣхъ же поръ воздержимся отъ всякаго крутаго поворота въ образѣ дѣйствiй; въ особенности будемъ избѣгать всякаго пути, который шелъ бы въ разрѣзъ съ консервативными началами, составляющими нашу силу. Поступить иначе, значило бы хвататься за ненадежное, опасное оружiе, рано или поздно обращающееся противъ тѣхъ же правительствъ, которыя имъ дѣйствуютъ.

